

В. П. Яйленко

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ БОСПОРСКИЙ РЕЙХ

ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА БОСПОРА

VI в. до н. э.— V в. н. э.

РЕСКРИПТЫ БОСПОРСКИХ ЦАРЕЙ И FUNDAMENTUM I–II вв. н. э.

1. Рескрипты Аспурга

Изданные Т. В. Блаватской [1965, 1965а] два письма Аспурга от 16 г. н. э. горгиппийским наместникам Панталеонту и Теангелу интересны в разных отношениях. Первый рескрипт важен известием о неурядицах на Боспоре, сопровождавших поездку Аспурга в Рим к Тиберию за утверждением своих прав на престол. Второй рескрипт содержит данные о налогообложении горгиппийцев.¹ Публикация вызвала ряд откликов [Сапрыкин, 1991, с. 181 сл.; 2002, с. 156 сл.; Millar, 1996; Année épigraphique, 1994 (1997), p. 456/7; Heinen, 1998; 1999; SEG 46, 1996, 940], которые уточнили некоторые аспекты чтения и интерпретации документов. Нас интересует второй рескрипт, он фрагментирован и его содержание дискуссионно. Чтение и перевод Т. В. Блаватской [1965, с. 198]: [βασιλεὺς Ἀσποῦργος φιλορώμαιος Παν[ταλέοντι καὶ | Θεανγέλλῳ χαίρειν· ἐπεὶ Горγипπεῦ[σιν τοῖς | φίλοις μου συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[ν καὶ κριθῆς (?) ἀ]ποτελυμένης] ἐγδεκάτης, κένχρου δὲ [εἰκοστῆς (?), ἔκρινα || ἐπιστεῖλαι ὑμῖν ὅπως οἶκον[ο]μήσητε κ[ατὰ τὴν ἡμέτεραν | κρίσιν· ἔ]ρωσθε· βιτ', Δαισί[ου --] «царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Так как горгиппеянам [друзьям моим] я дал освобождение от [уплачиваемых] с вина, пшеницы и [ячменя] одной одиннадцатой, с проса же [одной двадцатой (?), то решил написать] Вам с тем, чтобы Вы устроили согласно [моему решению]. Будьте здоровы. 312 года, месяца Деся...» Издатель выяснила основные вопросы текстологии и интерпретации исторического содержания надписи. В частности, ее дополнение в стк. 4/5 ἔκρινα ἐπιστεῖλαι ὑμῖν ὅπως вполне соответствует языку позднейллинистической эпистографии, ср. в письме Аттала II ὅπως δὲ καὶ σὺ... ἔκρινα ἐπιστεῖλαι σοι «чтобы и ты..., я решил написать тебе» [Michel 46. 24/5]. Ввиду утраты части текста возможны разночтения по вопросу о подати. По

¹ Еще один небольшой обломок из Горгиппии А. И. Болтунова [1986, с. 58] определила в качестве царского рескрипта Рескупорида III (210–226), Т. В. Блаватская [1987, с. 248] справедливо передатирировала его на время Аспурга по сходству письма с его рескриптами 16 г., улучшила и понимание текста.

мнению издателя [1965а, с. 32], Аспург в знак особого благоволения отменил уплату горгиппийцами налога — 1/11 с вина, пшеницы и, видимо, ячменя, а с проса, вероятно, 1/20. Ю. Г. Виноградов [Année épigraphique, l. c.], усмотрел в начале стк. 4 частицу [μ]έν и читал [ἀποτελουμένης μ]έν δεκάτης, что приняли и другие. Несколько существенных поправок предложил Х. Хайнен: [βασιλεὺς Ἀσποῦργος φιλορώμαιος Παν[ταλέοντι καὶ | Θεανγέλλῳ χαίρειν· ἐπεὶ Горγипπεῦ[σιν ... | ..... συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[ν καὶ κριθῆς (?) ἀ]πολελύσθαι μ]έν δεκάτης, κένχρου δὲ [εἰκοστῆς (?), ἔκρινα || ἐπιστεῖλαι ὑμῖν ὅπως οἶκον[ο]μήσητε κ[ατὰ τὴν ἡμέτεραν | κρίσιν]· ἔρωσθε· βιτ', Δαισί[ου --]. Хайнен с основанием отверг дополнение Блаватской τοῖς φίλοις в лакуне конца стк. 2 — начала стк. 3 (Горгиппеῦ[σιν τοῖς | φίλοις μου συνε]χώρησα), поскольку φίλοι означает приближенных царя, горгиппийцы же его подданные. На наш взгляд, тут дополняется примерно следующее: ἐπεὶ Горγипπεῦ[σιν δοκεῖ | αἰτεῖσθαι, συνε]χώρησα «поскольку горгиппийцам было угодно просить, я согласился». Контекст с συχωρεῖν, αἰτεῖσθαι, субъектом решения — царем или императором, и объектом в виде индивидуума или коллектива присутствует в надписях. Так, в ответ на просьбы жителей Нисы некий эллинистический царь II в. отвечает, что он συνεχώρησα «согласился» дать привилегии, с которыми и прежние цари συνεχώρησαν [Welles, p. 260, № 64. 11 sq.] (также № 70 etc.). Рескрипт одного из римских императоров пергамлянам с αἰτεῖσθαι: перечисляются их просьбы, в том числе с ἠτιάθησαν «были испрошены» [OGIS, 484. 30]. Контекст с αἰτεῖσθαι и συχωρεῖν дает письмо Антонина Пия эфесянам: συ[νεχώρησα α]ὐτῶ[ι ὅσ]α ἠτήσατ[ο] «я согласился с ним в том, что тот запросил» (подразумевается грамматист эфесян Ведий Антонин, Syll.³ 850. 8/9). Нерон в манифесте об освобождении Эллады сказал грекам: «я охотно предоставляю вам таковое (свободу), чего вы не решились домогаться» (ἐχωρήσατε αἰτεῖσθαι, Syll.³ 814. 10). К конструкции ἐπεὶ Горγипπεῦ[σιν δοκεῖ] ср. ἐπεὶ καὶ τοῖς συμμάχοις ἔδοξεν декрета аркесинцев 357а (Syll.³ 193. 25).

Из суммированного Хайненом понимания стк. 4–5 следует, что царь отдает горгиппийцам причитающуюся ему десятину с вина, пшеницы и, вероятно, ячменя, а не 1/11, что обусловлено чтением частицы [μ]έν. На первый взгляд, оно убедительно, поскольку буквы ΔΕ у правого края строки вроде читаются как δέ, парное к [μ]έν. Однако, во-первых, наличие в строке начинающегося буквами ΔΕ слова δεκάτης ставит под сомнение это δέ, что ослабляет и прочтение [μ]έν, во-вторых, на камне нет N после E начала стк. 4: между *эпсилоном* и *дельтой* поверхность разрушена и 3–4 видные на фото вертикали и скосы — это выщерблины (сужу по камню). Можно признать их за прямые гасы N, но явственно видна верхняя горизонталь, т. е. верхняя полочка буквы, и поскольку это не линейка, надо согласиться с издательницей, усмотревшей тут букву Γ. Она неправа только в чтении не засвидетельствованной формы числительного ἐγδεκάτης, понимаемого ею в качестве эквивалента ἐνδεκάτης. Полагаем, тут следует читать ἐγ δεκάτης, где ἐγ перед денгальным = ἐκ, что обычно в надписях и папирусах (КБН 129. 1а: ἐγ δέ = ἐκ δέ). Таким образом, речь идет не о всей десятине, а какой-то

ее части. Обычно пошлина с урожая составляла 1/10 или 1/20 (к примерам, приведенным Блаватской [1965а, с. 32], добавь также Ps.-Arist. Oec. II, 25а, 34а; Papyrus revenue laws, II, 24). Передача царем всей пошлины горгиппийцам сомнительна, так как Горгиппия была одним из крупнейших производителей зерновых и винограда, и десятина отсюда составляла значительную часть доходов царской казны. Так, Савромат II выразил свое благоволение выстроившим храм Посейдона горгиппийцам отказом от пошлины с вывоза тысячи артаб зерна, т. е. ограниченного объема в 29 тонн, за что был почтен торжественным актом фиаса навклеров КБН 1134. Какую часть десятины Аспург мог уступить горгиппийцам в обмен на политическую лояльность можно понять, к примеру, по декрету критского города Прасия IIIа, регулиющему экономические отношения с зависимым от него населением городка Стелы: установлено выплачивать подать «с земли, города и прилегающих островков, что ныне принадлежат им, и с десятины от портовых услуг (ἐλλειψείου), добычи из моря пурпура и ловли рыбы — со всего этого половину, с ловли рыбы же, как и раньше» (Syll.³ 524. 5-7). Иными словами, стелиты отдают прасийцам за протекторат (за крышевание, как нынче говорят) половину всех своих пошлинных сборов, кроме налога на ловлю рыбы. Эта параллель позволяет предположительно прочесть в стк. 3/4 письма Аспурга [συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[υ παραδοῦναι | αὐτοῖς τὸ ἡμισυ?] ἐγὼ δεκάτης, κένχρου δε[κάτην] ἔκρινα κτλ.] «я согласился передать им (горгиппийцам) половину (?) из десятины с вина и пшеницы, с проса же десятину». К употреблению παραδίδοναι в контексте с деньгами ср. χρήματα παρέδωκεν «передал деньги» отчета эпистатов храма Афины 305а (Ib. 334. 7). К конструкции [τὸ ἡμισυ?] ἐγὼ δεκάτης ср. ἐξ οὗ ἡ δεκάτη «из которого (теменоса) десятая часть» — о доходах храма Афродиты в Смирне (Ib. 990, ок. 244а). Суммируем наше понимание стк. 2/4 рескрипта: ἐπεὶ Горγυππεῦ[σιν e. g. δοκεῖ | αἰτεῖσθαι, συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[υ παραδοῦναι | αὐτοῖς τὸ ἡμισυ?] ἐγὼ δεκάτης, κένχρου δε[κάτην] ἔκρινα κтл.] «поскольку горгиппийцам было угодно просить (?), я согласился передать им половину (?) из десятины с вина и пшеницы, с проса десятину». Поднятые в рескрипте вопросы были актуальны и в Греции римского времени — так, эфесяне воздвигли Адриану статую с почетной надписью за благодеяния, в числе которых решение вопросов клерономии и поставок хлеба (Syll.³ 839).

2. Рескрипт из Горгиппии КБН 1202

Фр. мрам. доски, сколотой со всех сторон, судя по тексту, это нижняя часть надписи: [--] --] εὐρίσ[κετ]αι σύ τε --] --] ὥστε αὐτὴν ταύτην --] --] ἐνχαρηθεῖσαν ἐ[ν] στήλη (?) --] ἐν τῷ τοῦ Μεγάλου θεοῦ τεμ[ένει] (?) --] --] γρα]φῆς οἱ βασιλεῖ[ς] --]. | Ὑπερβερет[αίου --] «... обнаруживается, и ты..., так что эту самую... вырезанную на стеле (?)... в священном участке (?) Великого бога... надписи, цари... месяца Гиперберетея ...» (Латышев, КБН). Издатели

точно не определили типологию надписи, в КБН помещена в разделе Varia («по-видимому, речь идет о вырезке документа на камне и о постановке его на священном участке «великого бога», комм. КБН). Но обращение во 2 лице σύ находит параллель в письмах Аспурга к двум его наместникам в Горгиппии: ποιή[σ]ατε и οἶκον[ο]μήσητε [Блаватская, 1965, с. 198] (см. выше; ср. в письме Атгала II двоюродному брату Афинейо ὅπως δὲ καὶ σύ εἶδῆς «чтобы и ты видел» [Michel, 46. 24]). Это означает, что и фр. 1202 представляет собой царское письмо и направлено наместнику города, в связи с чем в начале документа следует восстановить адресную формулу, а в конце обычное в рескриптах прощальное Ἐρρωσο, и дату по босп. эре¹:

[βασιλεὺς ὁ δεῖνα τῶι δεῖνι (τῶι ἐπὶ τῆς
Γοργυππείας) χαίρειν. -----

- 1 .....] εὐρίσ[κετ]αι, σύ τε [-----
...α]ι, ὥστε αὐτὴν ταύτην [.....] ἡμετέραν
κρίσιν ἐνχαρηθεῖσαν ἐ[ν] στήλη ἀναθεῖναι
ἐν τῷ τοῦ Μεγάλου θεοῦ τεμ[ένει] παρὰ ? τὰς
5 γρα]φῆς οἱ βασιλεῖ[ς] οἱ πρόσθεν ἀνάγραφαν. (?)
"Ἐρρωσο, ..v' ἔτει,] vac. 'Ὑπερβερет[αίου ..']

«(?) Царь имярек такому-то (наместнику Горгиппии), шлет привет... находится (оказывается etc.) и ты...ть, так чтобы это самое... наше распоряжение, вырезанное на стеле, поместить в святилище Великого бога рядом (?) с указами, которые издали прежние цари(?). Будь здоров, в году 4., месяца Гиперберетея такого-то дня». Издатели КБН отнесли надпись ко времени «не ранее середины II в.»; полагаем, по характеру письма она близка надписям середины II в. по просопографическим показаниям). На первый взгляд, упоминание в рескрипте οἱ βασιλεῖ[ς] указывает на издание рескрипта от имени царей-соправителей, чему во II в. соответствует совместное правление Котиса II и Реметалка.² Однако в письмах цари лишь в начале упоминают свой титул, а в дальнейшем, говоря от своего имени, используют местоимения и личные формы глаголов.³ Аналогии показывают значение слова «цари» в конце царских рескриптов: иногда цари ссылаются на указы или действия пред-

¹ Точные даты в письмах царей факультативны [Michel, 40, 42, 49], рескрипты Аспурга завершаются датой по босп. эре и дню месяца.

² В 428 и 429 г. б. э. = 131-132р., документированное датированным золотом [Фролова, 1972, с. 187, 193; Анохин, 1986, с. 110]. Хотя каждый из царей выпускал в эти годы монету от своего имени — с легендами βασιλέως Κότινος и βασιλέως Ρομητάλκου, параллельные выпуски подобного рода царями III в. рассматриваются в качестве эмиссии царей-соправителей, а не законного царя и узурпатора.

³ Иначе говоря, в конце документа они не могут написать «мы цари», такое возможно только в письмах, рассылаемых по местам царскими наместниками. На Боспоре письма наместников пока неизвестны, есть только царские указы, в связи с чем таковым следует считать и рассматриваемый фрагмент.

шественников. Например, в конце письма жителям Нисы неизвестный по имени эллинистический царь разрешает предоставить им те привилегии, «с которыми согласились *правившие* до меня цари» (ὅσα οἱ πρό ἡμῶν βασιλεῖς συνέχουσιν) [Welles, p. 260, № 64. 13/5]). Соответственно, дополняем в предпоследней строке горгиппийского фрагмента [οἱ βασιλεῖς οἱ πρόθεν] «*прежние цари*».

Что до титулатуры царей в преамбуле, то делопроизводство эллинистических монархий ограничивалось простым титулом βασιλεῦς [Michel, 33 sq.].¹ Дополняем его в горгиппийском фрагменте: [βασιλεῦς ὁ δεῖνα]. Далее в рескриптах следует имя адресата и факультативно — его должность.² В рескриптах Аспурга царские наместники Панталеонт и Теангел названы только по именам. Видимо, тогда должности ὁ ἐπὶ τῆς Горгиππείας еще не было, так как впервые она упомянута в посвящении КБН 1115 от 110 г.; факультативно восстанавливаем ее в преамбуле. Во II в. Горгиппия была также резиденцией управляющего царскими землями (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας), который в должностной иерархии царства стоял выше наместника, судя по тому, что в президиуме горгиппийского фиаса навклеров 1134 времени Савромата II высшую должность жреца занимал управляющий землями, вторую же по значимости должность синагога — наместник Горгиппии. Ввиду пребывания управляющего царскими землями в Горгиппии рассматриваемый рескрипт мог быть адресован и ему.

Структура и смысл завершающей части письма также ясны в общих чертах. Дополнением в стк. 5/6 [? τὴν ἡμετέραν κρίσιν] «это наше распоряжение» дословно воспроизводим последнюю стк. 11 Аспургова рескрипта А.³ Предшествующее αὐτῆν ταύτην по грамматическому роду и падежу согласуется с этим κρίσιν, так что, вероятно, составляет единую фразу. Далее предписано выставить это распоряжение, начертанное на стеле, в святилище «Великого бога». Это означает, что либо царский указ касался данного святилища, либо оно было почетнейшим местом Горгиппии. В царских рескриптах эллинистического времени указания о записи данного постановления на ка-

¹ В письмах Аспурга к горгиппийцам титулатура слегка расширена — βασιλεῖς Ἀσπούργου φιλοράμιος, что, видимо, связано с неполной ясностью его положения на троне. Его письмо к херсонеситам открывается расширенной титулатурой: βασιλεῖς Ἀσπούργου, βασιλεῶν [-] (с дальнейшим указанием на союзные племена, IOSPE I² 38), в письме Полемона к ним же употреблена полная титулатура — βασιλεῖς Πολέμων εὐσεβῆς σωτήρ (Ib. 704), что логично для межгосударственных актов.

² В письмах эллинистических царей к должностным лицам последние называются только по имени, без отчества, редко фигурирует и должность (как в письме Митридата Евпатора сатрапу Леониппу: βασιλεῖς Μιθραδάτης Λεωνίππῳ σατράπῃ τῆς Καρίας χαίρειν [Michel, 50]).

³ Дополнение [κρίσιν] верифицируется тем, что перед *иотой* целиком сохранился характерный апекс в виде вертикального штриха, украшающий только *сигму* и *эпси-* *лон* надписи.

менной стеле и постановке ее в святилище или на другом виднейшем месте города обычны (например, указ Антиоха II о введении официального культа царицы Лаодики [Michel, 40]; другие примеры [Welles, № 13, 36, 37, 44, 70]). Стало быть, и постановка стелы с указом боспорского царя имеет целью всеобщее ознакомление с ним. «Великий бог» — то же верховное божество города, которое в местных манумиссиях I в. н. э. именуется θεὸς ἕψιστος παντοκράτωρ, εὐλογητός «Бог, высочайший всевладыка, благословенный», это синкретическое божество, вобравшее в себя функции Зевса, Геи, Гелиоса, судя по тождественности его с ними в манумиссиях 1123, 1126.

Дополнение в стк. 4/5 [παρὰ ? τὰς γρα]φὰς οἱ βασιλεῖς οἱ πρόθεν ἀνάγραφαν?] «*рядом (?) с указами, которые издали прежние (?) цари*» продолжает фразу о постановке царского указа в святилище (для всеобщего обозрения) и ввиду вышеизложенного οἱ βασιλεῖς подразумевает, что необходимые указы или действия по данному вопросу уже имели место. Иначе говоря, данный рескрипт подтверждает принимавшиеся прежними царями решения. Подобного рода ситуация представлена и в рескрипте Аспурга, который подтвердил старый закон Митридата Евпатора о наследовании. Тем самым оправдывается восстановление [τὰς γρα]φὰς, впрочем, и без того прочное.¹ Слово γραφή в литературных памятниках имеет несколько значений, также в эпиграфике.² К контексту горгиппийского рескрипта подходят значения «перечень» и «записанное решение»; расположение этой формулы в конце документа решает вопрос в пользу второго значения, на что указывают аналогичные концовки эллинистических царских рескриптов. Так, губернатор Мелеагр пишет илионцам, чтобы распоряжение Антиоха I, ἀνάγραφῃ, было записано на стеле и помещено в святилище, далее следует прощальная формула ἔρρωσθε. Дополняем ее в горгиппийском письме, так как она обязательна, а точная дата указывает, что это конец письма. При любом понимании контекста после οἱ βασιλεῖς [-] следовал глагол, обозначающий смысл действий царей с [γρα]φὰς или [ἀντιγρα]φὰς.³ Аналогии указывают, что обычно в

¹ Перед буквой Φ виден остаток наклонной черты с горизонтальным апексом, соответствующий первой букве Α слова [γρα]φὰς.

² LSJ: 1. «Перечень, список, записи» ([Michel, 39. 30] — перечень посвященных вещей, в Горгиппии — список членов фиаса, с. 631; Syll.³ 401. 4 — записи о деяниях царя Лисимаха); 2. «Копия судебного решения» (Syll.³ 953. 20); 3. «Записанное постановление, решение» (Syll.³ 985. 57); 4. «Документальный архив» (IG XI/2, 203 b. 101); 5. Эпитафия (IG XII/5, 679).

³ При учете слова ἀντιγραφή «царский рескрипт» (OGIS, 262. 27), «копия надписи, документа» (Plut. Mor. 577f. cod. Ω) возможно также дополнение [τὰς δὲ (?) ἀντιγρα]φὰς οἱ βασιλεῖς [-] «*копии же постановлений цари...*» Например, Антиох III завершил письмо губернатору Анаксимброту распоряжением поместить антиграфы (копии) на виднейших местах подведомственных ему городов, а сам Анаксимброт издал распоряжение об обнаружении таким способом царского указа [Welles, № 36, 37]. Губернатор Геллеспонта Мелеагр уведомляет жителей Илиона о письмах Антиоха I и разосланных по местам копиях: ἐπιστολάς παρὰ τοῦ βασιλέως Ἀντιόχου

таких случаях употреблялся глагол $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ в разных формах, поэтому дополняем [$\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\gamma\alpha\phi\alpha\iota$?].¹

Перейдем к вопросу об основном содержании рескрипта. Поскольку верхний край доски обломан, количество утраченных строк неизвестно, но по имеющимся письмам боспорских царей, довольно кратким, можно судить, что существо данного указа раскрывалось в нескольких строках. Фрагментарно сохранились 3 последние строки этого текста — глагол $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$, обращение к заместителю $\sigma\acute{\upsilon}$ те «и ты», местоименный эквивалент утраченного ключевого существительного жен. рода — $\alpha\acute{\upsilon}\tau\eta\upsilon$ таύτην «эту самую», который мы соотнесли с [$\kappa\rho\iota\sigma\iota\nu$] — «это самое... наше распоряжение, вырезанное на стеле».² Глагол $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ не слишком широк по кругу значений [LSJ] — «находить(ся), находить средство, оказываться» (в разных аспектах), «получать, приобретать, изыскивать» (главным образом о торговой выгоде), «приносить выручку» (о товаре). Царские указы в основном трактуют вопросы политического, юридического, экономического содержания и значение глагола $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ соответствует любой из этих сфер. В соответствии с указанным общим содержанием царских писем рескрипты Аспурга тоже посвящены юридическим и материальным вопросам — закону о наследовании и пошлинам на зерновые. Если предполагать экономический смысл исследуемого рескрипта, возможный смысл остатков $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ $\sigma\acute{\upsilon}$ те может заключаться в том, что какая-то операция (пошлина и др.) доставляет доход и ты (наместник) способствуешь тому, чтобы операцию, пошлину и др. сохранить, курировать и пр. Каков бы ни был смысл рескрипта, приведенные остатки указывают, что после слов $\sigma\acute{\upsilon}$ те следовал глагол, окончанию которого вполне соответствует сохранившаяся в начале стк. 2 *iota* и которую дополняем как окончание медиопассивного инфинитива [...α]ι. Общественная значимость данного горгиппийского рескрипта явствует из самой постановки его в основном святилище города для всеобщего ознакомления, в чем можно усматривать также стремление освятить указ авторитетом верховного божества города.

¹ $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\gamma\alpha\phi\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\mu\iota\upsilon$ $\acute{\upsilon}\rho\alpha\phi\alpha\mu\epsilon\upsilon$ [Ib., p. 69, № 13].

² К нашему контексту более всего подходит концовка письма Селевка милетянам: $\acute{\upsilon}\rho\alpha\phi\eta\iota$ $\acute{\epsilon}\mu\iota\upsilon$ $\tau\eta\upsilon$ $\gamma\alpha\phi\eta\iota$ $\acute{\epsilon}\rho\omega\sigma\theta\epsilon$ «написал вам письмо; прощайте» [Welles, p. 34, № 5. 18]. Также $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\gamma\alpha\phi\alpha\iota$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\alpha\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\alpha\varsigma$ $\gamma\alpha\phi\acute{\alpha}\varsigma$ в конце письма Антيوخа II заместителю Метрофану и в разосланном последним в связи с этим распоряжениями градоначальникам Сард и Эфеса: $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\alpha\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\alpha\varsigma$ $\gamma\alpha\phi\acute{\alpha}\varsigma$ $\tau\alpha\varsigma$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\Sigma\acute{\alpha}\rho\delta\epsilon\sigma\iota\nu$ $\acute{\epsilon}\phi\acute{\epsilon}\sigma\omega$ $\kappa\alpha\theta\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho$ $\acute{\omicron}$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\varsigma$ $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\gamma\alpha\phi\epsilon\upsilon$. $\iota\theta'$] $\Delta\alpha\iota\sigma\iota\upsilon$ [Ib., p. 91, № 18. 27/8; p. 101, № 19]. См. и $\acute{\upsilon}\rho\alpha\phi\alpha\mu\epsilon\upsilon$ в предыдущем примечании.

³ Примерное число 30-35 букв в строке дают стк. 3-5, дополненные нами в связанный текст. Старт этих строк условно начинаем с полных слов [$\kappa\rho\iota\sigma\iota\nu$] и [$\gamma\alpha\phi\acute{\alpha}\varsigma$].

3. Рескрипт Савромата II из Горгиппии

Фр. мрам. доски, обломан со всех сторон, найден в 1969 г. на раскопе «Кубанский». Издал и в основном правильно интерпретировал содержание С. Ю. Сапрыкин [1986а, с. 70 сл.]: [-- | -- Μοιρόδωρος] Νεοκλέους ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππέας] *vac.* [|Τιβ(έριος) Ἰούλιος βασιλεῖς] Σαυρομάτης φιλόκαισαρ καὶ φιλο|ρώμαιος, εὐσεβής· βουλῆ καὶ] δήμῳ χ[αίρειν· -- | --] πατ[ρίς vel -ίδος --]. По мнению издателя, разделение промежутком стк. 1 и 2, как на стеле с рескриптами Аспурга, означает, что надпись «содержала переписку властей Горгиппии с царем Савроматом II и его ответы на посланные запросы. В таком случае стк. 1 могла относиться к одному тексту, а сткк. 2-4 — к другому». Слово βουλῆ он восстановил предположительно и отметил, что в Горгиппии функционировало народное собрание. К этим правильным в целом суждениям издателя полагаем необходимыми некоторые уточнения (поскольку предполагается наличие двух документов, будем их различать — письмо А и Б). Из сохранившегося текста вполне явствует, что это послание Савромата к горгиппийскому «народу» и типологически надпись принадлежит к разряду писем (их называют также рескриптами) монархов тому или иному полису, которые открываются формулой «царь *имярек* желает здравствовать совету и народу такого-то полиса» (например, βασιλεὺς Λυσίμαχος Σαμίῳ τῆ βουλῆ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν [Michel, 36 sq.]). Поэтому формуле [τῆ βουλῆ καὶ τῷ δήμῳ χ[αίρειν·] должен предшествовать этникон Γοργιππέων. Развернутая титулатура Савромата в рескрипте вряд ли уместна (см. выше наш комм. к КБН 1202), скорее она ограничивалась формулировкой [Τιβ(έριος) Ἰούλιος βασιλεῖς] Σαυρομάτης]. Это предполагает упоминание в преамбуле наряду с «народом горгиппийцев» и также буле для заполнения лакуны в начале стк. 2 текста Б. От содержания письма Б остались лишь буквы ΠΑΤ, которые могут быть поняты по-разному. Суждение Сапрыкина, что стк. 1 — остаток предшествующего акта вполне вероятно. Хотя обычно адресаты царских писем упоминаются только в начале, есть примеры повторения их имен и в конце письма (к примеру, вифинский царь Зиелас называет в начале письма к косцам имена официалов и вновь упоминает их в конце документа, — Syll.³ 456). В письмах монархов к своим официалам должности их упоминаются не всегда, а имена без отчеств (см. выше), и если имена их повторяются в конце документа, то уж точно без указания должности. Сапрыкин прав в том, что Неокл стк. 1 был заместителем Горгиппии, но должность при стоящем в конце документа его имени не должна указываться. При Савромате II на посту заместителя Горгиппии были Неокл сын [--]дора (КБН 1119 от 186 г.) и сын его Мойродор Неоклов (1119, 1134). Поскольку патронимики официалов не употребительны в царских письмах, адресатом письма А был Неокл, тот самый, что фигурирует в КБН 1119, что позволяет отнести и рассматриваемый рескрипт к 180-м гг. Из 5-6 известных ныне царских писем 3 горгиппийских завершаются точной датой по босп. эре, что позволяет реконструировать ее и здесь. Буквы ΠΑΤ могут принадлежать слову πατρίς, часто употре-

бывшемуся в боспорских надписях в значении «отечество», а в вотиве КБН 942 πατρίς Κοκτεϊτῶν «община китейцев», что кажется более приемлемым для рассматриваемого письма: царь передает общине горгиппийцев свое распоряжение. Возможно и прилагательное πατρώιος «отеческий» — в таком случае в письме подтверждались некие «отеческие установления». Сказанное предполагает следующий текст:

- (А) -- Νεοκ[λῆ] Ἐρρωσο, .πυ', ε. g. Δαϊσίου ..']
 «... Неоклу. Будь здоров, в году 480/489, месяца такого-то, числа ...»
 (Б) [Τιβέριος Ἰούλιος βασιλεῖ]ς Σαυρ[ομάτης]
 Γοργιππέων τῆ βουλή καὶ τῶ] δήμῳ χ[αίρειν·]
 -- πατ[ρίς] ?-- | --| Ἐρρωσο, .πυ', ε. g. Δαϊσίου..']
 «Тиберий Юлий, царь Савромат, совету и народу горгиппийцев желает здравствовать... община (?) --. Будь здоров, в году 480/489, месяца...»

4. Горгиппийский рескрипт (?) КБН 1207

Левый нижний край мрам. доски с остатками 7 строк: κυρωσα (?)-- | κατὰ ετο-- | κατὰ κεφα(?)-- | τερας βι(?)-- | συντη -- | ανδι-- | στε-- «Как отметил Латышев, восстановлению надпись не поддается» (КБН). Думаем, эти остатки при учете известных в Горгиппии жанров эпиграфических памятников, наиболее соответствуют по возможному содержанию царскому рескрипту. В стк. 2-3 читаются одинаковые формулы κατὰ ἔτο[ς] «погодно» и κατὰ κεφ[αλήν] «подушно», употребительные в хозяйственных папирусах (напр. [Flinders Petrie Papyri. Pt. 2, p. 17; Pt. 3, p. 34]). Отсюда можно полагать, что в надписи идет речь о погодной и подушной подати. В таком контексте в стк. 1 читается κυρωσα[ι] «утвердить, решить, постановить», тоже употребительное в папирусах и соответствующее словам δοκιμάζω «одобряю, считаю нужным», συνεχώρησα «согласился», κρίσις «решение» аспурговых рескриптов. В стк. 3/4 вполне читается *acc. pl. fem.* [έκα]τέρας «каждую из двух, ту и другую», при котором подходящее к контексту документу существительное жен. рода на βι- или βη- подбирается с трудом, но есть вполне подходящие глагол βιάζειν «нарушать, сопротивляться, твердо настаивать, принуждать, применять силу» или формы на βη- от глагола βαίνειν «доходить, доставлять, исчезать» *etc.* В целом читаем: κυρωσα[ι] --| κατὰ ἔτο[ς] --| каτὰ κεφ[αλήν] --| [έκα]τέρας βι (βη) [-- ε. g. κρί]σιν τῆ[ν] --| αν δι' --| στε-- «утвердить..., погодно..., подушно..., ту и другую... (?) решение -- через (благодаря) --».

5. Рескрипт из Пантикапея КБН 836

Фр. мрам. плиты, сохранились 10 строк надписи, обломанной со всех сторон. Текст Латышева (IOSPE II, 307), издатели КБН добавили первую и последнюю строки: --επω--| --[έν] χ[ε]ιμῶνι δεο--| --[τ]ούτων λαυσω--| --[τ]ά π[ι]ττάκια, εάν τ[ι]ς--| --εις τῆν ὑπηρεσίαν χω--| --εις αὐτοῦς. εάν δὲ παι--

--ωι εἶναι τὸ πρόστεμο[v]--| --[ἀ]ρχή[v] ἄρχοντος--| --σης δ--. По Латышеву, это фрагмент декрета или договора римского времени. Из комм. КБН: «Толстой заметил, что во 2-й строке несомненно говорилось о буре — χειμῶνι, в 4-й строке — о табличках письма π[ι]ττάκια, в 5-й строке — о помощи — ὑπηρεσίαν, в 7-й строке — о каком-то дополнительном штрафе — τὸ πρόστεμον, может быть в переносном смысле, в 8-й строке — о человеке, занимавшем какую-то высокую должность — ἄρχοντος». Однако, на наш взгляд, условные периоды этого отрывочного текста, как и его лексика, позволяют определить документ в качестве царского указа, аналогичного рескриптам Аспурга. К его условным периодам с *εάν* *ср.* ἐπεὶ, ἐπειδὴ аспурговых рескриптов [Блаватская, 1965, с. 198]. К π[ι]ττάκια стк. 4 *ср.* ἐντολή аспургова рескрипта А. Содержание этой отрывочной надписи определяется по сохранившимся словам лишь в самом общем смысле. Стк. 2: [έν] χ[ε]ιμῶνι — это не только «буря», как считал И. И. Толстой, но и «зима». К λαυσω- стк. 3 *ср.* глоссу Гесихия λαῦσαι· περιππεῦσαι τοῖς δεσπόταις «проехать верхом около владык». Упоминание властей в тексте надписи: --[ἀ]ρχή[v], ἄρχοντος [δέ ? --] «власть, архонта же (?)» — соответствует предположению о принадлежности ее к числу царских рескриптов. Стк. 5: ὑπηρεσία не «помощь», а «слуги», «служба», «судовой экипаж». Местоимение αὐτοῦς стк. 6, принадлежащее к этой же фразе (далее следует новая), показывает, что речь идет о судовом экипаже или слугах. Словами *εάν* δὲ παι- начинается (как и *εάν* τ[ι]ς стк. 4) новая фраза, включающая выражение стк. 7 εἶναι τὸ πρόστεμο[v] «чтобы было наказание». По-видимому, в связи с этим в стк. 8 упоминается архонт (см. о нем с. 288). В связи с тем, что в данной фразе ведется речь о каком-то наказании, буквы παι- начала фразы могут быть остатком глагола παίω «бить, прогонять, натывать» (другие слова на παι- относятся к детям или к гнезду «пеан», так что вряд ли подходят сюда). Издатели КБН датировали надпись первой пол. III в., мы бы предпочли II в. н. э., но см. с. 579 о трудностях различения письма обоих периодов.

6. Рескрипт о возобновлении культа римских императоров КБН 1050

Фр. мрам. плиты, отбитый сверху и справа, сохранились 5 завершающих строк, текст, пер. и комм. КБН:

[δι]||ὰ τὰς ἀπὸ αὐτῶν εἰς αὐτὸν γενομένας τιμὰ[s]--
 αἰς τε καὶ ἀνεισφορίαις ἀπάσαις ταῖς κατὰ τὴν βα[σιλείαν] --ιερέα ἀπο]-
 δειχθέντα τοῦ καισαρείου διὰ βίου εἰς γένος --
 τας ἀνέστησεν τιμῆς χάριν σὺν τῶ καὶ ἐπὶ-- [τὴν ἡ]-
 μέραν αὐτῶν ὑπὸ τε ἐμοῦ καὶ τῶν ἐκγόνω[v] μου--]

«... вследствие оказанных ими ему почестей... и освобождения от всех налогов, взимаемых в царстве... назначенного пожизненным жрецом храма в честь императора с передачей (этого звания) потомкам... поставил чести ради с... день их мною и моими потомками...» «Содержание надписи недостаточно ясно. Толстой предполагает, что она представляет собой декрет в

честь какого-то лица, которому за его заслуги передается должность жреца храма цезарей, пожизненно ему самому и его потомкам. Очевидно, он же освобождается от всех налогов на территории царства. Слова в последней строке $\dot{\iota}\pi\acute{o}\ \tau\epsilon\ \epsilon\mu\acute{o}\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \epsilon\kappa\gamma\acute{o}\nu\omega[v\ \mu\omicron\upsilon\text{--}]$ (мною и моими потомками) были бы понятны при условии, что этот декрет был издан одним из боспорских царей... Лицо, о котором идет речь в надписи, было пожизненным жрецом храма в честь обожествленных римских императоров ($\kappa\alpha\iota\sigma\acute{\alpha}\rho\epsilon\iota\omicron\upsilon$). По мнению Б. Наделя [1954, с. 114], это надпись сына в честь отца, отмеченного почестями со стороны боспорских царей и может быть римских императоров; этот сын соорудил храм, в котором отмечался день рождения благодетелей отца.¹ В. Д. Блаватский [1985, с. 193] счел, что в надписи речь идет об одном из жрецов культа Августов в храме Кесаря. По датировке комментаторов КБН, надпись относится к первой пол. II в. н. э.

На наш взгляд, этот документ из Гермонассы — не декрет и не надпись сына в честь отца, это акт из разряда *fundamenta* — актов царей, учреждающих или возобновляющих культ своей персоны и (или) предка, богов, римских императоров [OGIS, 383; Guarducci, 1970, p. 417/29]. В данной надписи боспорского царя речь идет о возобновлении культа римских императоров, отправлявшегося в гермонасском Кесареоне (стк. 4). Ее текст находит соответствие прежде всего в пространном акте Антиоха I Теоса из Коммагены об учреждении в Арсамее храма с культом его отца Митридата I Каллиника [OGIS, 383]. К предписанию гермонасского акта о назначении жреца в святилище на пожизненный срок с передачей своих функций наследникам в роду ($\text{--}\dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\epsilon}\alpha\ \acute{\alpha}\pi\omicron\upsilon\delta\epsilon\iota\chi\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \text{Καίσαρ\acute{\epsilon}\iota\omicron\upsilon\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \beta\acute{\iota}\omicron\upsilon\ \epsilon\iota\varsigma\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$) *ср.* аналогичное предписание арсамейского акта (стк. 66): $\dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\epsilon}\alpha\ \tau\epsilon\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\omicron\delta\epsilon\acute{\iota}\xi\alpha\varsigma$. Текст следующей строки боспорского акта ($\text{--}\tau\alpha\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta\sigma\epsilon\upsilon\ \tau\epsilon\iota\mu\acute{\eta}\varsigma\ \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ хорошо восстанавливается со словом $\dot{\epsilon}\omicron\rho\tau\acute{\alpha}\varsigma$, обычным в актах об учреждении культа, *ср.*, к примеру, *fundamentum* того же Антиоха Теоса из Немруд Дага: $\kappa\alpha\iota\ \nu\epsilon\acute{\alpha}\varsigma\ \epsilon\omicron\rho\tau\acute{\alpha}\varsigma\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\epsilon\ \theta\epsilon\acute{\omega}\nu\ \sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\mu\acute{o}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \eta\mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma\ \tau\iota\mu\acute{\alpha}\varsigma$ (стк. 79-81) [Guarducci, 1970, p. 423] (см. об этом святилище [Nemrud Dag, 1996]). Указанное предписание гермонасского акта означает, таким образом: «возобновил празднества почести ради» (слова $\sigma\upsilon\nu\ \tau\acute{\omega}\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\pi\acute{\iota}$ — поясняют, чем сопровождалась эта празднества). В связи с этим стоит и следующее предписание боспорского акта: $\text{[}\tau\acute{\eta}\nu\ \eta\text{]}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\nu\ \acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omega}\nu\ \dot{\iota}\pi\acute{o}\ \tau\epsilon\ \epsilon\mu\acute{o}\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \epsilon\kappa\gamma\acute{o}\nu\omega[v\ \mu\omicron\upsilon\text{--}]$, — речь идет об освященном дне, особо выделенном в связи с культом императоров. В *fundamenta* различных царей выделялось несколько таких дней, особым образом отмечавшихся в учрежденном святилище, *ср.*, к примеру: $\delta\upsilon\omicron\ \pi\rho\omicron\sigma\kappa\alpha\theta\omega\sigma\acute{\iota}\omega\sigma\alpha\ \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$, $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\nu\ \tau\omicron\upsilon\tau\omega\nu\ \epsilon\iota\lambda\alpha\upsilon\sigma\iota\omicron\nu\ \epsilon\omicron\rho\tau\acute{\eta}\nu$ «два священных дня, каждый из которых отмечается на ежегодном празднестве» (*fundamentum* из Немруд Дага, стк. 91/3). Параллель из арсамейского акта (стк. 69-72: $\theta\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\upsilon\nu\acute{o}\delta\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\eta\mu\eta\rho\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\epsilon\theta\lambda\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma\ \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota\varsigma\ \pi\alpha\tau\rho\acute{\varsigma}\ \tau\epsilon\ \kappa\acute{\alpha}\mu\omicron\upsilon\ \mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$

¹ К сожалению, нам недоступна его новая статья об этой надписи [Nadel, 1989, p. 119-131].

$\kappa\omicron\iota\nu\acute{\eta}\varsigma\ \epsilon\omicron\rho\tau\acute{\eta}\varsigma\ \mu\omicron\lambda\iota\tau\acute{\omega}\nu\ \epsilon\pi\acute{\iota}\langle\tau\rangle\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota\ \pi\rho\omicron\epsilon\nu\omicron\eta\theta\eta\nu$ «предусмотрено, чтобы на общем празднестве граждан совершались жертвоприношения и заседания в месячные дни рождения отца и меня самого») показывает, что под $\text{[}\tau\acute{\eta}\nu\ \eta\text{]}\ \mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\nu\ \acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$ гермонасского рескрипта подразумевается день, особо посвященный культу императоров ($\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$), отправляемый боспорским царем и его потомками: $\dot{\iota}\pi\acute{o}\ \tau\epsilon\ \epsilon\mu\acute{o}\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \epsilon\kappa\gamma\acute{o}\nu\omega[v\ \mu\omicron\upsilon\text{--}]$. Напомним в связи с этим, что в титулатуре боспорских владык, начиная с Котиса I, присутствует жреческий титул «пожизненного первосвященника культа Августов» ($\acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\rho\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma\ \tau\acute{\omega}\nu\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \beta\acute{\iota}\omicron\upsilon$). В основной день празднования культа императоров жреческие функции исполнял боспорский царь, другие же освященные дни отмечались пожизненно назначавшимся жрецом. Это местоимение $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$, которое, как мы выяснили, подразумевает римских императоров, фигурирует и в стк. 2 гермонасского акта: $\text{--}\alpha\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\omicron\ \acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omega}\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{o}\nu\ \gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma\ \tau\epsilon\iota\mu\acute{\alpha}\text{[}\varsigma\text{]}$, в которой, следовательно, говорится о почестях, оказанных римскими императорами некоему лицу, определенному местоимением $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{o}\nu$. Им не мог быть боспорский царь, издавший данный *fundamentum*, — он, как и прочие цари в своих *fundamenta* ($\acute{\epsilon}\gamma\acute{\omega}$, $\acute{\epsilon}\mu\acute{o}\upsilon$ актов Антиоха I), употребляет по отношению к себе местоимение первого лица ($\acute{\epsilon}\mu\acute{o}\upsilon$ стк. 6). Но тот же Антиох Теос в акте, учреждавшем культ его отца в Арсамее, постоянно упоминает своего отца и себя ($\pi\alpha\tau\rho\acute{\varsigma}\ \tau\epsilon\ \kappa\acute{\alpha}\mu\omicron\upsilon$ «отца и меня самого»), и это подсказывает нам, что под $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{o}\nu$ гермонасского акта мог упоминаться отец издавшего его боспорского владыки. Следовательно, в стк. 2 упоминаются почести римских императоров, оказанные скорее всего отцу боспорского царя, издавшего исследуемый рескрипт. В стк. 3 ($\alpha\iota\varsigma\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\acute{\iota}\alpha\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota\varsigma\ \tau\alpha\acute{\iota}\varsigma\ \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\ \tau\acute{\eta}\nu\ \beta\alpha\text{[}\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\alpha\nu\ \text{--}]$) говорится об освобождении от всех налогов, взимаемых в боспорском царстве. Это предписание может быть понято по-разному, но если ориентироваться на *fundamenta*, то в них обычно речь идет о том, что царь выделяет из своего домена земли, доход с которых неприкосновенно идет на нужды учреждаемого святилища (например, в арсамейском акте, стк. 73-76: $\chi\acute{\omega}\rho\alpha\nu\ \tau\epsilon\ \acute{\epsilon}\kappa\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\iota}\kappa\acute{\eta}\varsigma\ \kappa\tau\acute{\eta}\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\alpha\upsilon\tau\alpha\ \kappa\alpha\theta\omega\sigma\acute{\iota}\omega\sigma\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\omicron\sigma\acute{o}\delta\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\kappa\ \tau\alpha\upsilon\tau\acute{\eta}\varsigma\ \acute{\alpha}\kappa\iota\eta\acute{\tau}\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\tau\alpha\chi\alpha$, $\kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\tau\omega\nu\ \epsilon\pi\acute{\iota}\mu\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\omicron\sigma\tau\alpha\acute{\iota}\alpha\nu\ \dot{\iota}\epsilon\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\nu\ \acute{\epsilon}\pi\acute{\epsilon}\tau\rho\epsilon\phi\alpha$ «я выделил на отправление этих священнодействий из царского домена землю и твердые доходы с нее; заботу об этом и попечение я возложил на жрецов»). Основываясь на параллелях из *fundamenta*, можно думать, что в стк. 2-3 гермонасского акта речь как раз и шла о выделении земли из домена боспорского царя в обеспечение деятельности Кесареона, тем более, что в гермонасском акте вслед за этим упоминается жрец, как и в арсамейском акте (попечение о земле и доходах с нее осуществляют жрецы). Остается, однако, неясным, кто предпринял выделение земли и освобождение владений храма от налогов — издавший гермонасский акт боспорский царь или его отец, упоминаемый непосредственно перед предписанием об этом. В сущности, упомянутые в стк. 3-5 акции (освобождение от налогов, пожизненное назначение жреца в Кесареон) могли быть предприняты и издавшим гермонасский акт боспорским царем, и

его отцом, но если правильно предложенное выше понимание стк. 5: [ἕορ] τὰς ἀνεστῆσεν «возобновил празднества», то можно заключить, что некий боспорский царь первой пол. II в. н. э. возобновил деятельность святилища императоров в Гермонассе, основанного (или в свою очередь возобновленного) его отцом. Поскольку основала святилище Августов в Гермонассе Динамия (см. с. 285), можно предположить, что некий следующий боспорский царь предпринял меры по расширению экономической базы святилища (вероятное наделение его земель из царского фонда и освобождение владений храма от налогов). Сын этого царя возобновил исследуемым рескриптом деятельность святилища, видимо, после каких-то потрясений, пережитых Гермонассой. В связи с этим можно предположить, что данный акт был издан Савроматом I, при котором Гермонасса и Фанагория подверглись угрозе со стороны псеханов и который победил их (с. 320). Вообще из владык римского времени в гермонасской эпиграфике фигурируют по одному разу Динамия (КБН 1046 — ее почетная надпись в честь Августа), Рескупорид, отец Савромата I (эпоним почетной надписи кесарейцев-гермонасситов в честь Веспасиана КБН 1047, см. с. 291), Котис II (эпоним акта фиаса КБН 1054), Реметалк (строительная надпись КБН 1052), тогда как Савромат II упоминается дважды. В честь его поставлена почетная надпись КБН 1048, а сам он оставил строительную надпись КБН 1045, сообщающую о возобновлении им обветшавшего храма Афродиты Апатуры.¹ Его деятельность по возобновлению Апатуриона, старинного святилища общепоспорского значения (ср. КБН 1043), как и численное преобладание актов с его именем в Гермонассе сравнительно с другими боспорскими владыками, позволяет предположить, что он и был царем, издавшим данный рескрипт о возобновлении деятельности Кесареона — храма римских императоров.² Принадлежность этого рескрипта Савромату I можно подтвердить сходством его письма с письмом почетной надписи КБН 44 от 117 г. в честь этого царя. Следовательно, упоминаемый в рескрипте его отец, которого почтили римские императоры (о стк. 2 и ее таковом смысле см. выше), был Рескупорид II, правивший в 68–92 г. По-видимому, Рескупорид предпринял мероприятия по возобновлению и расширению святилища Кесаря (Цезаря), основанного еще Динамией: наделил его земель из своего домена, освободил имущество

¹ Нет должных оснований для сомнений И. А. Левинской и С. Р. Тохтасьева [2005, с. 185] в происхождении надписей 1045, 1046, 1049 из Гермонассы (их ссылка на И. В. Тункину [2002, с. 570] напрасна, так как на указанной ими странице в отношении этих надписей дано лишь известное указание издателя надписей Е. Кёлера, что они стояли во дворе церкви Тамани). Теоретически можно допустить, что на этот двор были свезены надписи не только с Ахтанизовского лимана (вотив Камасарии), но и с фанагорийского городища, однако реальных данных для этого нет, во-вторых, в пользу связи надписи 1045 с Гермонассой может указывать точно найденная тут надпись 1041, свидетельствующая о местном культе Афродиты.

² Со времени Августа в разных городах сооружались храмы Цезаря в честь божественности императора [Saglio, p. 811].

храма и его причт от налогов, назначил пожизненного жреца с правом наследования должности (стк. 3–4). Причина такого внимания Рескупорида к святилищу римских императоров лежит на поверхности — он целиком зависел от них. Как Динамия была обязана своим престолом Августу, Аспург — Тиберию, Котис I — Клавдию, что нашло отражение в эпиграфике Боспора, так и Рескупорид был обязан утверждением своих прав на престол Веспасиану. Динамия, Аспург и Котис I получили трон в экстраординарных условиях, кажется, и Рескупорид воцарился после какого-то династического перерыва (последняя монета с монограммой его отца Котиса I датирована 357 г. б. э. = 60/61 г. н. э., первая эмиссия Рескупорида датирована 365 г. б. э. = 68/69 г.). Веспасиан стал императором в конце 69 г. и признал только что воцарившегося боспорского царя. Он оказал и какие-то другие почести Рескупориду — мы вполне можем связать надпись на меди последнего: τεῖμαί βασιλέως Ρησκούπορίδος [Зограф, с. 198, 200] с стк. 2 гермонасского акта τὰς ἀπὸ αὐτῶν εἰς αὐτὸν γεινομένας τεῖμα[ς], подразумевающей, как показано выше, почести римских императоров боспорскому царю, оказанные, по нашему предположению, Рескупориду. Принятый гермонасситами при Рескупориде почетный декрет в честь Веспасиана (КБН 1047), несомненно, стоит в связи с деятельностью местного Кесареона, в чем опять-таки можно усмотреть связь его с Рескупоридом. Изложенное дает основание думать, что основанное Динамией святилище Цезаря было расширено Рескупоридом, который наделил его земельными владениями и освободил людей и имущество от налогов. Затем, вероятно, в связи с варварской угрозой Гермонассе святилище пришло в упадок и Савромат I возобновил его деятельность этим своим рескриптом.

ПОХОД САВРОМАТА I ПРОТИВ ПСЕХАНОВ НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ

В 1973 г. на берегу моря в Фанагории на территории города А случайно найден фр. мрам. блока светло-коричневого оттенка, обломанный сверху, снизу, слева и сзади.¹ Правый край камня сохранился, выс. по лицевой поверхности 10 см, шир. 14,5, толщ. 8 см (рис. 15, 15а). Хранится в ИА РАН, инв. № 194. Сохранились остатки 4 строк. Выс. букв 2–2,5 см (пси 3 см). В стк. 2–3 безусловно читается [βασιλέ]ως Ρη[σκούποριδος] (от *омеги* остались незначительные следы). В стк. 1 видны нижние части ряда букв (см. прорись): прямой угол *эпсилона*, две вертикали, часть дужки круглой буквы и остаток вертикальной гасы, что в соответствии с стк. 2–3 читаем как [Τι]βέριον (последняя вертикаль стоит близко к *омикфону*, что исключает чтение здесь *ипсилона*, т. е. род. падежа имени). В стк. 3 глубоко вырезаны буквы *пси* и *хи*, между ними менее четко *эпсилон*, после X следует фрагментированное A. Читаемое тут ΨΕΧΑ сразу наводит на сопоставление данного фр. с почетной надписью в честь Савромата I из Гермонассы КБН 1048 (рис. 16), тем более, что по шрифту он соответствует письму времени этого царя (ср. [Kirchner, 130]):

[τὸν ἀπὸ Ποσειδῶνος καὶ
ἀφ' Ἡρακλέους βασιλέα βασιλέων μέγαν τοῦ
σύντα]ντος Βοοσπόρου Τιβέριον Ἰούλιον
[Σαυρομ]άτην, υἱὸν βασιλέως Ρησκούποριδος,
5 φιλο]καίσαρα καὶ φιλωρώμ[αιον], εὐ[σεβῆ],
? νικήσ]αντα τὰ κατὰ Ψεχανῶν[υ ἔθ]υ[εα (?), τὸν
ἴδιον² σω]τήρα εὐξ[άμ]ενος καθιέρω[σεν
ὁ δεῖνα] Διοφάντου Παντ[ικ]απαε[ύς]

«Статую происходящего от Посейдона и Геракла великого царя царей всего Боспора Тиберия Юлия Савромата, сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, победившего народы (?), что под псе- ханами, своего (?) спасителя, поставил по обету *имярек*, сын Диофанта, пан- тикапеец». Очевидные текстуальные соответствия между гермонасской над-

¹ Это переработанный вариант статьи [Яйленко, 19906].
² О дополнении стк. 6–7 см. далее.

Рис. 15. Надпись из Фанагории, упоминающая псеханов (фото автора)

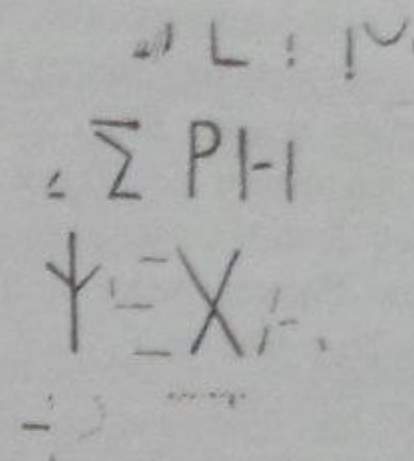

Рис. 15а. Надпись из Фанагории, упоминающая псеханов, прорись

Рис. 16. КБН 1048 (фото А. И. Болтуновой)

писью и фанагорийским фр. позволяют определить последний в качестве почетного декрета в честь Савромата I и восстановить его текст так:

[βασιλέα βασιλέων μέγαν Τι]βέριον
[Ἰούλιον Σαυρομ]άτην, υἱὸν βασιλέ]ως Ρη-
[σκούποριδος, εὐσεβῆ, ε. г. νικήσαντα] Ψεχα-
[νούς - - - - -]

«(Статую) великого царя царей Тиберия
Юлия Савромата, сына царя Рескупори-
рида, благочестивого, е. г. победившего
псеханов - -».¹

¹ Гермонасская надпись сделана на постаменте, фанагорийский фрагмент, ско- лотый сзади, также, судя по тексту, представляет собой обломок постамена статуи царя. По гермонасской надписи можно дополнить в начале фанагорийского фраг- мента также [τὸν ἀπὸ Ποσειδῶνος καὶ ἀφ' Ἡρακλέους] «происходящего от Посейдона и Геракла». Однако он настолько мал, что дополнение подобного рода не к месту.

В нашей реконструкции отсутствует обязательный элемент титулатуры Савромата I φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον, в том числе в гермонасском декрете, для которого нет места в стк. 4. В связи с этим привлекает внимание фанагорийский декрет КБН 980 (рис. 17):

[τὸν ἀπ' Εὐμόλπου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ ἀφ' Ἡρακλέους βασιλέα βασιλέων μέγαν Τιβέριον Ἰούλιον Ρησκουπόριον υἱὸν βασιλέως Κότος ----]τος ἐλόντα ---
----- τὴν εὐ ---

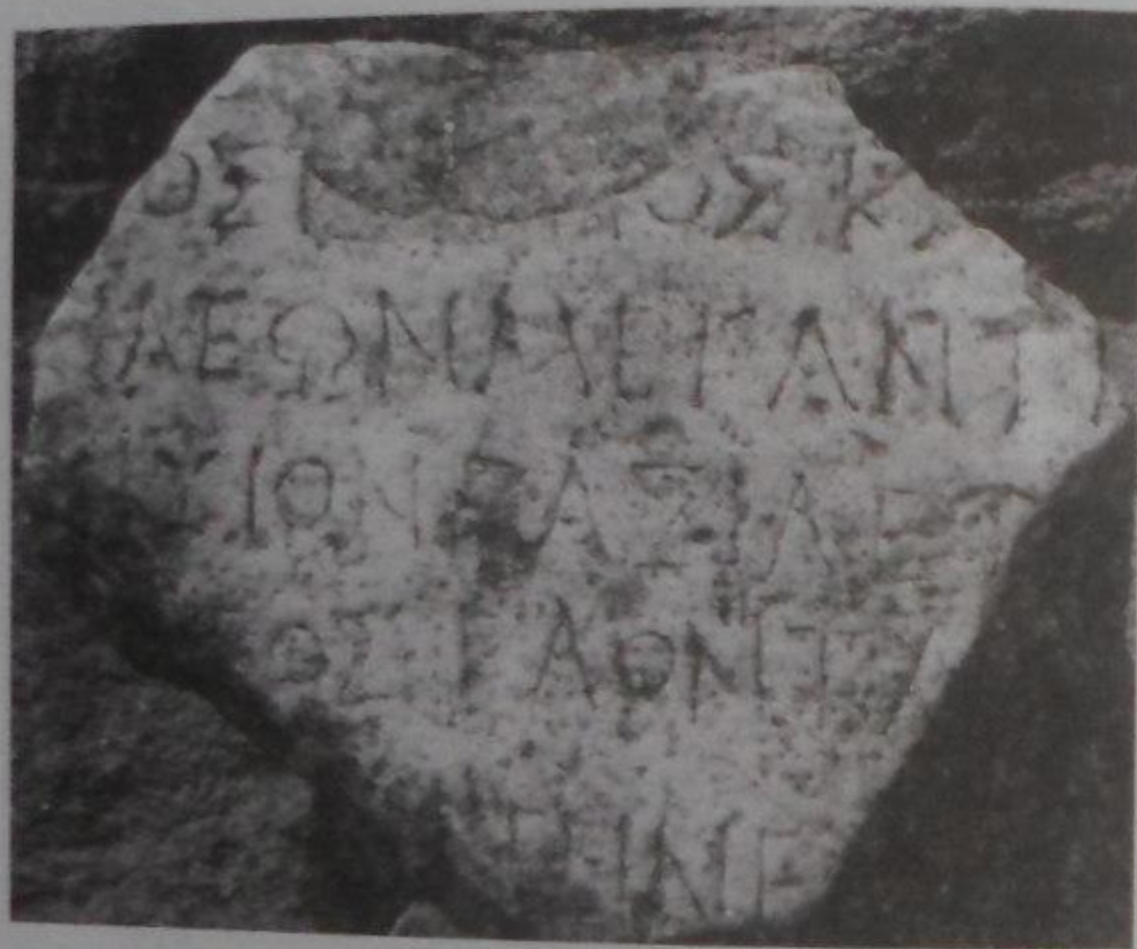

Рис. 17. КБН 980 (фото А. И. Болтуновой)

Из комм. КБН к надписи: «Болтунова и Книпович, основываясь на аналогии шрифта данной надписи с шрифтом надписей 1021, 1045, датируют надпись первой половиной II в. н. э. и на этом основании восстанавливают в тексте имя Рескупорида II». Тут явное недоразумение: нельзя датировать надпись первой пол. II в. н. э. и «на этом основании» восстанавливать в ней имя Рескупорида II, который правил в 68–92 гг. н. э. Напротив, совершенно справедливо сопоставление издателями письма этой надписи с манумиссией КБН 1021 от 105 г. из ст. Запорожской и посвячительно-строительной надписью Савромата I из Гермонассы КБН 1045. Следовательно, в тексте фанагорийской надписи КБН 980 следует восстанавливать имя правившего в 93–123 гг. Савромата I, тем более, что указание на происхождение от божественных предков в числе надписей I–II вв. н. э. присутствует только в титулатуре этого царя.¹ Евмоли в надписи 1048 не фигурирует, так что

¹ Гермонасская надпись КБН 1048; в III в. оно есть в надписи Рескупорида III КБН 53.

восстановление его имени в фанагорийском декрете 980 излишне.¹ Таким образом, текст КБН 980 следует читать так:

[τὸν ἀπὸ Ποσειδῶνος καὶ ἀφ' Ἡρακλέους βασιλέα βασιλέων μέγαν Τιβέριον Ἰούλιον Σαυρομάτην, υἱὸν βασιλέως Ρησκουπόριδος, --- са. 10/11- -]τος ² ἐλόντα ---	«Происходящего от Посейдона и от Геракла великого царя царей Тиберия Юлиа Савромата, сына царя Рескупорида -- взявшего --
[---] τὴν εὐ[χὴν] ? ---] ³	обет --».

В стк. 3–4 этой надписи явным образом нет места для неперменных элементов титулатуры боспорских царей I–III вв. φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον, εὐσεβῆ, что объединяет ее по всем признакам с новым фанагорийским фрагментом. Как видно, фанагорийская и гермонасская почетные надписи КБН 980 и 1048 в честь Савромата I, а также новый фанагорийский фрагмент, близки друг другу по содержанию: чествуя одного и того же монарха, они содержат необычную его титулатуру — в фанагорийских надписях отсутствуют необходимые φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον, εὐσεβῆ, в гермонасской появляется указание на происхождение царя от божественных предков. В согласии друг с другом они также трактуют о военных предприятиях царя — в 1048 и новом фрагменте упоминается акция против псеханов, в 980 слово ἐλόντα почти наверняка употреблено в военном контексте — его можно сопоставить со страт[εύσαντα] посвящения за Савромата I из той же Фанагории, а также упоминанием об акции против псеханов ([--]αὐτα τὰ κατὰ Ψεχανῶ[ν]) в чествующей его надписи из Гермонассы (КБН 981, 1048). Присутствие в титулатуре рассматриваемой надписи титула «царь царей» также указывает на Савромата I, у которого он неоднократно представлен, тогда как у Рескупорида II его не было.

Совпадение содержания надписей 980 и 1048 не случайно ввиду территориальной близости Фанагории и Гермонассы, политические судьбы которых в одинаковой мере зависели от ситуации на азиатском Боспоре. Более того, эти памятники не единственные — к ним примыкают, как мы видели, новый фанагорийский фрагмент, а также КБН 981 (рис. 18) — обломок еще одной фанагорийской надписи, согласно справедливому мнению Б. Н. Гракова и комментаторов КБН, близкий по характеру письма надписям конца I — начала II в. Граков восстановил его следующим образом:

¹ Оно принадлежит Латышеву (IOSPE II 361), который отнес надпись ко II–III вв. и дал суммарное восстановление титулатуры на основе почетных декретов в честь Савромата I и Рескупорида III. Евмоли упоминается в титулатуре последнего — КБН 53 от 216 г.

² Количество утраченных в лакуне букв показывает формульное содержание предыдущих строк. Перед сохранившимся *амиконом* виден остаток верхней горизонтальной полочки и А. И. Болтунова прочла тут [--]τος, что вероятно, но не бесспорно, ибо можно читать также τος, ετος.

³ Принимаем возможное дополнение стк. 5 Н. В. Левченко [1999, с. 216], ср. выше εὐξ[άμ]ενος в КБН 1048.

унаследован Савроматом I от отца, Рескупорида II, в титулатуре которого он появляется впервые (КБН 1047, 1118; этот элемент представляет собой развитие титула βασιλεὺς βασιλέων μέγας Митридата Евпатора и Фарнака, возобновленного Савроматом I). Элементы 4 εὐεργέτης τῆς πατρίδος и 5 φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής также присутствуют в титулатуре Рескупорида II (КБН 1047, 1118). Таким образом, элементы 1, 4, 5 унаследованы Савроматом от отца. Титул «благодетеля отечества» кроме Рескупорида II и Савромата I носил также Котис II, их сын и внук (КБН 33, 982). Интересно, что в дальнейшем этот элемент исчезает из титулатуры боспорских царей, что, возможно, связано с концом данной ветви царского рода: наследовавший Котису II Реметак, как полагают, не был его прямым потомком [Латышев, 1909, с. 114]. Элемент 4 εὐεργέτης τῆς πατρίδος дополнительный, он обычно следует за элементом 3 ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου. Последний впервые появляется в титулатуре Котиса I, фигурирует у Рескупорида II, Савромата I, Котиса II, после которого встречается только в титулатуре Рескупорида III.¹ Он следует за элементами 5 φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής. Элемент 2 ὁ ἀπὸ Ποσειδῶνος καὶ ἀφ' Ἡρακλέους βασιλεὺς βασιλέων μέγας τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου представляет собой нововведение времени Савромата I. Он включает 3 компонента: указание на происхождение от божественных предков, ахеменидский титул «великий царь царей» и географический детерминант τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου. Последний впервые был добавлен к титулу Аспурга «великий царь»: βασιλεὺς μέγας... καὶ βασιλέων παντὸς Βοοσπόρου καὶ Θεοδοσίας κτλ. (КБН 39, 40). При этом существенно отметить, что появление данного компонента, включавшего перечисление подвластных и союзных Аспургу областей и народов, безусловно, обязано его успешным войнам, по меньшей мере со скифами и таврами, как свидетельствуют указанные надписи. Другие народы — синды, меоты, тарпеты и *пр.* — могли быть возвращены Аспургом в лоно боспорского царства как посредством войны, так и дипломатическим путем.² Отсюда мы вправе заключить, что по-

что у каждого были базовые ее элементы, унаследованные от отцов, и индивидуальные, лишь отчасти передававшиеся по наследству. Так, Рескупорид II унаследовал от отца, Котиса I, элементы φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής и ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου, которые стали базовыми для следующих царей, увязывая их с верховной римской властью. Из них два первых почти обязательны для эпиграфических памятников, третий факультативный, употреблялся в особо важных случаях. Другие примеры следуют далее.

¹ КБН 53 от 216 г. Титулатура Рескупорида III в этой надписи включает еще один необычный для III в. элемент — указание на божественное происхождение от Посейдона, Геракла и Евмолпа. В этом, как и прочих элементах его титулатуры (КБН 54-56, 953) вполне видна ориентация на титулатуру Савромата I. По-видимому, правление Рескупорида III было своеобразной эпохой реставрации обычаев времени Савромата I.

² Ср. КБН 1237, где говорится о подчинении Савроматом II сирахов и скифов оружием, а Таврики по договору. Общую оценку проблемы см. выше, с. 28 сл.

явление компонента (τοῦ σύμπαντος) Βοοσπόρου в титулатуре Савромата I имеет аналогичную этиологию. Элемент 2 — указание на происхождение от божественных предков, как сказано, возник в титулатуре Савромата I в развитие элемента 1 ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλεὺς μέγας. В гермонасской надписи КБН 1048 наряду с тем же τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου при общем торжественном тоне (Βοοσπόρου !) почетного документа декларируется происхождение монарха не просто от «царственных предков», а от Посейдона и Геракла. Поскольку поводом для постановки статуи с данной надписью послужили действия в отношении псеханов ([--]αἰτα τὰ κατὰ Ψεχανῶν), из контекста отмеченных обстоятельств явствует, что речь шла об успешных военных действиях Савромата против указанного народа, и это событие было настолько значительно, что в титулатуру царя-победителя введена декларация о его божественном происхождении, — высшая степень эпифании царя. Эта надпись поставлена по обету (εὐξ[άμ]ενος), т. е. в связи с военными действиями Савромата против псеханов некий пантикапеец, сын Диофанта, дал обет поставить статую в случае победы царя. Статуя с надписью КБН 1048 — это исполнение обета после одержанной победы (постановка ее в Гермонассе указывает, что спасительная для сына Диофанта акция царя имела место в районе этого города).

Мотивировочная часть этой надписи, т. е. текст стк. 6 и начала стк. 7, не вполне ясна. Издатели КБН ограничились осторожным и поневоле малосодержательным текстом [--σ]αἰτα τὰ κατὰ Ψεχανῶν [?] -- τὸν. В. В. Шкорпил дополнил тут [ικῆσ]αἰτα τὰ κατὰ Ψεχανῶ [εῖθ]υ[η] (он один видел утраченный впоследствии подлинник). Его дополнение [ικῆσ]αἰτα в точности соответствует числу утраченных в начале стк. 6 букв, а по смыслу вполне соответствует мотивировке σφραγισ[αἰτος] и ἐλόνηта фанагорийских надписей в честь того же Савромата КБН 980, 981.¹ В письме к Латышеву он предположил, что речь идет о победе, одержанной Савроматом при какой-то реке Псехано, Латышеву это чтение текста казалось сомнительным, так как «следы букв в конце строки не подтверждают его» ([Латышев, 1913, с. 113] и Архив, см. комм. КБН). На фото Шкорпила Латышев (см. КБН-альбом) после *омеги* в Ψεχανῶ

¹ Для расчета утраченных слева в надписи букв просчитаем бесспорно дополняемый в стк. 3-5 текст. Примем за вертикальную линию отсчета написанные в стк. 3-5 друг под другом буквы ТААТ, именно Т слова [σῦμπα]ντος стк. 3, второе А имени Σαυρομ[άτην] и слова [φίλο]καίσαρα стк. 4-5, Т остатка слова [--]αἰτα стк. 6. Как видно, в стк. 3-5 утрачено 6, максимум 7 букв. Сохранившееся [--]αἰτα Шкорпил принял за конец аористного причастия [--σ]αἰτα, что поддержал Латышев, так как иного места для причастия или глагола, необходимого в данном периоде фразы, нет. Отняв от 6-7 содержащихся в лакуне стк. 6 букв, предшествующих Т (т. е. [σ]αἰν), получим, что дополнить в этом причастии перед [σ]αἰτα можно максимум 4 буквы. Это и отразил Шкорпил в своем дополнении [ικῆσ]αἰτα. Его приняла Н. В. Левченко [1999, с. 212], но данная ею растяженная форма [ικῆσ]αἰτα, с излишним Е, ввиду лишней буквы вряд ли возможна. Тем более неприемлемо по причине избытка букв наше прежнее дополнение [1990в, с. 216] [σφραγισ]αἰτα.

увидел остатки буквы N, которая и должна быть в род. падеже этнонима — Ψεχανῶν[ν] (так в чтении Латышева τὰ κατὰ Ψεχανῶν[ν] [1913, с. 113]). После другого N, которое позволило Шкорпилу дополнить слово [ἔθ]ν[η], следует остаток нижней части *эпсилона* или *сигмы* (нижняя горизонталь E в надписи продолжается левее вертикали), так что, если принимать это дополнение, следует читать [ἔθ]ν[εα]. Дополнение Латышева в конце стк. 6 — начале стк. 7 [τὸν ἴδιον | θεὸν (?) καὶ σω]τήρα (принято в КБН) содержит слишком много букв в начале стк. 7, так как тут утрачено до безусловного [σω]τήρα максимум 5 букв; тут место только для ἴδιον.¹ В лакуне конца стк. 6 после Ψεχανῶν[ν] помещается не более 7 букв.² Поэтому читаем тут [τὸν | ἴδιον σω]τήρα (две *иоты* соответствуют площади одной буквы). Как видно, из предлагавшихся вариантов понимания стк. 6 надписи КБН 1048 [—]αυτα τὰ κατὰ Ψεχανῶν[ν] наиболее приемлемым остается дополнение Шкорпила [?]ικῆσ]αυτα τὰ κατὰ Ψεχανῶν[ν] ἔθ]ν[εα?], поскольку по смыслу [?]ικῆσ]αυτα, как сказано, хорошо соответствует причастиям στρατ[εύσαντος] «совершившего поход» и ἐλόντα «взявшего» фанагорийских надписей КБН 980, 981 в честь Савромата.³

¹ Т этого слова стк. 7 находится чуть правее вертикали из букв ТААТ стк. 3–6, так что можно дополнять не более 5 букв, следовательно, θεὸν καὶ излишне.

² *Омега* Ψεχανῶν[ν] находится под Ω βασιλέων μέγαν το[ῦ] стк. 2 (9 букв до конца строки), под Ρ имени Τιβέριον Ἰούλιον стк. 3 (10 букв до конца строки), под Η патронимика Ρηκοῦπόρι[δος] стк. 4 (11 букв до конца строки), так что в лакуне конца стк. 6 после *омеги* Ψεχανῶν[ν] может поместиться 10 букв, при наличии *иоты* в дополнении максимум 11 букв. С вычетом последнего N этнонима и необходимого к выражению [[ἴδιον σω]τήρα члена τὸν остается 6 букв для дополняемого текста. По словам Н. В. Левченко [1999, с. 211], «Ю. Г. Виноградов, к которому я обратилась за консультацией, разобрал по фотографии остатки букв ΣΤΡΑΤΕ. Учитывая артикль τὰ, это однозначно можно восстанавливать только как τὰ κατὰ Ψεχανῶν στρατε[ύματα]». По этому поводу заметим, что по своему обыкновению Виноградов увидел то, чего никто другой не видел и чего на самом деле нет. Для объективности дам не свое мнение, а сослаюсь на С. Ю. Сапрыкина [2005, с. 71], который писал по поводу процитированного: «Однако текст в этом месте на камне настолько испорчен, что непонятно, как Виноградов сумел найти здесь эти буквы, я, например, тщательно пытался рассмотреть их на фотографии, но смог обнаружить только X (которую Виноградов принял за Σ), затем O или Ω, остатки P и A (как и Виноградов), а далее скол. А восстановление Левченко во многом основывается на этом чтении». Со своей стороны отмечу, что и различные Сапрыкиным буквы проблематичны, мне бесспорно видно только N, которое рассмотрел на камне Шкорпил и включил в свое дополнение [ἔθ]ν[η]. Доволение Левченко στρατε[ύματα] | εαυτοῦ σω]τήρα (с. 212) невозможно и потому, что при формуле εαυτοῦ (ἴδιον) σω]τήρα обязателен член τὸν (ср. КБН 38-41, 53), который и в варианте с [εαυτοῦ σω]τήρα и в варианте с [ἴδιον σω]τήρα располагается в конце стк. 6, где между ним и Ψεχανῶν[ν] есть, как сказано, место для дополнения лишь 6 букв, восстановленное же ею στρατε[ύματα] существенно превышает лимит.

³ К лексике ср. μηδεις στρα[τευέσθω] κατὰ Σαρδ[ιανῶν] или (μηδεις) στρατευέσθω κατὰ Ἐφέσιων — пусть никто не идет войной против жителей Сард (Эфеса) (OGIS 437. 66/7), договор Ιρ между Эфесом и Сардами; в активном и медиальном залогах значение данного глагола одинаково); ἐλόντες τὸν πολεμίον «взявшие у врагов» (о до-

Обстоятельные работы Н. В. Левченко [1999] и С. Ю. Сапрыкина [2005] придали новый импульс решению вопроса о характере отношений Боспорского царства и псеханов. Публикация Ю. Г. Виноградовым и С. А. Шестаковым [2005, с. 42/4] *laudatio* из Пантикапея памяти неизвестного по имени крупного официала времени Савромата I¹ и главным образом комментариев Сапрыкина, дали новый поворот указанному вопросу. В стк. 29 *laudatio* сказано, что официал был προβείς μελέτην ἐπὶ Ψεχανῶν, что Виноградов и Шестаков [с. 43; Vinogradov, 1994, p. 74] поняли как осуществление заботы о псеханах: «По-видимому, в противовес распространенному мнению, Савромат I не воевал с ними, а был склонен по настоянию своего воспитателя стать их защитником». Эту мысль развил Сапрыкин [2005, с. 71]: основное значение слова μελέτη — «забота, упражнение», в неглавном значении, с соответствующими глаголами, прилагательными и дополнениями, имеет отношение к проведению военной подготовки во время войны. Так как в надписи нет сопровождающих слов, полагает он, Савромат не занимался военной подготовкой против псеханов, а напротив, проявил заботу о них.² К сожалению, Сапрыкин, в целом давший хороший комментарий к надписи, в данном случае допустил просчет — осмыслил ее стк. 29 в отрыве от контекста. Между

быче, Syll.³ 29. 1; 48, 49), αἰρήσειν Πριάμου πόλιν «взять город Приама» (Il. II, 37 etc.). Примеры с ἐξεστράτευσεν, στρατευσάμενοι [Michel, 1095, 1112, 1188, 1200, 1219, 1239 etc.]. К причастной конструкции с этнонимом ср. ἐπιστρατεύσαντας τοῖς Ἑλλήσιν посвящения солдат пергамского царя Евмена [Ib., 1219], также ὑποτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους декрета КБН 40 в честь Аспурга, κρατήσαν[τα] Σκυθῶν (?) почетного декрета нимфейцев в честь Митридата (выше, с. 201). Примеры с ικησας [Michel, 1129, 1213, 1263 etc.].

¹ Дж. Бауэрсок и К. Джоунз отнесли логион ко времени Савромата II [Bowersock, Jones, 2006] (недоступна). В. Н. Парфенов отметил, что упоминаемый в надписи император — καῖσαρ ὁ τότε, который принял у себя почтенного боспорца — Домициан или Коммод; кандидатура первого предпочтительней [ВДИ. 2009. 4, с. 239]. См. также новые, более обоснованные дополнения ряда не обсуждаемых нами строк [Tischow, 2005].

² На этом основании Сапрыкин предложил чтение стк. 6-7 надписи КБН 1048: [μελετήσ]αυτα τὰ κατὰ Ψεχανῶν χώρα[ν] ἔθ]ν[η] | καὶ αὐτῶν σω]τήρα «позаботившегося о племенах в стране псеханов и их спасителя». Так как в *laudatio* проявляется явное варварофильство покойного, полагает Сапрыкин, им мог быть тот самый сын Диофанта, который поставил почетную надпись 1048. Однако такое дополнение невозможно по формальным и содержательным причинам. 1. Как сказано ранее, в начале стк. 6, перед [σ]αυτα можно дополнить лишь 4 буквы, а [μελετήσ]αυτα превышает этот лимит. 2. Перед [αὐτῶν σω]τήρα обязателен член τὸν, место которого в самом конце стк. 6, с ним после Ψεχανῶν прочтено 12 букв (а с конечным N этнонима 13), тогда как в лакуне может поместиться максимум 11 букв (см. расчет букв выше). 3. Чтение слова χώρα[ν] маловероятно: Шкорпил по камню (!) увидел после этнонима только N и дополнил [ἔθ]ν[η], по фото Виноградов вычитал ΣΤΡΑΤΕ, Сапрыкин — χώρα[ν]. Этот разнобой увиденного на фото Сапрыкиным и Виноградовым говорит лишь о неопределенности остатков букв, дающей простор фантазии.

тем стк. 29-30 синтаксически составляют один период предложения: $\rho\rho\theta\epsilon\iota\varsigma$ $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta\iota$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\Psi\epsilon\chi\alpha\iota\omicron\upsilon\varsigma$ [--, $\Sigma\kappa\upsilon$]|| $\theta\alpha\varsigma$ $\acute{\epsilon}\pi\omicron\lambda\epsilon\mu\eta\sigma\epsilon\upsilon$, $\tau\alpha\upsilon\rho\upsilon\varsigma$ $\upsilon\pi\epsilon\tau\alpha\chi\epsilon\upsilon$ $\kappa\alpha\iota$ [--], в котором глаголы при этнониме выражают военный характер действий покойного героя против упомянутых народов. Поэтому, коль скифов он «повоевал», а тавров «подчинил», то и $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta\iota$ означает подобного рода действие: $\rho\rho\theta\epsilon\iota\varsigma$ $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta\iota$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\Psi\epsilon\chi\alpha\iota\omicron\upsilon\varsigma$ [e. g. $\epsilon\upsilon$ $\acute{\epsilon}\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\tau\omicron$, $\Sigma\kappa\upsilon$]|| $\theta\alpha\varsigma$ ктл. «будучи воевал, тавров подчинил и...».¹ Далее, если усматривать здесь проявление заботы о псеханах, то также почетная надпись 1048 поставлена по такому же поводу, что и реализовано в упомянутом дополнении гермонасской надписи Сапрыкиным. Однако такое ее понимание порождает невероятную ситуацию: сын Диофанта ставит статую царя с почетной надписью 1048 за заботу о псеханах — как их спасителя, тогда как обычно в почетных актах в честь владыки частное лицо (также боспорский царь) чествует его в качестве своего личного спасителя и (или) благодетеля (таковы надписи КБН 37 сл., в том числе надписи боспорских царей в честь римских императоров). Более того, получается, что сын Диофанта дал обет поставить статую царя именно за заботу о псеханах, что вообще курьезно. Эти обстоятельства отменяют версию о заботливом отношении к псеханам.

Вернемся теперь к вопросу о реконструкции фанагорийского декрета КБН 981. Выше отмечена общность его содержания с гермонасской почетной надписью КБН 1048, которая проявляется в титулатуре чествуемого монарха ($\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ $\kappa\alpha\iota$ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\eta\varsigma$), в признании значимости его заслуг (981 [$\tau\eta\varsigma$ $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$] $\omicron\upsilon$ $\mu\alpha\tau\epsilon\rho\iota\delta\omicron\varsigma$ $\epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$], 1048 [$\sigma\omega$] $\tau\eta\rho$), наконец, в вероятной близости мотивировки (981 $\sigma\tau\rho\alpha\tau$ [$\epsilon\upsilon\sigma\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$, 1048 [$?$ $\iota\kappa\eta\sigma$] $\alpha\upsilon\tau\alpha$). Нет оснований утверждать наверняка, что постановка фанагорийского вотива предпринята в связи с успешным походом против псеханов, подобно гермонасской надписи, но по структуре и содержанию оба документа близки как

¹ LSJ, s. v. $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta$, Пб «in a military sense *exercise, drill*», с примерами: греки $\mu\epsilon\tau\alpha$ $\kappa\upsilon\beta\acute{\iota}\nu\omega\upsilon$ $\tau\alpha\varsigma$ $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\alpha\varsigma$ $\mu\omicron\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\upsilon\omicron\iota$ «среди опасностей практиковались в военном деле» (Thuc. I, 18), $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta\iota$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\Psi\epsilon\chi\alpha\iota\omicron\upsilon\varsigma$ [e. g. $\epsilon\upsilon$ $\acute{\epsilon}\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\tau\omicron$, $\Sigma\kappa\upsilon$]|| $\theta\alpha\varsigma$ ктл. «не только воспитывал (царя), но и во время случившейся войны, будучи назначен, осуществил военную подготовку против псеханов» и т. д. В этих строках 28-30 справа утрачена треть текста (по 15-20 букв), что позволяет по-разному трактовать их содержание. Все дополнения Виноградова вплоть до стк. 33 субъективны, кроме формульного $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\acute{\alpha}\phi$ Ἡρακλέους в стк. 26 и безусловного [-- $\Sigma\kappa\upsilon$]|| $\theta\alpha\varsigma$ стк. 29-30; тут возможны самые разные варианты реконструкции; только с стк. 33, где утрачено несколько букв, его дополнения приемлемы.

памятники военных действий Савромата I на азиатском Боспоре, и это не исключает мысль об одинаковой причине постановки обоих монументов, а наоборот, наводит на нее. В свете сказанного титулы Савромата I в посвящении фанагорийцев за него КБН 981 могут быть дополнены с включением различных элементов его титулатуры. Она открывалась либо элементом 1 — [$\upsilon\pi\epsilon\rho$ $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\epsilon}\kappa$ $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\omicron\upsilon$], как мы приняли в данной выше реконструкции, либо элементом 2 — [$\upsilon\pi\epsilon\rho$ $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\pi\omicron$ $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\omicron\upsilon$ ктл.] «за происходящего от Посейдона и Гефестоса великого царя царей». Факультативное указание на происхождение от царя Рескупорида можно восстанавливать на основании гермонасской почетной надписи 1048, фанагорийской почетной надписи 980 и публикуемого фанагорийского фрагмента. Далее могли следовать почти обязательные формулы титулатуры $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ $\kappa\alpha\iota$ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\eta\varsigma$, присутствующие в гермонасской надписи, но отсутствующие в фанагорийской надписи 980 и публикуемом фрагменте. Следующий далее элемент 3 титулатуры Савромата $\acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\rho\upsilon\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu$ $\delta\iota\acute{\alpha}$ $\beta\iota\omicron\upsilon$, дополнявшийся Граковым, может быть, присутствовал в надписи 981, но в таком случае строки ее были очень длинными — не менее 50 букв, что не имеет прецедентов в фанагорийской эпиграфике и вообще редко на Боспоре; скорее всего, этого элемента не было. Восстановление элемента 4 [$\tau\omicron\upsilon$ $\tau\eta\varsigma$ $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$] $\omicron\upsilon$ $\mu\alpha\tau\epsilon\rho\iota\delta\omicron\varsigma$ $\epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$] основано на титулатуре Савромата в надписях КБН 44, 1122 и надписи из Темрюка.¹ Этот элемент последний в его титулатуре, как и в посвящении 981.

Итак, по общности содержания мы выделили 3 надписи — 2 фанагорийские и 1 гермонасскую — видимо, вполне связанные с успешными военными действиями Савромата на азиатском Боспоре (КБН 980, 981, 1048). Напомним и их территориальное единство, что, во-первых, подчеркивает их связь друг с другом, во-вторых, сужает театр действий Савромата до Тамани. Четвертым памятником, примыкающим к этой группе, является публикуемый фрагмент фанагорийской же почетной надписи. Все 4 документа содержат перекликающиеся элементы, которые раскрывают смысл породивших их событий. Общность выделенных памятников вкратце сводится к следующему. 1. В гермонасской почетной надписи 1048 и новом фанагорийском фрагменте упоминается варварский народ псеханы. 2. Гермонасская и фанагорийская почетные надписи 980 и 1048 одинаково содержат нововведенную формулировку титулатуры Савромата, декларирующую божественное происхождение монарха.² Это само по себе связывает данные надписи друг

¹ Титул $\acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\rho\upsilon\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu$ $\delta\iota\acute{\alpha}$ $\beta\iota\omicron\upsilon$ — разновидность более общей формулы $\epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\mu\alpha\tau\epsilon\rho\iota\delta\omicron\varsigma$ почетных надписей. Указанная разновидность присутствует, помимо надписи 981, также в почетной надписи I-II КБН 901 из Тиритаки.

² Поскольку гермонасский памятник поставлен частным лицом, то не ему принадлежит изобретение нового титула. Титул присуждался от лица официальной коллегии или народа, так что источником нововведения могла быть фанагорийская община, ибо почетная надпись 980 поставлена от лица фанагорийского полка. Последнее явствует из того, что царь в ней именуется «благодетелем отечества».

с другом, но и их содержание столь же близко: в одной повествуется о действиях Савромата против псеханов, в другой указано, что он что-то «взял» (ἐλόβητα), возможно, укрепления того же противника. Из общей связи обоих документов следует, что подразумеваемым в фанагорийской надписи 980 противником, у которого царь что-то «взял», могли быть те же псеханы, упоминаемые новым фанагорийским фрагментом. 3. Аналогичным образом военный поход Савромата (στράτ[εὺσαυτος]) послужил причиной постановки еще одной, третьей в Фанагории, надписи в его честь — 981, связь которой с походом против псеханов вполне вероятна.

Изложенные данные позволяют заключить, что в какой-то период царствования Савромата I совершил поход против псеханов на азиатском Боспоре, причем театром военных действий была Тамань. Его победа была настолько значительным событием, что затрагивала интересы не только Фанагории, но и Гермонассы, и была увековечена постановкой ряда статуй победителя с надписями в его честь в обоих городах.¹ Один памятник, причем от имени частного лица, поставлен в Гермонассе, 2-3 других в Фанагории, откуда явствует, что более всего были заинтересованы в победе фанагорийцы. На основании дошедших до нас боспорских надписей можно сказать, что ни одно другое событие военной истории Боспора не документировано таким количеством памятников, и одно это обстоятельство указывает на огромное значение победы над псеханами для судеб азиатского Боспора.

Теперь время познакомиться с псеханами. Как сказано, В. В. Шкорпил считал Ψεχαίω гермонасской надписи 1048 названием реки, при которой Савромат одержал победу. В соответствии с этим В. В. Латышев [1913, с. 113/5; IOSPE II, 358] сначала читал в стк. б надписи τὰ κατὰ Ψεχανό[ν] «в области Псехана», но во втором издании IOSPE II (Архив, см. комм. КБН) предложил чтение τὰ κατὰ Ψεχαίω[ν] «в стране псеханов». Таким образом, он вплотную подошел к правильному пониманию вопроса о Ψεχαίω надписи из Гермонассы, что нашло полное подтверждение в новонайденном *laudatio*, которое дало полную форму этнонима — *acc. pl.* Ψεχανοῦς. В связи с этим отметим, что упоминаемые перечисленными надписями псеханы показаны на Певтингеровых таблицах, которые отражают римскую географическую картину мира II-IV вв. Здесь они показаны дважды, красным и черным [Подосинов, 2002, с. 353/4, илл. 8, 9]. Красным они размещены над территорией аспургин, их разделяет река. Поскольку локализация аспургин известна — между Фанагорией и Горгишпией (выше, с. 251), разделяющая их река — Кубань; стало быть, псеханы располагаются близ Тамани и Фонталовского полуострова. Черным псеханы показаны направо от аспургин, над соленым озером Дор (Кизилташский лиман?), известные ориентиры тут на карте — Фанагория, лазы, гениохи. Наличие Фанагории, пожалуй, указывает, что псеханы ме-

¹ Наверняка с военными успехами Савромата связаны изображения арматуры, венков, Ники-Виктории, крепостных ворот на его монетах, см. воспроизведение их [Алюхин, 1999, с. 147/9].

ханически повторены на карте (взяты составителем из другого источника). Причину соседства с лазами и гениохами раскрывает этимология этнонима. Его форма Ψεχανοί свидетельствует, что основа Ψεχ- оформлена греческим этнонимическим (гентильным) суффиксом -ανοί (это предполагает ударение *gen.* Ψεχανῶν), основа же Ψεχ- соответствует множеству адыгских местных названий, обозначающих землю в речной области. Это *псучо* «речная долина», *псыгу* «середина воды, остров», *псыклэй* «водная долина, низина», *псыхэ* «низовье», *псыхэу* «река» [Жучкевич, 1968, с. 146; Коков, 1974, с. 24/6; 2000, с. 127/8, 155/8, 374-384]. Отсюда значение этнонима Ψεχανοί — «обитатели низовий, речных долин». В основе приведенных апеллятивов лежит адыгское *пс*, *псы* «вода, река», с которым связан ряд названий азиатского Боспора, упоминаемых античными авторами: река Ψάθις в юго-вост. Меотиде (*Ptol. Geogr.* V, 8, 2 = Ψάτης Страбоновской Хрестоматии, XI) и Ψάχαψις — река в земле зихов (*Ps.-Art. Per.* 58 Müller), название местности Ψόα на азиатском Боспоре, выделенной Евмелом для каллатийских переселенцев (*Diod.* XX, 25). К этой группе названий принадлежит и этноним Ψησοί, образованный от адыгского *псылу* «побережье» и упоминаемый боспорскими надписями с первой пол. IV в.¹

Адыгская топонимика нижнего Прикубанья сложилась в основном в средние века, в античное время исконная область ее распространения лежала к югу от Геленджика, где греко-римскими авторами локализовались зихи (*ср.* грузинское обозначение родственных адыгам абазинцев *джихи* [Коков, 1960, с. 63]). Поскольку известно, что лазы обитали далеко на юге, на Певтингеровой таблице они ошибочно заняли место зихов, с которыми всегда идет пара гениохи и ахеи. Все три народа обитают к югу от Горгишпии. Значение этнонима Ψεχανοί «обитатели низин, речных долин» более всего соответствует этим предгорьям Сев. Кавказа. Также и постановка этнонима Ψησοί в надписях Левкона I и Аспурга на последнем месте в числе подвластных и союзных народов азиатского Боспора указывает на их наибольшую удаленность сравнительно с синдами, дандариями, торетами и тарпетами. Расположение же псеханов в районе Фонталовского и Таманского п-овов на Певтингеровой таблице отражает экспансию этих народов сюда, завершившуюся ок. III в. н. э. Отсюда можно заключить, что борьба Савромата I с псеханами была следствием передвижения адыгов сюда на рубеже I и II вв. Эта инфильтрация адыгов в нижнее Прикубанье имела враждебный Боспорскому царству характер, на что указывает борьба Савромата с ними. Стало быть, в гибели ряда античных поселений в III в. на азиатском Боспоре наряду с готами не последнюю роль играл натиск адыгских племен. Равным образом

¹ Огласовка корня Ψησοί показывает, что предпочтительной была бы огласовка Ψησαοί. Двухязычная этокская надпись из Большой Кабарды включает византийский текст эпитафии и кабардинский, написанный греческими буквами [Кафосв, с. 39]. Из кабардинского текста явствует, что кабардинское *ы* (= адыг. *ы*) передается через греческую *ι* (фонетически = *i*).

можно думать, что после готских погромов 220-230-х годов псеханы двинулись на опустошенные земли. Не исключено, что двойная локализация псеханов на Певтингеровой карте отражает это передвижение части народа к северу от р. Кубань.¹

Итак, экспансия адыгского народа псеханов в нижнее Прикубанье была приостановлена успешным походом (или рядом походов) Савромата I. Видимо, псеханы были только отброшены от границ азиатского Боспора, поскольку столетие — другое спустя, судя по Певтингеровой таблице, они все же обосновались в районе Фонталовского и Таманского полуостровов. Угроза нового вторжения псеханов или какого-либо другого северокавказского народа оставалась реальной, судя по энергичным мероприятиям Савромата I на азиатском Боспоре. Он отстроил заново и в прежних масштабах оборонительные сооружения Горгишии (КБН 1122). В Фанагории отстроены въездные пилоны оборонительных сооружений (в стк. 5 его темрюкской строительной надписи следует читать [πυ]λῶνας кат[αφθαρέντας] «разрушенные пилоны», см. с. 577). И в Гермонассе, затронутой угрозой со стороны псеханов, Савромат восстанавливает разрушенные храмовые постройки (КБН 1045). Судя по энергичным военным и строительным мероприятиям Савромата I и неоднократным изъявлениям благодарности ему за победу над псеханами, вражеское нашествие затронуло Фанагорию и Гермонассу.

Оригинальное развитие «военной» версии о псеханах предложила Н. В. Левченко [1999, с. 210/1], увидевшая их этноним в надписи КБН 1240 из Танаиса (текст Латышева — КБН см. ниже, с. 588). Она с основанием отметила, что строка со словом βασιλεί не первая (это показывает написанное на оборотной стороне посвящение 1239 времени царя Тиберия Евпатора), и дала такой текст:

[Αγαθῆ τύχη. Τῷ ἐκ προγόνων βασιλέων
 βασιλεί, μεγάλῳ Τιβ. Ἰουλίῳ Σαυρομά-
 τη νεική[σαντι στρατεύμα τὸ κατὰ Ψε-
 χανῶν ἀνέστησεν ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
 ὁ ἐπὶ τοῦ .... | Ἐν τῷ ....

Несомненно, интерпретация интересна и чтение стк. 1–2 правильно, однако дополнение этнонима псеханов не убедительно ввиду отдаленности места их обитания от Танаиса (пребывание их здесь в хазарское время документировано археологически [Бубенок, 2008, с. 29–30], но от античного времени следов нет). Ничто не связывает их с этим городом, а попытка Левченко разместить их «на обширных пространствах между Доном и Волгой в районе Маныча» (с. 213, это локализация К. Миллера, плохо знакомого с этногеографией юга Сарматии) не оправдана — как показано выше, территория псеханов устанавливается по ориентации на хорошо локализуемые

¹ Как далеко к северу и северо-западу от своей земли могли проникать адыги, показывает присутствие их в VIII–X вв. н. э. на Нижнем Дону, а в Крыму с VII в. по новое время [Бубенок, 2004; 2008, лит.].

соседние с Таманью названия. Того же рода и утверждение Левченко, что ближайшие соседи псеханов танаиты — данное название Певтингеровым таблицам неизвестно, это один из вариантов понимания этнонима Cannate, предложенных тем же Миллером [Подосинов, 2002, с. 352].

В заключение рассмотрим вопрос о времени похода на псеханов. Базовый источник — гермонасская строительная надпись КБН 1045 от 105 г., сообщающая о сооружении заново «уничтоженных портиков вокруг храма» Афродиты Апатуры ([--τὰς] περιναίους στοὰ[ς τὰς τῶν [-- | -- κα]θηρημένας). Поскольку надпись 1048 связывает Гермонассу с псеханами, логично счесть, что уничтожение храмовых портиков было результатом военных действий против этого народа, следовательно, возобновление разрушенных построек в 105 г. указывает, что нашествие псеханов и поход Савромата на них имели место в первые годы II в. Более позднюю дату предложил С. Ю. Сапрыкин [1997, с. 92/3]: рубеж первой — второй декад II в. (ок. 110/111 г.), когда ввиду побед над варварами Савромат получил титул «великий царь», «царь царей» и, видимо, связанное с последним указание на божественное происхождение. Эту датировку поддержала Н. В. Левченко [1999, с. 218], оба исследователя исходили из своего понимания развития титулатуры Савромата, полагая, что оно шло по нарастающей, а также изображений на монетах. Между тем развернутый или сокращенный характер титулатуры определяется разными факторами.¹ Твердых реперов для выявления времени появления указанных элементов в титулатуре Савромата нет, ибо они отсутствуют в трех датированных надписях его времени, которые обходятся неизменными элементами титулатуры, сложившимися еще у Котиса I и перешедшими к потомкам: КБН 43 от 97 г. — φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβῆς, КБН 1045 от 105 г. и 44 от 117 г. — то же + ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου. Понятно, что появление титула «царь царей» и указания на божественное происхождение связано с военными успехами Савромата, но время их появления должно быть показано точно датированной надписью. Полагаем, ею является его строительная надпись КБН 1045 от 105 г. Текст и пер. КБН:

[Τιβέριος Ἰούλιος βασι]λεὺς Σαυρομ[άτης φιλόκαισαρ καὶ
 φιλορώμαιος, εὐσεβῆς], ἀρχιερεὺς τῶν Σεβασ[τῶν διὰ βίου
 ---- - τὰς] περιναίους στοὰ[ς τὰς τῶν [- -
 --- χρόνῳ κα]θηρημένας ἐκ θεμελίων διεγείρας
 [- ---- Ἀφρο]δείτηι Ἀπατουριάδι καθειέρωσεν
 [δι' ἐπιμελείας] -- τοῦ ἐπὶ τῶν ἱερῶν. Ἐν τῷ βῦ' [ἔτει]

¹ Как отмечено выше, Левченко не учла наследование Савроматом титулатуры отца, Рескупорида II, представляются субъективными и ее выводы о включении или опущении элементов титулатуры в зависимости от характера отношений с Римом. Не учла она и того обстоятельства, что в зависимости от жанра (почетная, посвященная, строительная надпись) варьируются элементы титулатуры; в конце-концов их наличие или отсутствие могло определяться размерами камня. К сожалению, их наличие или отсутствие на наши заметки о надписях КБН 32, которая поставлена за Котиса II, а не Савромата I, и 1240 [Яйленко, 1987, с. 32/3, 116].

«Тиберий Юлий царь Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник августов ... окружающие храм портики ... временем уничтоженные, от основания восстановив ... Афродите Апатуриаде посвятил попечением *такого-то*, ведающего святынями. В 402 году» (КБН). Здесь титулатуре Савромата свойственна особенность, встречающаяся на монетных легендах [Анохин, 1986, с. 154/6] и крайне редко в эпиграфике — титул βασιλεύς вставлен в середину царского имени. Это краткая редакция титулатуры, которая помещалась на монетах ввиду ограниченности места, а в почетной надписи в честь Каракаллы КБН 52 — в титулатуре поставившего ее Савромата II, что тоже понятно: негоже боспорскому царю блистать титулами при упоминании имени римского императора.¹ Однако в строительной надписи Савромата I КБН 1254 эта краткая редакция является частью развернутой титулатуры: [ὁ ἐκ] προγόνων βασιλέ[[ων βασιλεὺς μέγας Τιβέριος [[Ιούλιος] βασιλεὺς [Σ]αυρομάτης, [[υἱὸς βασιλέ]ως Ρησκούριδος, φιλόκαισαρ καὶ φιλωρῶμ[α]ιο[ς], εὐσεβής. В надписях 1045 и 1254 налицо полное соответствие конструкции Τιβέριος Ἰούλιος βασιλεὺς Σαυρομάτης и обязательных титулов φιλόκαισαρ καὶ φιλωρῶμαιος, εὐσεβής, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου.² Следовательно, в надписи 1045 перед конструкцией [Τιβέριος Ἰούλιος βασι]λεὺς Σαυρομ[άτης] следует дополнить предшествующий титул ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλεὺς μέγας. Соответственно, вводится и указание на происхождение от отца, Рескупорида II, так что в целом надпись 1045 читаем так:

[ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλεὺς μέγας Τιβέριος Ἰούλιος βασι]λεὺς Σαυρομ[άτης,
 υἱὸς μεγάλου
 βασιλέως Ρησκούριδος, φιλόκαισαρ καὶ φιλωρῶμαιος, εὐσεβής], ἀρχιερεὺς τῶν
 Σεβασ[τῶν διὰ βίου

----- τὰς] περιναίους στοὰ[ς τὰ]ς τῶν [- -
 ----- κα]θηρημένας ἐκ θεμελίων διεγείρας
 [- ---- - ----- Ἄφρο]δείτηι Ἀπατουριάδι καθειέρωσεν
 [- ----- δι' ἐπιμελείας] τοῦ ἐπὶ τῶν ἱερῶν, ἐν τῷ βυ' [ἔτει]

«Происходящий от царственных предков великий царь Тиберий Юлий, царь Савромат, сын великого царя Рескупорида, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник августов ... окружающие храм портики ... уничтоженные, от основания восстановив ... Афродите Апатуриаде посвятил попечением *такого-то*, ведающего святынями, в 402 году».

Отсюда следует, что уже в 105 г. Савромат обладал титулом «происходящий от царственных предков», который по важности сопоставим лишь с титулом «царь царей». Поскольку несомненно, что прибавление этих титу-

¹ Яркий пример дают надписи царицы Динамии, имевшей пышную титулатуру (КБН 31, 979), но в своих почетных надписях в честь римских сюзеренов 38, 978, 1046 облодившейся скромным титулом φιλωρῶμαιος.

² В 1045 элементы φιλόκαισαρ καὶ φιλωρῶμαιος, εὐσεβής не сохранились, но они обязательно были, так как всегда предшествуют элементу ἀρχιερεὺς τῶν Σεβασ[τῶν διὰ βίου], который без них не употребляется и в надписи представлен.

лов обязано военным успехам царя, по связи Гермонассы и псеханов можно считать, что это успехи в борьбе с ними. Впрочем, если наша реконструкция надписи ошибочна и строительные работы Савромата 105 г. в Гермонассе не связаны с походом на псеханов, приемлема датировка С. Ю. Сапрыкина.

Очень вероятно, что вследствие войны с псеханами Савромат основал на Тамани или поблизости крепость Nikeю (Никополь), о чем см. следующий очерк.

ГОРОД НИКЕЯ — НИКОПОЛЬ НА ТАМАНИ, ОСНОВАННЫЙ САВРОМАТОМ I (КБН 44 И 1112)

КБН 44 — почетная надпись в честь Савромата I от 117 г., поставленная синодом «никейской молодежи» своему основателю: Νεϊκαίεωv νέωv σύνδοc τὸν ἐαυτῶν κτίστην. Из комм. КБН: «По мнению Латышева, город Никея, «молодежь» которой поставила Савромату статую, по-видимому, Никея вифинская. Однако объяснить, каким образом боспорский царь мог быть основателем объединения молодежи в Никее, Латышев отказывается. По убедительному предположению Книпович, союз этот, очевидно, был учрежден на Боспоре. Оживленные сношения Северного Причерноморья с Вифинией, как и вообще с областью Южного Причерноморья в первые века нашей эры, засвидетельствованы многочисленными эпиграфическими памятниками».¹ Полагаем, вряд ли стоит вместе с Т. Н. Книпович думать о никейском землячестве на Боспоре, поскольку такие землячества объединяют всех выходцев из какого-либо полиса, а не только молодежь. Эта деталь — «синод молодежи» — указывает, что в титуле Савромата в стк. 9/10 εὐεργέτην πατρίδος καὶ κτίστην «благодетель отечества и основатель» под отечеством подразумевается Боспор (как и в других надписях — КБН 33, 1122 и др.), а как ктисτ Савромат — «основатель» боспорского города никейцев, поскольку в соответствии с греческой колонизационной практикой новые города основывались главным образом молодежью (*Iustini* XVIII, 4, 2; *Herod.* IV, 153; *Paus.* VIII, 3, 5; *Plut.* *Mor.* 298-299a; это не только греческий обычай, а отличительная черта свойственного многим народам обряда *ver sacrum* [Яйленко, 1982, с. 76, 79]). Таким образом, Савромат основал где-то на Боспоре город Никею, причем первыми насельниками его стала главным образом молодежь. Можно думать, что это были не просто молодые люди, но и, вероятно, часть «младшей дружины», принадлежавшей наследнику царя: νέοι рассматриваемой надписи *ср.* с νεώτεροι надписи КБН 36. 75, которые перечисляются в конце списка придворных и занимают место ниже аристократов и, без сомнения, составляют, по обычаю царских дворов разных времен и

¹ Далее следует ссылка на ольвийские надписи IOSPE I² 40, 41, упоминающие никейцев, и литература о связях Боспора с Юж. Причерноморьем. В лемме к КБН 44 ошибочно указано, что толщина постаментов с почетной надписью от 117 г. н. э. 0,04 м — по Латышеву (IOSPE II, 39), 0,43 м.

народов, дружину наследника престола. С другой стороны, словом οἱ νέοι обозначается и просто молодежь. Так, от имени οἱ νέοι (видимо, это выпускники гимназия в македонском Сирисе, совр. Серры) в I в. н. э. поставлена почетная надпись в честь архиерея, агнофета и гимнасиарха Тиберия Клавдия Диогена [Samsaris, p. 235]. Названия Никея, Никополь давались вновь основываемым городам в честь одержанной на данном месте победы (например, Александр Македонский на месте выигранной им битвы с индийским царем Пором основал город Никею, — *Strabo*, XV, 1, 29; «в честь побед самого Селевка есть Никефорий в Месопотамии и Никополь в Армении», — *App. Syr.* 57; Никополь в Эпире, основанный Августом после победы при Актин, Никополь в Малой Армении, заложенный Помпеем, — *Strabo*, VII, 7, 6; XII, 3, 28), и это позволяет представить себе в целом следующий ход событий. Савромат I был воинственным правителем, что нашло отражение в эмблематике его монет [Зограф, с. 202] и в принятии им (впервые после Фарнака) титула «царь царей», подразумевающего его широкую власть над племенными царями Боспора, а также указания на происхождение от царственных или божественных предков. В надписях упоминается успешный поход Савромата против псеханов, адыгского племени, надвинувшегося на греческие города Тамани (с. 310), укрепление им Фанагории (с. 577), а также Горгииппии и Танаиса — передовых рубежей обороны Боспора от варварских вторжений из глубин Предкавказья и Приазовья (КБН 1122, 1254). Вероятно, им же был основан город [? Σαυρ]ομάτειον у вала на Керченском полуострове (КБН 970: дата надписи по шрифту вполне соответствует и времени Савромата I, а не только «второй половине II — первой половине III в. н. э.», как сочли комментаторы КБН). После одной из своих побед Савромат (*ср.* изображение Ники на его монетах) предпринял в числе мероприятий по укреплению рубежей своего царства основание города Никеи, первыми насельниками которого стала часть «младших дружинников» и просто молодые солдаты.¹ Именно эта Никея упоминается в надписи КБН 1112.

КБН 1112 — строительная надпись 335 г. н. э. (*ср.* [Павличенко, 2004]), сообщающая о постройке оборонительной стены тщанием архитектора Евтиха. В стк. 4-5 приписка: ἐγράφη δὲ χειρὶ Παππου Πούπλιου. Νεϊκή πόλε[ωc]. Χαῖρ(ε) «написано же рукой Паппа, сына Публия. Победа города. Здравствуй» (КБН). Чтения А. Вильгельма Νεϊκή πόλε[ωc].

¹ Возможно, подобным образом следует решать и вопрос о почетной надписи КБН 58 от 240 г. н. э. в честь управляющего царскими землями Аврелия Родона, сына Лоллея, поставленной ему как благодетелю Аврелием Цельсом — Αὐρ(ήλιος) Κέλσος β' «Аврелий Цельс младший, сын Цельса, гераклеот» (IOSPE II 46, КБН). Конечно, почетная же надпись КБН 59 от 250 г. н. э., поставленная в честь Рескупорида V «гераклеотом с Понта» дает основание для такого понимания слов νεώτεροι «младших аристократов (?)» (νεώτεροι οἱ [(?) νεώτεροι Ἰρακλεώτης, однако разряд «младших аристократов (?)» (νεώτεροι οἱ [(?) ἀριστοπυλεῖται] посвящения КБН 36 от 275/278 г.) вместе с Νεϊκαίεωv νέωv σύνδοc «синод никейской молодежи» КБН 44 позволяет предположить то же содержание и в выражении νεώτερος Ἰρακλεώτης «младший гераклеот», под чем подразумевается молодой насельник боспорской крепости Гераклеи, аналогичной таманской Никее.

Χαῖρ(ε) [SEG 2, 1925, 480] и Латышева — Шкорпила Νείκη πόλε[ι] [Латышев, 1915, с. 38/9; 1922, с. 81] сомнительны: судя по фото [НЭ, 3, с. 31; КБН-альбом], в стк. 5 после ПОЛЕ следовало еще 6 букв до различных букв ХЛ, которые напрасно прочтены как Χαῖρ(ε), поскольку текст продолжался не только в этой строке, но была еще и стк. 6. В связи с названием Никея обращает на себя внимание надпись КБН 44, поставленная от имени Νείκαίεων — «никейцев», жителей города Никеи, как мы выяснили, основанной где-то на Боспоре Савроматом I. Поскольку это лишь два случая упоминания названия города с элементом Νίκη на Боспоре, можно думать, что в обеих надписях речь идет об одном и том же городе. Судя по этнику Νείκαίεις КБН 44, первоначально он назывался Νίκαια (πόλις), в дальнейшем употреблялось и название Νικόπολις (Νεικήπολις). Этникон жителя этого города — Νικόπολίτης, его мы и усматриваем при имени Паппа — Νεικήπολε[ίτου]: «написано рукой Паппа, сына Публия, никополита». К упоминанию этника лица, поставившего надпись или, как в нашем редком случае, составителя надписи, *ср.* КБН 58 — почетную надпись со статуей поставил Аврелий Цельс-младший, гераклеот.

Обстоятельства находки рассматриваемой надписи неясны: она была конфискована таманской администрацией у казака станицы Вышестеблиевской, сын которого показал, что она найдена у станицы Запорожской, в чем Шкорпила почему-то сомневался [Латышев, 1922, с. 81]. Таким образом, Никополь должен локализоваться либо у Запорожской станицы на Денском заливе, либо у Вышестеблиевской при северном берегу Цукурского лимана. Н. И. Сокольский [1963, с. 179 *сл.*] проводил в 1960/2 гг. раскопки на городище в окрестностях станицы Запорожской. Это сырцовая крепость, основанная в первой пол. I в. н. э. и в середине того же столетия погибшая в пожаре. Она функционировала и позже, судя по материалу II–IV вв. н. э., что соответствует датировкам надписей, упоминающих Никею-Никополь — 117 и 335 гг. н. э. Крепостной характер этого поселения соответствует его названию. Также и в районе станицы Вышестеблиевской есть Батарейка — городище, окруженное мощным валом, раскопками вскрыты в числе прочего слои II–IV вв. н. э.¹ Таким образом, Батарейка у ст. Запорожской или, скорее, Вышестеблиевской может быть отождествлена с Никеей-Никополем, тем более, что этому названию вполне соответствует крепостной характер обоих поселений. Название Никея-Никополь указывает на связь основания города с успешными военными действиями Савромата I. Пока мы знаем об одной важной победе этого царя на азиатском Боспоре, и она была одержана именно здесь, на Тамани, над псеханами (выше, с. 321). Отсюда можно предположить, что Савромат I основал на Тамани город Никею-Никополь в результате разгрома псеханов.²

¹ В 1977 г. на ней производил пробные раскопки В. С. Долгоруков, недавно С. В. Кашаев, *см.* ниже, с. 668.

² Возможно, она изображена на монетах Савромата I с крепостными воротами и коленопреклоненным пленником, *но ср.* [Блаватский, 1964, с. 149; Назаров, с. 157].

РЕЛЬЕФ ВОТИВА ФИАСОТОВ БОГА ТАНАИСА КБН 1259

Рис. 19. Рельеф вотива фиасотов бога Танаиса КБН 1259

Стела с надписью увенчана рельефом, на котором изображен всадник вправо на спокойно стоящем коне, держит ритон в вытянутой вперед правой руке, согнутой в локте, перед ним алтарь с языком пламени, позади алтаря, направо и сзади, дерево с букранием в кроне (рис. 19). Понимание рельефа неоднозначно. В интересных статьях Н. В. Завойкиной [2009; 2010] рассмотрены имеющиеся интерпретации рельефа: 1) всадник — речное божество Танаис, упоминаемое

античными источниками (Жебелев, Книпович), 2) Бог высочайший (Салач, Болгунова), 3) герой-эпоним Танаиса (Диатроптов), 4) конный Митра (Блаватский, Кошеленко), 5) царь Савромат I (Кошеленко, Гаибов).¹ Два первых объяснения Завойкина отвергла, поскольку речное божество не изображалось в виде всадника, а Бог высочайший аниконичен (если же принимать его вместе с С. Митчелом за фригийского ангела Бога высочайшего, то тот изображался иначе — на скачущем коне с развивающимся плащом). Также иконография Митры-всадника иная. Мнение о герое-эпониме Танаиса П. Д. Диатроптов [2001, с. 43–50] обосновал аналогией из Пергама, однако Н. В. Завойкина заметила, что там изображен «фракийский всадник».² Чуть ближе указанный И. В. Толочко [2000, с. 289] рельеф из Варны с посвящением «Герою Карабасну», но и тут вместо горящего огня на алтаре показан бюст богини с уставленным дарами подносом на голове, рядом стоит герма Приапа [Тончева, с. 76].³ Наконец, мнение Г. А. Кошеленко и В. А. Гаибова

¹ Историографию вопроса *см.* также [Кошеленко, Гаибов, 2005, с. 259/61].

² Уточним: это частый на фракийских рельефах Асклепий или Зевс, хтонический символ которых — обвивающая дерево змея [IGBulg. III/1, 1096, 1185/7 *etc.*].

³ Хотя сопоставление танаисского рельефа с варненским показалось Н. В. Завой-

[2005, с. 262], что на танаисском рельефе изображен Савромат I, по времени которого датирована надпись, отвергнут Завойкиной ввиду несходства лица всадника с портретами царя на монетах. В результате она заключила, что нельзя однозначно решить, кто изображен на рельефе и какому божеству поклонялся поставивший стелу фиас, можно «допустить, что иконографическая схема «фракийский всадник» с атрибутами, присущими образу героя (ритон, алтарь с горящим огнем, букраний на дереве), была приспособлена к местным религиозно-культурным представлениям жителей Танаиса». Содержательные статьи глубокоуважаемой Натальи Владимировны побудили меня обратиться к этому рельефу.

Его интерпретация имеет ряд аспектов — иконографический, эпиграфический, литературно-мифологический. Сначала выясним соотношение танаисского рельефа и изображений «фракийского всадника». Помимо стелы из Варны во Фракии немало близких рельефов (даем примеры только из одного тома IG Bulg. — III/1, № 1185, 1321, 1381, 1398, 1399, 1412, 1457, 1463): конь спокойно стоит или вышагивает иноходью левой парой ног (или задней правой, но левая передняя обычно приподнята), всадник вправо, он среднего возраста, с подстриженной бородой и копной волос. На нем кафтан, штаны, плащ ниспадает широкими складками на круп, нога от колена опущена прямо или чуть отставлена назад. Рука согнута в локте и горизонтально, либо с небольшим наклоном, вытянута вперед вниз, к алтарю. В правой руке небольшая плоская тарелка или патера для жертвоприношения. Перед всадником каменный алтарь, прямоугольный, круглый или конический, высотой обычно до живота или груди коня, иногда он невысок и часто копыто коня поднято над ним. За алтарем у правого края поля дерево — ствол с поднятыми ветвями, это символ хтонической природы всадника. Изображенный на этих рельефах «фракийский всадник» — Герой, почитаемый с местной эпиклезой или отождествляемый с греческим божеством.¹

Важным, мы не видим этого, так как наличие одного лишь букrania в кроне дерева мало что дает по причине иной иконографии алтаря. В статье И. В. Толочко ценно то, что она различила букраний на кроне дерева и привлекла в пандан к рельефу КБН 1259 найденный в 1993 г. в Танаисе обломок мраморного рельефа с изображением дерева и букrania. Толочко примкнула к мнению С. А. Крыкина, что всадник на рельефе — боспорский царь (но мотивация у него странная: чтобы напомнить о своем родстве с богами!). Она разделяет мнение, что рельеф посвящен Богу высочайшему, но на с. 291 ошибочно пишет, что надпись поставлена по заказу фиаса этого Бога, а на следующей странице уверяет, что этот Бог потому не упоминается в надписи, что имя его было широко известно и не требовало фиксации. Ниже увидим, что в КБН 1259 речь идет о «боге Танаисе». Мы располагаем уже тремя танаисскими памятниками фиаса почитателей «бога Танаиса» — наряду с КБН 1259 и изданным Толочко фрагментом рельефа это еще изданное А. И. Иванчиком [2008, с. 64] посвящение «[богу] Танаису», о котором см. с. 597–601.

[Venedikov, p. 165/6]. В виде исключения в правой руке всадника копьё (IG Bulg. 1403), вместо и на месте алтаря показана стоящая женская фигура, сзади небольшая мужская фигура (Ib. 1404, 1409), вместо алтаря и дерева на их месте стоящая жен-

Между фракийскими рельефами и танаисским есть также важные художественные отличия. Во-первых, иконографические: алтарь на фракийских рельефах почти всегда чист от жертв, танаисский алтарь с пламенем. Пламя присутствует на алтарях фракийских рельефов описанного иконографического типа крайне редко, как исключение из правила (IG Bulg. II, 534, вотив Асклепию), по одной этой причине нельзя вести речь об определяющем воздействии изображений «фракийского всадника» на танаисский рельеф. Это отличие тем более существенно, что для греко-иранского Танаиса присущее иранскому миру поклонение огню — норма (далее мы покажем иранскую природу танаисского рельефа).¹ У танаисского всадника в руке ритон, на дереве букраний, и хотя на фракийских рельефах бывают изображения того и другого в качестве хтонических символов, рельефам описанной иконографии они тоже не присущи как норма. Эти черты танаисского памятника, не свойственные типовым фракийским рельефам, указывают на его местное иконографическое своеобразие, соответственно, и в содержательном плане. Во-вторых, танаисский и фракийские памятники различны по типологии: плита из Танаиса (h 0,74 м) типологически входит в круг боспорских стел удлиненной формы, т. е. суживающихся кверху, с надписью, венчаемой рельефом,² тогда как фракийские памятники самой разной формы и бессистемного соотношения надписи и рельефа. В-третьих, различна художественная трактовка сравниваемых памятников: фракийские рельефы обычно подвышенного формата, вследствие чего пространство поля заужено, а фигуры и предметы теснятся, у танаисского рельефа горизонтальный формат, что позволило выделить фигуры и предметы в пространстве поля, свободно расположить их и тем самым придать некоторую значительность. В-четвертых, художественное качество танаисского рельефа выше не очень мастеровитых обычно рельефов с «фракийским всадником». Наконец, Танаис настолько удален от Фракии, что неясно, каким образом его смогла достичь иконография фракийских посвященных стел, почти не сказавшаяся на собственно греческой вотивной пластике.³ Указанные обстоятельства не

ская фигура (Ib. 1408), между алтарем и деревом стоит служитель [Тончева, с. 75]. Надписи при перечисленных памятниках гласят, что это вотивные приношения частных лиц Асклепию Расиперу (1185), [Геро]ю Кордену (1321), Герою (1398), Владыке Герою (1399), Аполлону Згуламену (1457), Аполлону (1463), Герою Эйперкону (Тончева). На стелах с изображениями «фракийского всадника» ἥρωας и θεός взаимозаменяемы, к примеру, IG Bulg. III/1, 954, 960, 964 etc. — "Нрел. 1096, 1260, 1385 etc. — θεός, также II, 755, 832, 833, 851 etc. — θεός "Нрел.

¹ За исключением скифов причерноморских степей, где не было леса (Herod. IV, 60-61).

² Это ближневосточный по происхождению тип, древнейший образец которого — стела вавилонского царя Хаммурапи. Они известны в Танаисе, Пангикапее (КБН 36, 1260, 1285 etc.).

³ В принципе топонимика Сев-Зап. Причерноморья и Крыма дает основания думать о второй волне переселения фракийцев сюда в первые века н. э. (с 1980-х

позволяют думать о единстве фракийских памятников и танаисского рельефа — несмотря на внешнюю близость у них разная природа.

Надпись под рельефом показывает, что изображен местный «бог Танаис», что стела в целом представляет собой посвящение ему (εὐχή, εὐχαριστήριον) членов фиаса.¹ Стк. 5-7 надписи в чтении и переводе издателей КБН лишены достаточной ясности: ἔτους αὐ' ἀ[γ]οντες θ. | ἡμέραν Ταναΐδος или Ἀ|πελλαίου αὐ' περὶ (ι)έρεια Ξένων κτλ. «в год 401, справляющие 9-й (?) день Танаиса в месяце Апеллея 11-го». Издатели КБН приняли догадку С. А. Жебелева, что 11 числа месяца Апеллея справлялся день города Танаиса, и это приемлемо, ибо в древности, как и ныне, день города — фиксированное число месяца или день недели и празднуется он 1 день. Например, *dedicatio*, официальное посвящение Константинополя по римскому обряду (не христианскому!), состоялось 11 мая 330 г. и этот день праздновался впоследствии как «день рождения города».² Одно это указывает, что «бог Танаис» был эпонимом города (как Афина — эпоним Афин и т. д.). Вместо ἀ[γ]οντες θ. | ἡμέραν КБН более точное понимание текста дал Ю. Г. Виноградов, догадавшийся, что *meta* принадлежит слову θεός.³ Однако его чте-

годов у меня в столе лежит большая статья об этом, которую никак не удосужусь опубликовать), что в материальном плане выражается в появлении изображений фракийского всадника на малых поселениях Боспора типа Артезиан [Винокуров, 2002] и давно известного вотива Авлудзениса (МБЭ, с. 22-23), медальона с клятвой Зевсу Димеранскому [Сидоренко, Зинько, 2002] и пр.

¹ О поставившем стелу фиасе см. также [Завойкина, 2007, с. 301/2].

² *Consecratio*, освящение Константинополя при заложении, состоялось 8 ноября 324 г., но «днем города» было *dedicatio*, посвящение города богам 11 мая 330 г. [Крутхаймер, с. 46/7]. Известие Малалы под 565 г. [Прокопий, 2001, с. 494] показывает, что иногда «день города» мог слегка сдвигаться и что празднование длилось один день: «В мае месяце не проводился в обычный срок праздник дня рождения города, но он праздновался 13 числа этого месяца» (пер. А. А. Чекаловой). Танаисский вотив поставлен 11 числа м-ца Апеллея, это и есть «день бога Танаиса», день праздника города. Он отмечался поздней осенью или зимой (Апеллей в общем соответствует юлианскому декабрю — см. [Бикерман, с. 44/5]), что для речного божества странно, как и для времени заложения-освящения города (*consecration*), но понятно для времени его посвящения (*dedicatio*) эпониму — богу или императору («время каждого праздника избиралось не по произволу, а определялось теми или другими вескими причинами», заметил В. В. Латышев [1997, т. 2, с. 108]). С 11 числа начиналась вторая декада месяца, отсюда приурочивание к нему отдельных праздников (Анфестерии в Аттике [Иб., с. 136]) или специальных дней праздника (Syll.³ 671 A. 8, Евменин в Дельфах; 1026 A.10, Карвен на Косе).

³ [Арсеньева, Бетгер, Виноградов, с. 69; Иванчик, 2008, с. 64]. На с. 69-70 Виноградов тезисно изложил свое видение текста надписи, обещая в будущем подробно осветить вопрос. Поэтому требуется осмотр эпиграфистами подлинника для уточнения его текстологии, без чего утверждение Виноградова о чуть ли не тройной передаче текста остается бездоказательным. Неточно понимание *meta* в выражении ἀγοντες θ. ἡμέραν Ταναΐδος А. Салачем (см. комм. КБН), который счел ее цифрой: прочтя θ[π], он вычел 89 из даты αὐ' (401) и получил 312 г. босп. эры = 14а, когда

ние θι[οῦ] невозможно: Н. В. Завойкина [2009] заметила, что в лакуне между *meta* + вертикаль второй буквы и правым краем плиты помещается лишь 1 буква; ее чтение *gen.* θε[ῶ] оптимально. Таким образом, в стк. 5-7 читается: ἀγοντες θε[ῶ] ἡμέραν Ταναΐδος «справляющие день бога Танаиса».¹ Следовательно, всадник — «бог Танаис» и как эпоним он приносит жертву за город: он предстает перед алтарем и на нем возжжен огонь (П. Д. Диатроптов). При всем подобии фракийских рельефов это не «фракийский всадник», а местное танаисское божество, соответственно, содержание их и танаисской стелы различно, откуда и происходят указанные выше отличия художественного плана. Подобные Танаису «городские» божества женского и мужского рода известны издавна и часто изображаются на монетах [Guarducci, 1970, p. 655/72]. Это могут быть общегреческие боги, но с местной эпиклезой или атрибутикой (например, Аполлон Аменан на монетах сицилийской Катаны как божество местной реки Аменан) или чисто локальные божества (к примеру, θεοῦ Ἀμφιλόχου на монетах киликийского Маллоса, θεῆς Συρίας = Сирийская богиня, Атаргатис, на монетах сирийского Гиерополя). На эллинистической медной монете Одесса изображен городской бог: μέγας θεὸς Ὀδησιτῶν, имя его местное, фракийское — Дарзалас [Kazagow, S. 12; Данов, с. 420, лит.], подобно иранскому имени «бога Танаиса», почитавшегося греческим по существу фиасом в Танаисе.

город стал де отстраиваться после разрушения Полемоном. Но в таком случае получается, что фиаситы празднуют на протяжении всего года (или в 89-й раз, как выразилась Болтунова), тогда как в надписи говорится о дне празднования — ἀγοντες θ. ἡμέραν Ταναΐδος «празднующие... день Танаиса».

¹ В стк. 5, где издатели КБН прочли ἀ[γ]οντες, *gamma* вполне видна. В стк. 7 читаем по фото в КБН-альбоме ἡρέα, исправление (ι)έρεια в КБН излишне. Для уяснения содержания выражения ἀγοντες ἡμέραν напомним, что глагол ἀγειν в хронологическом контексте (он определяется словом ἡμέραν) имеет значения «считать» (в смысле «исчислять») и «праздновать, устанавливать». Так, договор Евмена II с критянами датирован по году его правления и космам-эпонимам критян: ὡς μὲν βασιλεὺς Εὐμένης ἀγει ἔτους τετάρτου καὶ δεκάτου, μηνὸς [Π]ανήμιου «по счету царя Евмена (дословно «как исчисляет царь») четырнадцатого года, месяца Панема» (= 184а, Syll.³ 627. 9). Соответственно, выражение ἀγειν ἡμέραν имеет значение «считать (исчислять) день» (отсюда прочтение А. Салача). Так, декрет патмосцев в честь Гегемандра постановил ἀγειν δὲ αὐτοῦ καὶ ἐπ' ὀνόματι ἡμέραν «считать (= исчислять) по нему и эпонимный день» (Ib. 1068. 21), что было у греков в обыкновении. Выражением ἀγοντες ἡμέραν определяется также установленный праздничный день для города: к примеру, такой день установили жители Коса в честь победы над галлами, разрушившими Дельфы в 278 г. до н. э.: ὁ δᾶμος ἱερὰν ἀγει τὰν ἡμέραν κτλ. «народ считает священным этот день в связи со спасением и победой греков» и праздничное жертвоприношение назначено на месяц Панем, соответствующий дельфийскому месяцу Букатию, в котором справлялись Пифийские состязания (Ib. 398. 39). Декретом аргосцев постановлено «праздновать первый день месяца», т. е. календарный день новолуния (πρ[α]τ[ο]μενίαν ἀγειν, Ib. 56. 20). Эти параллели показывают, что ἀγοντες θε[ῶ] ἡμέραν Ταναΐδος означает «празднующие день бога Танаиса».

царским прозвищам: авест. *arəjah-*, среднеперс. *šēr*, также *rēgōz* = Пероз (Парвиз); бактр. *oanindo* (Канēško *oanindo*, «победоносный Канишка» большой Сурхкотальской надписи, *ср.* гр. *Νικάτωρ*, *Νικήφορος*). Поэтому ямвлиховы мистерии Танаиса и Фарсириды по характеру представляют собой культ победоносной царской власти, осененной Ардвисурой-Анахитой, которая в авестийской мифологии дарует победу (фарн) обращающимся к ней за помощью героям.¹ Иначе говоря, *Фάρσιрис* танаисских мистерий — эпитет Ардвисуры «Победоносная». Связь фарна как символа царской власти и победы с рекой-Ардвисурой нашла отражение на золотых кушанских монетах II–III вв. н. э. с изображениями женской и мужской фигур, легенды при которых удостоверяют, что это божества *Farro* (Фарн) и *Ardoxšo* = *Arđvī-vaxšu-*, т. е. Ардвиги реки Вахш (= греч. *Ῥξος*, Аму Дарья). На одной гемме они изображены вместе: Фарро с посохом (символ царской власти), Ардохшо с рогом изобилия; они обращены друг к другу, Фарро держит в левой руке чашу с пламенем, Ардохшо касается ее правой рукой. К. В. Тревер [1958, с. 142/3] справедливо сочла Фарро этих изображений мужским двойником Ардохшо, т. е. Ардвисуры как богини Аму Дарьи. Окс изображался на этих монетах также в виде бородатого мужа в рост с ореолом фарна вокруг головы, в волосы которого вплетены характерные для убора парфянских царей ленты, в правой руке царский посох, в левой рог изобилия.² В этих изображениях налицо связь Фарна-Окса и Ардвиги-Аму с царской властью (на монете Васудевы II восседающая на троне Ардохшо держит в левой руке чашу с водой-рекой, правой рукой протягивает венок царской славы [Пугаченкова, 1979, с. 152]). Но царский ранг связан в иранских преданиях и с рекой Танаис: согласно Пс.-Плутарху (*De flux. XIV, 3*), обитающее на Танаисе население ставит на царство взамен умершего царя того, кто найдет в реке камень типа горно-

¹ Этому посвящен сложный в честь нее Абан-яшт. Возможно, до маздаистского ригоризма, обусловленного (народно)этимологическим пониманием имени *Anāhita* «беспорочная, незапятнанная» (*см.* выше, с. 147), в мифологических сказаниях речь шла о сакральном браке — сочетании Ардвиги с витязем, на что указывают некоторые рудименты: согласно Абан-яшту, Ардвисура «вызывает страсть», «вращивает мужское семя», «томится по богатырю». На памятниках сасанидской тореветики III–IV в. н. э. Ардвисура изображена в виде полной эротички полуобнаженной девушки, в особенности на эрмитажной чаше: у нее обнажены крупные груди, округлый живот, в руках гранат и пальмовая ветвь (восточные символы плодородия), по сторонам ее фланкируют обнаженные молодые сатиры с фаллами [Тревер, 1958, с. 135, 141; Пугаченкова, 1979, с. 118, 153]; это вариация на обычную в искусстве древности тему священного брака. К мифу о священном браке героя с Ардвисурой, дающем ему царскую власть, может восходить и предание о влюбленном в свою мать Танаисе, так как Ардвиги почиталась матерью скота и людей (Абан-яшт, V, 21, 89). У скифов царская власть достигалась, по трактовке Д. С. Раевского [1977, с. 103], посредством брака претендента на трон с богиней очага (огня) Табити.

² Согд. *ʾtshu* = *Artivaḥ*, хотано-сак. маних. *bag ē ard-vahš* «божество Ардвахш» [Schaefer, S. 76; Altheim, 1947, S. 87; Тревер, 1958, с. 138 *сл.*; Harmatta, 1960, p. 198 *f.*].

го хрусталя.¹ Таким образом, по содержанию культ Фарнуха, Фарсириды и Танаиса связан с рекой, плодородием, фарном и царской властью. В свете изложенного возжженный алтарь танаисского рельефа соответствует чаше с пламенем, которую держит Фарро и которой касается Ардохшо, т. е. танаисский алтарь символизирует не только бога Фарна, но по присутствию Афродиты в танаисских мистериях, также Ардвисуру. Эту символику продолжают изображения ритона и букrania на рельефе — оба хтонические и властные символы. В пользу последнего варианта склоняет эпитет Ардвисуры *Фάρσιрис* «Победоносная» (впрочем, хтонический и властный смысл этих символов неразделим).

Почитание в танаисских мистериях наряду с Афродитой-Анахитой иранского божества Фарнуха (*Farraḥ-vahu-*, Благой фарн) соответствует кушанской паре Фарро — Ардохшо. Фарнух в этой компании подобно кушанскому Фарро тоже речной бог — *ср.* иранское имя реки в Вифинии *Фάρριουτις* (*Suidas, s. nn. Φάρριουτις, Νίκαια*). Подобную греко-иранскую пару значений «Фарн» — «Победоносный» дают также названия этой реки Фарнут и расположенного при ней города Никея.²

Итак, греки танаисского фиаса восприняли местный иранский культ Фарнуха, Фарсириды и Танаиса. На иранский характер сохраненной Псевдо-Плутархом и Ямвлихом мифологемы могут указывать и имена родителей юноши Танаиса. Семитское имя отца *Βηρωσσός* нереально в иранском контексте этой мифологемы, поэтому в нем скорее следует видеть адаптацию неизвестного в Греции иранского ЛИ из Танаиса *Вороσσотос* «имеющий много лошадей» или *Вороσσотос* «имеющий гнедую лошадь», на что указывает «лошадиное» же греческое имя матери: Лисиппа — «распрягающая лошадь».³ Она амазонка, что также увязывает ее с сарматским миром.⁴ Иранская мифологема о влюбленном в свою мать Танаисе в интерпретации Ямвлиха или его источника получила морализаторский оттенок как мотив, родственной

¹ Автор не указывает, с каким Танаисом связано данное известие, но это Танаис-Сыр, средневековое название которого «Жемчужная река» — пехл. *Йахшарт*, тюрк. *Йинчу-угуз* и др. [Бартольд, 1965, с. 491/2].

² Назван, однако, Лисимахом по имени своей жены [Strabo, XII, 5, 7; Габелко, 2005, с. 134].

³ Имя *Βηρωσσός* известно в греческом мире: так звали отца сирийской сивиллы (*Paus.* X, 12, 9) и вавилонского историка (*Jos. Phl.* С. Ар. I, 19). П. Д. Диатроптов принял это имя отца Танаиса за данность, но мы не видим оснований для появления семитского имени в скифо-сарматской мифологеме. ЛИ Беорасп и Борасп засвидетельствованы лишь по разу и только в Танаисе [КБН 1237. 16–17, 193р; 1245. 6, 220р; Zgusta, 1955 § 79, 86], что и повлекло его адаптацию к известному греческой литературной традиции имени Берос.

⁴ «Народ савроматов управляется женщинами» (*Scyl. Per.* 70); после битвы у Термодонта амазонки сошлись с живущими по Танаису савроматами, которых по этой причине стали называть «женоуправляемыми» (*Scymni* 774–785). Эти сведения восходят к Эфору (*Anon. Per.* P. Eux. 72). Подробности *см.* у Б. Н. Гракова [ВДН, 1947, 3, с. 100 *сл.*; Смирнов, с. 192 *сл.*].

истории Ипполита, героя греческой мифологии. Обратим внимание на «лошадное» содержание и имени Ἴππόλυτος — «умерщвленный конем», распространена также версия, что его матерью была плененная Тезеем амазонка Ипполита.¹ Она, по Сенеке (Phaedra, 399-400), привела в Аттику амазонскую рать с Танаиса или от Меотиды; уже Геродоту (IV, 115 сл.) известно, что амазонки обитают при Танаисе. Все это дает основание думать о связи мифологем об Ипполите и Танаисе, подтверждение чему дадим и ниже.² Новелла позднеантично-раннесредневекового времени об утонувшем царевиче Кулане и возложенной на мачеху вине за это была известна в Согде.³ Ее действие приурочено к Волге и потому это тот же рассказ, что и мифологема Ямвлиха — Псевдо-Плутарха о Танаисе.⁴ Согдийский рассказ ценен тем, что

¹ Ἰπποβοῖς ἐπ' Εἰρ. Ἴππ.; Diod. IV, 28, 1 и др. авторы, уже Исократ (Panath. 193) называет жену Тезея Ипполитой. По другим версиям, имя амазонки Антиопа или Мелуса, но они позднейшие, так как уже Гесиод (fr. 130 Rz.) называет жену Тезея Гипшой. Подборка источников об амазонке Ипполите и соименном сыне [Стефани, с. 159 сл.; Klügmann, Sp. 2679/80; Sauer, Sp. 2681 f.].

² Мотив гибели Танаиса может прояснить смысл сцены на пластине из Карагодеуашха (богиня вручает герою ритон с напитком), которая трактовалась Ростовцевым [1913, с. 14] в качестве инвеституры, в пользу понимания Д. С. Раевского [с. 106, ср. Widengren, col. 809] — умерший герой вкушает напиток бессмертия.

³ [Henning, p. 482/4; Брагинский, с. 137]. Сохранился небольшой фрагмент этого рассказа: царевич пошел с детьми купаться в реке и его проглотила рыба; видимо, с детьми была при этом мачеха — она рассказывает о происшествии и уверяет, что ее вины нет. Скорбящий царь идет на берег реки и в числе прочего сообщает своей свите, что расследует роль мачехи в этом деле. Имя царевича упоминается лишь в зват. падеже — kwl', на его основе могут быть построены разные формы nom. — Kul, Kula, Kulān, Gul, Gula, Kūlā, Gūlā etc. Царевича проглотила рыба kar (авест. kara) — сом, акула или что-то другое. Учитывая легендарную природу рассказа, полагаем, следует думать о мифической огромной рыбе типа среднеперс. kar māhik «рыбарыбина», она gataw у рыб, т. е. всем рыбам рыбина [Bartholomae, Sp. 451].

⁴ В. Хеннинг предположил, что этот рассказ буддийского происхождения, указав на индийскую параллель. Однако установить место действия и тем самым происхождение рассказа, на наш взгляд, помогает название страны, в которой происходит действие — Rāḅān или Rāḅs, идентичные позднеантично-раннесредневековому названию Волги Rās, Rās (§ X, 29 «Землеописания» Анонима V-VI вв.; § I, 10 «Географического очерка» Агатемера, IV-V вв. [PB, 1297]; у Птолемея та же форма Rā, но без грецизированного окончания -s; все три формы восходят к иранскому источнику типа младоавест. gavaḥ- «река», о котором см. [Bartholomae, Sp. 1512]). Согд. β — губной спирант, обозначавший в восточных среднеиранских языках v (u) [Эдельман, с. 188/9], так что согд. Rāḅān, Rāḅs (фонетически gāvān, стяженная форма gāv-s) соответствует греческим передачам Rās и Rās (циркумфлекс — результат стяженности исходной негреческой формы). Уже с IV в. до н. э. иран. au передавалось через гр. ω, см. с. 160. О наличии губной группы av / au в древнем имени Волги свидетельствуют ее названия в мордовских языках — мокш. Rava, эрз. Ravo, Rav [Фасмер, I, 337; Никонов, с. 87]. В числе нескольких народов, упомянутых Птолемеем (Geogr. V, 9, 19) между Ра, Конскими и Керавскими горами, т. е. отрогами Сев. Кавказа,

показывает царский статус Танаиса (Ипполит тоже царевич) и это открывает дорогу к объяснению его связи с рекой и тем самым разъясняет природу его как «бога Танаиса» КБН 1259 — именно бога реки и тем самым эпонима города. Параллель почитанию реки в качестве божества есть в иранском мире Средней Азии — о почитании массагетами реки Танаис (Сыра) в качестве божества, в том числе в виде изображения (āyāza), сообщает писатель времени Коммода Максим Тирский (Diss. 8 = SC, I, p. 591). Однако изображений реки в виде всадника нет. Г. А. Кошеленко и В. А. Гаибов [2005, с. 261/3] нашли удачную параллель танаисскому рельефу в изображении на печати парфянского времени из Гебеклы в Маргиане: всадник перед алтарем с пламенем (дерева нет), Ника с венком славы позади всадника указывает на его царский ранг. Эта аналогия увязывает танаисского всадника с иранским миром, указывая на иранскую основу иконографии танаисского рельефа, а также подтверждает царский ранг его всадника. Согласно мифу и надписи, Танаис бог и эпоним реки/города, но на рельефе он представлен в своем первоначальном виде — как царевич (царь).

Учреждение в Танаисе праздника, отмечаемого специальным фиасом, в свете сказанного о «мистериях Танаиса и Фарсириды», учитывая синхронность обоих источников, относящихся ко II в., может восходить к празднованию какой-то крупной победы боспорского царя при городе или реке Танаис. Дата исследуемой надписи (104 г.), указывает в таком случае на Савромата I, медные монеты которого несут победные символы: Ника с венком славы, вражеская крепость с коленопреклоненным пленником, венок со

обретаются амазонки, также лежит царство Митридата (см. карты Сарматии по Птолемею у Кулаковского [1899] и Латышева [SC I, 3]). Припомним, что Геродот размещал амазонок у сарматов в трех днях пути восточнее Танаиса-Дона, по существу мы придем к локализации страны Rāḅs в междуречье низовий Дона и Волги (севернее места наибольшего сближения Дона и Волги Птолемею известны только «поворот» Танаиса и обретающийся при нем народ пернервиды, см. с. 452). Поскольку сарматские амазонки обитали между обеими реками ([Смирнов, с. 194 сл.]: территория савроматов простирается от Дона до р. Урал), мифологема о Танаисе-Ипполите связывалась то с Танаисом-Доном, как у Псевдо-Плутарха, то с Ра (Ras, Ros)-Волгой, как в согдийском фрагменте.

На наш взгляд, излишне сопоставление греческих форм А. В. Подосиновым [2000] с геродотовской рекой Оар и гидронимом Аракс. Неверно и мнение Г. Шрамма [1997, с. 76], что форма Rās попала в позднеантичную географию через посредство готы, которые усвоили-де финно-угорское название Волги Rav- / Rau-: поскольку Среднее Поволжье — зона активного иранско-финно-угорского взаимодействия (об этом свидетельствует богатая иранская лексика, заимствованная финно-уграми [Jacobson, 1922; Joki, 1973; Абаев, 1981]), источник формы Rās позднеантичной географии — иранский, на что указывает органичность передачи иран. au через гр. ω. Так как эта передача известна с IV в. до н. э. (возможна и для VI-V вв.), неверна и догадка Шрамма [с. 75], что птолемея форма Rā (< авест. gavaḥ- «река») восходит ко временам звучания греческой дигаммы, которой греки якобы передали иран. v/u.

вписанным изображением богини в калафе и с покрывалом, т. е. Ардвисуры, также арматура — щит, копье, топор, голова коня [Анохин, 1986, с. 155/8; 1999, с. 146/7].¹ Хотя Н. В. Завойкина [2009] справедливо отметила, что монетные легенды этого царя не соответствуют изображенному на стеле фиасотов всаднику, надо иметь в виду, что изображения царя на монетах и на камне не обязательно совпадают — последние передают не столько портретный облик конкретного царя, сколько царский образ в целом. К примеру, портрету Шапура I на монетах не соответствует его изображение на рельефе из Фирузабада (ср. рис. на с. 147 и 161 в кн. [Луконин, 1977]).

Выше мы пришли к выводу, что греки фиаса «бога Танаиса» восприняли местный иранский культ Фарнуха, Анахиты-Фарсириды и Танаиса, связанный с Ардвисурой Анахитой (Афродитой Фарсиридой Ямвлиха). Это танаисское святилище с совместным почитанием указанных богов находит параллель в вотиве КБН 1237 из Танаиса, который поставлен легатом Савромата II Зеноном в 193 г. в честь сюзерена и посвящен Зевсу, Аресу, Афродите. Отсюда можно заключить, что в Танаисе было святилище названных богов. В принципе оба списка богов совместимы. С Ахурамаздой греки отождествляли Зевса; поскольку, согласно Ясне (XXXVI, гимн Ахуре и огню), телесно Ахурамазда отождествляется с огнем (Атар), солнцем и звездами, а огонь и фарн тесно связаны, Зевсу КБН 1237 соответствует Фарнух. Фарсириде-Победоносной, ипостаси Ардвисуры, может соответствовать Арес, Афродите КБН 1237 и рассказа Ямвлиха тождественна Ардвисура. В монетной эмблематике Савромата II представлена Афродита с Эротом или Никой [Анохин, 1986, с. 117, 166], которая понимается как Афродита Апатура (иран. *arāt- «вода — огонь» [Яйленко, 1995, с. 251/2], ипостась Ардвисуры), покровительствующая военным победам царя [Гайдукевич, 1949, с. 336]. На меди Савро-

¹ В. А. Анохин обратил в связи с этим внимание на вотив КБН 45, в котором говорится о посвящении царю бань (? См. с. 498) с находящейся в нем картиной, изображающей его доблестную отвагу. А. И. Болтунова [1964а, с. 206], говоря о танаисском рельефе, указала на пластинку золотой диадемы из курганного погребения царицы 1837 г. под Керчью, которую М. И. Ростовцев [1913, с. 25] привел в числе памятников, относящихся к поставлению боспорских владык на царство (приняв мнение А. Салача, что на танаисском рельефе изображен Бог Высочайший, она ошибочно приписала Ростовцеву мнение об изображении этого Бога на диадеме 1837 г.; на самом деле Ростовцев увидел там «верховного бога»). На пластине этой диадемы (см. рис. 20), по описанию Ростовцева, изображен всадник в сарматской одежде на спокойно стоящей лошади перед возжженным алтарем, он безбород, длинноволос, поднимает в правой руке ритон, как будто показывая его; это несомненное изображение верховного бога, на что указывает возжженный алтарь. В гробнице 1841 г. с погребением царя, продолжает Ростовцев, на диадеме изображен всадник на спокойно стоящей лошади, поднявшей левую ногу; он безбород, длинноволос, левой рукой держит поводья, правую поднял в жесте адорации, сзади Ника собирается надеть ему на голову венки; начиная с Евпатора, заключает Ростовцев, боспорские цари изображались на монетах в виде всадника. Фото обеих пластин [Ростовцев, 1913, табл. V].

мата I [Анохин, 1986, с. 155, № 420] изображена под венком голова богини в калафе, с покрывалом, в которой опознается Апатура как подательница победы (так что она же изображена и без венка на других сериях). Эти изображения Апатуры — Ардвисуры на монетах обоих Савроматов еще раз могут подчеркнуть соотношение всадника на рельефе КБН 1259 с Савроматом I.

В принципе можно усматривать в этом всаднике и самого «бога Танаиса», аналогию чему дает изображение на монетах лидийской Тиатире местного бога по имени Τύρις в виде божественного всадника [Guarducci, 1970, p. 669]. Его отождествляют с Аполлоном и он не эпоним города, однако наш «бог Танаис» не только эпоним, но и речное по происхождению божество, что не дает оснований видеть его во всаднике на рельефе. Таким образом, повторим, «бог Танаис» изображен на рельефе КБН 1259 в виде всадника не как речное божество, не как эпоним города, а как лицо царского ранга местной иранской мифологемы, и в этой ипостаси он имплицитно ассоциировался с боспорским царем, исходя из даты — Савроматом I (Г. А. Кошеленко, В. А. Гаибов), в контекст чего вписывается и его имя, поскольку миф о царевиче Танаисе сарматский по увязке с Танаисом-Доном (согдийский рассказ указывает, что миф восточноиранский по происхождению). Вместе с тем обе составные части всадника — мужская фигура и конь — органично входят в иранскую иконографию реки, тем более что всадник как царь, шахрдар, соотносится с восточноиранским представлением о связи большой реки (Танаиса-Сыра в свидетельстве Пс.-Плутарха) с обретением царского достоинства.

Поясним примерами связку конь/царь (всадник) — вода/река. Об изображении Вахша (Окса, Аму Дарьи) в виде мужской фигуры речь уже шла. Связка всадник — Анахита в облике реки: «богатырь Туса, на коне восседающий» просит Ардвисуру даровать ему силу для победы над туранцами и она дает ее (Абан-яшт, XIV); в «Шахнаме» Туса царевич, сын царя Нувзара, так что можно реконструировать сцену, близкую танаисскому рельефу: царевич-всадник перед Ардви. Другой пример: богатырь Зариварай, брат царя Гуштаспа, сидя на коне у реки Дайти (эпитет Ардви, прилагаемый к Аму Дарье), приносит ей жертву из сотни коней, тысячи быков, 10 тысяч овец, чтобы она даровала ему победу над дэвами Хумайакой и Арджатаспой (Абан-яшт, XXVI). Связь воды-реки с конем обычна в мифологии разных народов, у индоевропейских это индийский бог огня Агни, греческие Посейдон, Пегас, кони русских сказок [Пропп, с. 180/1]. У иранцев бог небесных вод Тиштрия предстает в Авесте в образе юного витязя, быка с золочеными рогами; в виде белого коня он сражался при море Воурукаша с богом засухи Апаошей, принявшим облик черного коня.¹ У богини вод/рек Ардвисуры

¹ Тиштр-яшт (VII): «Мы славим Тиштрия, блестящую сверкающую звезду, таящую в себе семена вод... , он появляется в образе прекрасного 15-летнего отрока... , в образе золоторогого быка... , в образе прекрасного белого коня... (после его победы) мы славим Тиштрия... , по которому тоскуют воды и стоячие и проточные, ключевые и речные, снеговые и дождевые... , ключи струю полной, толщиною в

просят коней витязи Нотариды, и вскоре «Виштаспа получил во владение табуны самых быстрых коней»; Ахурамазда в образе «четырех жеребцов сотворил ветер и дождь, облако и град» [Абан-яшт, V, 22, 98; 28, 120; Брагинский, с. 67, 69]. Обретение царского достоинства стоит в связи с рекой по той причине, что инвеститурой кроме Ахурамазды заведовала также богиня речных вод Ардвисура Анахита; в Абан-яште к ней поочередно обращаются герои с просьбой сделать их царем — внук Каюмарса, первого царя, Хошйанга Парадата, первочеловек Йима, богатырь Хосрава и другие; они приносят ей в жертву 100 коней, 1000 быков, 10000 овец и получают желаемое. Сасанид Нарсе (293–302) изобразил свое поставление на царство Анахитой на скальном рельефе в Кух-и Рахмат, Хосров II (591–628) — на рельефе в Так-и Бостане, на капителях из своего бехистунского дворца и на монетах [Луконин, 1977, с. 143, 189; 1987, с. 192/3] (изображены они как предстоятели, не всадники). Знак царского достоинства, фарн, спрятан от посягательств со стороны злого волшебника Ажи Дахаки на дне моря Воурукаша; многофункциональный по своим благим проявлениям для человека фарн часто связывается с водами и реками (Яшт XIX, Денкарт). Важнейшую функцию царской власти, победу, также дает витязям Ардвисура — сыну царя Навзара Тусе, Траэаоне и многим другим (яшты, гаты, «Шахнамэ» Фирдоуси).

С водой/рекой и царским рангом, тем самым с Ардвисурой Анахитой, связан в иранской мифологии также возжженный алтарь, аташдан. Так, на обороте монет Варахрана II (276–293) по сторонам пылающего алтаря изображены в рост фигуры царя и Анахиты в одеянии царицы цариц с «венцом власти» в руке [Луконин, 1979, с. 40]. Старшую жену Шапура I, она же его дочь, звали Агуранахит (Огонь-Анахита), «в память души ее» отец соорудил соименный «храм славы» [Ib., с. 144]. Персонаж индийской и иранской мифологии Апам Напат («сын вод») имеет одновременно огненную и водную функции, происходящие от его первичной грозовой природы (он спрятал фарн в море Воурукаша). В разных мифологиях огненную природу имеет и конь, классический пример — индийский Агни [Пропп, с. 176/9]. Иранский фарн в силу своей солнечной (огненной) субстанции имел в числе прочего облик коня, солнечная природа которого общераспространенная; в пред-

лошадиное (бедро) потекут в прекрасные места, в обители и на нивы и пастбища, и проникнут до самых корней растений, дабы напоить их» [Брагинский, с. 71/2; ср. Авеста, с. 252]. В осетинском эпосе волшебница превращала нарта Урузмага, по материнской линии происходившего от божества глубоких вод, в осла, коня, собаку [Сказания о нартах, с. 74; Абаев, 1990, с. 161]. Как в Тиштр-яште толщина вод Ардвисуры-Аму Дарьи приравнивается к расстоянию 40-дневного пути, сделанного искусным в езде на коне всадником, руки Ардви-реки мощнее бедер коня (V, 1, 4; 7). Сама Ардви мчится на запряженной четверкой коней колеснице, диадема ее имеет вид такой же колесницы, — это уподобление быстротекущих рек Средней Азии резвым коням.

ставлениях древних иранцев солнце двигалось по небосклону в повозке, запряженной золотыми конями.¹ Иранская мифология соединяет культы Солнца, Ахурамазды и коня, отсюда солнечная природа царской власти и связь ее с образом коня.²

Ритон в руке всадника на танаисском рельефе, как сказано — символ царской власти, его держит в руке покойный скифский царь (Ростовцев, Раевский и др.) или умирающее и воскресающее скифское божество [Бессонова, с. 101], предстоящее перед Великой богиней (Табити, Артимпасой, Ардвисурой), в нем напиток бессмертия.³ Изображенный на исследуемом рельефе Танаис, как сказано, царь, ставший умирающим-воскресающим божеством. Букраний тоже древний царский символ, идущий еще из неолита (святилища Чатал Уюка), элемент евразийско-средиземноморского культа быка.⁴ Однако на иранской почве он не является носителем царской власти, его функция хтоническая, связанная с плодородием (например, податель вод Тиштрия побеждает засуху в виде белого быка), отсюда и жертвенная (Митра-тавроктон).⁵ На это указывает и размещение букрания на дереве.

¹ Чаще всего фарн изображался в виде барана, но также в образе солнечного коня: «Мы молимся Солнцу, бессмертному свету, чьи кони быстры», «Солнце бессмертное, светлое, быстроконное» (Яшт, VI, 1; 7, пер. И. М. Стеблин-Каменского [Авеста, 1997, с. 247, 249]). Отсюда ручки-апотропеи на местных глиняных сосудах азиатского Боспора и Сев. Кавказа в виде барана и коня; у массагетов и савроматов прослеживается взаимосвязь культа огня и коня [Смирнов, с. 250/3; Литвинский, с. 9, 29, 33].

² Согласно «Бэйши», трон правителя раннесредневекового Кабулистана был в виде коня, на фреске близ Бамиана (там же, в Афганистане) нарисован трон, поддерживаемый конями [Литвинский, с. 84]. Короны сасанидских царей в числе прочего имели форму конской головы.

³ Это изображения на карагодеуашхской пластине, на 7 бляшках из скифских курганов IV в. до н. э. [Кузнецова, 2009, лит.; Вертиенко, 2009, лит.]. В связи с этим напомним, что в числе упавших с неба трех инсигний скифских царей была и золотая чаша, а в именах всех трех претендентов на обладание ими, Колакская, Арпокская, Липокская, присутствует основа xšay- «владеть, властвовать» [Herod. IV, 5; Куланда, с. 203; ср. Народы нашей страны, с. 211].

⁴ Очень показателен в этом отношении рассказ Овидия (Met. XV, 565 sq.) о легендарном римском воине Кипе, у которого после боя выросли рога на голове, что оказалось знаком его преторской власти.

⁵ [Селиванова, с. 30/2]. На греческой почве наиболее показательны афинские буфонии — убийство быка с последующим судом над орудием убийства [Толстой, 1966, с. 80 сл.]. В иранской мифологии вместе с первым человеком Гайомартом был создан Первоначальный бык как олицетворение скота в целом. Обоих погубил Ариман, но до этого человек успел заронить свое семя в солнце, бык в луну (месяц); солнце породило первую человеческую пару, месяц — быка и прочий скот [Бундахишн, IV, 10; Яшт, VII; Ясна, XII, XXXIX; Авеста, с. 125].

Дерево на танаисском рельефе — самый темный для понимания символ, потому что в целом оно не свойственно иранской символике.¹ Ардвисура Анахита не изображалась в виде дерева, и оно не было ее символом.² Это обстоятельство могло бы похоронить нашу атрибуцию рельефа как иранского в своей иконографической основе, однако выше мы отмечали его местное, боспорское происхождение, боспорскую иконографию. В связи с проблемой дерева считаем ценным указание А. И. Болтуновой [1964а, с. 206] на вышеупомянутую пластинку диадемы царицы из кургана 1837 г. как параллель танаисскому рельефу, хотя она и не обратила внимание на показанные на пластинке два дерева (рис. 20; композиционно они играют роль кулис сцены).³ Это означает, что дерево появляется в иранской по всем остальным показателям иконографии танаисского рельефа на Боспоре, именно в столице и в связи с царским родом.⁴ А фракийское имя Рескупорид естественно ведет нас во Фракию, которая и предоставляет бесчисленные изображения дерева на рельефах с «фракийским всадником». Выше мы упоминали исключения из описанной иконографии «фракийского всадника», идентичной танаисскому рельефу, на которых вместо и на месте алтаря показана стоящая женская фигура (IGBulg. III/1, 1404 — вотив Владыке Богу, 1409 — Герою или Богу), вместо алтаря и дерева и на их месте стоящая женская фигура (Ib. 1226 — вотив Асклепию Залмиздрену, 1307 — Герою или Богу Залмиздрену, 1408 — Владыке Асклепию). На № 964 изображен всадник на спокойно стоящей лошади, кажется, перед алтарем, справа женская фигура и дерево, это «дар Герою Асклепию»; Ib. II, 544 — спокойно стоящая лошадь, алтарь, женщина, дерево со змеей, это вотив Асклепию и Гигиее, 578 — лошадь с

¹ Дерево фигурирует в иранских представлениях о посмертной участи человека. «Арийский простор», т. е. населенные иранцами страны, в основном безлесны (иранцы главным образом кочевники), поэтому дерево в иранской литературе и искусстве малозаметно — преимущественно как «мировое древо» («Меноги-храд», прикладное искусство [Ремпель, с. 96 сл.]); о дереве в фольклоре [Брагинский, с. 143/6].

² В «Абан-яште» Ардвисура Анахита представлена «в образе девушки прекрасной, сильной, стройной, высоко подпоясанной, прямой, знатного рода, благородного, облаченной в роскошную мантию, с обильными складками» и т. д. [Брагинский, с. 64, 69-70]. Соответственно она изображена и на памятниках искусства (о ее иконографии [Тревер, 1958; Пугаченкова, 1987, с. 85 сл.; Даркевич, с. 108/9]). Как богиня плодородия она порождала в числе прочего и растительность, поэтому изображалась с растительными атрибутами — яблоками гранатов, пальмовой ветвью, рогом изобилия [Тревер, 1958, с. 134 сл.].

³ Воспроизведение пластины, помимо статьи Болтуновой [Ростовцев, 1913, табл. V; Кобылина, 1984, с. 305]; сейчас, в 2009 г., пластинка выставлена в экспозиции Эрмитажа.

⁴ В курганном погребении 1837 и 1841 гг. захоронен царь Рескупорид с супругой, кто именно из царей II-III вв. с таким именем — предмет дискуссии [Трейстер, 2004; Шаров, 2004].

Рис. 20. Рельефная пластинка диадемы царицы из кургана 1837 г. (Эрмитаж, фото Д. В. Бейлина)

поднятой правой ногой, алтарь, женщина.¹ Женская фигура рядом с деревом или вместо него — богиня плодородия и животного мира, почитаемая от Ближнего Востока до Балкан под именами Великая Мать, Фригийская Мать, Кибела, Атаргатис, Рея, Ма, сирийская ипостась Великой Матери Атаргатис-Деркетто, она же Афродита-Урания, почитавшаяся на Боспоре, Гесихий знает Великую Мать под именем Киммерийской богини (см. с. 483).²

¹ Г. Кацаров разделил рельефы с «фракийским всадником» на 3 типа: первый со спокойно идущей или стоящей у алтаря лошадей, два других с мчащейся лошадью и всадником — охотником или воином [Kazagow, S. 5-6]. Первая группа, по его мнению, восходит к греческим надгробиям с рельефными изображениями всадников, появляющимся с IV в. до н. э. Если мы обратимся к рельефам с «фракийским всадником» типа Герой-охотник, то там еще чаще появляется женская фигура, и не только вместо алтаря и дерева, а наряду с ними: IGBulg. III/1, 960 — вотив Герою, 978 — алтарь с пылающим огнем, вотив Владыке Пирумерулу; женщина вместо алтаря: 1102, 1404 — вотив Владыке богу, Ib. II, 529 — Асклепию Салдовиссену и Гигиее. Женщина вместо дерева: IGBulg. III/1, 1324, 1398 — вотив Герою, 1526(?); Ib. II, 755 — вместо дерева 2 женщины, вотив Богу Герою. Женщина вместо алтаря и дерева: IGBulg. III/1, 975 — вотив Герою Сейнулазию, 977 — Владыке Герою, 1399 — Владыке Герою, 1408 — Владыке Асклепию, 1438 — Баргиденту, 1439, 1441, 1470, 1542 — Бемарку; Ib. II, 747, 750, 757 — две женские фигуры.

² Женская фигура появляется вместо алтаря или дерева и на их месте, они взаимозаменяемые и потому это не жена (мать и пр.) посвятившего рельефа, а богиня. Это хорошо поясняется анэпиграфным рельефом из болгарского Харлеца с двумя сценами [Kazagow, Tafelband, № 224]: сверху изображен всадник-охотник на бегущем коне, алтарь, дерево со змеей, внизу геральдическая сцена — стоящая фронтально богиня, к ней в положении адорантов обращены в зеркальной композиции два коня; это богиня, покровительница лошадей, местная ипостась Великой Матери, либо она сама.

В иранской мифологии ей соответствует Ардвисура Анахита, причем в раннесасанидское время ее изображение испытало воздействие со стороны иконографии Кибелы [Тревер, 1958, с. 136/9; Луконин, 1977, с. 159, 174/5; Даркевич, с. 108/9, *ф.* Пугаченкова, 1979, с. 158]. Импульсы подобного рода могли проникать в Иран еще в ахеменидское время с территории родной персами Малой Азии (храм и статуарные изображения Кибелы в Сардах, окрестностях Анкары, Богазкёе [Boardman, 2000, p. 37 f., 92 f.]). Однако на Боспоре культ Кибелы как Киммерийской Матери был туземным, известен с V в. до н. э. (см. с. 482). Дж. Боурдмен обратил внимание на халцедоновый цилиндр ахеменидского времени из Анапы (Эрмитаж) с изображением царя в башенной короне перед Анахитой, осененной солнечными лучами и стоящей на льве; по его мнению, цилиндр изготовлен в Анатолии [Ib., p. 163, 165]. Для нас этот мотив важен как факт персидского влияния (вместе с цилиндром найден персидский таблоид) на боспорский образ Анахиты, иконографически совмещенной с малоазийской Кибелой (лев). Ввиду фракийского субстрата на Боспоре (гипотеза о фракийском этносе киммерийцев) иранская Анахита здесь могла ассоциироваться по-фракийски с деревом (впрочем, отождествление божества плодородия с «деревом жизни» универсально, так что фракийское воздействие на боспорскую иконографию Кибелы не обязательно). На упомянутом цилиндре из Анапы Анахита вручает осеняющий ее ореол, фарн, царю-адоранту, это та же тема, которая изображена на танаисском рельефе: царь-бог Танаис (*resp.* боспорский царь?) в виде всадника у алтаря с пламенеющим фарном; дерево в таком случае может быть символом Ардвисуры Анахиты. Таким образом, мотив дерева появился на пластинке 1837 г. и танаисском рельефе под воздействием рельефов с «фракийским всадником», но если там дерево символизирует Фракийскую Мать, то на боспорских памятниках — иранскую Ардвисуру как подательницу царской власти. Иначе говоря, на фракийских памятниках дерево хтонический символ, на боспорских властный.

Есть еще одна любопытная параллель танаисскому памятнику — рельеф II–III в. н. э. из Дуры-Европос с изображением бога Арсу: всадник на спокойном стоящем верблюде, перед ним возжженный алтарь, сзади дерево, над которым полумесяц, над головой верблюда розетка [Rostovtzeff, 1938, Pl. p. 65]. Происходит семитский бог Арсу из Аравии, он ипостась Великого бога, почитался также в Пальмире вместе с Белом; в Дуре совместный храм Бела и Арсу построен в *Ip* (его именуют также храмом пальмирских богов) [Ib., p. 19, 59, 65]. Верблюд вместо коня — местная семитская специфика, в остальном этот памятник испытал, полагаем, двойное влияние — иранское (рельеф из Гебеклы) и фракийское (Всадник). Дура стояла на границе иранского и семитского миров, ее население составляли римские солдаты, происходившие из разных провинций, отсюда совмещение в местном искусстве, и конкретно в данном рельефе, иранской, фракийской и семитской иконографических традиций. Еще один аспект — на Боспоре каким-то об-

разом появился во II в. н. э. культ малоазийско-фригийско-фракийской или семитской богини Савы (с. 618/21); если она семитская богиня, то можно думать о воздействии иконографии Арсу на боспорскую иконографию рельефа пластинки 1837 г. и рельефа бога Танаиса.¹

Возвращаясь к «богу Танаису», связанному «лошадиной» темой с мифологемой об Ипполите, отметим и другие объединяющие обстоятельства (по «Ипполиту» Еврипида). Когда Федра оклеветала его перед Тезеем, тот попросил своего отца Посейдона (Эгея) погубить сына; вырвавшийся из моря бык напугал лошадей Ипполита, которые понеслись и возникший разбился. В итоге Артемида обличает Афродиту, которая зажгла в Федре преступную любовь к пасынку, и обеляет его перед отцом. Если у Еврипида история на этом завершается, то позднейшие экзегеты оживили Ипполита стараниями Асклепия и Дианы-Артемиды, которая перенесла его в Лациум, в святилище при городе Ариции. Овидий (*Met.* XV, 530 *sq.*) так завершил еврипидовскую историю: «ты был Ипполитом, сказала *мне* (Диана), теперь же будь Вирбием («Дважды человеком?»); в этой роще я теперь укрываюсь по воле владычицы, состою при ней в качестве одного из малых богов». Если учесть, что Диана/Артемида — одна из ипостасей Великой Матери, что воскресший Ипполит пребывает при реке и озере (*Ovidii Fasti*, III, 261 *sq.*; VI, 735 *sq.*), тут многое перекликается с историей яввлихова Танаиса: оба погибли, к чему имеют касательство Афродита и Ардвисура Анахита (Ипполит разбился на берегу моря, Танаис утонул в водах Ардвы), оба возродились в качестве локального божества, обоим покровительствует Великая Мать, чем и поясняется пребывание Ипполита в роще и появление на вотиве «богу Танаису» дерева; перекликаются также бык Посейдона-Эгея и букраний в

¹ На самом деле связи Боспора с ближневосточным семитским и египетским мирами были обширны, о чем свидетельствует активное проникновение сюда греко-восточных амулетов и гемм, также культов египетских и семитских богов — Исиды, Сераписа, Саваофа и пр., что составило восточную компоненту местных синкретических верований. Проанализированные нами с этой точки зрения надписи на амулетах и геммах [Яйленко, 2010, заключение к № 35–42] показали, что народные верования боспорян II–V вв. н. э. не были чисто христианскими или чисто иудейскими, либо чисто античными греко-римскими или иранскими — это был конгломерат упрощенных до уровня простонародного сознания религиозных доктрин и культов, пришедших из восточных провинций Римской империи и смешавшихся с местными верованиями. Иноземные культы заимствовались из тех областей, с которыми позднеантичный Боспор поддерживал экономические и прочие связи — из Египта и Малой Азии. Идеи семитских религий Сирии, Палестины, в том числе иудеохристианства, проникали на Боспор через еврейские общины Пантикапея и Фанагории (о них см. ниже, с. 371 и [Даньшин, 1993, с. 59 *сл.*]). Эти верования могли занести сюда также солдаты боспорских и скифских когорт, стоявших в Сирии и Иудее (о них [Булкин, 2008], для VI–VII вв. [Preisigke, 1931, S. 273]), также торговцы из Боспора и других центров Северного Причерноморья, которые были резидентами в Египте с эллинистического времени (их имена [Foraboschi, 1971, *Index*, s. *вл.* Βοσπορίτης, Παντικαπείτης *etc.*]), для III–IV вв. н. э. [Preisigke, 1971, S. 402].

коне дерева на танаисском рельефе; оба во второй жизни пребывают при водах — озере и реке.¹

Как видно, семантика танаисского рельефа многозначна, он лишь фрагмент более широкой в содержательном плане ирано-греческой мифологемы.² Не случайно в арицийском святилище, в котором практиковались кровавые человеческие жертвы,³ сложилось предание, что местная Диана — Таврическая Дева, и что кровавый культ принес сюда из Тавриды Ипполит (обычно называют Ореста).⁴ Эта версия локализует Ипполита в Тавриде, но здесь он соседствует с Танаисом, что лишний раз указывает на единство предания о них. Вероятная связь между именем матери амазонки Ипполиты Ὀτρύρη с этнонимом треров-киммерийцев Τρῆρες или областью их обитания во Фракии Τρῆρος (источники [РВ, 1083, 1548]) может указывать на киммерийское происхождение рассмотренной мифологемы в Зап. и (или) Сев. Причерноморье.⁵ Киммерийцы как предшественники иранцев и фракийцев этого региона, возможно, составили субстрат, в котором возникла мифологема о Танаисе-Ипполите, во всяком случае это предположение объясняет иконографическое сходство рельефов «фракийского всадника» и иранского Танаиса. Изображения киммерийских всадников и колесничих, меж ног коней которых показаны собаки (этрусская ваза VI в., клазоменский саркофаг V в. [Блаватский, 1953, с. 115; Kothe, S. 36]) — это исходный

¹ Также Verg. Aen. VII, 761/82; Servii Aen. V, 136; VII, 761 и др. авторы. Подробно об Ипполите-Вирбии см. [Wissowa, Sp. 328 f.; Radke, Sp. 178/82]. По словам Г. Виссова, начиная с монографии С. Рейнака об античных культах, в литературе утверждается мнение, что Ипполит-Вирбий не позднее отождествление, а изначально тождественное божество речной или солнечной природы.

² О полисемантике знаковой системы рельефов с «фракийским всадником» см. [Deoudi, 2009]. Мотив любви мачехи к пасынку известен в исландском и индийском фольклоре [Aarne, Thompson, p. 291, № 870c; Henning, p. 483], но там действие развивается иначе, тогда как греческий миф об Ипполите и согдийский рассказ об утонувшем царевиче содержат ряд сходжений, что выделяет их во взаимосвязанную группу.

³ Жрец арицийского святилища отстаивал свою должность в схватке насмерть с любимым претендентом из числа беглых рабов (Ovidii Fasti, III, 271/2), Павсаний (II, 27, 4) говорит лишь о состязании в единоборстве.

⁴ [Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Stuttgart. 1970. Lfg. 19, Sp. 50, s. u. Nemorensis Iacus].

⁵ Отрера такая же мифологическая прародительница треров, как и Тр(и)ер, так же мать последнего Фрака, прародительница фракийцев (St. Byz., s. n. Τρῆρες) или их племен: Одрис — родоначальник одрисов, Долонк — долонков и т. д. [Фол, с. 39; Иванчик, 2005, с. 131]. Роль Отреры как легендарной прародительницы всех треров дает основание считать начальное О- ее имени собирательным, т. е. о = ὄμο-, как ὄπατρος = ὄμοπάτριος и др. (LSJ, s. l. α, II). О в Ὀτρύρη может быть и приставным гласным, приступом для «облегчения» двух начальных согласных, как в мифологическом имени Ὀβρίαρεωσ = Βρίαρεωσ или в историческом имени Ὀτρίαριος = лат. Трiариос и пр. [РВ, 1034, 1083].

прообраз «фракийского всадника», что дает опору нашему предположению о киммерийском компоненте сюжета об Ипполите/Отрере.

Изложенное показывает, что иконография уникального для боспорской пластики танаисского рельефа сформировалась на месте, без определяющего влияния изображений «фракийского всадника». Ее слагаемые происходят из иранской мифологии: царь-всадник перед фарном (алтарь с огнем) и его подательницей Ардвисурой (? дерево, ? букраний, ритон). Присутствие Анахиты-Ардвисуры в мифологеме о царевиче Танаисе, утонувшем в реке вследствие происков мачехи (или от любви к ней), позволяет трактовать сцену рельефа по аналогии с ритоном из Карагодеуашха: богиня вручает царю (царевичу, герою) ритон с напитком божественного бессмертия (греко-латинская параллель с Ипполитом-Вирбием подтверждает, что он становится локальным божеством). Греко-иранский миф о царевиче Танаисе скорее всего восходит к киммерийской ирано-фракийской среде (Отрера — и мать амазонки Ипполиты, матери Танаиса, и прародительница киммерийцев-треров), отсюда происходит близость танаисского рельефа и изображений «фракийского всадника». Их иконография формировалась параллельно, у них лишь глубинные генетические корни, но присутствие дерева на танаисском рельефе в качестве возможного символа Анахиты-Ардвисуры, не свойственное иранской иконографии, заимствовано из изображений «фракийского всадника», на что может указывать пластина из царского погребения 1837 г.

Древность мифологемы о царевиче (царе) Танаисе, по воле Великой богине обретшем новую жизнь в виде локального божества вод (и рощ), подтверждается тем, что это по существу один из вариантов мифа об умирающем и воскресающем божестве. На иранской почве к таковым относится в числе прочего этиологическая легенда о происхождении хорезмийского праздника Минач-Ахиб («Ночь Мины»): «Рассказывают, будто Мина была одной из их (хорезмийцев) царич или знатных (женщин) и что (однажды) она вышла из своего дворца хмельная, в одежде из шелка, а время было весеннее. Она упала (на землю) вне своего дворца и одолел ее сон, и она заснула, и ударило ее холодом ночи, и она умерла» [Бируни, с. 257; Даркевич, с. 109]. По существу тут присутствует та же схема, что и в версии о Танаисе — персонаж царского ранга умирает, но становится божеством-эпонимом праздника (города, реки); весеннее время праздника подтверждает хтоническую природу этого умирающего и воскресающего божества (во время хорезмийского праздника запахами приготовляемой пищи отгоняли злых духов, что указывает на его хтоническую природу). Однако у «бога Танаиса» есть и исторические корни — он тождествен Танаису, первому легендарному царю скифов. Для разъяснения этого обратимся к замечательной статье выдающегося лингвиста Пауля Кречмера (о нем [Mnēmēs charin, 1956]); он выявил обширную лексико-ономастическую группу производных от индоевр. *dā- «текущий, течь», *dā-nu- «река» [Pokorny, S. 175], в которой лексемы «вода, река» породили мифологические имена и образы богов, демонов,

героев-эпонимов, в том числе давших имя племенам, водным объектам и пр. [Kretschmer, 1935, S. 1 f.].¹ Ее составили в основном индо-иранские данные, греческие и кельтские, исходный пункт исследования — название Дуная. Его кельтскому по происхождению имени *Δαυούβιος* (к др. кельт. *Dānu-* «река») соответствует имя ирландской богини-эпонима «народа богини Дану» (*Túatha dé Danann*) *Danu* (теперь см. об этом [Калыгин, с. 68]); сюда и др. инд. *dānu-* «капля, роса», откуда *Dānu-*, имя матери данавов (*dānavás*) — борющихся с богами драконов, *Dānu-* было именем и сильнейшего из них Врипры. Обширен иранский контекст: **dānu-* «река» (авест. *dānav-* «река, поток»;² имя авестийского дэва *Dāna* [Justi, S. 77, 354], отсюда название туранского (скифо-сакского) народа данавов Авесты (*Dānav-*, *Dānus*, дословно «речные люди»);³ гидроним *Tánaïs*, производившийся античной традицией от имени скифского царя Танав(с)иса (о нем ниже). Греческие и египетские данные восходят к миграционной эпохе (XIV-XI вв. до н. э.) — этнические обозначения *Danawa* и *Danupa* в числе «народов моря» (об этом писали уже в конце XIX в.). На греческой почве сюда прилежат мифологические имена *Δαυαός*, *Δαυάπ*, эпическое обозначение аргивян или греков в целом *Δαυαφοί*. По Кречмеру, в ходе миграционной эпохи после XV в. до н. э. в Арголиду явился скифский царь Танавис (Just. II, 3, 8) со своими людьми-данайцами (*Δαυαοί*); здесь они смешались с греками. Обширная и интересная реконструкция Кречмера, который учел ряд сближений предшественников, получила признание ряда выдающихся лингвистов [Pokorny, S. 175; Frisk, 1954/70, S. 347], но отмечу, что привлечение имен собственных с начальным Т- (*Tánaïs*, *Tanauis*, *Tanaoξάρης*) проблематично (о мене *ā-ā* и *d-t* см. ниже).

Внимание Кречмера не привлекли сведения Ямвлиха и Псевдо-Плутарха об интересующем нас «боге Танаисе», но из собранных им материалов о древнейшем скифском царе Танависе можно заключить, что это один и тот же персонаж. Это восходящие к Трогу свидетельства Иордана и других позднеримских хроникеров. Иордан (Get. 47, 48) со ссылкой на Трога рассказывает о войне скифов, возглавляемых царем *Tanausis*'ом, с египетским царем Сесострисом: *одолев египтян в битве у Фасиса, скифы дошли до границ Египта, где не смогли захватить Сесостриса. На обратном пути они завоевали едва ли не всю Азию, часть их откололась, образовав народ парфян (имя их означает «беглецы»). После смерти Танависа скифы стали почитать его в числе своих богов (Thanausim regem Gothorum mortuum inter numina sui populi coluerunt).* Из последней фразы

¹ Подборку лексем и ономастикона делали до Кречмера А. Потт, А. Гутшмид, Хр. Бартоломэ, К. Уленбек, Г. Хюбшман, М. Фасмер, И. Маркварт и др. [Фасмер, I, 528, лит.].

² К *dān-* «течь» [Bartholomae, Sp. 683, 733]. По Кречмеру, в том числе в названии водного объекта *Awž-dānvan-*, производном от *awž-dānu-*.

³ [Justi, Sp. 77; Bartholomae, Sp. 733]: *dānauana-*, происходящий от *Dānau-*, т. е. патронимическое образование к мифологическому ЛИ **Dāna(y)*- (отец Варешавы, которого убил Кересаспа). По Фасмеру [l. c.], *dānəvya-*, возможно, означает речного бога.

явствует тождество этого Танавсиса и танаисского «бога Танаиса»: оба цари, оба после смерти стали богами, у них практически одно имя.¹ Нелишне заметить и то, что оба связаны с восточноиранским миром, так что вышеупомянутая согдийская версия происходит от древнего сказания. Таким образом, история танаисского «бога Танаиса» восходит к началу истории скифов, чему находим подтверждение в привлеченных Кречмером указаниях раннесредневековых хроник: «скифское царство возникло, когда первым правил *Tanus*»; «*Tanus* был царем скифов, по нему получила название река Танаис» [Mommsen, 1894a, p. 430, 26; 1898, p. 21, 24]. Известие о царе-эпониме реки взято из того же источника, которым пользовались Ямвлих и Псевдо-Плутарх, причем указание хроники, что *Tanus* был первым царем скифов соответствует рассказу Иордана, заимствованному у Трога (fr. 36 Seel), так что можно очертить общее содержание первоисточника: речь шла о начальной истории скифов, первым царем которых был *Tanus-Tanavis*, победивший египетского Сесостриса и завоевавший значительную часть Ближнего Востока; после смерти царь стал почитаться скифами как божество реки Танаис. В историческом плане это легендарное осмысление скифских походов VII в., соединенное со скифскими и парфянскими сказаниями о своем происхождении и ранней истории. Наряду с Трогом этот рассказ известен Ариану (Ind. 5; Parth. I Roos), который называл свой источник — сочинение Мегасфена о походе Александра Македонского.² Соответствие имен *Tanus-Tanauis* этого рассказа с авестийской парой *Dāna-Dānavya-* показывает, что сообщение Мегасфена заимствовано из иранского источника.

Частью этого рассказа было повествование о происхождении амазонок и их первых царицах Лампето и Марпессе (Trogus, fr. 36 = Just. II, 3-4 + Iord. 49, 50); полагаем, что из этой линии и возникла беллетризованная версия о мачехе (матери) Танаиса и преступной любви (его, ее, см. выше об амазонке Ипполите, матери Ипполита-Танаиса, и мачехе царевича согдийского фрагмента), которая была встроена в первоначальный рассказ о смерти скифского царя Танаиса и превращении его в божество. Следы этого иранского легендарно-исторического повествования вскрывает и другой персонаж согдийского фрагмента: имя проглотившей царевича рыбы или дракона *kar*

¹ У Трога (= Just. II, 3, 8) *Tanaus*, у Иордана *Tanausis*, рукописи «Хроники» Исидора Севильского (ок. 570-636) дают также формы *thanaus*, *tanaus* [Mommsen, 1894a, p. 430]; исключением излишнего *s* получаем согласующее обе формы *Tanauis. П. Кречмер привлек и сокращенную (исходную?) форму имени царя *Tanus* одной из раннесредневековых хроник ([Mommsen, 1898, p. 21, 24], даю ссылку по Кречмеру, я не нашел ее там), полагая, что оно близко соотносится с гидронимом *Tánaïs*: иран. я не нашел ее там), полагая, что оно близко соотносится с гидронимом *Tánaïs*: иран. *dānu-* так относится к имени туранского или скифского *Dānu-* (*pl.* *Dānavas*) Авесты, как имя ведического *Dānu-* или *Dānava-* к *dānu-* «река».

² См. также синопсис этого рассказа у Юстина, Курция Руфа, Иордана, Маллала [Roos, 1967, p. 226/7]. Страбон (XV, 1, 6) тоже говорит о походе Сесостриса на Понт и нашествии скифов во главе с Иданфирсом на Египет, и тоже называет источником Мегасфена.

(Kar), сопоставимо с именем туранского витязя Кага: у места, посвященного богу вод и коней Алам Напату, иранские богатыри просят Ардвисуру даровать удачу в борьбе с туранскими витязями Карой, Варой — детьми Асабана, и Дурэкэтой (Абан-яшт, V, 18, 73). При этом Асабана и сыновья принадлежат к племени Dānava- (Dānus, «речных людей»), оно туранское (Яшт XIII, 37, 38), т. е. это иранские скифы и саки, обитающие к северу от Аму Дарьи (по В. Н. Абаеву [1990, с. 31 сл.], при Сыр Дарье). Их наименование перекликается с санскритским обозначением демонов-асур водного происхождения dānava (pl.); эта же основа в скр. dānu «капля, роса», авест. dānu- «река», осет. dōn «вода, река»; имя отца данавов Dānu «поток» родственно христианизированному имени царя подводного мира в осетинской нартовской мифологии Don-beitug, дословно «водный Петр» (о нем [Ib., с. 125]).¹

К этой ономастической группе принадлежит и ряд имен с кратким *a*: мать данавов Danu, также куст греческих ЛИ — имя дочерей Даная, по аргосскому мифу, Δαναΐδες (<DanaFīdes), исходная водная природа которых прямо проявляется в почитании их при реках и источниках [Hesiodi fr. 35; Strabo, VIII, 6, 8; Servii Aen. VII, 286; Bernhard, Sp. 950/1], а реликтовым образом в том, что они наливают воду в бездонные пифосы.² Имя образовано от имени их отца Даная (Δαναός < DanaFōs, к индоевр. *dānu- «река, поток»), уже давно имя его сопоставляется с скр. dānu; он эпоним гомеровских греков Δαναοί (Danaoí [Kretschmer, 1935, S. 34]), имя которых столь же давно отождествляется с обозначением одного из «народов моря» в египетских документах XII в. Danawa — Dan(a)una [Waser, Sp. 2094], чем еще раз подтверждается реконструкция этого ономастического гнезда с *v* — DanaFōs и пр. Родина Даная на Востоке: он сын Бела, брат Египта, внук Посейдона, имя которого связано с водной стихией: Ποσειδών, по одному из объяснений, из индоевр. *rois- «владыка» (др. инд. rātis) + *dānu- «вода, поток».³ Данавы индийского эпоса воюют с богами, воинский характер данаид реликтивно проявляется в массовом убийстве ими своих женихов. По аргосскому происхождению и совпадению имен была в прошлом одной из Данаид также царская дочь Даная (Δανάη, Δανάη, fem. к Danaός), она мать Перса (II. XIV, 319/20), греческого

¹ Возможно, сюда относится и ЛИ из Танаиса Δαναοσρακος [Миллер, с. 83; Vasmer, S. 38; Zgusta, 1955 § 100].

² О чередовании *ā-ā* в индоевропейском [Фортунатов, с. 223]. Эта мена могла происходить и в отдельных языках: др. инд. dānu- род демонов, danu- мать данавов. Еще один путь — утрата долготы в заимствованиях: так, по Кречмеру, *ā* в гидрониме Τάναϊς, при *ā* иранского источника, появилось по заимствованию на греческой почве [Kretschmer, 1935, S. 12].

³ Обзор этимологий имени Посейдон [Frisk, 1954/70, S. 583; Chantraine, 1974, p. 931]. Вообще, *ō* в греч. δῶν (*ā*) возникло из δῶν: гомер. Ποσειδάων при коринф. dat. Ποσειδάων, беот. Ποσειδάων [Buck, 1968, p. 38], но если связывать вторую основу теонима с индоевр. *dānu-, это *ō* может быть результатом метатезы -nu- в -un (= Fn): *dānu- > *dāun (с консонантным *u* и призвуком *o* между двумя сонантами) > *dāon, т. е. δῶν < δῶF^ov.

мифологического предка персов (иранцев), что увязывает друг с другом греческую и индо-иранскую ономастическую группы.¹ Роль такой же связки выполняет и гомеровское обозначение греков как «потомков Даная» Δανα(F)οί = Dānava- как обозначение упомянутого племени туранцев.² Таким образом, миф о данавах, данаидах, Данаве-туранце и Дана(в)е-аргосце такая же греко-иранская мифологема, как миф о Танаисе-Ипполите.

Если вопрос о мене *ā-ā* более или менее решаем, проблематичней мена *d-t*. Так как в традиционной индоевропейской системе смычных звонкому *d соответствует *d* в санскрите, иранском авестийском (в тохарском *t*), греческом, кельтском и пр. (кроме хеттского, армянского и германского) [Мейе, 1938, с. 115; Семереньи, 1980, с. 70], формы с начальным *t* в круге очерченных П. Кречмером соответствий чужеродны. По этой причине, в частности, отрицалась (И. Маркварт и др.) предлагавшаяся [Vasmer, S. 74] этимологическая связь между гидронимом Τάναϊς, с одной стороны, и авест. dānu- «река», осет. dōn «вода, река», с другой (связь названия Τάναϊς с иран. *tanu- «длинный», а не *dānu- «река» явствует, как сказано, из указания ал-Хорезми, что Танаис — «длинная» река). В восточноиранском арийское *d (< из и. - e. d) давало *d, l, δ, θ*, но не *t* [Эдельман, с. 168/71], так что ЛИ Τάναϊς, Tanausis, Tanus у скифов как восточных иранцев этимологически не могут принадлежать к выделенной Кречмером группе. И в греческих передачах авест. *d, как правило, передается через *δ*, передача через *τ* проблематична [Zgusta, 1955 § 397/8; Абаев, 1979, с. 329], что не позволяет думать о заимствовании указанных имен с начальным *t* из иранского в греческий. Полагаем, следует думать об адаптации, т. е. искусственном, вторичном соединении форм с *d*- и *t*- в иранской мифологеме очерченного Кречмером круга по созвучию и по одинаковой принадлежности к «водной» сфере. Иначе говоря, гидроним и ЛИ Τάναϊς (формы ЛИ Tanausis, Tanus позволяют реконструировать исходную форму *ΤάναFις) близок по звучанию и водной природе имени авестийских данавов (Dānava-), что породило их контаминацию: предание о первом царе обитавших при Сыре и Доне скифов Танависе соединилось с преданием о данавах. В результате данав Кага, водный демон, получает место в согдийском варианте рассматриваемой мифологемы о Танаисе-Ипполите в качестве рыбы каг, проглотившей царевича. Сам же

¹ Персы считали Персея своим предком и эпонимом (Herod. VII, 150 — послание Ксеркса к аргивянам, VII, 61: они потомки сына Персея Перса, ср. VI, 54: персы считают Персея и его предков ассирийцами). Персея рано связывали и со скифским миром — согласно Пиндару (Pyth. X), он единственный из смертных, бывающий у гипербореев.

² [Георгиев, 1958, с. 100]. Краткое *a* приведенных греческих форм при *ā* индийских не соответствует норме и, видимо, обусловлено природой исходного индоевр. *ā, качество которого могло определяться такими факторами, как наличие ларингала, шва, соседством с носовым сонантом [Фортунатов, с. 220 сл.]. Пример подобного рода — *ā* в κάμνω «тяжело тружусь» при др. инд. śāmuṣi «перестает, оставляет» [Широков, с. 88], с *ā* по сандхи.

легендарно-исторический царь *Tanauis слился с мифологической фигурой Данава, первопредка иранских саков-туранцев, обитавших при Танаисе-Сыре (это слияние еще раз подтверждает их локализацию при реке Танаисе-Сыр Дарья) и превратился в первого царя скифов (при том, что были и другие первые цари — Колаксай, Арпоксай, Липоксай, — *Herod. IV, 5–7*). В свою очередь царь *Tanauis — предшественник танаисского «бога Танаиса»¹.

МАНУМИССИИ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ВОЛЬНООТПУЩЕННИЧЕСТВА НА БОСПОРЕ

1. Нестандартная для Боспора манумиссия.

Случайная находка 1978 г. на Верхнем городе Фанагории, к северу от Керамика. Фр. мрам. плиты выс. 14,8, шир. 26 (по полю надписи 22,5), толщ. 5,2 см (рис. 21, 21а). Обломан со всех сторон, кроме левой. Мрамор слоистой консистенции (слои шириной от 2,5 до 4 см) трех оттенков — серовато-темного, светло-серого, светловато-сизого. Лицевая и оборотная стороны, а также левая грань отполированы. Сохранились остатки последних 7 строк надписи. Лицевая поверхность местами затерта, есть небольшие выбоины; кое-где сохранились остатки линеек. Выс. букв 1,4–1,6 см, они хорошо врезаны в поверхность, тщательно апецированы, это монументальное

Рис. 21. Нестандартная фанагорийская манумиссия (фото автора)

ΜΑΙΑΛ_ΥΕ
 ΡΑΝΤΩΝΑΦΕΤΩΝΜ
 ΡΗΘΕΝΤΑΣΕΝΤΕ
 ΑΝΑΛΗΦΘΙΝΑΙ
 ΛΕΙΤΙΝΤΡΟΕΙΡΗΝ
 ΕΓΡΑΦΑΟΥΝΥ
 ΕΙΤ

Рис. 21а. Нестандартная фанагорийская манумиссия, прорисовка

¹ 1970-х годах М. М. Кобылина предоставила мне, как участнику Фанагорийской экспедиции, для публикации несколько обнаруженных раскопками и найденных случайно надписей. Этот и следующий камень хранятся в ИА РАН. Пользуюсь случаем упомянуть добрым словом Марию Михайловну, приятную женщину и большого исследователя античности. Написав статью, я, по своему обыкновению, положил ее в стол, поэтому через некоторое время две надписи из их числа правомерно издал Д. И. Даньшин [1991]. Без них я сдал в печать подготовленный материал лишь в 2003 г., но он опубликован [Яйленко, 2003] с таким большим количеством опечаток в греческом тексте, что необходима републикация.

¹ Все проблемы с d-t решила бы идея Я. Розвадовского, развитая Г. Шраммом [1997, с. 110], о киммерийском происхождении названия Танаис, однако фактов для перехода индоевр. d в киммер. t недостаточно.

письмо второй пол. II в. н. э., имеющее аналогии в надписях времени Савромата II КБН 1134, 1135, 77+1136. Текст отрывочен, количество букв в строке определяется предположительно по внесенным дополнениям:

ΑΙΑ...Ε -----
 ραν τῶν ἀφέτων μ[ὴ] ἄπτεσθαι παρὰ τὰς
 ρηθέντας ἐν τε [συμβουλῇ καὶ νόμῳ (?) καὶ μὴ]
 ἀναληφθῆναι [?] μ[ὲ]ν αὐτοὺς --, ἐὰν αὐτοὶ
 5 τ]ὰ εἰς τὴν προειρημ[ένην] πάντα ποιοῦν-
 τεσ. γ]έγραφα οὖν - υ[... ' uac.
 ἔτει καὶ μηνί (?) Δα]ε[ισίω . ']

← (?) не трогать отпущенников противу обусловленного и в манумиссии и в (соответствующем) законе (?), и не быть им захваченными --, если они выполняют все соответственно сказанному ранее (т. е. выше в тексте). Составил(а) же я в году четырехста таком-то, месяце Десии (?), такого-то дня».

Обоснует предложенное понимание надписи. Два знаковых слова стк. 2 и 4: ἀφετοι «отпущенники» и ἀναληφθῆναι «быть захваченным» свидетельствуют, что это фрагмент манумиссии (термин ἀφετος «отпущенный, посвященный богам, свободный» известен ряду отпускных актов, в том числе фанагорийской манумиссии 51 г. н. э., см. ниже). Упоминается в манумиссиях и возможный захват отпущенников, к примеру: εἰ δέ τις ἐπιλαμβάνοιτο «если же кто-либо станет захватывать» (Michel, 1418. 11; λεφθῆναι — *inf. aor. pass.* к λαμβάνειν). Предварительно напомним формулярную последовательность манумиссий, в том числе боспорских. Они открываются эпонимной датировкой по эпонимному магистрату (на Боспоре по правящему монарху — βασιλεύοντος βασιλέως плюс имя царя), за которой следует точная дата по местной эре, включающая год, месяц и день составления документа (иногда указание на день отсутствует; дата может стоять и в конце надписи). Далее следуют имена и патронимики хозяина (хозяев), имя отпущенника или отпущенницы (реже двух-трех отпущенников) и условия отпуска. Сохранившийся текст нашей надписи представляет собой заключительную часть манумиссии, в которой идет речь об условиях отпуска.

В начале стк. 1, сохранившейся плохо, можно разобрать несколько букв (см. прорись): первая К или N, далее альфа и вертикаль, далее снова следует капта или ню, нижняя горизонталь, правая наклонная гаста какой-то буквы и эpsilon. Первые 3-4 буквы образуют связку καί или окончание *inf. pass.* -αι, либо предлог κατὰ-. Не больше ясности и с первыми тремя буквами стк. 2 ΡΑΝ, которые могут принадлежать нескольким словам, встречающимся в манумиссиях в форме *acc. fem.*: ἐλευθέραν, ἱεράν, ἡμέραν, ἡμετέραν, но все они маловероятны.¹ Не исключено чтение тут причастного окончания -ραντων ἀφέτων, однако и этот вариант трудно доказать.

¹ Слово ἐλεύθερος часто в отпускных актах, обычно содержится в формуле манумиссий об отпуске раба или рабыни на волю «быть ей (ему) свободной» (например, Michel, 1398, 1400, 1416 *etc.*, в том числе в пантикапейской манумиссии КБН 74: εἶναι αὐτῆν ἐλευθέρ[η]ν). Казалось бы, проще всего дополнить слово [ἐλευθέ]ραν.

Больше ясности с буквами стк. 3 ΡΗΘΕΝΤΑΣ, которые вряд ли означают что-либо иное, нежели ρηθέντας — *acc. fem. pl.* распространенного в надписях разных жанров причастия *aor. pass.* ρηθείς, ρηθείσα, ρηθέν «сказанное, обговоренное». В зависимости от контекста оно означает «суждение, постановление, решение» (Syll.³ 665. 8, 683. 62: ρηθέντων τῶν λόγων «решения» назначенных по арбитражу лиц) или официально внесенное устным способом какое-нибудь предложение, законоположение (Syll.³ 1011. 12: закон калхедонян III-IIa — τὰ ρηθέντα, также Michel, 1001. VIII, 9-10: завещание ферянки Эпиктеты ок. 200a — τό τε ρηθέν ἢ γραφέν ἄκυρον ἔστω «пусть не имеет силы сказанное или записанное» против воли завещательницы). В нашей надписи это ρηθέντας значит то же, что и τὴν προειρημ[ένην] стк. 5 — «сказанное ранее», т. е. перечисленные в утраченной части манумиссии обычные условия отпуска: вольноотпущенники не подлежат нападению, захвату, обиде и *np.* (ἀνεπίληπτοι, ἀνεπηρέαστοι *etc.*). С ἀναληφθῆναι «быть захваченным» стк. 4 ρηθέντας означает, что захват отпущенников противоречит воле манумиссора, утвержденной поручителями. Это часто встречающаяся в отпускных актах статья; к примеру, в манумиссии IIa из Феспий (Syll.³ 1208) возбраняется причинение ущерба отпущеннику Филониду, так как это противоречит воле манумиссора Каллиппа, «записанной на этой стеле» (ὅστις δέ κα ἀδικέσσει Φιλωνίδην παρὰ τὰ Κάλλιππος ἐν τῇ στάλα γέγραφε). По этой аналогии допол-

однако его единственное число не согласуется с *pl.* τῶν ἀφέτων, т. е. речь определено шла о двух-трех отпущенниках. К тому же слова ἐλεύθεροι и ἀφετοι по значению близки, хоть и различаются в нюансах, *cf. Plut. Mor.* 768a: ἐλεύθεροι καὶ ἀφετοι καθάπερ ἱερόδουλοι «свободные и посвященные богам, как храмовые рабы», поэтому выражение [ἐλευθέ]ραν τῶν ἀφέτων по смыслу было бы тавтологично. Остальные слова встречаются в манумиссиях гораздо реже. Так, ἱεράν употребительно в актах беотийских городов Лебадеи, Орхомена в формуле о посвящении отпущенника богу, к примеру: ἀντίθειτι τὰν *fidian* θαράπηναν Σούραν ἱεράν τῷ Ἴηρακλί «посвящает Гераклу в качестве священной собственности свою служанку Суру» (DGE, 503a, также 511, 512, 516). Это локальная формула и потому непригодна для фанагорийского акта. Кстати, приведенный пример с личным именем Σούραν показывает, что не исключен в нашем акте и какой-либо антропоним, оканчивающийся в вин. падеже буквами ΡΑΝ. Вряд ли стоит думать и о цене в одну священную мину, уплаченной за освобождение: μνᾶν ἱεράν (*cf.* ἀποτεισάτω δέκα μνᾶς ἀργυρίου [ἱερά]ς «пусть уплатит десять священных мин серебром» в манумиссии из Мессении (Michel, 1388). К варианту с ἡμέραν *cf.* в манумиссии из Левкопеты παρέδωκα τῇ θεῷ τῇ σήμερον ἡμέρα «передал богу нынешним днем» [Bull. ép. 1996, № 240]; ὑπηρετοῖσα τὰς εἰθίμους ἡμέρας «исполнила служение в предназначенный день» отпускного акта из святыни лица Девы в той же Левкопете [Ricl, s. 135] или ἀπὸ τὰςδε τὰς ἡμέρας «от этого самого дня» манумиссии из Лебадеи (DGE, 512). Форму [ἡμέ]ραν можно было бы понять в качестве *acc. temporis*, однако такой винительный обозначает протяженность во времени [Нидерле, с. 41], т. е. в данном случае длительность дня, а не день как дату совершения отпуска, по причине чего восстановление [ἡμέ]ραν маловероятно. Местоимение ἡμετέραν невозможно, так как отпускной акт совершен одним человеком — [γ]έγραφα «я составил(а)» стк. 6 нашей манумиссии.

няем в лакуне стк. 2 фанагорийской надписи предлог *παρά* и член *τάς* при *ρηθέντας*.

В таком контексте род. падеж *τῶν ἀφέτων* стк. 2 и инфинитив *ἀναληφθῆναι* стк. 4 находят параллель в манумиссии первой пол. Па из Стириса (Michel, 1418. 11): *εἰ δέ τις ἐπιλαμβάνοιτο αὐτῶν ἢ καταδουλίζοιτο* «если же кто-либо захватывает их или порабощает» (*ληφθῆναι* — *inf. aor. pass.* глагола *λαμβάνειν*). Здесь *gen. αὐτῶν* определяется глаголом *ἐπιλαμβάνειν*, требующим этого падежа. Поскольку глагол этого смысла и корня *ἀναληφθῆναι* стк. 4 фанагорийской надписи требует вин. падежа, следует восстановить в лакуне другой глагол близкого содержания, употребительный в манумиссиях и требующий род. падежа — например, *ἄπτειν* (обычно *med. ἄπτεισθαι*) «трогать, касаться, нападать» (Michel, 1393, 1402–1404 *etc.*). Глагол стк. 4 *ἀναληφθῆναι* указывает, что наша надпись построена по инфинитивной конструкции, поэтому дополняем глагол в лакуне стк. 2 в инфинитивной форме — *ἄπτεισθαι*. Отрицание, как в примере из Стириса, *μή*, чему соответствует сохранившаяся у скола стк. 2 буква *Μ*. В целом читаем в стк. 2–3: *τῶν ἀφέτων μ[ῆ] ἄπτεισθαι παρά τὰς] ρηθέντας* «не трогать отпущенников противу обусловленного» данным актом об отпуске. В манумиссиях отсылки к изложенному выше обычны: *τὰ γεγραμμένα, τὸ προτασσομένον, καθὼς ἐπάνω γέγραπται* (Michel, 1404 *сл.*). В нашем документе отсылка к содержащимся в нем установлениям присутствует также в стк. 5: *τὴν προειρημ[ένην]* «сказанное ранее».

Как и в приведенной статье манумиссии Каллиппа, в нашей надписи после *ρηθέντας* следует предлог *ἐν*, который подсказывает смысловую конструкцию утраченного далее текста. Дополнить в нашем документе цитированное из этой манумиссии *ἐν τῇ στάλα* не стоит, ибо написанное на стеле — это скорее *γραφέν*, а не *ρηθέν* (хотя в фанагорийском фрагменте далее есть отсылка к предыдущему, названному *προειρημ[ένην]* «сказанное ранее, см. ниже). Поскольку манумиссии обозначались словами *συμβουλή, συνγραφή* (Michel, 1404. 5; 1408. 6, 9; 1409. 8) и так как предпочтительней слово без корня *γραφ-*, предположительно дополняем: *ἐν τε [συμβουλή καὶ νόμῳ ?]* «и в манумиссии и в (соответствующем) законе (?)» (в конце стк. 3 после *τε* видна левая половина нижней горизонтали следующей буквы, которая может соответствовать сигме дополняемого слова *συμβουλή*). Ссылка на два документа определяется связкой *τε, cf.* подобную отсылку на два и более документа в дельфийской манумиссии середины Па: с того, кто попытается поработить отпущенницу, «пусть взыскивают согласно этой манумиссии и законам» (*κατὰ τὰν συμβολῶν καὶ κατὰ τοὺς νόμους*, Michel, 1408. 9).

Начинающий стк. 4 глагол *ἀναληφθῆναι* «быть взятым, захваченным» по смыслу продолжает статью, запрещающую трогать отпущенников, и составляет с нею единый период фразы (напомним, что и в параллели из Стириса, которая подсказала нам содержание утраченного в лакуне стк. 2 текста — *εἰ δέ τις ἐπιλαμβάνοιτο αὐτῶν ἢ καταδουλίζοιτο*, упоминается этот же глагол *λαμβάνειν*). Поэтому вводим связку *καὶ μή* между статьями о *ἄπτεισθαι* и *ἀναληφθῆναι*, в целом получив следующий текст этого периода фразы: *τῶν*

ἀφέτων μ[ῆ] ἄπτεισθαι παρά τὰς] ρηθέντας ἐν τε [συμβουλή καὶ νόμῳ ?] καὶ μή] ἀναληφθῆναι -- [αὐτούς] «не трогать отпущенников противу обусловленного и в этой манумиссии и в (соответствующем) законе (?), и не быть им захваченными». В стк. 4 после *ἀναληφθῆναι* сохранились плохо различимые остатки 3–4 букв, из которых вторая *эпсилон*; в лакуне этой строки следует поместить необходимый к инф. *ἀναληφθῆναι* объект в вин. падеже: [*μ*]ε[ν αὐτούς --] (вместо [*μ*]ε[ν возможно дополнение и [*δ*]ε [αὐτούς --]). Здесь же, в лакуне конца стк. 4 начинается обычная в манумиссиях завершающая часть излагаемой в стк. 2–4 формулы, устанавливающая, что все сказанное об имунитете отпущенников имеет силу лишь при условии выполнения ими своих обязательств. Обычно это причастный оборот с *ποιέων*, к примеру: *ποιέων τὸ ποτιτασσομένον* «выполняя все установленное»; *ποιῶν πάντα καθὼς ἐπάνω γέγραπται* «выполняя все, как изложено выше»; *ποιήσασα τὰ γεγραμμένα τὰ ἐν τῇ συνγραφῇ* «выполняя изложенное в манумиссии» (Michel, 1402. 4; 1403. 16; 1404. 5; 1405. 8 *etc.*). Дополняем необходимые элементы этой формулы в стк. 4–6 фанагорийской надписи: [*-- ἐὰν αὐτοὶ | τ]ῇ εἰς τὴν προειρημ[ένην πάντα ποιοῦντες]* «если они выполняют всё соответственно сказанному ранее», т. е. тому, что изложено в документе выше.

Закljučается публикуемая манумиссия указанием на составление ее манумиссором от первого лица, с точной календарной датой: [*γ*]ε[γραφα οὖν - υ[...] νας. | ἔτει καὶ μηνὶ ? Δα]ε[ισίω .'] «Составил(а) же я в году четыреста таком-то, месяце Десии (?), такого-то дня». Употребление глагола в первом лице ([*γ*]ε[γραφα]) при том, что имя манумиссора требует глагола в третьем лице, изредка встречается в разных манумиссиях Ia–IIIp: *ἀφείημι, ἠξάμην* (КБН 70, 71), *τιθέμεθα, ὁμολογῶ* (Michel, 1417. 13, 16, 17, Дельфы), *παρέδωκα* [Bull. ép., 1996, № 240, Левкопेटра в Македонии], *δωροῦμαι, ἔδωκα* [SEG 36, 1986, 620, 621, Эдесса в Македонии], *ἀφίημι, ἀνέθηκα, ἠγόρασα* [Robert, 1940, p. 70, 74], Македония). Есть и точные аналоги в концовке фанагорийского документа; так, манумиссия из Эдессы в Македонии заключается такой же формулой *εὔραφη ἔτους θρτ' Ὑπερβερεταίου δ'* [SEG 36, 1986, 621]. Концовка манумиссии 199p из Левкопेटры в Македонии более расширена: после *εὔραφη ἔτους αλς'* следуют имя и должность манумиссора [SEG 47, 1997, 906]. Судя по восстанавливаемому в лакунах двух последних строк фанагорийского документа тексту, в конце предпоследней строки следует *νασαί*; если это так, для имени манумиссора места нет (как обычно, оно стоит в начале надписи).

После [*γ*]ε[γραφα οὖν] следует маленький прочерк, отделяющий буквенный текст от следующей далее цифри — годов босп. эры; сохранилась лишь первая цифра *Υ= 400*, которая указывает, что манумиссия совершена между 103–202 гг. н. э., иначе говоря, во II в. В последней строке вполне видны *эпсилон*, вертикаль и верхний уголок *сигмы*, соответствующие из числа месяцев македонского календаря, принятого на Боспоре, только Десию. В манумиссиях Пантикапея и анонимного центра у ст. Запорожской зафиксирован отпуск рабов на волю 1 числа месяца Апеллея, 10 числа Десия и в

12 день Перития (КБН 69, 70, 1021). Еще одна фанагорийская манумиссия совершена в 8 день месяца Апеллея [Даньшин, 1991, с. 98], другая совершена в 1 день Ксандика 51 г. н. э. [Даньшин, 1993, с. 59] и третья — на 7 день Десия (КБН 985). Итого из 6 отпускных актов, содержащих указание на день освобождения, два совершены в первый день месяца, остальные три в 7, 8, 10 и 12 дни.

Совершение манумиссий в первый день месяца связано с тем, что этот день посвящен всем богам и в особенности Аполлону (ему посвящены также 7 и 20-й дни месяца [Латышев, 1997, с. 109]). Фанагорийский отпускной акт КБН 985, как сказано, совершен в 7 день при храме Аполлона. В данном случае налицо соответствие даты отпуска на волю дню рождения Аполлона. Правильность этого вывода подтверждает и место находки манумиссии КБН 985: вместе с манумиссией КБН 986 и, вероятно, еще одной, публикуемой ниже (№ 2), она найдена на территории хутора Шапырева (Город А). Здесь, в западной части Фанагории, называвшейся Диоклен, располагался храм Аполлона, упоминаемый в надписи КБН 975 (камень найден у того же хутора), которому, таким образом, и были посвящены отпущенники. Опубликованная Д. И. Даньшиным в 1991 г. манумиссия найдена на Верхнем городе (к западу от старой дороги и к югу от Центрального раскопа, в отвале дореволюционного времени),¹ где, как сказано, найдена и публикуемая нами манумиссия. Тут располагалось центральное святилище Фанагории с храмами Афродиты Апатуры Урании и Аполлона Иетра [Розанова, 1949, с. 170 сл.; Ломтадзе, 1996, с. 147 сл.]. Поскольку культ Аполлона Иетра не отпавлялся в Фанагории позднее I в. до н. э. [Ломтадзе, 1996, с. 157], обе указанные манумиссии, относящиеся к I–II вв. н. э., совершены при храме Афродиты Апатуры. Таким образом, судя по имеющимся манумиссиям, отпуск на волю осуществлялся в Фанагории под покровительством двух городских храмов — Афродиты Апатуры и Аполлона в Диоклеях, причем в последнем отпуск приурочивался к 1 и 7 дням месяца, посвященным Аполлону. Совершение манумиссий по праздничным дням отметила и Марианна Рикль в отношении отпускных актов Македонии [Ricl, с. 135].²

¹ Так устно указала нам место находки М. М. Кобылина. В ее отчете, по Даньшину [1991, с. 98], это место обозначено как котлован раскопок XIX в. «на большом холме».

² Помимо Пантикапея, Фанагории и Горгиппии, в которых найдено по нескольку манумиссий, еще один акт об отпуске раба на волю найден на поселении у ст. Запорожской (КБН 1021). Здесь отпуск совершен в первый день месяца Апеллея в 105 г. н. э. под эгидой Зевса и Геры. Судя по выражению Διεὶ καὶ Ἦρᾷ Κυλειδῶν, эти Зевс и Гера почитались здесь, в местечке по имени Κυλιδαί (в надписи долгое *i* растянуто в *ei*). Это топоним *pluribus tantum*, имеющий в этом отношении соответствие в других названиях в форме мн. числа на Тамани — городок Κήποι, упомянутое наименование западной части Фанагории Διόκλειος (или (τά) Διόκλεα), еще одна местность Θιάυρα (или (τά) Θιάυρα), в которой располагался храм Афродиты (КБН 975, 976); территория между Фанагорией и Горгиппией именовалась τὰ Ἀσποურიανά (выше,

Нам известны 6–8 манумиссий Фанагории, по времени создания распределяющиеся так: первая совершена в 16 г. н. э. (КБН 985), вторая в 51 г. [Даньшин, 1993], третья во второй пол. I — первой пол. II [Завойкина, 2008], четвертая во II в., скорее в первой его половине [Белова, 1977, с. 109],¹ пятая тоже во II в., ближе к его середине (публикуется тут ниже, под № 2), шестая (публикуемая нами тут под № 1) совершена в последней четв. II в. (см. выше), седьмая [Даньшин, 1991] относится ко времени правления Савромата II (173–210), восьмая дана в конце II — первой пол. III в. (КБН 986).² В Пантикапее известны 6 актов об отпуске, по времени совершения располагающиеся так: первый в 57 г. н. э. (КБН 69), второй в 81 г. (КБН 70), третий в I в. н. э. (КБН 71), четвертый в конце I — первой пол. II в. (КБН 72), пятый от 110 г. (КБН 74, см. ниже), шестой во II в. (КБН 73). В Горгиппии найдено 7–8 манумиссий, распределяются они по времени издания следующим образом: первая издана в 41 г. н. э. (КБН 1123), вторая в 59 г. (КБН 1124, найдена в районе станицы Ново-Михайловской на хоре Горгиппии, по своей редакции безусловно горгиппийская), третья в 68 г. (КБН 1126, с уверенной, на наш взгляд, поправкой Т. В. Блаватской [1958, с. 92] в дате), четвертая и пятая в конце I — начале II в. [Кругликова, 1967, с. 188; Болтунова, 1971, с. 4] (обе с нашими поправками, см. ниже, с. 632, 635), шестая в 145 г. [КБН 1203; Болтунова, 1979, с. 87], седьмая и восьмая в первой пол. II в. (КБН 1127, 1128).³ Еще одна манумиссия (КБН 1021) совершена при святилище Зевса и Геры в Кюлидах (ок. станицы Запорожской), другая найдена в Патрее (см. ниже).

Всего мы располагаем ныне 27 манумиссиями, из числа которых 5–7 отнесены к документам этого рода предположительно. В основном это фрагменты, более или менее удовлетворительно сохранился текст 11 актов (КБН 70, 71, 73, 74, 985, 1021, 1123–1126 и фанагорийская манумиссия 51 г.). Упомянутые центры дают картину распределения рабского контингента на Боспоре, концентрировавшегося, стало быть, в I–II вв. н. э. главным образом на азиатской части страны. Показательно во временном отношении практическое исчезновение в III в. актов об отпуске, что следует связать

с. 251). Ввиду указанных аналогий нам представляется ошибочной догадка Н. И. Новосадского [1930, с. 226], что Κυλιδαί — название знатного рода. Таким образом, древнее название местности у станицы Запорожской — Κυλιδαί.

¹ Отметим, по осмотру камня с этой манумиссией, что в стк. 1 у скола видны остатки *omegi*, так что тут читается не *u[ou] ?*], как предположила Н. С. Белова, а *u[ou]v*. Этот документ найден на территории станицы Сенной, без уточнения участка, поэтому неизвестно, в каком фанагорийском святилище произведен отпуск.

² Изданная Д. И. Даньшиным в 1991 г. надпись и публикуемая ниже, под № 2, сильно фрагментированы; судя по остаткам текста, они скорее относятся к числу манумиссий, хотя полной уверенности в этом нет.

³ Фр. КБН 1128 В. В. Латышев предположительно отнес к числу манумиссий, также изданный И. Т. Кругликовой обломок мы предположительно определяли в качестве начальной части отпускного акта.

с готскими погромами 220-240-х годов на азиатском Боспоре и общей нестабильностью царства. В территориальном плане интересно отсутствие манумиссий в Танаисе, где распространен культ Высочайшего бога, который покровительствовал отпущенникам в Горгииппии. Видимо, это обстоятельство следует связывать с негреческим этносом основной части его населения (судя по имени тананитов, это главным образом иранцы) и с крайне периферийным положением города — раб мог бы уйти в любом направлении.

Издаваемая здесь манумиссия во всех сохранившихся статьях существенно отличается своей лексикой, формулировками и редакцией от остальных боспорских документов этого рода, в целом довольно стандартных по содержанию. Обычно в боспорских манумиссиях точная дата указывается в начале, после эпонимной датировки по правящему царю (у нас она заключает отпускной акт). Отсутствует в известных ныне боспорских отпускных актах и формулировка [γ]εγραφα «составил(а)», нет в боспорских документах внутренних отсылок к вышеизложенным статьям, которые нередки в манумиссиях метрополии. Наша манумиссия построена по инфинитивной конструкции, которая отсутствует в боспорских актах. Обычные для боспорских манумиссий слова и формулировки почти вовсе не представлены в ней. Все это свидетельства того, что наш документ не связан с традиционной документацией Боспора, которая уже с начала I в. н. э. (КБН 985) выработала местный тип отпускных актов, со своим языком, формулировками и их последовательностью (о формулярном типе, редакции, лексике боспорских манумиссий см. [Надэль, 1958, с. 137 сл.; 1968, с. 276 сл.]). Типологически и лексически издаваемый фанагорийский акт близок манумиссиям греческой метрополии, в частности, Дельфа и Македонии. Из этого, однако, не следует, что камень с нашей надписью попал в Фанагорию с корабельным балластом из метрополии.¹ Скорее всего, данный отпускной акт совершен не коренным фанагоритом, а длительно проживавшим в Фанагории выходцем из метрополии, который обзавелся местными рабами (либо вывез их из своего родного города) и, отпустив их на волю, воспользовался знакомым ему типом отпускных актов своего *Vaterland*'а.² К примеру, в Дельфах был выработан стандартный тип манумиссий с определенным набором формул и их последовательностью, но в числе дельфийских манумиссий есть акты, отличающиеся от стандартных (Michel, 1397 — манумиссор из Амфиссы;

¹ О перемещенных с Тамани и из Горгииппии в Пантикапей надписях (КБН 837, 1136), послуживших скорее всего корабельным балластом, см. с. 526, 618. Два обломка горгииппийских надписей оказались даже в Ольвии [Яйленко, 1987, с. 88 сл.]. Возможно, в качестве балласта попал в Ольвию из Аттики обломок IOSPE I² 36 с аттической, судя по тексту, надписью [Ib., с. 29-30].

² В числе фанагорийских надписей есть две, так сказать, экспортные, выполненные в Металополе (КБН 991) и Тегее для скончавшихся в Фанагории аркадских резидентов [Яйленко, 1986, с. 223].

1401 — манумиссор из македонской Берои; 1414 — манумиссоры из Эриней и др.), что обязано местной, а не дельфийской, их редакции.

2. Манумиссия Валерия (?)

Фр. мрам. желтовато-серой плиты, найден в 1970 г. при раскопках города А, пл. XXV, штык 6 (рис. 22, 22а). Обломан со всех сторон, выс. 13, шир. 10, толщ. 3 см. Обратная сторона не обработана. Сохранились остатки 4 строк надписи, выс. букв 2,7 см. Текст: ΥΑΔΕ | ΤΕΡΑ | ΟΚΥΡ | ΙΟ. В стк. 1 сохранились: ножка Υ с декоративной горизонталью у основания усиков (как в стк. 3), нижняя часть Α с перекладиной, Α без уголка и нижний уголок Ε. В стк. 4 сохранились верхняя часть вертикали, верхняя половина дуги круглой буквы и левый верхний апекс наклонной гасты Υ или Χ, менее вероятны, судя по наклону гасты, альфа (ср. стк. 2), лямбда или дельта (см. прорись). Остатки лексики находят соответствие в почетных надписях, эпитафиях, надписях фиасов и манумиссиях Боспора. Рассмотрим эти варианты. В по-

Рис. 22. Манумиссия Валерия? (фото автора)

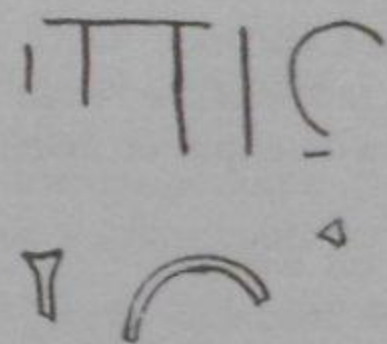

Рис. 22а. Манумиссия Валерия (?), прорись стк. 4

четной надписи из Гермонассы (КБН 1047) титулатура Веспасиана содержит выражения патэра патρίδος и κύριος τοῦ συμπαιτος Βοσπόρου, которым могут соответствовать стк. 2-3 нашего фрагмента. Однако принадлежность его к почетным надписям маловероятна вследствие характера камня — это тонкая мрам. плитка, судя по необработанной задней стороне, вмурованная в стену, тогда как почетные надписи обычно представляют собой постаменты, барабаны колонн или монументальные плиты.¹ Близкие лексические па-

¹ Из почти полусотни почетных боспорских надписей лишь несколько сделаны на тонких мраморных плитах — КБН 955 (Партенит), 981, 984 (Фанагория), 1119 (Горгииппия). На последней из них сохранились врезки для скреп, т. е. эти тонкие плиты монтировались к соответствующему монументу или сооружению.

параллели предоставляют и надгробные надписи. Так, в фанагорийской эпиграфии КБН 1000 повествуется о поставленной стеле с изображением отца (τὸν πατέρα) — сановника, отличавшегося благомыслием к законным царям Боспора (πρὸς τοὺς κυρίους βασιλεῖς). На основании этой параллели в нашем фрагменте можно восстановить слова [τὸν πα]τέρα и [τ]ῷ κυρ[ίῳ βασιλεῖ], но характер камня и в этом случае не соответствует надгробной стеле. По этой же причине неудовлетворителен и вариант с восстановлением элементов, присущих актам фиасов (например: [- περὶ ἱερέαν τὸν δεῖνα Ο]υαλέ[ριου καὶ πα]τέρα [[συνόδου Φιλ]οκύρι[ον e. g. Ἀπολλων]ίου, ср. КБН 104, 105 и др.), поскольку почти все боспорские надписи фиасотов сделаны на известняковых стелах толщиной не менее 7–10 см.

Если не ориентироваться на указанные исключения из правила, то данный фрагмент принадлежит манумиссии, чему прежде всего соответствует характер камня: акты об отпуске обычно представляют собой небольшие мраморные плитки толщиной 3–8 см (лишь две толщиной 17 и 24 см), зачастую с необработанной оборотной стороной: как документальное свидетельство отпуска они для лучшей сохранности вмонтированы в стену святилища, при котором произведен отпуск (вспомним стены дельфийского храма, исписанные манумиссиями). Во-вторых, обломок найден на территории города А, откуда происходят еще две манумиссии — КБН 985, 986. Наконец, лексика боспорских актов об освобождении позволяет трактовать сохранный текст в качестве средней части отпускного акта: после датировки и имен манумиссоров (возможны также иные указания) следуют имя отпущенника (-ов) и формула о неприкосновенности:

[... Ο]υαλέ[ριον καὶ ποτε]ν θυγα[τέρα] (αὐτοῦ, ὅπως ᾧσιν αὐτοὶ διὰ τῆς κύριον ἐλεύθεροι καθάπαξ, ἀπαρενόχλητοι καὶ ἀνεπίληπτοι κτλ.)
 «... (отпускаю на волю рабов моих) Валерия и дочь его имярек, чтобы они были, согласно закону, совершенно свободны, неподвержены беспокойству и захвату».

Это прочтение основано на лексике и формулярной последовательности боспорских манумиссий, откуда заимствованы все восстановленные формулы: ὅπως ᾧσιν αὐτοὶ ἐλεύθεροι καθάπαξ, ἀπαρενόχλητοι καὶ ἀνεπίληπτοι (КБН 70, 71, 73, Пантикапей), διὰ τὸ κύριον (КБН 1126, Горгиппия); последнее является эквивалентом распространенного в манумиссиях метрополии выражения κατὰ τὸν νόμον «согласно закону». После ἀπαρενόχλητοι καὶ ἀνεπίληπτοι обязательно следует указание на наследников манумиссора — отпущенные не подлежат беспокойству или захвату со стороны наследников (КБН 70 сл.). Разумеется, ΥΑΛΕ фанагорийского фрагмента может быть прочтено и в качестве женского имени, ср., к примеру, Ουαλέρια ἀπελευθέρη в одной из малоазийских надписей [Studia Pontica, № 44a]. Заметим, что боспорские манумиссии дают примерно равное число отпущенных на волю женщин и мужчин: женщины отпущены по актам КБН 71, 74, 1123, 1125, 1127, по актам 70, 985, 1021 отпущены мужчины, которых в манумиссии 51 г. из Фанагории трое;

не менее двух человек отпущены актами 73, 1124, 1126. Буквы ΟΚΥΡ могут также соответствовать имени типа Φιλοκύριος, имеющему ярко выраженный рабский характер («любящий господина»), ср., к примеру, Φιλοκύριος θρεπτός одной из римских надписей [Moret, 1972, № 1015], и то же по значению имя отпущенника Φιλοδέσποτος манумиссии КБН 1021. По характеру письма издаваемый фрагмент датируется II в., ближе к середине, ср. письмо аттической надписи 145 г. н. э. [Kirchner, 149].

3. К интерпретации фанагорийской манумиссии 51 г.

В изучении разных аспектов отпуска рабов в Фанагории и в целом на Боспоре важное место занимает фанагорийская манумиссия 51 г. н. э. Текст *editio princeps* [Даньшин, 1993, с. 59 сл.], с нашими поправками в стк. 6–8 и переводом:

βασιλε(ύ)ον(τος) βασιλέως Κότυος | ἔτους (η)μτ' μηνός | Ξανδικού α' Ψυχα | ρίων, Σόγος, Ἄνος | [ο]ἱ τοῦτο(υ) νεῖοι· Κάρ, | Σάνδανος καὶ Κάρραγος καὶ Μ(η)τρόπειμος ἄφετοι τῆ | |¹² προσευχῆ, ἀνεπίλ(η)πτοι, ἀνεπικ(ώ)λυτοι, χωρὶς εἰς τὴν | προ(σ)ευχὴν προσκαρ(τερ)ήσεως καὶ θωπία | |ς καὶ ἔσταν ἄφετ[ο]ἱ συνεπιτροπε(υ)οῦσῆς τῆς συναγωγ[ῆ]ς τῶν Ἰουδαίων¹ «в царствование царя Котиса, в году 348, в 1 день месяца Ксандика Психарион, Сог, Ан, сыновья Тутта, *решили*: Кариец, Сандан и Карраг и Метротим — отпущенники синагоге, неприкосновенны, не подвержены воспрепятствованию, лишь усердно участвуют в делах синагоги и служении, и находятся под опекой иудейской общины».²

В основном дискуссионны два вопроса интерпретации надписи — чтение личных имен и роль иудейских синагог в отпущенничестве на Боспо-

¹ Разночтения строк 6–8: [ο]ἱ τοῦτο(υ) νεῖοι· Καρ Σάνδανος καὶ Καρ Ἄνος ed. princeps, [ο]ἱ τοῦτο(υ) νεῖοι· Καρσανδανος καὶ Καρραγος [Levinskaya, 1996, p. 237], [ο]ἱ τοῦτο(υ) νεῖοι· Κάρ, Σάνδανος καὶ Κάρραγος supplevi. Стк. 11: ἀνεπικ(ώ)λυτοι [Heinen, 2001, S. 493]. X. Хайнен заметил также, что грамматически безупречным было бы чтение в стк. 15 ἔστων ἄφετ[ο]ἱ «быть им вольноотпущенными». Перевод Даньшина: «В царствование царя Котиса, 348 г. (= 51 г. н. э.), месяца Ксандика, 1-го числа, Психарион, (а также) Сог (и) Ан — его дети. Кариец Сандан и кариец Аг и Метротим отпущены при молельне, гарантированными от захвата, беспрепятственными (в проживании), при условии усердного посещения и почитания молельни и стали свободными под опекой общины иудеев».

² Надпись построена по номинативной конструкции декретов, в которых за санкцией типа οἱ δεῖνες εἶπαν «такие-то постановили» следует ἐπειδὴ ὁ δεῖνα «поскольку имярек» (номинатив). Санкция может быть опущена, но подразумеваться, поэтому номинативная конструкция сохраняется; как раз этот вариант представлен в обшуждаемой манумиссии, вследствие чего мы и дополнили в переводе подразумеваемое слово *решили* — «сыновья Тутта *решили*: Кариец» и т. д. Слово προσευχῆ мы перевели русским «синагога» в его современном значении «еврейский молитвенный дом», тогда как συναγωγ[ῆ] при τῶν Ἰουδαίων стк. 17 означает «иудейскую общину»; προσκαρ(τερ)ήσεως — служение при храме [Надаль, 1958, с. 140].

ре. Д. И. Даньшин читал в стк. 6-8: [ο] τοῦτο(υ) ἕτεροι Καρ Σάνδανος καὶ Καρ Ἄγος, полагая, что Сог и Ан были сыновьями Психариона; такое понимание синтаксиса приняли также И. А. Левинская, С. Р. Тохтасьев, Х. Хайнен [Levinskaya, 1996, p. 237; Heinen, 2001, S. 493]. Однако перечисление подряд трех имен с последующим местоимением τοῦτο(υ) синтаксически не дает возможности понять, кто отец и кто сыновья, поэтому Даньшину пришлось вставить в свой перевод немотивированные пояснения «Психарион, (а также) Сог (и) Ан — его дети». Между тем выражение «такие-то — его дети» вообще не имеет аналогов в актах об отпуске и одно это указывает, что какой-то элемент текста прочтен неправильно. Мы читаем здесь патронимик Τοῦτου, gen. имени Τοῦτος, упоминаемого греческим историком времени Адриана Флегонтом Траллским (*Phlego Trall.* 29, 3) и строительной надписью 252/268 гг. из Секкета около Эдфу в Египте: Πολ[υ]-ραγος [ὁ] καὶ Τοῦτος [OGIS 717. I].¹ В любом случае только чтение личного имени вместо τοῦτο(υ) издателя позволяет определить патронимик манумиссоров. Число детей Тутоса не вполне ясно, так как вместо двух имен Σόγος и Ἄγος можно читать одно Σογούσιος — если имя Σόγος хорошо засвидетельствовано, то имени Ἄγος нет.

Перейдем к именам отпущенников. Даньшин читал: Καρ Σάνδανος καὶ Καρ Ἄγος, отметив, что Καρ — это этникон «кариец», а в чтении имени Ἄγος нет полной уверенности, так как не исключено, что перед Α стояла еще одна буква. И. А. Левинская, С. Р. Тохтасьев предпочли чтение имен Καρσανδανος καὶ Καραγος. Нам представляется правильным чтение ими имени Κάρραγος — ср. имя Κόρραγος в акте сер. III в. из Амфиполя [SEG 41, 1991, 565]. Даньшин правильно указал, что перед ΑΓΟΣ стк. 8 стояла еще одна буква. По имени Κόρραγος из Амфиполя можно читать Κάρ[ρ]αγος, с обычной для греческих передач иноземных имен меной *a-o* (и даже в греческих именах [Доватур, 1965, с. 801, § 4,4]). Что до имени Καρσανδανος Левинской и Тохтасьева, то нам представляется предпочтительным чтение издателя Σάνδανος, вполне обоснованное им малоазийскими параллелями Σάνδανος, Σανδάκος, Σανδοκάιος, Σάνδανος [Zgusta, 1970, S. 35, 80, 87]. Остановимся подробнее на этом обстоятельстве, поскольку оно даст нам основания для более адекватного понимания соотношения имен Κάρ и Σάνδανος.

Можно значительно расширить круг малоазийских имен, близких антропониму фанагорийской надписи Σάνδανος — это мужские имена Sandas, Σανδης, Σανδος, Σανδανος, Σανδάνης, Σανδανσакας, Σανδαпарис, Σανδων, женское имя Sanda [Zgusta, 1964, S. 454; Houwink ten Cate, p. 137]. Все они восходят к теониму Šanta-, это божество, почитавшееся в лувийской и отчасти лидийской среде. В лувийско-хеттских двуязычных текстах Šanta- идентифицируется с Мардуком, у семитов с Ваалом из Тарса, у греков с Гераклом; воз-

¹ Согласно [РВ, 1544], Τοῦτος — это латинское имя Tutus, однако в доступных нам сводках латинских имен В. Шульце, Х. Солина и др. такого имени нет. По-видимому, это малоазийское имя.

можно, это бог растительности; имя этого божества носит герой хеттского рассказа об осаде Уршу Šandaš [Houwink ten Cate, p. 136 f.]. Еще одна форма имени этого бога, Sandon, встречается в Киликии в качестве антропонима [Astour, p. 65]. Полагаем, этих параллелей достаточно для верификации чтения в фанагорийской манумиссии вместе с издателем имени Σάνδανος, входящего в большую группу малоазийских ЛИ с основой Šanta-. Некоторые свойства этой группы помогают понять, что представляет собой Καρ, предшествующее имени Σάνδανος. Даньшин понял его в группе Καρ Σάνδανος καὶ Καρ Ἄγος в качестве этнонима — «Кариец Сандан и кариец Αγ», Левинская и Тохтасьев убрали этих «карийцев», дав слитное написание имен. В отношении группы Καρ Σάνδανος последнее неправомерно, как сказано, ввиду принадлежности второго имени к группе малоазийских антропонимов с основой Šanta-, кроме того, во всех сложных именах эта основа выступает на первом месте, а не на втором, как в варианте Левинской и Тохтасьева Καρσανδανος — ср. лувийские антропонимы Šantaziti, Sandapi, Sandašarme [Houwink ten Cate, p. 136], также вышеприведенные имена Σανδανσакας, Σανδαпарис. И в греческом имени Σανδογένης [Zgusta, 1964, S. 140] эта основа занимает первую позицию.

Равным образом невозможна интерпретация группы Καρ Σάνδανος Даньшиным — «Кариец Сандан»: в манумиссиях метрополии этническое происхождение отпущенника часто отмечалось, но в боспорских актах об отпуске этого нет, что вполне понятно, так как боспорское население римского времени было весьма смешанного происхождения. Но еще существенней дистрибуция имен группы Šanta- в Малой Азии: они распространены в Киликии, Корики, Лидии, Пафлагонии, Писидии, Ликаонии, Каппадокии [Zgusta, 1964a, S. 135-140], но не в Карию; как сказано, это лувийско-лидийская группа имен. Таким образом, фанагорийский Сандан не может быть карийцем, что вынуждает заключить: Κάρ — это имя другого отпущенника, названного первым, вторым поименован Сандан, третьим Καρραг. Как Сандан — раб лувийского или лидийского происхождения, так Καρ — раб карийского происхождения, собственно, это прозвище «Кариец». Оно употреблялось в Греции давно, поскольку там были рабы-карийцы, древнейший пример — имя Κάρ на вазе 520–510 гг. до н. э. из числа любовных надписей с κалός [LGPN II, 255].

Имя Κάρραγος ввиду указанной параллели из Амфиполя Κόρραγος может быть фракийского происхождения, имя Μητρότεμος греческое.¹ Присутствие малоазийцев на Боспоре явствует главным образом из наличия их имен в местном эпиграфическом архиве. В целом таких имен немного, они

¹ То обстоятельство, что оно единственное греческое у варваров-отпущенников наводит на подозрение, что оно может быть вторым именем Карага и в стк. 7-9 следует читать Κάρ[ρ]αγος (ὁ) καὶ Μ(η)τρότεμος «Караг, он же Метротим», т. е., возможно, опущено ὁ. Будем, однако, придерживаться подлинника, так что на волю отпущены 4 раба.

относятся главным образом к римскому времени [Zgusta, 1955, S. 326–330; Яйленко, 1980, с. 69–70]. Малоазийские имена двух надгробий с поселения II–III вв. у с. Фронтное на Керченском п-ове дали основание заключить, что они переселенцы из М. Азии; поскольку миграция малоазийцев в то же время отмечается и в Дакию, можно говорить о переселенческой волне II–III вв. из Анатолии в Сев. и Зап. Причерноморье (ниже, с. 676). Появление двух малоазийских имен в фанагорийской манумиссии 51 г. дает новый поворот теме о малоазийцах на Боспоре: при богатых местных источниках рабской силы здесь находили применение также рабы из Анатолии.

Отметим и необычно большое число отпускаемых на волю рабов — в манумиссиях и метрополии и Боспора обычно фигурирует 1 отпущенник, реже 2, совсем редкость отпуск 3–4 рабов. Фанагорийским актом 51 г. освобождены сразу 4 (или 3, если Карраг имел прозвище Метротим) раба, в чем можно усматривать благоприятную экономическую конъюнктуру на Боспоре в сер. I в. н. э. Этот вывод явствует из выкупной цены, которую выплачивали рабы за свое освобождение (о ценах за отпуск см. [Calderini, p. 139 f., 210 f]). Так, в Дельфах средний выкуп составлял 2–5 мин серебра, часто 4–6 мины [Зельин, Трофимова, с. 137, 144]. Для сравнения укажем, к примеру, что в Дельфах манумиссор Праксий получил за отпуск 4 ничем не примечательных рабов, из коих к тому же две женщины, 19,5 мин [Ib., с. 143]. Может быть, на Боспоре цены за отпуск были меньше, но в любом случае освобождение сыновьями Тутта сразу 3–4 рабов не было следствием их какой-то сиюминутной нужды, ибо за них была получена приличная сумма, вряд ли менее 10 мин, так как обычно и здесь и в метрополии отпускали 1–2 рабов. Само наличие сразу у 4 рабов, принадлежавших одной семье, достаточных для выкупа на волю денежных сумм, может свидетельствовать о хорошем экономическом положении Фанагории в сер. I в. н. э. Обратим внимание еще на один нюанс: если в манумиссиях дельфийского храма Аполлона, где отпуск рабов был поставлен на поток и храм получал большой доход, тщательно фиксировалась стоимость отпуска (также и в ряде других святилищ), то в боспорских отпускных актах нет ни слова о деньгах. Вряд ли это следствие бескорыстия местного жречества — и греческие и иудейские святилища вели активную финансовую политику; в частности, в надписи 123 г. н. э. КБН 975, по нашей трактовке слова ἀτελεῖ (с. 386), речь идет о какой-то беспроцентной операции при храме Аполлона в Диоклеях. Савромат II пожертвовал горгишскому храму Посейдона стоимость 5600 литров зерна — стоимость беспроцентного вывоза 1000 артаб хлеба (КБН 1134, см. ниже, с. 614). Видимо, отсутствие упоминания о плате за отпуск раба — это проявление того, что ныне называется «коммерческой тайной»: Дельфы были популярным общегреческим святилищем, здесь «крутились» большие деньги и потому велся открытый учет финансовых операций, а на Боспоре I–II вв. н. э. святилища имели локальный характер, денег было меньше и потому стоимость каждой операции не разглашалась, дабы не афишировать

доходы продавцов и храмов.¹ Равным образом можно предполагать также, что отпускные цены были примерно одинаковы на всем Боспоре и потому не фиксировались в документе об отпуске на волю.

4. Роль иудейства в вольноотпущенничестве на Боспоре

Начнем с вопроса об иудейском контексте фанагорийской манумиссии 51 г. Это первый на азиатском Боспоре документ, бесспорно свидетельствующий об отпуске рабов при иудейской синагоге. Манумиссия найдена на берегу моря, на раскопе 1989 г. «Берег», вне античного контекста.² Раскоп расположен примерно на одинаковом расстоянии и от центрального тетеноса города с его храмом Афродиты Апатуры и от Диоклей с их храмом Аполлона. Манумиссия не могла быть перемещена ни с центрального тетеноса, ни из Диоклей, ибо иудейской синагоге по причине бывшего уже в древности антисемитизма не место рядом с греческими храмами; даже в Дура-Европос, на иранско-римско-семитском пограничье, наполненной семитскими святилищами, синагога находилась в отдалении от греко-римских святилищ и алтарей.³ В Фанагории синагога располагалась где-то на периферии городища (впрочем, был какой-то храм и в затопленной части городища [Амелькин, 2002]).

¹ Тем не менее и в Дельфах блюлась «коммерческая тайна» — называлась уплаченная рабом за освобождение сумма, но сколько доставалось продавцу, а сколько храму не указано. Пример: (после эпонимной датировки по официальным лицам Этоллии) «Аполлон Пифийский купил у амфиссейца Сосибия, с целью освобождения, женщину-рабыню по имени Никея, по происхождению римлянку, за три с половиной мины серебра. Поручитель, в соответствии с законом, амфиссеец Евмнаст. Цена достаточна, эту сумму для отпуска на свободу Никея доверила Аполлону. Свидетели (перечисляются имена). Эта сумма положена в святилище Аполлона в присутствии неокора Клеона» и других поименованных лиц ([Michel, 1900, № 1397], ок. 200 г. до н. э.). Результат торга — сколько пойдет хозяину, а сколько храму — дипломатично выражен имперсонально: «цена достаточна» (τὰν τιτὰν ἀπέχει), при этом и положенные хозяину денежки пока остаются в храме: «эта сумма положена (ἄ βία κεῖται) в святилище». 350 драхм за женщину — деньги немалые (мужчины выкупаются дороже — за 5, 6 и более мин): к примеру, медимн (= 52,5 л) пшеницы стоил в III–II вв. до н. э. от 4 до 10 драхм, метрет (почти 40 л) оливкового масла шел за 11–18 драхм [Day, 1942, p. 7].

² См. о местоположении и материалах раскопа, не доведенного до античных слов [Паромов, 1993, с. 141 и карту].

³ Впрочем, крепость по площади небольшая, поэтому тут все рядом. Непосредственно к синагоге примыкал скрипторий, а через дорогу располагалось святилище семитского же Адониса [Rostovtzeff, 1938, p. 41, генплан]. Всего 18 святилищ, греко-римские боги тут, включая алтари — Зевс Высочайший, Зевс Владыка, Зевс Бог, Тиха, Аполлон, Артемида, их культы сильно ориентализованы, преобладают семитские божества Пальмиры [Ib., p. 40, 58 f.]. Тем не менее, святилищ и алтарей греко-римских богов вблизи синагоги нет.

Обратим внимание на условия отпуска: все освобожденные рабы не сохраняли никаких обязательств парадон¹ по отношению к своим бывшим хозяевам — не должны проживать с ними какое-либо обусловленное время, ни заботиться об устройстве их похорон, ни работать на них, ни передавать им часть доходов, словом, они откупились от хозяев раз и навсегда. Из 11 более или менее сохранных боспорских манумиссий лишь в 2 предусмотрены условия парадон¹ пребывания при хозяевах и забота о похоронах (КБН 73, 74; об условиях парадон¹ [Зельин, Трофимова, с. 151 сл.]). В надписях метрополии обязательства освобожденных рабов по отношению к хозяевам, как правило, сохраняются, полное освобождение встречается реже. Возможно, полное освобождение на Боспоре объясняется повышенным риском жизни в этом государстве, расположенном на краю греко-римского мира и на границе с бескрайней ойкуменой кочевых варваров, соседство с которыми гарантировало нестабильность жизни. Манумиссией 51 г. предусмотрены лишь обязательства отпущенников перед синагогой, в которой оформлен отпуск: они «отпущенники синагоге, неприкосновенны, не подвержены воспрепятствованию, лишь усердно участвуют в делах синагоги и служении, и находятся под опекой иудейской общины». Эта формулировка впервые засвидетельствована данным актом и повторяется в 4 пантикапейских манумиссиях, принятых в период с 81 г. н. э. по первую пол. II в. (КБН 70-73). В литературе велась дискуссия по поводу объемов и конкретного содержания обязательств отпущенников перед отпускающим храмом. Поскольку немногочисленные боспорские манумиссии не дают возможности конкретизировать характер обязательств, обратимся к выводам специальной работы М. Рикль, сделанным на основе большого числа отпускных актов из Македонии: в общем раб был свободен после освобождения — в отношении храма у него были обязательства служить в нем по праздникам, т. е. время от времени, а не постоянно [Ric], s. 135].

Указанные 4 пантикапейские и 1 фанагорийский акты являются безусловным свидетельством отпуска рабов на волю при еврейской синагоге. Этим 4-5 актам посвящена обширная литература, поскольку они являются частью большого круга соответствующих документов из разных областей востока Римской империи.¹ На наш взгляд, большинство авторов этих исследований переоценивает роль еврейской религии в духовной жизни империи в целом и значение еврейских синагог в развитии института вольноотпущенничества в частности. Это видно на примере изучения боспорских, малоазийских, балканских и прочих манумиссий, поэтому нам ближе позиция таких ученых как Э. А. Гибсон, Ю. Устинова и др., склонных сдержанней оценивать роль евреев в религиозной жизни империи. Обратимся к данным боспорских манумиссий по этому вопросу. Как сказано, мы располагаем тек-

¹ Литература до 1958 г. указана в комментарии к КБН 70; дальнейшие указания на историографию см. [Levinskaya, 1990, 1996; Ustinova, 1998; Gibson, 1999; Heinen, 2001].

стами 11 актов такой сохранности, которая позволяет делать более или менее определенные выводы — по 4 надписи из Пантикапея и Горгиппии, 2 из Фанагории, 1 из Кюлид на Тамани (КБН 70, 71, 73, 74, 985, 1021, 1123/6, плюс фанагорийская манумиссия 51 г.). В целом 4 документа из столицы и 7 с азиатского Боспора; еще 9-10 фрагментов манумиссий недостаточно сохранны, тем не менее и они небесполезны.

Из этих 11 манумиссий 5 совершены при еврейской синагоге, но 4 из 5 происходят из Пантикапея и лишь одна приходится на остальной Боспор. Вывод: активность в деле вольноотпущенничества проявляла только столичная синагога, в основном в короткий период с 81 г. н. э. по рубеж I-II вв., иначе говоря, в правление двух царей — Рескупорида II (68-92) и Савромата I (93-123).¹ Ни одна из 5 совершенных при синагоге манумиссий не упоминает ни имени бога, ни бога вообще. Напротив, горгиппийские манумиссии совершены под покровительством богов — *Высочайшего бога*, Зевса, Геи, Гелиоса (КБН 1123, 1126), одного *Высочайшего бога* (1125); отпуск в Кюлидах на Тамани совершен под покровительством Зевса и Геры (1021); в Фанагории, как мы показали выше, отпуск происходил под покровительством Аполлона и Афродиты Апатуры. Характерно в данном отношении то, что пантикапейская манумиссия КБН 74, не содержащая указаний на причастность синагоги к отпуску, совершена под покровительством Зевса, Геи, Гелиоса, а также Матери и Девы. Вывод: еврейская синагога не имеет никакого отношения к отпуску под покровительством *Высочайшего бога*, Зевса, Геи, Гелиоса, Матери и Девы. Пример отпуска рабов через посвящение их Зевсу, Гее, Гелиосу находим и в таком захолустном полугреческом центре, как Термос в Этолии, в котором трудно предположить присутствие иудеев ввиду нищеты этой периферийной сельской области (Syll.³ 1212). По заключению Николь Белейш, даже в тех случаях, когда мы имеем дело в восточных провинциях с определенно иудейскими или иудаизирующими текстами, упоминающими Зевса, Гею, Гелиоса, клятва ими не подразумевает ассимиляции иудейской веры, это скорее формула окружающего культурного континуума [Belayche, p. 159 f.]

Многие исследователи склонны относить указанные манумиссии, упоминающие названных богов, к числу иудейских, считая *Высочайшего бога* еврейским Яхве. Если же оставаться на почве фактов, то очевидно, что в тех манумиссиях, в которых упоминается синагога и община иудеев (КБН 70-73 из Пантикапея и фанагорийская манумиссия 51 г.), *Высочайший бог* не значит. По этой и ряду других причин, как заключили подробно исследовавшие вопрос Ю. Устинова и Э. Гибсон, этот бог не идентичен еврейскому [Ustinova,

¹ Надпись КБН 70 датирована 81 г., в отношении остальных мы пользуемся для большей объективности датировками издателей, которые в основном приняты редакторами КБН: надпись № 71 — I в. н. э., № 72 — конец I — первая пол. II в., № 73 — по Латышеву, близка манумиссии 81 г., редакторы КБН предпочли время «не ранее первой пол. II в. н. э.»

1998; Gibson, 1999], вопреки мнению сторонников противоположной точки зрения [Надэль, 1968, лит.; Levinskaya, 1996]. В сущности, по Б. Надэлю, единственным указанием на принадлежность фанагорийской и горгипсийских манумиссий КБН 985, 1123-1127 иудеям является слово $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$, которое он, вслед за другими учеными считал обозначением исключительно еврейской молельни. Ирина Левинская логично поставила в зависимость от решения вопроса о значении $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ судьбу вопроса о значении культа *Высочайшего бога* — если словом $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ в источниках обозначается исключительно еврейская синагога, то упоминающийся в тех же боспорских надписях *Высочайший бог* — еврейский. Рассмотрев контекст двух надписей — IV в. до н. э. из Эпидавра и III в. н. э. из Амастрии, она пришла к заключению, что это небесспорные свидетельства употребления язычниками слова $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ для обозначения своих святилищ [Levinskaya, 1990, p. 154 f.] Нам не показались убедительными аргументы глубокоуважаемой Ирины Алексеевны. Что до надписи из Эпидавра (IG IV/1, 106. 27), то она апеллировала к разрушенности текста: $\epsilon\rho[\gamma\omega\upsilon\alpha\iota \text{ -- ca. 18 --}] \sigma \tau\alpha\varsigma \pi\omicron\tau\epsilon\upsilon\chi\alpha\varsigma \kappa\alpha\iota \tau\omicron\upsilon \beta\omega\mu\omicron[\upsilon] \epsilon\lambda\upsilon\mu\epsilon\lambda\omega$ *драхмидас*-. Действительно, можно предполагать, что $\tau\alpha\varsigma \pi\omicron\tau\epsilon\upsilon\chi\alpha\varsigma$ (дорич. $\pi\omicron\tau\epsilon\upsilon\chi\acute{\alpha}$ = аттич. $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$) может быть не только формой *gen. fem.*, но и *acc. pl.*, но если брать контекст надписи в целом, то ясно, что это запись о контракте и что при *gen. καὶ τοῦ βωμοῦ[υ]* предшествующее $\tau\alpha\varsigma \pi\omicron\tau\epsilon\upsilon\chi\alpha\varsigma$ представляет собой тоже род. падеж $\tau\acute{\alpha}\varsigma \pi\omicron\tau\epsilon\upsilon\chi\acute{\alpha}\varsigma$, тем более, что оба соединены связкой $\kappa\alpha\iota$: «подрядчики -- молельни и алтаря за столько-то драхм». Поскольку это надпись IVa, когда, по справедливой оговорке Левинской, ни о каком еврейском влиянии речь не идет, $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ обозначает греческую постройку, сооруженную по обету, греческое молитвенное здание ($\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ — $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\omicron\upsilon\alpha\iota$ «молиться, просить что-либо в молитве»).

Еще один памятник (он рассмотрен Левинской в книге 1996 г.) — строительная надпись Пф из Ольвии (IOSPE I² 176), в которой говорится о том, что архонты построили $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$, причем $\sigma\tau\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\sigma\alpha[\upsilon\tau\epsilon\varsigma] \acute{\alpha}\pi\omicron \tau\omicron\upsilon \theta\epsilon\omicron\upsilon \mu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\iota$ — «покрыв от статуи бога до...» Мы, однако, полагаем, что ввиду наличия статуи божества эта $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ ни в коем случае не может быть еврейской синагогой, поскольку еврейский религиозный закон запрещал постановку кумиров вообще ([Kraeling, p. 340 f.], см. также комм. Латышева к надписи с соображениями в пользу такого вывода). Обратившись к манумиссиям Боспора, найдем, что $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ обозначает культовое здание как в бесспорно связанных с еврейской синагогой 5 актах, так и в актах, совершенных в античных святилищах — это манумиссия КБН 985, совершенная в фанагорийском храме Аполлона, и отпускной акт КБН 1123, совершенный под покровительством *Высочайшего бога*, Зевса, Геи, Гелиоса.¹ В стк. 8–10 КБН 985 после формулы

¹ Еще несколько манумиссий содержат слово $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$, но их разрушенный текст не дает возможности определить связь их с синагогой или греко-римским храмом. И. А. Левинская отнесла к числу еврейских и эти надписи, на наш взгляд, ошибочно (см. ниже).

о посвящении отпускаемого раба В. В. Латышев в рукописном Корпусе с полным основанием дополнил $\epsilon[\pi\iota] \tau[\eta\varsigma] \pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma$ Ἀπόβλ[ωμι] — *посвящает* «при святилище Аполлону».¹ Это дополнение вряд ли подлежит сомнению, как и то (отметим от себя), что отпущенный раб не мог быть посвящен Аполлону при еврейском молитвенном доме (см. ниже, с. 384/5). В бесспорно иудейских манумиссиях КБН 70, 71, 73 раб освобождается при молельне ($\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$), но без упоминания имени бога, запрещенном еврейским законом. Следовательно, в манумиссии КБН 985, напрасно относимой к числу иудейских (см. ниже), $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ означает храм Аполлона, причем, ввиду сказанного выше об обнаружении ее на городе А, конкретно храм Аполлона в Диоклеях. Итак, Боспор и Ольвия дают примеры употребления слова $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$ применительно к греко-римским храмам, что лишает опоры мнение тех исследователей, которые считают, что оно является свидетельством иудейского содержания культа *Высочайшего бога*.

В последние годы усиленно исследовался вопрос об этнической и культурно-религиозной принадлежности культа этого бога в Римской империи. Богатейшие сводки источников и историографии даны в ряде справочных статей [Colpe, Löw, Sp. 1035/55; Simon, 1972, p. 372/85; 1981, Sp. 1059/70] (см. также обзор И. А. Емеца [Емец, 2000]). Наиболее подробное исследование эпиграфических источников дал С. Митчелл: всего их почти 300, из них 181 упоминают *Бога Высочайшего*, 88 — *Зевса Высочайшего*, 21 — просто *Высочайшего*; показательно их географическое распределение: на западе Римской империи культ почти не представлен (по одной надписи в Риме и Испании), отчасти распространен в Греции (Ахайя, Эгейские острова, Крит), в северобалканских провинциях (Македония, Фракия, Мезия, Дакия) и на Боспоре Киммерийском, также в восточных провинциях — М. Азии, Сирии, Финикии, Аравии, Египте, на Кипре. Митчелл полагает, что основу почитания *Бога высочайшего* в каждой отдельной области составил местный монотеистический культ, испытавший воздействие иудейского Яхве; почитание *Бога высочайшего* — это синкретический культ, распространенный в едином культурном пространстве востока Римской империи среди местного языческого населения, у христиан и иудеев [Mitchell, 1998, p. 81–148; 1999, p. 55–64]. Тезис о религиозном синкретизме имеет сторонников, но и подвергается сомнению с позиций гипериудаизма, непомерно расширяющего сферу влияния еврейской религии, и с позиций противоположного направления (необязательно считать его антисемитским). В частности, против тезиса о синкретическом характере культа *Бога высочайшего* высказался П. Требилко [Trebilco, p. 127 f.]

Поскольку здесь не место вдаваться в подробности вопроса, мы обратим внимание только на два обстоятельства. Во-первых, в греческом мире

¹ Без сомнения, он дополнил $\epsilon[\pi\iota] \tau[\eta\varsigma] \pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma$ на основании того, что завершающая надпись формула $\tau\eta\varsigma \theta\omega[\pi] \epsilon\iota[\alpha\varsigma] \epsilon\upsilon\epsilon\kappa\alpha \kappa\alpha\iota \pi\rho\sigma[\kappa] \alpha\rho[\tau\epsilon\rho\eta] \sigma\epsilon\omega\varsigma$ присутствует в иудейских манумиссиях из Пантикапея КБН 70, 73, в начале которых сообщается о посвящении отпущенников $\epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma$ и $[\epsilon\nu \tau\eta] \pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$.

почитание *Высочайшего бога* ведет свое начало от культа *Зевса высочайшего*, впервые упоминаемого Пиндаром и Эсхилом, во времена которых ни о каком иудейском влиянии речь не идет.¹ Во-вторых, показательное отсутствие посвященных надписей *Богу высочайшему* на исторической родине евреев. В иудейской среде Палестины монотеистический культ осуществлялся в иных формах сравнительно с теми, что представлены в иудейских общинах других провинций Римской империи. Следовательно, надо вести речь о заимствовании еврейской диаспорой местных верований и форм их почитания, а не наоборот. Самое наглядное свидетельство тому — фресковые росписи в синагоге Дуры Европос и при еврейских захоронениях в иудейских катакомбах Рима [Vogelstein, Rieger, S. 53, 62; Ростовцев, 1937; Беляев, 2001, с. 74, 107, 109], в принципе невероятные для почвенного иудаизма.² Культ Зевса в греческой и эллинизированной среде Римской империи, культ Юпитера, локальные монотеистические культы автохтонного населения и в особенности культ римских императоров породили монотеистическое по характеру почитание *Бога Высочайшего* в разных областях империи, т. е. античный мир пришел в начале новой эры своими путями к монотеизму, без оглядки на древнееврейскую религию, издавна монотеистическую. Например, Ю. Устинова убедительно связала распространение культа *Бога Высочайшего* в Танаисе II–III вв., где преобладало иранское по происхождению население, с иранским культом верховного солнечного божества. Справедливо указывается и на Малую Азию как арену синтеза языческих, христианских, иудаистских, малоазийских культов [Тачева-Хитова, 1979, с. 407, *ср.* Тачева, 2002]. Был ли Боспор такой же территорией?

¹ О культе *Зевса высочайшего* [Nock, 1972, p. 414–443]. Впрочем, проф. Дж. Боурмен поведал мне о статье одного американца еврейского происхождения, который усмотрел в скульптуре V в. на фронтонах храма Зевса в Олимпии иллюстрацию ветхозаветного сюжета. Это клинический случай сионизма, одной из самых крупных проблем наших дней.

² Например, на еврейских надгробиях и нечастых рельефах саркофагов изображения людей и богов отсутствует ввиду этого запрета [Vogelstein, Rieger, 1896, S. 70]. Подробно рассмотрев вопрос о запрете на изображения, автор монографии о росписях синагоги в Дуре К. Краэлинг заключил, что сейчас нет возможности сказать, была ли типичной роспись синагог у евреев вне Палестины в целом [Kraeling, p. 346]. По-видимому, ему остались неизвестны давно открытые и опубликованные росписи в еврейских кубикулах катакомб на Via Nomentana и vigna Randanini [Vogelstein, Rieger, 1896, S. 53, 62; Беляев, с. 74], а это уже меняет картину: еврей диаспоры настолько подпадали под влияние местных традиций, что не считали для себя обязательным одно из принципиальных положений иудаизма. Б. Надэль [1960, с. 63/4] отметил и другие проявления аккомодации иудеев диаспоры к местным нормам и обычаям, именно в отношении манумиссий — по талмудическому праву одним документом может быть отпущен только 1 раб, в манумиссиях же их 2 и более; сама форма отпуска рабов, запись акта на камне (что не предусматривается талмудическим законом), его греческий язык и пр.

Положительный ответ следует из работы И. А. Левинской [1992], по мнению которой выражение танаисских надписей КБН 1281, 1283, 1285, 1286 $\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\iota\eta\tau\omicron\iota \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\omicron\iota \sigma\epsilon\beta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\iota \theta\epsilon\omicron\nu \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\nu$ ¹ обозначает квазипрозелитов, т. е. фиасотов, которые восприняли иудаизм, но не стали прозелитами; «добавление эпikleзы $\upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ ни в коей мере не препятствует рассмотрению этого выражения ($\sigma\epsilon\beta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\iota \theta\epsilon\omicron\nu$ — В. Я.) в рамках иудаизма, учитывая, что начиная с LXX² ($\delta\acute{\omicron}$) $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ ($\delta\acute{\omicron}$) $\upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ или ($\delta\acute{\omicron}$) $\upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ является одним из традиционных обозначений иудейского Бога $\kappa\lambda \epsilon\lambda\epsilon\tau$ и $\epsilon\lambda\epsilon\tau$ («Бога Высочайшего», «Высочайшего» в Ветхом завете — В. Я.)» [Левинская, 1992, с. 129, прим.]. Если брать одну текстуальную сторону вопроса и исходить лишь из литературных памятников, на чем сосредоточилась И. А. Левинская, ее выводы кажутся убедительными, и мы согласились бы с существованием в Танаисе фиасов, почитающих Яхве как «Бога Высочайшего», однако этому препятствует ряд обстоятельств, опущенных ею. Во-первых, культ *Бога Высочайшего* основной в Танаисе по меньшей мере в первой пол. III вв. и странно, что в греко-иранском городе главное божество заимствовано из иудаизма или испытало на себе мощное его влияние. Во-вторых, на фронтонах стел КБН 1260, 1281, 1285 с посвящениями *Богу Высочайшему* изображены орлы, что в исключено для иудаизма. Орел — символ Зевса, и эти изображения играют важную роль в решении вопроса о характере основного культа Танаиса II–III вв.: *Бог Высочайший* и есть древний греческий *Зевс Высочайший*, он же римский Юпитер (отсюда и другие античные мотивы декорации упомянутых стел — гирлянды, венки, акротерии).³ *Ср.* частое изображение на монетах от време-

¹ Перевод КБН: «приемные братья, почитающие Бога высочайшего». Отлагольное прилагательное $\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\iota\eta\tau\omicron\iota$ представлено примерами лишь у аттических ораторов IV в. — Исея, Лисия, Демосфена как юридический термин, обозначающий «приемного, усыновленного» человека [LSJ, s. v.; Жебелев, с. 301]. Между тем исходный глагол $\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\iota\epsilon\iota\nu$ по значению шире — «делать наследником», «привлекать новое лицо к общественным обязанностям» и пр. [LSJ, s. v.]; $\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\omicron\iota$ — не только «братья» по родству, но и «члены коллегии, фиаса», как в надписях и папирусах (LSJ, s. v. 3), поэтому переведем так: «привлеченные члены фиаса, почитающие Бога высочайшего». К примеру, члены фиаса, почитающие бога Танаиса (см. с. 336), могли быть привлечены к культу Высочайшего бога, в таком случае они и стали «привлеченными членами» его фиаса. Возможно и понимание, предложенное С. А. Жебелевым [1953, с. 299–302]: выражение $\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\iota\eta\tau\omicron\iota \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\omicron\iota$ обозначает членов фиаса, отцы которых не были его участниками. Основанием ему послужила аттическая надпись фиаса иобакхов Syll.³ 1109, согласно которой вступительный взнос в фиас составляет 25 денариев для тех, кто «от отца» и 50 для тех, кто не «от отца», в том числе брат того, кто «от отца» (стк. 37–40, 54–56; Ф. Хиллер в *сomm.* 26 разъяснил, что вдвое меньше платит тот сын, который унаследовал место отца в фиасе, а уже его брат вносит, как и все прочие, двойную плату). Подробнее ниже, с. 590/5.

² Т. е. Септуагинты.

³ Как бы специально для нашего случая во Фракии есть стела с крупной рельефной фигурой орла (и только) и надписью $\theta\epsilon\omega \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ под ним (IGBulg. III, 937). И в Танаисе и во Фракии наряду с обычным $\theta\epsilon\omega \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ находим одинаковые посвя-

ни Савромата II до Рескупорида VI орла, за которым скрывается римское государство [Анохин, 1999, с. 169]. В-третьих, горгиппийской манумиссией КБН 1126 времени Рескупорида I/II отпущенник посвящен *Богу высочайшему, пантократору, благословенному*, далее говорится, что отпуск совершен под покровительством Зевса, Геи, Гелиоса, т. е. Зевс как *Высочайший* здесь ассоциируется с *Богом высочайшим*. Если в Горгиппии евреев держали только в качестве рабов (см. ниже о КБН 1124), то их религия не могла оказать влияния на местную религию. Нет никаких свидетельств присутствия и в Танаисе настолько большой еврейской общины, чтоб она могла повлиять на местный пантеон. В-четвертых, для решения вопроса об уникальной формуле $\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\eta\tau\omicron\iota \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\omicron\iota \sigma\epsilon\beta\omicron\mu\epsilon\iota\omicron\iota \theta\epsilon\omicron\nu \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\nu$, более нигде не встречающейся, следует изучить контекст эпиграфических документов Танаиса того же времени. Все остальное останется уделом малоплодотворного теоретизирования. Прделав эту работу, мы пришли к выводу, что $\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\eta\tau\omicron\iota \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\omicron\iota$ — это побратимы, и в целом указанная формула означает «побратимы, почитающие Бога высочайшего», т. е. Зевса (ниже, с. 590-595).

Ввиду изложенного предпочтительней мнение Ю. Устиновой о *Боге Высочайшем* как верховном иранском солнечном божестве, разумеется, с той оговоркой, что он оказал сильное влияние на местный греческий культ *Зевса Высочайшего*. Это и есть религиозный синкретизм — сведение греческой и иранской религиозных традиций в один знаменатель (о нем [Reitzenstein, Schaefer, 1926]). Свою роль сыграл в этом эпитет разных иранских богов $\beta\alpha\gamma\alpha\zeta\alpha\eta\tau$ «высокий» — Митры, Амеша Спенты, Тиштрыйи, Сраоши [Bartholomae, Sp. 959/60] (например, Яшт V, 18, 72: «высокий бог» Апам Напат, покровитель вод и коней, — актуальных для танаитов сфер).

Изучение конкретного материала в целом свидетельствует об адаптации еврейской диаспорой своего единобожия к местным культам монотеистического толка и формам их почитания, а не о восприятии местным населением различных римских провинций культа еврейского Яхве. Например, в Сивопе и ее округе найдены 4 надписи, посвященные *Богу Высочайшему* (e. g., на алтаре: $\theta\epsilon\omicron\varsigma \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\nu \text{ Αλεπα Μαρκιανή}$ «Алепа Маркианова Богу Высочайшему»), и они, по заключению издателей, не содержат никаких указаний на связь этого, не называемого по имени божества, с еврейской или христианской религией; одно из них своей вводной благопожелательной формулой

посвящения $\theta\epsilon\omicron\varsigma \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\nu \epsilon\pi\tau\eta\kappa\omicron\upsilon\omega$ (КБН 1278–1280; IG Bulg. III, 1431 ($\epsilon\pi\tau\eta\kappa\omicron\upsilon\omega$)), cf. 1454: $\theta\epsilon\omicron\iota\varsigma \epsilon\pi\tau\eta\kappa\omicron\upsilon\omega\varsigma \Delta\iota \kappa\alpha\iota \text{ Ἦρα}$). Д. Б. Шелов [1972, с. 279] отметил, что орел — птица Зевса, поэтому им и может быть танаисский Бог Высочайший, но в целом его позиция эклектична: в культе этого Бога слились Митра, Юпитер, Зевс, Сабазий, иудейский и даже, может быть, христианский боги. На позднеантичном Боспоре хорошо выражен синкретизм разных религий [Яйленко, 2010, с. 655 сл.], но тут слишком много ингредиентов для одного блюда. По мнению М. И. Ростовцева [1914а, с. 431], орел танаисских стел — символ Митры.

$\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\eta\tau\eta \tau\acute{\upsilon}\chi\eta\tau\eta \theta\epsilon\omicron\varsigma \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\nu$ κτλ. имеет явный языческий контекст [French, 1994, p. 104 f.; Doonan, Smarth, p. 22 f.].

Напомним, что такой же формуляр представлен в танаисских надписях-посвящениях *Богу Высочайшему*, которые открываются этой благопожелательной формулой (КБН 1260 и др.). Культ *Бога высочайшего* распространен во Фракии [Гачева-Хитова, 1978, с. 141], в том числе в местностях, где большой еврейской диаспоры нет.

Все сказанное, полагаем, говорит о существенной переоценке рядом ученых (как правило, еврейской национальности) роли евреев и их религии в культурно-религиозной жизни восточной части Римской империи. Тем более этот вывод относится к греко-иранско-туземному Боспору, в частности, к местному институту вольноотпущенничества. На наш взгляд, упомянутые 5 манумиссий как раз и дают ключ к пониманию причин появления иудеев здесь и о характере их деятельности. Латышев [1909, с. 113] полагал в связи с манумиссией 81 г. и упоминанием в ней иудейской общины, что Рескупорид II принял евреев, появившихся на Боспоре после разрушения Иерусалима в 70 г. Однако фанагорийская манумиссия 51 г. и КБН 985 от 16 г. н. э. свидетельствуют о более раннем появлении евреев тут. Упомянем в связи с этим херсонесское граффито III в. до н. э. с еврейским именем Сусан(н)а.¹ Видимо, спорадическое проникновение иудеев в Сев. Причерноморье началось в раннеэллинистическое время [Надэль, 1956, с. 75], в соответствии с характерным для эллинизма процессом интеграции греко-восточной экономики.

История иудеев в Фанагории обстоятельно прослежена Д. И. Даньшиным [1993, с. 63 сл.], мы же обратим внимание на аспект, не затронутый им — характер их деятельности тут и отношение к ним в этом городе и на Боспоре в целом. Поскольку 4 из 6 манумиссий Пантикапея совершены при иудейской синагоге, можно заключить, что его еврейская община прибрала к своим рукам доходное предприятие отпуска рабов. Лишь самая поздняя манумиссия КБН 74 времени Савромата II (173–210 гг.) совершена под именами Зевса, Геи и Гелиоса, которым посвящались отпущенники на азиатском Боспоре, и это, видимо, означает, что названный правитель не жаловал иудеев. В Фанагории середины I в. н. э. иудеи сумели пристроиться к этому источнику доходов (манумиссия 51 г.), однако их оттерли от него — во всех остальных фанагорийских манумиссиях иудейская молельня более не фигурирует. В Горгиппии, судя по имеющимся ныне манумиссиям, иудеи вообще не допускали к отпуску — он совершался под покровительством местного Высочайшего бога, Зевса, Геи и Гелиоса (КБН 1123, 1125, 1126, I и II вв.). Здесь иудеев держали только в качестве рабов (КБН 1124). Види-

¹ [Яйленко, 1987б, с. 234]. Впрочем, сейчас у меня нет уверенности в правильности такого чтения граффито, так как III в. до н. э. — слишком раннее время для появления евреев в Сев. Причерноморье.

мо, вытеснение иудеев из финансовой сферы на азиатском Боспоре было проявлением древнего антисемитизма, одновременно это вытеснение указывает и его корни — иудей «липли» к деньгам. Разумеется, это относится не ко всему еврейскому населению Римской империи, а к диаспоре — те, кто выселялся из Палестины, оседали не в сельской глубинке, а в наиболее развитых экономически центрах. Это хорошо известно по эпиграфическим и археологическим материалам Сицилии римского времени: еврейские общины концентрировались тут исключительно в экономически процветающих приморских городах, и немногочисленные примеры проникновения их вовнутрь острова также показывают концентрацию их в экономически наиболее развитом районе между Катанией и Гелой [Rutgers, p. 255]. Процветание приморских портовых городов, как известно, зиждется на торговле и ее неизменной спутнице — деньгах.

В работах по антисемитизму в древности не найдешь реального объяснения этого феномена — повсеместной неприязни к евреям и тогда и сейчас. Например, директор Института иудаистики Свободного университета в Берлине П. Шефер, указав, что антисемитизм зародился в Египте (в 410 г. разрушена еврейская синагога на Элефантине), распространился в эллинистическое время в греческих городах и государствах Ближнего Востока, заключил, что в римское время он принял облик иудеофобии, так как считался угрозой римской культуре [Schäfer, 1997]. Разумеется, причина антисемитизма состоит не в мифической угрозе римской культуре, а в проникновении еврейской диаспоры главным образом в сферы легкого обогащения — торговлю, ростовщичество (в новое время также торговля алкоголем), что вызывало и вызывает неприятие ее местным населением. Что суть дела не в этносе, а сферах занятости диаспоры, показывает нынешнее отрицательное отношение населения русских городов к кавказской диаспоре, которая в основном занята в тех же сферах легкого обогащения.

5. *Encore ne vi pas: дебют сионизма в боспороведении*

И. А. Левинская [2009, с. 305/26] нашла в вышеизложенном антисемитизм, чем немало озадачила: антисемитизм — одна из разновидностей национализма, а я более полусотни своих публикаций посвятил вопросам истории, ономастики и этнической истории древности и средневековья разных регионов — Центральной Азии, Сибири, юга и северо-запада России, Балкан, Кавказа, с их финно-угорскими, тюркскими, иранскими, славянскими и прочими народами, что само по себе предполагает отрицательное отношение ко всякому национализму.¹ На 19 страницах критик дала гневную отповедь изложенным на 6 страницах моим соображениям о роли иудеев в практике отпуска рабов на волю и удельном весе иудаизма в религиозном

¹ См. список моих работ [Эмбатерион, 2010].

синкретизме на Боспоре римского времени [Яйленко, 2003, с. 359/64] (здесь с. 371-380). Вкратце суммируем ее положения. Сначала она прочла лекцию о том, что такое антисемитизм — это порождение XIX-XX вв. [с. 305-311], затем цитируется и разносится в пух и прах мой заключительный пассаж об антисемитизме [с. 311/6]. Далее автор показывает, как я подгоняю боспорские манумиссии под свою антисемитскую концепцию [с. 317/20], стр. 321 уделена критике моих рассуждений о Боге высочайшем, наконец, заклеены мои высказывания об издателе боспорских магических граффити Р. Котанском [с. 322/3]. Рассмотрим концепцию критика. По словам И. А. Левинской, сам того не подозревая (и в этом она права), я принадлежу к лагерю субстанционалистов — тех, кто полагает, что корни античного антисемитизма лежат в экономической сфере, а между тем этот взгляд давно де опровергнут наукой (судя по ссылкам, под нею она подразумевает главным образом историков еврейского происхождения). Согласно Яйленко, при царях-филосемидах Рескупориде I и Савромате II евреи овладели доходным промыслом отпуска рабов на волю, в чем особенно преуспели в Пантикапее, но при Савромате II их оттерли от него. По словам И. А. Левинской, «в основе этой удивительной реконструкции боспорской экономической жизни, лежат два весьма распространенных предрассудка: 1) занятие торговлей является сферой легкого обогащения и 2) евреи в античности занимались по преимуществу торговлей и ростовщичеством. Оба своими корнями уходят в христианское средневековье, когда церковь негативно относилась к свободному накоплению и обогащению, в том числе занятию торговлей... Яйленко стоило бы вспомнить о том, что занятие торговлей, помимо финансовых рисков и тяжелого физического труда... в древности было сопряжено также и с риском для жизни» и т. д. [с. 313/4].

Позволительно спросить у критика: какое отношение все это имеет к Боспору?¹ Мы располагаем известиями об экономической деятельности евреев здесь в двух сферах — торговле и отпуске рабов.² Последнее, судя по отчетам дельфийского храма, приносило ему огромный доход — 3, 4, 6 и более мин серебром за одного раба. И. А. Левинская возражает: «никаких сведений о том, что Дельфийский храм получал какой-либо процент от стоимости рабов, у нас нет», это была фиктивная продажа богу, деньги шли владельцу раба [с. 314/5]. Она сослалась на историков (Зейдлиц-Абрамович и прочие ее авторитеты), я привык больше ссылаться на источники. Приведу первую же дельфийскую манумиссию из сборника Ш. Мишеля, где после эпонимной датировки по официальным (*sic*!) лицам Этоллии сказано: «Аполлон Пифийский купил у амфиссейца Сосибия, с целью освобождения,

¹ По поводу негативного отношения церкви к обогащению — это была риторика, сама церковь в основном и занималась накоплением богатств (к примеру, когда в начале правления Петр I поинтересовался, что ему досталось, то выяснилось, что половиной земель страны владела церковь).

² На амфорах первой половины III в. н. э. из Тананса [Шелов, 1978a, с. 49, 52-53] имена торговцев — Иуды и Садока (полагаю, *Zaδo* = *Zaδo(κov)*).

женщину-рабыню по имени Никея, по происхождению римлянку, за три с половиной мины серебра. Поручитель, в соответствии с законом, амфиссеец Евмнаст. Цена достаточна, эту сумму для отпуска на свободу Никея доверила Аполлону. Свидетели (*перечисляются имена*). Эта сумма положена в святилище Аполлона в присутствии неокора Клеона» и других поименованных лиц [Michel, № 1397] (ок. 200а). Результат торга — сколько пойдет хозяину, а сколько храму — дипломатично выражен безлично: «цена достаточна» (*τὰν τῶν ἀπέχεσι*), при этом и предназначенные хозяину денежки пока остаются в храме: «эта сумма положена (*ἀ ὧν κείται*) в святилище». 350 драхм за женщину — деньги немалые (мужчины выкупаются дороже — за 5, 6 и более мин).¹ Так что храмам и синагогам, вопреки уверениям И. А. Левинской, за освобождение рабов доставались неслабые денежки.

Иудейские памятники есть в Пантикапее, Фанагории, но чем еще занимались тут евреи, сказать нельзя, это неясно даже в отношении поселения Вышестеблиевка II: они могли заниматься тут и земледелием и ростовщичеством, но единственно, что известно — возможно, было иудейское святилище.² Пожалуй, крайняя редкость иудейских памятников скорее указывает на то, что евреи вряд ли были заняты в традиционных для местного населения земледелии, ремесле, воинской службе. Критик проигнорировала мою ссылку на археологические данные из Сицилии, показавшие, что евреи оседали не в бедном хинтерланде острова, а в процветающих приморских центрах [Rutgers, 1997, p. 255]. Именно таковы Пантикапей, Фанагория, поблизости от последней расположено крупное поселение Вышестеблиевка II. Это прямое свидетельство устремленности евреев именно к денежным районам; собственно, ради лучшего уровня жизни они, подобно малоазийцам и другим народам, переселялись из Палестины. Повторяю, относительно Боспора мы пока располагаем только указанием об их торговле в Танаисе да об участии синагог в отпуске рабов, и напрасно И. А. Левинская отрицает, что это легкие сферы обогащения: к примеру, более трудоемка вспашка поля, поливаемого потом крестьянина.

Легко просматривается ее методика критики «от противного»: если я утверждаю, что евреи были заняты в торговле и финансах, то она сообщает, что это тяжелый труд; я пишу о получаемых храмами и синагогами доходах за оформление отпуска рабов, она пишет, что ничего они на этом не зарабатывали; приведенные мною материалы об оседании еврейской диаспоры в экономически процветающих центрах римской империи критик молчаливо игнорирует; сделанное мною на основании изложенного заключение, что еврейская диаспора занята на Боспоре в основном в сфере легкого обога-

¹ К примеру, медимн (= 52,5 литров) пшеницы стоил в III–II вв. до н. э. от 4 до 10 драхм, метрет (почти 40 литров) оливкового масла шел за 11–18 драхм [Day, 1942, p. 7].

² Об этом поселении и иудейских древностях Боспора, а также лит. см. [Даньшин, 1993; Кашаев, Кашовская, 2008; 2009].

щения, опровергается критиком ссылкой на разную их занятость в Египте и Афродисии, что отнюдь не решает вопроса о роде их деятельности на Боспоре. Мою попытку увидеть подоплеку древнего антисемитизма в экономических причинах критик объявляет методически устаревшей, от этого де наука давно отказалась. Однако, откуда же тогда взялся антисемитизм, существующий на протяжении двух с половиной тысяч лет и распространенный повсеместно? Занимавшиеся этим вопросом ученые (в основном еврейского происхождения) придумывали разные поводы, кроме реальных; я привел в пример П. Шефера, который объяснил антисемитизм тем, что еврейская культура воспринималась в качестве угрозы римской культуре.¹ В ряду подобных ухищрений место и мнению И. А. Левинской, согласно которой антисемитизм существует потому, что его распространяют негодяи [с. 323]. Тут-то мы и подошли к логическому концу: все ее уловки направлены на то, чтобы выставить евреев белыми и пушистыми, антисемитизм же существует потому, что его порождают негодяи из других народов. Все это очень знакомо, в самом деле *déjà vu*, — открываем Большую советскую энциклопедию [1976, т. 23, с. 445/6] и знакомимся в статье «Сионизм» с его основными положениями, гласящими, что «евреи — «особый», «исключительный», «избранный богом» народ; все народы, среди которых живут евреи, так или иначе — антисемиты... Сионисты используют тезис о «вечном антисемитизме» и вместе с тем нередко прибегают сами к его разжиганию». Все точно сходится, так что статья И. А. Левинской написана с позиций сионизма, не случайно для придания наукоподобия своей инвективе она обильно ссылается на работы, авторы которых главным образом ее компатриоты. А что от них не приходится ждать объективной картины в вопросах, относящихся к иудейским древностям, свидетельствует сама статья И. А. Левинской: это корпоративная этническая этика диаспоры.² Мне подобная литература хорошо знакома по занятиям этнической историей разных народов: историки из числа национальных кадров, в особенности Средней Азии и Кавказа, склонны к возвеличению именно своего народа — сам белый и пушистый, он у них всегда жертва соседей. Сионизм, по определению данной статьи в БСЭ — «наиболее реакционная разновидность еврейского буржуазного национализма», так что статье И. А. Левинской место в той же продукции про-

¹ Он даже избегает слова антисемитизм, предпочитая говорить вместе с другими об иудеофобии, но от вуалирования терминами смысл явления, разумеется, не меняется.

² Это официально предписанная Всемирной сионистской организацией (ВСО) корпоративная норма действий, о чем читаем в той же статье БСЭ: «Сионизм стал официальной государственной идеологией Израиля... На 28 конгрессе ВСО (состоялся в 1972 г. в Иерусалиме) в нарушении норм международного права было принято «коллективное обязательство всех национальных (имеются в виду сионистские и просионистские) организаций помогать еврейскому государству при любых обстоятельствах и условиях, даже если это будет наталкиваться на противодействие соответствующих властей» стран, где имеется еврейское население».

винциального национализма бывших окраин СССР, с той лишь разницей, что сионистской литературе свойственно большее наукоподобие.

Что в научной среде сионизм не миф, а действительность, показывает Музей этнографии РАН в Петербурге. Тут в постоянной экспозиции представлена этнография разных народов СССР, но самая большая и свежая уделена евреям России, причем по площади она равна экспозиции всех народов Средней Азии и Казахстана! При этом нет постоянной экспозиции этнографии русского народа, сейчас (в 2009 г.), есть лишь выставка *Крестьяне в произведениях Гоголя!* Позволяющие себе в России подобного рода выходки сионисты как раз и порождают антисионизм. Вы ошиблись в терминах, Ирина Алексеевна — я не антисемит, а антисионист. Благоприятное для сионистских выходов время не вечно и рано или поздно за них предъявят счет, и это будет не безобидный интеллигентский антисионизм, а бытовой народный антисемитизм. Так что вина за антисемитизм лежит не на негодях из числа других народов, как уверяет Левинская, а в основном на сионистах.¹

Идеологическая ангажированность заставляет ее оперировать, в основном, общими соображениями. Эпиграфической конкретике, на которой зиждились мои заключения, она уделила всего 4 страницы из 19, да и то 3 из них посвящены надписи КБН 985 [с. 317/20]. Обратимся к конкретике. Из всего сказанного И. А. Левинской о манумиссии КБН 985 справедливо лишь то, что в стк. 9 недостает места для выражения τ[ῆς προσευχῆς] реконструкции В. В. Латышева ἐ[πι] τ[ῆς προσευχῆς] Ἀπόλ[λωνι] «при молельне Аполлону» (*посвящен раб*). Это служит критикой основанием для элиминации имени Аполлона и тем самым моего аргумента, что в данной надписи слово προσευχή ввиду упоминания Аполлона не может обозначать «еврейскую синагогу» (на чем настаивает И. А. Левинская), — оно означает просто «святилище». Однако вопрос вполне решается в ключе, предложенном Латышевым — надо просто заменить его род. падеж на дат., что соответствует размеру лакуны и нисколько не меняет смысла: ἐ[πι] τ[ῆ] προσευχῆ]

¹ Разумеется, для И. А. Левинской сами понятия сионизм и антисионизм — антинаучные выдумки ненавистников святого еврейского народа, понятие антисемитизма приложимо только к XIX и XX вв. По ее утверждению [с. 322], слово и понятие «сионизм» — это всего лишь ругательство в официальной советской пропаганде, «слово «антисионизм» использовалось как эвфемизм, прикрывающий государственный антисемитизм». В этом И. А. Левинская не оригинальна, она следует непрелюбному постулату сионистской пропаганды и «науки», что все это порождения ненавистников еврейского народа. Обычно о терминах договариваются. Что я понимаю под сионизмом, антисионизмом, антисемитизмом, понятно и читателю и самой И. А. Левинской, как бы она не играла в термины. Национализм есть у любого народа, в том числе у евреев, его-то и называют сионизмом, а противодействие ему именуется антисионизмом. Если еще в V в. до н. э. на острове Элефантина спалили еврейский храм, то это проявление активной неприязни египтян к евреям, что мы именуем антисемитизмом. Отрицание И. А. Левинской этих терминов есть отрицание стоящей за ними фактической стороны дела.

Ἀπόλ[λωνι] «посвящает при святилище Аполлону».¹ На точность прочтения имени Аполлона, как я отмечал и что критик проигнорировал, указывает и то обстоятельство, что отпускной акт совершен 7 числа месяца Десия: в греческом календаре 7 день посвящен Аполлону [Латышев, 1997, с. 109]. Дополнение слова προσευχή, как я указал [Яйленко, 2003, с. 362] и на что критик тоже не обратила внимания, обязательно ввиду выражения *βυπείλας καὶ προσκαρτερήσεως*, которое в пантикапейских манумиссиях непременно употребляется со словом προσευχή (КБН 70, 73). По изложенным причинам безосновательно извлечение И. А. Левинской из небытия ничем не мотивированного дополнения Б. Надэля, которое понадобилось ей для подкрепления, как видим, неоправданных сомнений в наличии слова προσευχή и имени Аполлона в КБН 985. Этот акт имеет перекрестно подтвержденную связь с Аполлоном, что исключает ее из числа иудейских манумиссий, так как раб не может быть посвящен этому греческому богу, будучи отпущен при иудейской молельне. Пожалуй, И. А. Левинская права лишь в том, что формула τῆς θω[π]εί[ας] ἐνεκα καὶ προσ[κ]αρ[τερή]σεως не связана с влиянием еврейских манумиссий на язык греческих отпускных актов.

Критика не устроили мои топографические выкладки по местонахождению манумиссий на городище Фанагории: две найдены на «Верхнем городе», где, полагает Яйленко, располагались храмы Афродиты Апатуры и Аполлона Иетра, но ни в одной эта Афродита не упоминается, так что у него нет оснований связывать освобождение рабов с ее храмом. Тут тоже лишь в одном И. А. Левинская по-своему права — отпуск мог производиться и при храме Иетра, но я счел, и не без оснований, что из двух храмов в отпуске скорее был задействован главный — Афродиты Апатуры. В остальном она неправа — локализация храмов Афродиты Апатуры и Аполлона Иетра на «Верхнем городе», т. е. на центральном теменосе, установлена давно и не мною [Розанова, 1949, с. 170 сл.; Ломтадзе, 1996, с. 147 сл.], ошибается она и по поводу места обнаружения манумиссии 51 г. — отнюдь не тут, а на берегу моря (раскоп 1989 г. «Берег»). Отпускной акт 51 г. был совершен при синагоге, поэтому я отметил, что он не мог происходить из тех же районов Фанагории, где отпуск совершен при греческих храмах, т. е. из Диоклей и с центрального теменоса, «так как иудейской синагоге по причине существовавшего уже в древности антисемитизма не место рядом с греческими храмами» [Яйленко, 2003, с. 359]. Тут, по мнению критика [с. 320], у меня не сходятся концы с концами — «получается, что строить иудейские молельни рядом с храмами язычников не позволяли, а вот рабов своих отпускали там за милую душу. Удивляться нечему: антисемитский дискурс не благоволит логике и здравому смыслу». Ничего этого я не вижу в изложенном: в Фанагории лишь один раз произведен отпуск рабов при синагоге (так что вовсе не

¹ Или «в святилище». Предыдущие строки содержат по 15–17 букв, с нашим дополнением в стк. 9 их 16. Дательный τῆ προσευχῆ употреблен в манумиссиях КБН 71, 1123.

«за милую душу»), невозможность сооружения синагоги рядом с греческими храмами (для И. А. Левинской как иудеиста они храмы язычников) явствует из отсутствия примеров с обратным. Возражая мне, она пишет о синагоге в Сардах, размещавшейся в крыле гимнасия, в Апамее синагога стояла в самом центре, в Пловдиве по соседству с базиликой и термами. Простите, Ирина Алексеевна, а где же в Ваших примерах античные храмы, я ведь говорил о невозможности расположения синагог не рядом с банями, спортивными залами или христианскими базиликами.¹ Так из своего пальца критик высасывает мой антисемитизм.

В остальном по части фактологий — мелочи: весь свой пыл И. А. Левинская затратила на рассуждения общего свойства, она мало конкретна. Но для полноты картины перечислю и мелочи. По моему мнению, «само наличие сразу у 4 рабов, принадлежавших одной семье, достаточных для выкупа на волю денежных сумм, свидетельствует о благоприятной экономической обстановке в Фанагории середины I в. н. э.» [Яйленко, 2003, с. 359]. Этот пассаж о манумиссии 51 г. послужил И. А. Левинской основанием для обвинений меня в методической несостоятельности и прочих грехах. А может быть это свидетельствует об обратном — «скажем о глубоком экономическом кризисе», — вопрошает она, и фантазирует дальше о голодной семье, вынужденной продать рабов, чтоб прокормиться. Слеза прошибает, но отвечаю: никак нет, ибо относительно Фанагории известно, «что к I в. н. э. город заново отстроился и в I–II вв. н. э. достиг цветущего состояния» [Кобылина, 1956, с. 67]. Недостаточное знание боспорской конкретики критик восполняет зуботычинами — Яйленко неизвестно то да се, мелкий факт он обобщает до глобального, тут ошибается, там игнорирует, ему неизвестны модальности и т. п.; количество бранных слов по моему адресу удивительно для женщины (я, однако, не забываю, что мой критик дама, и избегаю тут тех слов и выражений которые она употребляла по отношению ко мне).

Следующая мелочь: в надписи КБН 975 я предложил понимать слово ἀτελεῖς в качестве наречия — «бесплодно», с отсылкой к выражению ἀτελεῖς τῆς ἰκτῆς у Фукидида (VIII, 27). И. А. Левинская [с. 315] возражает: у Фукидида это слово не наречие, а «самое что ни есть классическое прилагательное» — «с незавершенной победой», ср. «не довершивши победы» перевода Ф. Г. Мищенко. Не знаю, надо ли отсылать критика к греческому синтаксису в гимназических грамматиках, дабы напомнить элементарную истину, что «классическое прилагательное» (в ее переводе оно определительное) стоит между артиклем и определяемым, у Фукидида же ἀτελεῖς находится перед артиклем, что и отражено в переводе Мищенко с наречным оборотом (т. е. отвечающим на вопрос как?) «не довершивши».

¹ См. выше, прим. на с. 371 о расположении синагоги даже в Дуре-Европос, застроенной святилищами семитских божеств, в стороне от святилищ и алтарей греко-рииских богов.

Моя фраза «Христос по происхождению солнечный бог» [Яйленко, 2005, с. 489] подвигла И. А. Левинскую [с. 321] на типичное для всей ее статьи обобщение: «о христианстве В. П. Яйленко высказывается с не меньшей безапелляционностью и с не большим знанием предмета, чем о роли иудаизма в античности или о культе Бога Высочайшего», моя фраза — мифологизм, давно ставший прошлым науки, это практически цитата из деятеля Французской революции и гонителя церкви Ш. Дююи. Вообще в статье критика я представлен замшелым плюсквамперфектом — почти весь фонд моих идей оказался почерпнутым из далекого прошлого науки.¹ А все дело в том, что у нас разные науки — у нее иудаизм в сионистском облике, а у меня советская наука, покоящаяся на материалистическом понимании истории, религии, общества. Позволю себе добавить к ее знаниям, что идея о Христе как солнечном боге есть также в сочинениях другого выдающегося ученого и деятеля Великой французской революции К. Вольнея, замечены в этом и представители так называемой астральной школы — Г. Винклер, А. Иеремас, А. Древис и пр. Что до существа вопроса, то И. А. Левинская как иудеист следует иудаистско-библейскому представлению о Христе, моя атеистическая позиция помоложе — восходит к эпохе Просвещения, когда и были заложены научные основы понимания христианства. А что именно такое понимание фигуры Христа как солнечного по происхождению божества (плюс ближневосточного умирающего и воскресающего бога) соответствует реалиям, поясню всего двумя хорошо известными примерами. Не в каком-нибудь провинциальном издании, а в «Словаре античности» [1989, с. 513] дано изображение свинцового амулета IV в. из Далмации со сценами истории Адама и Евы внизу, волхвами и Марией в средней части, вверху — Христос как Гелиос-Аполлон на квадриге с 7 солнечными лучами над головой (аполлоновское число). В числе христианских мозаик мавзолея богатого вольноотпущеннического рода Юлиев III–IV вв. Христос тоже изображен как Гелиос-Аполлон, возносящийся на колеснице, над головой его 7 лучей, в колесе повозки 7 спиц — то же аполлоновское число!² Как видно, ранние христиане Рима воспринимали своего Христа именно в качестве солнечного бога [Bisconti, 1999, p. 195]. Если бы критик знала эти общеизвестные данные и прочие такого же рода, да если бы ее сознание не было ограничено средневековым иудаизмом, она воздержалась бы от высказываний по недостаточно знакомой и узко понимаемой теме.

Кстати, об упомянутой И. А. Левинской роли иудаизма в античности — разумеется, она в ее глазах велика. Моему мнению, что большинство авто-

¹ Заносчивость узкого специалиста, с коей она пеняет на каждой странице на мою безграмотность, заразительна, — в том смысле, что она заразилась ею от своего постоянного соавтора С. Р. Тохтасьева, у коего таких образцов тьма [Яйленко, 2008, с. 569/78].

² Обнаружен раскопками 1940–1949 гг. в апсиде ватиканского собора Сан-Пьетро. Изображение мозаики есть в популярных изданиях на русском языке [ПМИ, 1982, рис. 2906; История искусства, 1998, с. 127].

ров, писавших об иудейских боспорских манумиссиях, «переоценивает роль еврейской религии в духовной жизни империи в целом» [Яйленко, 2003, с. 360], она противопоставила квазипрозелитов, три изгнания иудеев из Рима, «вызванных тем, что многие римляне были увлечены иудаизмом», да «феноменальные успехи христианства (представлявшего на начальном этапе одну из иудейских групп) в языческой среде как раз в восточной части Римской империи» [Левинская, 2009, с. 321]. В подробном разборе этих аргументов нужды нет — поскольку критик только перечислила их, то и я приведу лишь пару контраргументов. Что до изгнаний из Рима, то хорошо известно, что дело заключалось вовсе не в мифическом увлечении многих римлян иудаизмом, как показалось И. А. Левинской — в 139 г. до н. э. из Рима изгнали иудеев и халдеев как чародеев и астрологов, т. е. шарлатанов. По поводу шарлатанства да страсти до денег у иудеохристиан приведу письмо императора Адриана к консулу Сервиану (был консулом в 120 и 134 г.): «Здесь поклонники Сераписа одновременно являются христианами, а те, кто зовутся служителями Христа, поклоняются Серапису. Нет ни еврея, главы синагоги, ни самаритянина, ни христианского священника, который не был бы также астрологом, прорицателем или лгуном. Когда сам патриарх иудеев прибывает в Египет, одни заставляют чествовать ради него Сераписа, другие — Христа. Но их общий бог — деньги» [SHA, XLI, Vita Saturnini, 8; пер. Донини, 1989, с. 121].¹ Что до «феноменальных успехов» начального иудейского христианства, то это такой же миф, ибо только с первой пол. II в. н. э. идут первые достоверные известия о христианстве вообще [Каждан, 1965, с. 153, 217], когда оно уже перестало быть только иудейским (несколько более ранних известий давно считаются подозрительными в отношении подлинности). И это соответствует данным археологии — в Римской империи известно всего несколько единичных христианских памятников III в. (молельный дом в Дура-Европос, отдельные катакомбы в Риме), материальные следы христианства вполне выражены только с IV в. Разумеется, для И. А. Левинской как иудаиста по специализации все это не так, но у нас, повторяюсь, разное понимание того, что есть наука.

Не стану уподобляться ей и опровергать абсолютно все, написанное оппонентом, — признаю ошибочность своего высказывания «во Фракии евреев не было, а культ *Бога высочайшего* распространен»: критик показала, что евреи там были. Но ведь это нисколько не опровергло существа моей мысли: евреев было так ничтожно мало, а культ *Бога высочайшего* настолько распространен, что никак не мог быть инспирирован тут еврейским культом Яхве. Добавлю к уже сказанному [Яйленко, 2003, с. 362/3], что в иудейской

¹ По поводу привидевшегося И. А. Левинской увлечения многих римлян иудаизмом см. ситуацию с иудеохристианством [Донини, 1989, с. 189]: «Вплоть до середины III в. столичная община (христиан) набирала обращенных главным образом среди чужеземцев, иммигрантов, бедняков семитского или греческо-малоазиатского происхождения, а не в римской среде».

среде Палестины монотеистический культ осуществлялся в иных формах сравнительно с теми, что представлены в иудейских общинах других провинций Римской империи. Следовательно, надо вести речь о заимствовании еврейской диаспорой местных верований и форм их почитания, а не наоборот. Самое наглядное свидетельство тому — фресковые росписи в синагоге Дуры Европос и при еврейских захоронениях в иудейских катакомбах Рима [Ростовцев, 1937; Беляев, 2001, с. 74, 107, 109], в принципе невероятные для почвенного иудаизма.¹ Повторю сказанное в 2003 г., что культ Зевса в греческой и эллинизированной среде Римской империи, культ Юпитера, локальные монотеистические культы автохтонного населения и в особенности культ римских императоров породили монотеистическое по характеру почитание *Бога Высочайшего* в разных областях империи, т. е. античный мир пришел в начале новой эры своими путями к монотеизму, без оглядки на древнееврейскую монотеистическую религию. Например, Ю. Устинова убедительно связала распространение культа *Бога Высочайшего* в Танаисе II-III вв., где преобладало иранское по происхождению население, с иранским культом верховного солнечного божества. Справедливо указывается и на Малую Азию как арену синтеза языческих, христианских, иудаистских, малоазиатских культов [Тачева-Хитова, 1979, с. 407]. Был ли Боспор такой же территорией?

Положительный ответ следует из работы И. А. Левинской [1992, с. 129]. По поводу выражения ряда танаисских надписей $\sigma\epsilon\beta\omicron\mu\epsilon\upsilon\omicron\iota\ \theta\epsilon\acute{o}\nu\ \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ «почитающие Бога высочайшего» она справедливо указала, что добавление эпikleзы $\upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ ни в коей мере не препятствует рассмотрению выражения $\sigma\epsilon\beta\omicron\mu\epsilon\upsilon\omicron\iota\ \theta\epsilon\acute{o}\nu$ в рамках иудаизма, учитывая, что начиная с Септуагинты, $(\acute{o})\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ (\acute{o})\ \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ или $(\acute{o})\ \upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ является одним из традиционных обозначений иудейского. Доводы автора убедительны, и я согласился бы с ее выводом о существовании в Танаисе еврейских общин, почитающих Яхве как *Бога высочайшего*, но этому, повторяюсь, препятствуют обстоятельства, опущенные ею. Во-первых, культ *Бога Высочайшего* основной в Танаисе II-III вв. и странно, что в этом греко-иранском городе главное божество заимствовано из иудаизма или испытало на себе мощное его влияние. Во-вторых, откуда ему взяться, если в богатейшей антропонимике Танаиса представлено всего 2-3 еврейских имени и то в последний да краткий период его жизни — в первой пол. III. В-третьих, на фронтонах стел КБН 1260, 1281, 1285 с посвящениями *Богу Высочайшему* изображены орлы, что абсолютно исключено для иудаизма. Орел — символ Зевса, и эти изображения ставят точку в вопросе о характере основного культа в Танаисе II-III вв. — *Бог Высочайший* и есть древний греческий *Зевс Высочайший*, он же римский Юпитер (отсюда и другие античные мотивы декорации упомянутых стел — гир-

¹ По вопросу о запрете на изображения см. выше, прим. на с. 376.

лянды, венки, акротерии).¹ В-четвертых, горгиппийской манумиссией КБН 1126 времени Рескупорида I или II отпущенник посвящен *Богу высочайшему, пантократору, благословенному*, далее говорится, что отпуск совершен под покровительством Зевса, Геи, Гелиоса, т. е. Зевс как *Высочайший* здесь прямо ассоциирован с *Богом высочайшим*. Если в Горгиппии евреев держали только в качестве рабов (КБН 1124), то их религия не могла оказать большое влияние на местные верования. Ввиду изложенного, повторю, предпочтительней мнение о боспорском *Богe Высочайшем* как контаминации *Зевса-Юпитера Высочайшего* с верховным иранским солнечным божеством. Это и есть религиозный синкретизм — сведение греческой и иранской религиозных традиций в один знаменатель. Свою роль сыграл в этом эпитет разных иранских богов *bəgəzant* «высокий» — Митры, Амеша Спенты, Тиштрйи, Сраоши [Bartholomae, 1904, Sp. 959–960] (например, Яшт V, 18, 72: «высокий бог» Апам Напат, покровитель вод и коней, актуальных для танаитов сфер).

В заключение об Р. Котанском, авторе сборника магических греческих амулетов. Три мои негативные фразы о нем вызвали гневную отповедь И. А. Левинской на двух страницах. Сразу отмечу — мое отношение к Котанскому объективно, что показывают мои ссылки на его мнение: «по поводу стк. 1–3 Котанский справедливо отметил», «θεός ζῶν нашей надписи — несомненный фигурант иудейской религии, почитаемый в ней «живой бог» [Kotansky, 1994, p. 269]»; его сборник я зачислил в «ряд солидных трудов» [Яйленко, 2005, с. 485, 493, 495]. Вместе с тем Котанский грешит тем же, что и И. А. Левинская — гипертрофированным представлении о влиянии еврейской культуры на греческие памятники: едва ли не за каждой магической формулой или знаком он видит иудейский источник. Это и вызвало следующие мои отзывы: «излишне пристрастный к иудейским параллелям Р. Котанский отметил сходство формулировок рассматриваемой надписи с иудейскими амулетами», «текст Е. М. Придика — В. В. Латышева воспроизвел Р. Котанский, снабдив его свежим комментарием, вновь не без излишней иудеофилии»; «как видно, подобно В. В. Шкорпилу, Р. Котанский счел весь текст между стк. 1 и именем владелицы (*амулета*) в самом конце надписи непонятной каббалой, да еще ухитрился при этом имя Абрагадзы, хорошо читаемое на прорисях обоих филактериев В. В. Шкорпила и А. Дэна, превратить в Абагадзу, и сделано это не без сионистского умысла, ибо таким образом иранская боспорянка становится по имени почти еврейкой» [Иб., с. 491, 493, 495]. Любая констатация признаков гипертрофированного представления о роли иудейства вызывает негодование И. А. Левинской, а это *volens nolens* приводит к передергиванию фактов («Гера сердится, значит неправа»). Так и здесь, процитирую лишь малую толику ее речевого потока: «Для Яйленко (и здесь он единодушен с отечественными национал-патриотами) «сионизм»

¹ Ср. частое употребление на монетах от времени Савромата II до Рескупорида VI изображения орла, за которым скрывается римское государство [Анохин, 1999, с. 169].

по-прежнему жупел, и он ностальгически употребляет это кодовое слово, бессмысленное в данном контексте, но посылающее недвусмысленный сигнал: наша, арийская боспорянка оказалась жертвой сионистских происков! Между тем «сионист» Котанский вовсе не считал прочитанное им имя Абагадза «почти еврейским», а предположительно иранским и местным: «The personal name... is perhaps indigenous» [Kotansky, 1994, p. 378]. «The personal names are probably Iranian» [Kotansky, 1994, p. 381]. Однако желание уличить его в сионизме столь велико, что Яйленко не только умалчивает об этом, но и забывает о собственной неуверенности в определении принадлежности имени [Яйленко, 2005, с. 490]: «Поэтому имя Абрагадза скорее иранское»; далее он прямо говорит о неясности его этимологии».

Этот пассаж И. А. Левинской построен на ряде передержек. Во-первых, мои слова «поэтому имя Абрагадза скорее иранское» и «неясность» этимологии имени относятся исключительно к разбираемой мною дилемме — имя Абрагадза иранское или греческое, скорее оно иранское; из текста же Левинской следует, что языковая принадлежность имени в моей трактовке вообще неизвестна. Во-вторых, слова «The personal name... is perhaps indigenous» в иудейском контексте трактовки надписи Котанским означают, что его Абагадза принадлежит к еврейскому населению Боспора, а фраза «The personal names are probably Iranian» подразумевает бесспорно иранские имена ее родителей Файспарты и Савага широкого контекста обоих филактериев.¹ Если И. А. Левинская не видит, что данная Котанским форма Абагадза (вместо Абрагадзы чтения других ученых) указывает на его семитское понимание имени (к др. евр. אב etc. ab etc. «отец»), пытаясь приписать Котанскому некое «местное» боспорское происхождение имени Абагадзы, то она по-восточному ловчит. Имя Абагадза мертворожденное — Котанский вычитал его по фотографии, тогда как В. В. Шкорпил в Керчи и А. Дэн в Лувре делали свои прорисы с подлинника и согласно друг с другом прочли Абрагадза. Наконец, приписав моему заключению «имя Абрагадза скорее иранское» свое «арийское» толкование в нацистском смысле («наша, арийская боспорянка оказалась жертвой сионистских происков!»), И. А. Левинская откровенно демонстрирует действительно сионистскую ангажированность: любой повод стодится, и передержки тоже, для объявления нацистом всякого, кто допускает критическое высказывание о чем-либо еврейском (это, кстати, обязательная установка Всемирной сионистской организации).

Завершает свою филиппику И. А. Левинская присуждением мне «постыдной славы первопроходца» в антисемитизме среди боспороведов. Если понимать антисемитизм так, как понимает его И. А. Левинская (любая критика чего-либо еврейского — антисемитизм), то чужой славы мне не надо: критик явно незнаком с замечательной «Археологической одой» Ефима

¹ Все комментаторы обеих надписей отмечают, что наряду с упоминаемой филактерием матерью Абрагадзы Файспартой известен из надписи в склепе 491 г. ее отец Саваг, все имена иранские.

Люценко, написанной в 1870 г. и поначалу ходившей в рукописных копиях, затем дважды опубликованной [Маркевич, 1902; 1910]. В ней керченский любитель древностей шуточно прошелся по личностям и трудам исследователей Боспора, русских и обрусевших немцев. Как только в связи с П. О. Бурачковым зашла речь о торговле древностями, появляются евреи: неуемный до приобретения монет нумизмат-коллекционер Бурачков по весне наезжает в Керчь, «где, как паук, Обставя сеть свою жидами, Из первых добывает рук Монеты с древними вещами... Бойтся он одних жидов, Которые во вред науке, скупают все у простаков В свои заgreбистые руки. Их Букзель главный командир, Глава жидовского кагала, Нумизматический вампир Новороссийского закала. Скупая древности гуртом, Резные камни, терракоты, Он не чуждается притом Нумизм Сазоновской работы И с выгодой сбывает их На рынке местного базара Посредством агентов своих: Вайнштейна, Власа и Макара. От страшных букзелевских цен На сердце делается гадко, Дрожь пробирает до колен И бьет все тело лихорадка. Но речь идет не о жидях, — Им петля всем давно готова, — Поговорим мы о трудах Археолога Бурачкова...».¹ Конечно, в глазах И. А. Левинской это тоже написано антисемитом, однако примечательно совпадение у Люценко и у меня связи «людей букзеля» со сферой легкой наживы, с той лишь разницей, что я реконструировал это на основании данных боспорских манумиссий и танаисских дипинти, а Люценко живописал современную ему реальность. Напомню критику и об активной деятельности Рухомовского, Гохмана и К° по скупке у «счастливиц» и перепродаже украденных у науки предметов древности, о производстве и сбыте фальшаков и пр. Это тоже антисемитизм Люценков да Яйленков? Что занятость в сфере легкой наживы не была уделом Рухомовских-одиночек, но была массовым видом деятельности его соплеменников, в том числе на Боспоре, указывает свидетельство П. Сабатье.²

¹ [Маркевич, 1910, с. 70], о дате написания «Оды» [Маркевич, 1911]. «Нумизмы Сазоновской работы» — поддельные монеты, изготовлявшиеся Сазоновым в Керчи, о чем см. прим. на с. 218. Отмечу политкорректность Люценко: в словарях русского языка только в конце XIX — начале XX в. слово *жид* получило отметку *бранное*, оставаясь также по-прежнему эквивалентом слова *еврей* [Словарь, 1898, стб. 484/5; Даль, 1903, стб. 1345]. По указанным объективным причинам слово получило бранный оттенок во всех языках, где оно есть, так что дело вовсе не в русском антисемитизме, как уверяет И. А. Левинская. Корректно и выражение Люценко «им петля всем давно готова» — имеются в виду названные по именам лица и прочие евреи, занятые в «черной» археологии и преступной торговле антиками. Кстати, о торговле: в древнерусских письменных памятниках XIII-XV вв. 3 раза упоминаются конкретные (не библейские) *жидь*, *жидовинь* и все трое заняты в торговле [Словарь, 1978, с. 107/8].

² Говоря о разграблении Куль-Обской царской гробницы, П. Сабатье [1849, с. 105] пишет: «Чтобы избежать судейского обыска, похищенная часть была передана, перелита или продана жидами за-границу». Из обстоятельств подобного рода, а вовсе не от негодаев из других народов, происходит наполнение с конца XIX в. бранным смыслом слова *жид*, поначалу обозначавшего просто этнического еврея. Несколько страниц И. А. Левинская уделила XIX-XX векам, разумеется, для нагне-

Мне уже приходилось сталкиваться с национализмом малого народа — не И. А. Левинская, а я открыто выступил против грузинского национализма в лице О. Д. Лордкипанидзе и его «школы», и не только в печати [Яйленко, 1982, с. 247–258], но и очно, на конференциях в Грузии [ПЭЭ, с. 374/5]. Накал страстей был нешуточный.¹ Отара уже нет, а я не злопамятный, — пусть будет земля ему пухом. Так и со статьей И. А. Левинской — я забуду о ней, а в моей памяти остаётся приятная молодая женщина Ирина, с которой я познакомился в Москве на конференции 1984 г. по балканистике и поддерживал затем дружеские отношения, в доме которой побывал в гостях с сыном в 1990 г. После этого из-за лихих 1990-х я не был в Ленинграде 14 лет, и наши пути незаметно разошлись. Хотелось бы верить, что не навсегда: с женщинами я не конфликтую, женщин нужно только любить.²

тания страстей привлечено обязательное у сионистов упоминание о гибели 6 миллионов евреев в немецких лагерях (какое отношение это имеет к античному Боспору и почему бы ей не вспомнить о 20 миллионах русских, погибших в той войне?). А я позволю себе всего лишь короткую фразу, обращенную к современности: если ныне критик покажет мне хоть одного своего соплеменника в 70-миллионной армии рабочих и крестьян России, я посыплю свою голову пеплом раскаяния. Так что, вопреки И. А. Левинской, историку не стыдно писать о предосудительных сферах занятости части иудейской диаспоры, стыдно должно быть ей, затушевывающей это в националистических интересах. У каждого народа есть контингент подобного рода людей, был он и среди иудеев античного Боспора.

¹ Идеи О. Д. Лордкипанидзе состояли в том, что материальная культура Колхиды античного времени принадлежит исключительно грузинам, а всяких абхазов «там и не стояло»; развитие грузинского общества было настолько высоким, что там существовали грузинские города, по причине чего греки основывали в Колхиде не полисы, а только торговые фактории. Когда я попросил предъявить эти города, нас повезли в окрестности Очамчире, где показали руинированные выкладки из гальки! Страсти в наших публичных дискуссиях были таковы, что в ответ на одну мою реплику Отар, сжав кулаки, двинулся с трибуны на меня, и только председатель, старый и мудрый *батано* Хахутайшвили предотвратил драку, удержав руками Отара. Коллеги из Москвы и Ленинграда придерживались в наших спорах дипломатического политеса, воздерживаясь от критики гостеприимных хозяев. Лишь столь же простодушный Ян Боузек, замечательный ученый и достойный человек, осмелился поддержать критику малосостоятельных великогрузинских идей. В дискуссиях на конференциях О. Д. Лордкипанидзе и его сторонники позволяли себе неуважительный тон по отношению к коллегам из Абхазии Г. К. Шамбе, Ю. Н. Воронову и другим, уже тогда я предупреждал оппонентов, что это будет иметь печальные для них последствия. Так и случилось в 1991 г. — Абхазия отделилась. К чести грузинских коллег скажу, что мало кто из них разделял позиции Отара, лишь те, кто зависели от него как директора Археологического центра, да и то для проформы.

² Вся эта история напоминает строфу сибирского поэта А. И. Кобенкова [1989, с. 18]: *Непутевый Исаак, бешеный Иван Вяжсяют, кто дурак, Кто из них болван. Лично мне меньше всего хотелось писать о «еврейском вопросе»: зная, что в ДБ 13 печатается статья И. А. Левинской, я ожидал, что речь пойдет об обычной эпиграфической проблематике, и был крайне удивлен ее содержанием — весь пафос направлен на*

6. Пантикапейская манумиссия КБН 74

Текст и пер. КБН: Βασιλεύοντος βασιλέω[ς Σαυ] | ρομάτου φιλοκαίσαρος καὶ φιλ[ο] | ρωμαίου, εὐσεβοῦς, ἔτους... , μηνὸς | Δαεισίου .. (θ)εῶ τῆς Μας ? καὶ Παρ(θ)έ | | νου Χρηστοῦς Κοσσοῦ Μενάνδρου | καὶ γυνὴ Χημ[άτα] ἰ]έρ(ε)ια ? ἀνέθηκαν | θάλλουσαν θ[ρ]επτήν ἡμῶν ναίου <ρι> | σαν ? ἐπὶ παραμον[ῆ]ι, μετὰ δὲ τὴν [ζ]ω[ῆ]ν ἡμῶν <ἡμῶν > εἶναι αὐτὴν ἐλευθέρ[ω]ν ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιον, ἀνεπάφη[ν] καὶ | [ἀ]νεπηρέαστην ἀπὸ τ' ἐμοῦ καὶ παντὸς | κληρο[ν]όμου, τρ[έ]πεσθαι [δ' αὐτ]ῆν | --εξοιωσι--λι--ι-- «В царствование царя Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, в.. году и месяце Даисии... мы, Христус, сын Коссуса, сына Менандра, и жена (моя) Хемата — жрица (?), посвятили богине Ма (?) и Деве вскормленницу нашу Фаллусу при условии пребывания ее (поблизости от нас); по окончании же жизни нашей быть ей свободной под охраной Зевса, Геи и Гелиоса, неприкосновенной и не обижаемой ни мною и никем из наследников... жить же ей... ». Благодаря КБН-альбому, мы располагаем теперь изданным фото надписи (камень в Британском музее), что позволяет уточнить текст, напрасно подправлявшийся рядом ученых (у комментаторов КБН фото было, поэтому излишнее категорическое утверждение: «надпись вырезана небрежно, со множественством ошибок»).¹ Отмеченные ими вслед за Латышевым «ошибки» — лишь непонятые трудные места.

Странно принятое всеми публикаторами чтение К. Ньютоном эпонимной и календарной датировок в стк. 2–4: φιλ[ο] | ρωμαίου, εὐσεβοῦς, ἔτους... , μηνὸς Δαεισίου .. Так как слово μηνὸς следует сразу за ἔτους, цифры года следует искать перед ἔτους, где и находим их: эпитет εὐσεβοῦς написан в сокращении, на что указывают следующие за *бетой* обычный знак сокращения S ([Яйленко, 2010, с. 625/6]) и о нем цифры υζ' = 407 г. б. э. = 110 г. н. э. Они вполне соответствуют эпонимной датировке манумиссии по правлению царя Савромата — это Савромат I, что подтверждает точность прочтения даты. Согласно издателям КБН, «по характеру письма наиболее вероятна принадлежность надписи второй половине II в. н. э.; упомянутый в надписи царь Савромат, очевидно, Савромат II»; дело не в промахе издателей КБН, а в трудностях различения надписей в пределах II в. н. э., о чем см. с. 579. Несоогласованность падежей в стк. 4 θεῶ τῆς Μας находит соответствие в надписях II–III вв. КБН 1087, 1108 с несообразным нормам род. падежом при дативе [Доватур, 1965, с. 826], так что это не «ошибка резчика», как сочли комментаторы КБН, а вольности морфологии позднегреческого языка.

Выявление во мне антисемита. Хорош антисемит, уважительно обращающийся к ней в громкой ею статье: «Нам (т. е. мне) не показались убедительными аргументы глубокоуважаемой Ирины Алексеевны» [Яйленко, 2003, с. 361]. За одно это меня не приняли бы в *Союз русского народа*.

Неточны в лемме КБН и отсылки к IOSPE II и IV — в IOSPE II номер надписи 54, в Addenda к обоим томам надпись не числится.

В стк. 6 издатели КБН приняли чтение Латышева (Архив): γυνὴ Χημ[άτα] ἰ]έρ(ε)ια (?) ἀνέθηκαν. На фото надписи определенно читается имя Χημ[άτα] — видны остатки обеих *альф* и верхний уголок Т (имя туземное таврическое, ср. [Zgusta, 1955 § 725]). Для чтения же [ἰ]έρ(ε)ια приходится принять, что А следующего слова ἀνέθηκαν ошибочно опущено; но на фото вполне читается [ἰ]ερή, позднеантичный вариант слова ἱερεία.¹ В стк. 7–8 четко читается головомное ναουρίσαν (невозможное написание, констатировал О. Крюгер [1966, с. 180]). Издатель надписи К. Ньютон дал исправление ναίου <ρι> σαν «живущую», что приняли все публикаторы надписи, один Б. Надэль [1958, с. 143] дал чтение причастия *ναουρίσα(σα)ν от не засвидетельствованного глагола *ναουρίζω, образованного, по его мнению, от глагола ναίω «жить, пребывать» с наращением, как в οἰκουρέω, производном от οἰκέω с тем же значением. Комментаторы КБН сочли это «едва ли приемлемым чтением», но нет оснований считать буквы ΡΙ ошибочно вырезанными, ибо ничто в окружающем тексте не могло спровоцировать резчика на эту опisku, что заставляет признать резонным стремление Надэля держаться буквы подлинника. Это тем более оправдано, что в целом надпись исполнена грамотно, в ней лишь две мелкие описки — нет черточки в середине Θ в Παρθένου и диттографическое ἡμῶν в стк. 9. Полагаем, непонятность текста обязана редкости лексики. С учетом того, что в боспорских манумиссиях почти обязательно упоминание святилища, при котором произведен отпуск,² предположительно читаем ναίου ρίσα(σα?)ν ἐπὶ παραμονῆ «(?) утвердившуюся при храме на условии парамонэ».³

Итак, манумиссоры посвятили храму Матери и Девы [Яйленко, 2006, с. 379] свою вскормленницу Фаллусу.⁴ После же нашей смерти, продолжают они, быть ей свободной и независимой от них и наследника, и τρ[έ]πεσθαι [δ' αὐτ]ῆν «пребывать же ей... » (далее текст разрушен). Условие о пребывании отпущенника при манумиссоре вплоть до его смерти обычно [Calderini, p. 444]; и в боспорских актах формула с τρέπεσθαι однозначна (КБН 70 и др.): τρέπεσθαι αὐτὸν ὅπου αὐν βούληται «пребывать (дословно «крутиться») ему, где захочет», так что и в исследуемой надписи содержание должно быть таким же. В сильно разрушенной последней стк. I3 Ньютон ограничился маяскулами. ΕΞΟΙΩΣΙ... ..ΛΙ / Ι (в КБН переложены в минускулы --εξοιωσι--λι--).

¹ LSJ, s. v. ἱερή. Предложенное нами ранее [МБЭ, с. 58] чтение патронимика Хематы отпадает.

² КБН 70–73, 985, 1123, 1127 — προσευχή, в пантикапейских обязательно. Не упоминается в 1021, 1124, 1126.

³ Редкое слово ναίος [LSJ, s. v.] = ναός «храм», редок и *gen. loci* ναίου. Обычная форма глагола — ριζῶ «укорениться, утвердиться», мы даем не засвидетельствованную, но вполне ожидаемую слитную форму *ριζῶ, подобно парам ἀξίω — ἀξίω, ἰδρῶ — ἰδρῶ и пр. (не только в поэтическом языке, но и в прозе — у Платона, Геродота и др.); образование форм идет и от слитных основ: *fem. part.* ἰδρῶσαι (II. XI, 598 etc.).

⁴ Форма женского имени в транскрипции издателей КБН Фаллуса смешит, на самом деле имя красивое — Θαλλούσα «Цветущая».

На фото, однако, второго О нет — после первого О видны нижние концы двух вертикалей, т. е. ΕΞΟ||ΩCI.....ΑΙ--, так что читаем тут: τρ[έ]πεσθαι [δ' αὐτ]ήν [πά|ρ]εξ ὅ[π]ως [τ' ἂν βού]λη[ται] *vac.* «пребывать же ей рядом, где ни захочет», т. е. речь идет о пребывании отпущенницы поблизости от храма.¹ Суммируем наш текст:

5 βασιλεύοντος βασιλέω[ς Σαυ]-
ρομάτου φιλοκαίσαρος καὶ φιλ[ο]-
ρωμαίου, εὐσεβ(οῦς), υἱ' ἔτους, μηνὸς
Δαεισίου, θεῶ τῆς Μᾶς καὶ Παρ(θ)έ-
νου Χρηστοῦς Κοσσοῦ Μενάνδρου
καὶ γυνῆ Χημ[ατα] Ἰερῆ ἀνέθηκαν
θαλλοῦσαν θ[ρ]επτήν ἡμῶν ναιοῦ ρί-
σα(σα?) ἐπὶ παραμον[ῆ]ι, μετὰ δὲ τὴν [ζ]ω-
[ῆ]ν ἡμῶν <ἡμῶν> εἶναι αὐτὴν ἐλευθέ-
10 [ρα]ν ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιον, ἀνεπάφη[ν] καὶ
[ἀ]νεπηρεάστην ἀπὸ τ' ἐμοῦ καὶ παντὸς
κληρο[ν]όμου, τρ[έ]πεσθαι [δ' αὐτ]ήν [πά-
ρ]εξ, ὅ[π]ως [τ' ἂν βού]λη[ται] *vac.*

«В царствование царя Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестия(вого), в 407 году (= 110 г. н. э.) и месяце Даисии мы, Хрестус, сын Коссуса, сына Менандра, и жена Хемата, жрица, посвятили божеству Ма(тери) и Девы вскормленницу нашу Галлусу, (?) утвердившуюся при храме на условии парамонэ, по завершении же нашей жизни быть ей свободной под покровительством Зевса, Геи и Гелиоса, неприкосновенной и не обижаемой ни мною, ни всяким наследником, пребывать же ей рядом, где ни пожелает».

7. Фанагорийская манумиссия КБН 985

Текст стк. 5 сл. и весь перевод по КБН: [Φ]όδακος Πόθονος ἀ|[ν]ατίθησι τὸν | ἑαυτοῦ [θ]ρεπτὸν Διοῦσιον | [τ]ὸν καὶ Λου[γ]ίωνα ἐ|[πι] τῆς προσευχῆς] Ἀπόλ|[λωι]--η.λτ | --ασ| --κτη-|--|--|--αν|--.υσ. |--υθε-|--τῆς θε|[π]εί[ας] ἔνεκα καὶ] προσ|[κ]αρ[τερή]σεως «в царствование царя Аспурга, друга римлян, в 313 году (= 16 г. н. э.), в месяце Даисии, 7-го числа, Фо-

¹ Обычная формула боспорских актов τρέπεσθαι αὐτὸν ὅπου ἂν βούληται «пребывать ему, где пожелает», дельфийских — ἀποτρεχέτω οἷς (ᾧ, πᾶι) κα θέληи «пусть удалится, куда пожелает» (Michel, 1406, 1409, 1413, 1414/6 и др.). У нас не ὅπου, а ὅπως «где», причем после сигмы стоит вертикаль, которую принимаем за Γ = τ' = τε и которое может в контексте означать простое «и» (ὅπως τ' «и где пожелает») или обобщающее «-нибудь, ни, -либо» (ὅπως τ' «где-нибудь», «где ни»). Отпущенница воляна проживать ὅπως τ' «и где пожелает», «где ни пожелает», но πάρεξ «рядом» ограничивает выбор ею места пребывания ближайшей округой храма (ср. Michel, 1408: вольноотпущенница не должна проживать вне городка манумиссора).

дак, сын Пофона, посвящает при молельне Аполлону своего вскормленника Дионисия, он же Лонгион... при условии почитания и усердного посещения молельни». О справедливости дополнения Латышевым слова προσευχή в стк. 9 (ἐ|[πι] τῆς προσευχῆς] Ἀπόλ[λωι]) сказано выше (с. 362, 385); там же мы показали, что этим словом обозначались греческие святилища, не только иудейские синагоги, так что отпуск Дионисия совершен при фанагорийском храме Аполлона, а не в иудейской молельне. Тем не менее документ включается в последнее время в подборки иудейских надписей, в секцию Боспора [Corpus inscriptionum Judaicarum, № 691; Levinskaya, 1996; Даншин, 1993, с. 63], лишь П. Фрей и Б. Лифшиц [Freu, Lifshitz, 1975] осторожно воздержались от этого. Основанием для причисления ее к иудейской эпиграфике служит заключающее надпись выражение τῆς θε|[π]εί[ας] ἔνεκα καὶ] προσ|[κ]αρ[τερή]σεως (восстановление В. В. Латышева), свойственное совершенным при иудейской синагоге манумиссиям КБН 70, 73. Однако одного лишь наличия его недостаточно для определения манумиссии КБН 985 в качестве иудейской. Этому противоречит, во-первых, указание на посвящение отпущенного раба Аполлону, так как в иудейских манумиссиях имя божества не упоминается, что объясняется религиозным запретом на его произнесение (Исход, 20:7; Второзаконие, 5:11). Во-вторых, связь манумиссии КБН 985 с Аполлоном подтверждается местом ее обнаружения — на городе А, где располагался храм этого бога, упомянутый в найденной там же надписи КБН 975. В-третьих, манумиссия совершена в 7 день месяца, на который приходился день рождения Аполлона. Таким образом, надпись КБН 985 имеет перекрестно подтвержденную связь с Аполлоном, что исключает ее из числа иудейских манумиссий, так как раб не может быть посвящен этому греческому богу, будучи отпущен при иудейской молельне. В свете такого вывода которую я раньше ошибочно (выше, с. 385) формула τῆς θε|[π]εί[ας] ἔνεκα καὶ] προσ|[κ]αρ[τερή]σεως объяснял влиянием еврейских манумиссий на язык греческих отпускных актов, порождение на Боспоре, см. с. 364.

Нижняя половина надписи почти целиком уничтожена большим сколом, лишь справа сохранилось несколько букв стк. 10–18 (рис. 23). В конце стк. 10 издателя КБН «после сверки с камнем», усмотрели буквы η.λτ, которые в принципе не могут дать связный текст; Латышев (IOSPE II, 364) по камню же дал более правдоподобное чтение ολη. По фото в КБН-альбоме мы усматриваем тут под буквой Α стк. 9 окружность, затем среднюю горизонталь Ε, головку Ρ, боковые линии Α; в последней букве стк. 10 можно читать не только Γ, но и Π, поскольку горизонталь ее в этой надписи продолжается за пересечением с вертикалями. Все в целом дает глагол θεραπεῖεν «служить, почитать, заботиться» или θεραπεία «(у)служение, забота, попечение». Обычно в манумиссиях после констатации отпуска раба на волю следуют условия его дальнейших отношений с отпущенниками или храмом. Во многих манумиссиях отпущеннику предписывалась отработка «вольной» в храме [Ricl, 1993; Michel, 1392], поэтому дополняем в стк. 10–11 рассматриваемого акта Ἀπόλ|[λωι] πρὸς τὴν θερ[απ]η|[είαν] «Аполлону для услужения». Читаемые

Рис. 23. Манумиссия КБН 985
(фото А. И. Болтуновой)

в конце стк. 12 буквы κτη можно сопоставить с формульным выражением ἔχειν ἐπὶ κτήσιν «иметь во владении, обладать» (об имуществе), известное и отпускным актам, в которых иногда говорится об имуществе отпущенника (Michel, 1396. 11). Буквы υθε конца стк. 17 естественно восстанавливаются в обычную для манумиссий формулу, разрешающую ему по исполнению условий отпуска делать, что хочет, жить, где пожелает — ποιέων ὃ ἂν θέλη, εἶναι ὅπου ἂν θέλη (Michel, 1398, 1399, 1401, 1402 etc.; КБН 73: [τρέπεσθαι... ὅπου ἂν γῆς βο[ύ]λ(ω)ν[τα]ι «пребывать в каком пожелают месте»); размещается она в конце надписи, как и в нашем случае. В целом читаем в стк. 8–20:

--έ--
 [πὶ] τ[ῆς] προσευχῆς] Ἀπόλ- «(посвящает) при храме Аполлону
 10 [λωνι πρὸς τὴν θερ]απ- для служения; быть ему не обижаемым и иметь во
 [είαν·¹ εἶναι ἀνεπηρέ]ασ- владении--
 [τον αὐτὸν καὶ ἐπὶ] κτῆ-
 [σιν ἔχοντα --
 15 καὶ ἐλεύθερον ----- а если--, пребывать Дионисию, где пожелает, для по-
 ----- ἐ]άν читания бога и постоянства веры».
 [δὲ -----] ὕσ[α-
 το, τρέπεσθαι ὅπου ἂν θε-
 [ληι Διονύσιος] τῆς θω-
 [πέι[ας ἐνεκα καὶ] προσ-
 20 [κ]αρ[τερή]σεως

8. Горгиппийская манумиссия КБН 1124

Манумиссия от 59 г., обломана слева и справа. После датировок с. стк. 4 следуют имена манумиссоров, отпущенников и *пр.*: [Φιλότ]ειμος (?) Γάδειος-- || --ον γυναικὸς ἀ[ὐτοῦ--] | --αμένης αὐτῆ-- | --ς καὶ τῆς γυν[αικὸς--] || [Καλλισθ]ενείας, ἀφί[ησι τὸν θρεπτὸν (?)] | --ν μετὰ γυν[αικὸς αὐτοῦ --] ||¹⁰ [τὸ γένος] Ἰουδαί[ο]υ[ς (?)--] «... Филотим (?), (сын) Гадия... жены его... и жены... Каллисфении, отпускает вскормленника (?)... с женой его... родом иудеев (?)...», с комм.: «Отпускная, выданная Филотимом, сыном Гадия, с согласия его жены двум рабам иудеям (мужу и жене)» (Латышев, КБН). При общей точности прочтения документа издателями необходим ряд уточнений. Левый облом плиты вертикален и из дополнения в эпонимной датировке титулатуры Котиса стк. 1–3 явствует, что в дальнейших строках тут утрачено по 5–6 букв. Справа скол скошен так, что увеличивается книзу и в стк. 1–3 утрачено по 11–12 букв, далее в каждой строке на 1–3 буквы больше. Если манумиссоры муж и жена, брат и сестра, в боспорских манумиссиях употребляется формула σὺν γυναικὸς (ἀδελφῆς, 1125, 1128), которой в нашем отпускном документе соответствует слово γυναικὸς стк. 5. Перед ним стоит окончание *асс.* --ον, которое может быть понято в качестве предлога πρότερον, как в манумиссии КБН 70: Χρηστὴ γυνὴ πρότερον Δρούσου «Хреста, бывшая жена Друза». Поэтому читаем в стк. 4–5: [Φιλότ]ειμος Γάδειος [σὺν τῆς δεῖνα | ? πρότερ]ον γυναικὸς ἀ[ὐτοῦ--] «Филотим сын Гадия вместе с бывшей женой своей такой-то». В стк. 3 сл. читается конец причастия --αμένης αὐτῆ (или αὐτῆ[ς] κтл.) и фигурируют еще две жены, из которых вторая — жена отпущенника, поскольку упоминается после глагола ἀφί[ησι] «отпускает» стк. 8. Отсюда следует, что γυναικὸς стк. 7 тоже из числа манумиссоров и поскольку

¹ Вариант: θερ]απ[η] [[εἶσαι τὰς ἱερουργίας.

она фигурирует как жена, это скорее всего нынешняя жена Филотима.¹ Поскольку рабы часто были в общей собственности (мужа и жены, также их братьев, по праву наследования они принадлежали и детям), в манумиссиях нередки упоминания того, что раб (-ы) отпускается с согласия и других собственников — детей (обычно это сыновья), родителей, братьев. Их согласие выражается аористным причастием от глаголов соответствующего значения *συνεπαίειν*, *συνευδοκεῖν*, *συνεπινεύειν* (Michel, 1407, 1408, 1411, 1412). Таково [*συνεπι*]νεύσαντος «при согласии» (отца) горгишпийской манумиссии КБН 1126. Ввиду изложенного читаем стк. 4–10 рассматриваемой манумиссии так:

- [? Φιλότημιος Γάδειος [σύν γεν. nominis
5 ? πρότερον γυναικὸς ἑαυτοῦ καὶ συνε-
παίτησ]αμένης αὐτῆ[ἀδελφῆς ? γεν.
nominis]ς καὶ τῆς γυν[αϊκὸς μου τῆς νῦν ?
Σωσιγ]ενείας ἀφί[ησι τὸν θρεπτόν (?]
nomen]ν μετὰ γυν[αϊκὸς αὐτοῦ nomen,
10 τὸ γένος] Ἰουδαί[ο]υ[ς --]

«(?) Филотим сын Гадия вместе с бывшей (?) женой своей такой-то и согласной с нею сестры (?) такой-то, а также моей нынешней (?) жены Сосигении отпускает вскормленника (?) имярек с женой его такой-то, родом иудеев ...»

9. Манумиссия из Патрея

Н. В. Завойкина [2002, с. 228/9; 2005, с. 121] опубликовала фрагмент надписи на обломке мраморной плиты с сохранившейся правой гранью: --|--οκεῖ|--ε μετὰ|--[εδοσ]αν βουλή|[καὶ δημῶ ?]--οαποτ|--. По упоминанию буле она сочла, что это, вероятно, фрагмент почетной надписи.² Полагаем, текст каждой строки соответствует формуляру отпускных актов: --|[-δ]οκεῖ, |[τρέπεσθαι αὐτῷ δ]ε μ(ε)τὰ|[τὴν τελευτήν μου ὅπου] ἄν βούλη|[ται ε. g. ἀνεπικωλύτω]ς ἀπὸ τ[οῦ | κληρονόμου μου--|--] «-- (как манумиссор) считает, пребывать же ему после моей смерти в каком захочет месте беспрепятственно со стороны моего наследника...». Формула о свободном выборе места прожи-

¹ Если бы она была женой родственника бывшей жены, например, брата, он должен быть упомянут в предшествующих стк. 6–7, но там стоит причастие жен. рода --αμένης. Последнее можно принять и за пом. мужского имени или ген. женского, но это порождает непреодолимые препятствия. В принципе --αμένης стк. 6 можно принять за мужское имя, например, [Θηρ]αμένης, тогда ввиду жен. рода αὐτῆ[ς] это будет, к примеру, брат бывшей жены; в таком случае в стк. 7 упоминается его жена, однако в текст этой строки --ς καὶ τῆς γυν[αϊκὸς--] невозможно вставить предлог σύν, необходимый к род. падежу τῆς γυν[αϊκὸς--]; иначе говоря, этому препятствует связка καὶ. В --αμένης можно было бы усматривать ген. женского имени на --αμένη, но это невозможно вследствие того, что в стк. 7 говорится о жене, т. е. ранее упоминался ее муж. После γυναικὸς стк. 5 алфавита нет.

² Позднее она не настаивала на этом [Завойкина, 2009а, с. 153].

вания отпущенника после смерти манумиссора обычна в отпускных актах (Michel, 1406. 4, 1415. 11), том числе боспорских — КБН 73: [μετὰ δὲ τὴν] τελευτήν εἶν[αι αὐτοῖς τρέπεσθαι ἀν]επικωλύτως -- [ὅπου ἄ]ν γῆς βο[ύ]λ(ω)ν[τα]. «после же смерти пребывать им беспрепятственно в каком пожелают месте» (есть в этой надписи и τελευτήσαντός μο[υ]). До или после этой формулы в манумиссиях говорится об иммунитете отпущенника от возможных посягательств наследника — он ἀνεπίληπτος καὶ ἀπαρενόχλητος или ἀνεπαφος καὶ ἀνεπηρέαστος ἀπὸ παντὸς κληρονόμου «свободный от захвата и причинения беспокойства, неприкосновенный и свободный от обид со стороны всякого наследника» (КБН 70, 71, 1126). В эту формулу органично вписываются буквы САПОТ стк. 5, причем сигма может быть окончанием любого из упомянутых прилагательных, а также наречия ἀνεπικωλύτως из формулы о свободе местопребывания (КБН 70, 73). Поэтому дополняем тут [e. g. ἀνεπικωλύτω]ς ἀπὸ τ[οῦ | κληρονόμου μου--|--]. Что до слова [δ]οκεῖ стк. 2, то обычно в манумиссиях глаголы употребляются в сослагательном и желательном наклонениях при перечислении условий отпуска; личные индикативные формы редки, но есть и на Боспоре (выше, с. 361), причем относятся к манумиссорам, так что примерное значение нашего [δ]οκεῖ «как манумиссор считает» (понятно, что упоминается не слово «манумиссор», а его имя: как имярек считает). По элементам курсивного письма издатель датировала надпись второй пол. II — первой пол. III в. н. э. Отметим, что курсивную форму имеют сигма и эпсилон, чередующийся с прямым Ε, а также капта, однако Μ имеет прямые мачты, т. е. шрифт надписи обычный, с прямыми буквами, разбавленный отдельными курсивными формами. Прямых аналогий ему среди датированных боспорских надписей нет, но по сочетанию лунарной сигмы с прямым Ε надпись близка КБН 1000 от 179 г. и 1125 времени Савромата I или II. Поскольку манумиссий III в. на Боспоре нет (или почти нет, см. с. 363), датируем патрейский акт II в.

10. Заметки к манумиссиям КБН

69. После хорошо сохранившейся эпонимной датировки стк. 1–7 идет разрушенный текст. Стк. 7–10 по КБН: [Ἦ]δεῖα Ν.στε[ους] γυ|νῆ ιορ-φ--. Согласно формулярной последовательности манумиссий, после имени манумиссора следует глагол, выражающий акт отпуска (ἀφίημι КБН 70, 73 и др. [Calderini, p. 438 f.]). Это означает, что в стк. 7–8 упоминались имена отца и мужа манумиссора Геден, за которыми следовал глагол ἀφίημι, т. е. γυνῆ Γορ[γίου] ἀ]φ[ίημι]. Имя Γοργίας, весьма распространенное на Боспоре, восстановлено иллюстративно в качестве имени мужа Геден, производившей отпуск.

70, 73. Эти акты вошли в сборник еврейских надписей [Frey, Lifshitz, № 683, 684].

71. Акт с утраченным началом, стк. 1-4: --κα|κου ἀφίημι ἐπὶ τῆς προσευ[χῆς Ἐλπία[ν]--α.της θρεπτ[ῆς], ὅπως κтл. «... отпускаю в молельне Эльпия, ... вскормленницы, чтобы» и т. д. (КБН). Насколько можно судить по фото [Марти, 1935, с. 67; КБН-альбом], в стк. 1 определенно читается только альфа, капта не видна; при этом после альфы следовали до конца строки еще две буквы, т. е. читай --α..|κου. Согласно формульной структуре манумиссий, глаголы ἀφίημι, ἀνατίθημι, обозначающие акт отпуска, стоят после имени, патронимика, имени мужа и т. д. манумиссора (КБН 70, 73 и др.). Отсюда явствует, что --α..|κου представляет собой остаток патронимика или имени мужа манумиссора. В стк. 3 вторая альфа не отделяется от предшествующих букв таким большим промежутком, как это показано в КБН. По фото, можно предположительно прочесть [Ἐ]κά[σ]της, имя матери отпущенника Эльпия. В целом читаем стк. 1-4: --α..|κου ἀφίημι ἐπὶ τῆς προσευ[χῆς Ἐλπία[ν] ? Ἐ]κά[σ]της θρεπτ[ῆς], ὅπως κтл. «... имлрек сын (дочь) --а..ка отпускаю при молельне Эльпия сына вскормленницы Акасты (?), чтобы» и т. д.

986. В этой манумиссии 89 г. интересна форма цифры *vaυ* — у нее обычный вид F, но нижняя горизонталь дополнена скошенной направо вниз диагональю (вроде *h*, точнее, русск. Б без нижней горизонтали).

1021. Добавим к сведениям о камне: толщ. плиты 10 см, оборотная сторона заглажена. Выс. прямых букв 1,8-2,4 см, круглых 1,3-2 см. На камне сохранились остатки лямбды в конце стк. 4 и N в конце стк. 8, так что не следует дополнять их, как в КБН.

1126. Стк. 6: [ἀφίημι] (КБН). Поскольку далее в стк. 7 даны имена божеств, в качестве глагола нужно восстанавливать не ἀφίημι, а какую-либо форму глагола ἀνατίθημι «посвящать», как в манумиссиях КБН 74, 985, 1021, 1123. Иначе говоря, если упоминаются божества, то раб не просто отпускается, а посвящается им (см. с. 373, 635).

1127. Стк. 1-3: --ἡ ὄνο[μα|--] νόμη, ἐ<α>φ' ᾧ τε ἡ ἀ[νέ]||παφος κтл. «... имя которой... с условием пребывания ее неприкосновенной...» (Латышев, КБН). Тут νόμη остаток имени отпущенницы и есть только имя [Hansen, 1958, S. 56]. Далее предположительно как прозвище Гномы, т.е. [Γ]νόμη «Остроумная», что избежать исправления текста. [Γ]νόμη Σαφώ 1128. Стк. 2: σὺν γυ[ναϊκί] (КБН). Ср., однако, σὺν ἀδελφῆς Ἠλιδος, γυναϊκὸς Νανοβαλαμύρου в акте КБН 1125, так что по местному грамматическому узусу лучше читать σὺν γυ[ναϊκός].

1203. Болтунова [1979, с. 87] точно определила этот фр. в качестве манумиссии.

АРИСТОПИЛИТЫ ЦАРЯ ТИРАНИСА

Самый масштабный памятник истории и эпиграфики позднего Боспора — вотив боспорской знати за царя Тиберия Юлия Тираниса (о таком чтении имени см. с. 462) и царицу Элию КБН 36.¹ Это полутораметровой высоты мраморный постамент под не сохранившийся трофей. На лицевой стороне под карнизом вырезаны мужской и женский погрудные бюсты, Тираниса и Элии, они как бы показываются народу из трехколонной лоджии царского дворца. Пространный текст надписи вырезан на лицевой и обеих боковых сторонах; на лицевой стороне под бюстами расположено собственно посвящение, затем следует перечисление имен и должностей первых лиц государства, на боковых сторонах продолжено перечисление имен, иногда с указанием должности. Перевод лицевого текста: «Доброй судьбы. При царствующем царе Тиберии Юлии Тиранисе, друге цезаря и друге римлян, благочестивом, поднебесным богам Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице за победу царя Тираниса и вечность пребывания, а также за царицу Элию воздвигли монумент собственным богам и благодетелям аристопилиты при жреце Юлии Хофарне Афродисии, а также остальные аристопилиты: Менестрат, сын Госемфлия, управитель царских земель и ведомства по Феодосии; Фаннес, сын Саклея, хилиарх и начальник аспургиан; Фаннес, сын Агафа, главный грамотей; Харитон, сын Никифора, лохаг; Фидан, сын Теангела, бывший политарх; Лейман, сын Фиды, политарх; Эвий, сын Менестрата; Эрот, сын Радамасия, бывший секретарь Совета--».

Тиранис правил в 275–278 гг. Исторический контекст эпизода боспорской истории, связанного с одержанной им победой, вскрыл В. Ф. Гайдукевич [1949, с. 453 сл.]: некоторая стабилизация римской империи при Аврелиане (270–275) и замирение готов на Балканах в 275–276 гг. развязали руки боспорскому царю, который нанес поражение обосновавшимся в Приазовье готам. В. М. Зубарь [1998а, с. 152; Зубарь, Зинько, с. 219–220] увидел в упомянутом надписью «спасении» возможный разгром готов и прочих участников похода 275 г. на римскую Малую Азию. Прочувственный этюд уделил надписи Н. Н. Болгов [1999], красиво назвавший ее «портретом уходящей

¹ Это переработанный раздел статьи [Яйленко, 1977, с. 216/20].

эпохи». В самом деле, «вечного пребывания» (αἰωνί[ου] διαμονῆς) Тираниса на троне не получилось — он вскоре сошел со сцены, при нем и без того облегченные статеры целиком лишились золото-серебряных компонентов и стали медными, города утратили значение торгово-ремесленных центров, свернулась торговля с внешним миром, функционировавшая ранее в государственных масштабах экономика свелась к натуральному хозяйству и т. д.

Указанные работы, при всей их значимости — только начало осмысления этого документа как ценнейшего исторического источника: требуют изучения должностная номенклатура царства при Тиранисе, просопография, ожидается уточнения текстология. В этой заметке нас интересует лишь одно загадочное слово ἀριστοπυλεῖται (стк. 9-10, 13). Оно *haphaz*, но вполне понятный и в своем первом компоненте и в общем контексте надписи — это обозначение высшего слоя государства, так сказать, лучшие его люди, внесшие свой вклад в победу над врагом. Их много, чуть более сотни, подавляющее большинство упомянуто с патронимиком, так что в целом надпись содержит более 200 имен-отчеств. Большинство их греческие — ок. 85, половину от этого числа составляют иранские — ок. 40, римских 11, остальных ок. 15. Таким образом, несмотря на сильнейшую варваризацию, греческий компонент царства был самым крупным, точнее, оставался наиболее традиционным, так как мы располагаем множеством примеров принятия вчерашними варварами греческого именника. Поэтому можно сказать, что самый крупный этнический слой знати составляют иранцы, по существу, на Боспоре III в. два титульных этноса — иранцы и греки. Уяснив это, обратимся к изъяснению интересующего нас термина ἀριστοπυλεῖται.

Первый компонент его очевиден — греч. ἄριστοι «лучшие», по поводу второго высказаны разные точки зрения. Л. Стефани [ДБК, 1854, № XVIII, *сomm.*] и за ним В. В. Латышев [IOSPE II, 29, *сomm.*] полагали, что им является слово πύλη в значении «царский двор, дворец» (это поддержал О. О. Крюгер [1966, с. 177]). По другой точке зрения, вторым компонентом является слово πόλις: А. Бёк увидел в ἀριστοπυλεῖται варваризованное написание вместо ἀριστοπολεῖται [Archaeologische Zeitung, 1847, № 7, Sp. 61]; это поддержали Г. Лиддел, Р. Скотт, Г. Джоунз (LSJ), с. v. ἀριστοπυλεῖτης), С. А. Жебелев, Н. Н. Болгов; Р. Канья читал ἄριστοι πολεῖται [IGR, I, 871, *сomm.*]. Мнение о «варваризованном» или ошибочном написании слова малоосновательно как методически, поскольку есть сохраняющее подлинник решение, так и с фонетической стороны, ибо замена *омикрона* *ипсилон* нехарактерна для позднеантичных боспорских надписей.¹ По В. А. Сидоренко [2001, с. 141], вторую часть слова ἀριστοπυλεῖται можно сблизить с обозначением собрания

¹ Единственный относящийся к этому времени случай мены *o-v* в боспорской эпиграфике обязан ошибочному написанию имени в целом — КБН 1028 (Ахиллий, Цр): ΑΠΟΛΥΔΩΡΥ вместо ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ (см. о таком ошибочном написании выше, с. 172). В эпитафии IVa КБН 180 мена *o-v* в имени скорее всего обусловлена пафлагонским диалектом покойного. Представленная в диалектах [Buck, 1968, p. 27], эта мена не имеет отношения к позднеантичному времени.

амфиктионов πυλαία, откуда аристопилиты, по его мнению — представители греческих городов Боспора, который мог в это время представлять собой религиозно-политический союз. Это предложение не обосновано ни грамматически (ожидалась бы форма ἀριστοπυλαῖται), ни исторически — пока что мы знаем, что Боспор оставался царством. Ввиду изложенного, во втором компоненте слова ἀριστοπυλεῖται следует видеть πύλαι, откуда, имея в виду обозначение словом ἀριστοπυλεῖται высших чинов царства, следует, что на Боспоре III в. слово πύλαι означало «царский двор, дворец», под чем подразумевалась царская резиденция (она традиционно располагалась на акрополе Пантикапея). Не засвидетельствованное в других областях Римской империи, ἀριστοπυλεῖται, следовательно, было боспорским новообразованием, употреблявшимся в III в. для обозначения местной придворной знати.¹

В греческом языке, однако, слово πύλη, πύλαι не имеет значения «дворец» и это обстоятельство наводит на мысль о калькировании им, т. е. буквальном переводе, иноязычного слова, означавшего в первичном смысле «дверь, ворота», а в производном «царский двор, дворец». Поскольку именной состав аристопилитов главным образом греко-иранский, следует думать, что словом πύλη (πύλαι) в ἀριστοπυλεῖται калькирован иранский термин, именно среднеиранский (среднеиранское языковое состояние начинается с IV–III вв. до н. э.). Так, у автора первой пол. III в. н. э. Филострата упоминается парфянский сатрап в Вавилоне ὁ σατράπης ὁ ἐπὶ τῶν πυλῶν (Vita Apoll. I, 27). По мнению А. Г. Периханян [1956, с. 44 и прим. 2 на с. 48], выражение представляет собой дословный перевод среднеперс. östāndār «правитель области»: среднеперс. östān имеет первичное значение «ворота, порог» и производное «царский дворец, двор, царская земля». Развивая эту мысль, Ю. М. Десятчиков [1976, с. 127/8] предположил, что и для слова ἀριστοπυλεῖται основой послужило среднеперс. östān. Признавая возможными обе догадки, отметим, принимая во внимание принадлежность надписи Тираниса к III в., что источником калькирования на Боспоре скорее послужило среднеперс. dar «дверь, дворец царской особы», известное по раннесасанидским источникам [Mac Kenzie, p. 24; Nyberg, p. 58]. В его пользу указывает то, что оно входило в раннесасанидскую официальную терминологию: в значении «дворец царской особы» оно представлено в персепольских надписях Шапура II. Это соответствует как официальному характеру боспорского термина ἀριστοπυλεῖται, так и обозначению должности парфянского сатрапа ὁ ἐπὶ τῶν μεγάλων πυλῶν у Фило-

¹ Первоначальная форма должна быть ἀριστοπυληῖται, однако ввиду позднеантичного сужения *ē* в *i* (эта произносилась как *i*, соответственно также *i* могло писаться через *ē*) [Доватур, 1965, с. 800, § 2. 9, 10]) возникло написание ἀριστοπυλεῖται, с растяжением *i* в *ei*, как и в имени Τειράνης. На наш взгляд, это имя гунно-булгарского происхождения (ниже, с. 462). В других надписях оно пишется через *ti* (КБН 85, 638, 781), т. е. в надписи аристопилитов *i* имени царя растянуто в *ei* соответственно обычному узусу языка и графики позднеантичного времени, о котором см. [Доватур, 1965, с. 803, § 8. 2]. Следовательно, корневая гласная имени *i* — Тиранис, а не Тейран.

страта (ср. также пехл. *darigbed* «дворцовый управляющий», *dar-handarzbēd* «камергер», составные с *dar*). Существенна хронологическая близость всех указанных источников: «Жизнь Аполлония Тианского» написана в начале III в., надпись в честь Тираниса 275–278 гг., персепольские надписи датированы I и 47 гг. правления Шапура II (310–379) [Nyberg, p. XXIII]. Таким образом, во II — первой пол. III в. в ближневосточной греко-римской среде среднеперс. *dar* (или *ōstān*), обозначавшее в переносном смысле «царскую резиденцию», а в прямом «дверь, ворота», было скалькировано буквальным греческим эквивалентом прямого значения *πύλαι* «ворота, дверь» с приданием ему не свойственного значения «царский дворец». Аналогичным образом и на Боспоре в среде местной смешанной греко-иранской, т. е. двуязычной, знати было образовано слово *ἀριστοπιλείται* на основе калькирования того же среднеперс. *dar* (*ōstān*).

Это не первый случай подобного калькирования в греческом иранского *duag-«дверь», которое в конкретных среднеиранских производных приобрело также значение «дворец». Геродот (III, 119) и Ксенофонт (Anab. I, 9, 3; Hist. Gr. I, 6, 7) употребляют слово *θύραι* в необычном значении «царская палатка, дворец», причем только в тех случаях, когда речь идет о резиденции персидского царя. Это обстоятельство указывает, что в данном случае *θύραι* в значении «царский дворец» является калькой, т. е. буквальным переводом, соответствующего персидского слова, обозначавшего в первичном смысле «дверь», а в производном «дворец царя, царский двор». Таким иранским эквивалентом, послужившим основой для калькирования, могло быть перс. *duag*- (авест. *duag*-) «дверь, ворота». Наряду с таким первичным значением это слово, как будто, могло употребляться в значении «царский двор, дворец» (обычное древнеперсидское слово для обозначения дворца *aradana*, этимологически соответствующее гр. *ἀποθήκη* [Kent, p. 168]). Во втором столбце древнеперсидского варианта Бехистунской надписи (стк. 75, 89), говоря о победах над своими врагами, Дарий сообщает, что плененных и доставленных к нему Фравартиша и Чиссатахму он держал связанными *duvagaūtaīu*, дословно «у моих ворот». Такой способ выражения может подразумевать значение *duvag*- «ворота царского дворца», либо «царский двор», а не «ворота» вообще.¹ В случае с Фравартишем речь идет об Экбатанах, царский дворец которых и мог подразумеваться под *duvagaūtaīu* надписи Дария. Понимание слова *duvag*- в значении «царский дворец» может найти подтверждение, во-первых, в том, что несколько столетий спустя это слово засвидетельствовано в среднеперс. форме *dar* в значениях «ворота» и «дворец царской особы», во-вторых, в универсальном характере семантического перехода «дверь» > «дворец», засвидетельствованного в разных языках.²

¹ [Kent, p. 124]: at my palace entrance; [Bartholomae, Sp. 766]: am meinem Hof (как возможный вариант наряду со значением «ворота»). Ср. также др. перс. *xšhuā vīθiyā* «во дворце царя» (dat.) надписей Дария I и Ксеркса (DPe, Dpi, XH).

² Развитие значений «дверь» > «царский двор, дворец» в древнеперс. *duvag*- и среднеперс. *ōstān* имеет аналогии в русском, где «дверь» через тематическое про-

Таким образом, слово *ἀριστοπιλείται* образовано в греко-иранской среде Боспора III в. из гр. *ἀριστοι* «лучшие, знатнейшие» и *πύλαι* (*πύλαι*), как калька среднеперс. *dar* или *ōstān*. Неясно, однако, почему произведен греко-персидский гибрид, а не полное заимствование какого-либо среднеиранского обозначения знати. На наш взгляд, образование гибрида подсказывает, что гр. *ἀριστοι* подобрано по фонетическому подобию иранскому слову, вероятно, *arštibara* «копьеносец, стрелоносец» [Bartholomae, Sp. 205], причем второй его компонент ассоциировался не только с *bara* «носитель», но, может быть, и с позднепарфянским *bar* — эквивалентом среднеперс. *dar* «дверь, дворец» (о переходе *dv* > *b*, давшем позднепарф. *bar*, см. [Расторгуева, Молчанова, с. 170]). Такое предположение, объясняющее ввод гр. *ἀριστοι* в новообразованное обозначение боспорской знати, находит подтверждение в изображении стрелы с направляющим кольцом на карнизе монумента с надписью, над бюстами Тираниса и Элии. При Ахеменидах гвардию царя составляла отборная тысяча «бессмертных» копьеносцев, набранная исключительно из знати (они изображены на рельефах персепольской ападаны — дворца Дария I и Ксеркса [Schmidt, 1953, Pl. 22]). Видимо, по такому образцу была устроена гвардия Тираниса — боспорская знать, по крайней мере формально, составляла когорту копейщиков, *arštibarān*. В связи с этим отметим, что по типу надпись Тираниса уникальна для боспорской эпиграфики — в ней нет другого образца, в котором за текстуальной частью следовало поименное перечисление первых лиц государства (некоторое подобие составляет акт горгипсийского фиаса КБН 1134). В сасанидской же эпиграфике такая типология представлена (царь перечисляет поименно своих придворных), так что и в этом отношении можно думать о воспроизведении боспорской царской канцелярией официальной Сасанидской терминологии.¹

Приведенными данными III в. бытование слова *πύλαι* в значении «царский дворец» не исчерпывается: оно существовало и в последующие века, оформившись в византийское время в распространенное обозначение императорского дворца *πύλαι βασιλικαί* [Ducange, s. v. *πύλη*]. Исходной основой данного обозначения послужило *πύλαι* в значении «царский дворец», бытовавшее в позднеантичное и ранневизантийское время. Помимо приведенных данных указание на это можно видеть в «Хронике» антиохийского патриарха 1166–1199 гг. Михаила Великого, написанной на сирийском языке; в числе ее источников были греческие и сирийские сочинения [Krummacker, S. 405] («Хроника» переведена на армянский и арабский языки). В одном из ее разделов повествуется о начальном периоде истории протоболгар, хазар, венгров и других народов, явившихся в Сев. Причерноморье в IV–VI в.

изводное «двор» [Meiye, 1951, с. 397] дало с уменьшительным суффиксом «дворец»; в армянском *dufn* [Hübshmann, S. 440]. Иранский, армянский, русский термины и гр. *θύραι* родственны и восходят к индоевр. *dhuer- [Walde, Pokorny, S. 870/1]. Такое же семантическое развитие есть в грузинском и семитских языках [Mapp, 1933, с. 28; 1934, с. 168; 1935, с. 490].

¹ По мнению Функа [1992, с. 80], аристопилиты были флоры царя.

Давно установлено, что Михаил пересказал тут соответствующее повествование из «Церковной истории» Иоанна Эфесского (умер после 585 г.), тоже написанной на сирийском языке [Altheim, 1959, S. 87]. Между прочими материалами речь в данном пассаже «Хроники» Михаила идет о дворце хагана в Сирмии в Нижней Паннонии, доставшемся хазарам в 582 г. В сирийском рукописном тексте «Хроники» стоит слово *rwlw*, не дающее смысла в сирийском контексте. И. Маркварт предложил конъектуру *fmwly* = лат. *famuli* или *familiae*, принятую рядом ученых. Против этого выступил, однако, Ф. Альтхейм, напомнивший, что в сирийском языке *famuli* передавалось бы через *femlāyē*. Указав, что *mamlakatuhu* арабского перевода данного места свидетельствует о значении *dignitas, maestus regni*, Альтхейм читает здесь *pulū*, т. е. греч. *πύλαι* (*plur. ū = ai*) [Ib., S. 95]. В подтверждение своей точки зрения Альтхейм сослался на среднегреч. *πύλαι* в смысле «дворец» (с отсылкой к словарю Дюканжа). Однако выше мы отметили, что материалы соответствующей статьи словаря Дюканжа включают *πύλαι* как обозначение императорского дворца только вместе с определением *βασιλικαί*, т. е. это фразеологизм у византийских авторов. Более правильной была бы ссылка на данные Филострата и надписи в честь Тираниса. Появление греч. *πύλαι* в сирийском тексте Иоанна Эфесского может объясняться тем, что он использовал в своем сочинении греческие источники [Kumbacher, S. 404]. Таким образом, бытовавшая в III в. н. э. в ближневосточной эллинской среде калька *πύλαι* в значении «царский дворец» продолжала существовать там и в VI в., чем и объясняется появление ее в сочинении Иоанна Эфесского, включившего ее в качестве грецизма в свое повествование. Правда, его *pulū* скорее могло быть калькой среднеперс. *ōstān*, ибо последнее отразилось и в сирийском [Hübshmann, S. 215].

Подведем итоги. В классическое время греки скалькировали древнеперсидское название царского дворца, по-видимому *duvar-*, словом *θύραι* (Геродот, Ксенофонт). В дальнейшем в соответствии с официальной терминологией позднеаршакидского и раннесасанидского Ирана во II — начале III в. н. э. среднеперс. *dar* (*ōstān?*) было скалькировано греческим *πύλαι* в значении «царский дворец» в случаях, связанных с иранским или иранизированным миром (Филострат, КБН 36).¹ Затем это слово стало применяться для обозначения всякого царского дворца (относящееся к VI в. *pulū* «Хроники» Иоанна Великого). Потом *πύλαι* в сочетании с определением *βασιλικαί* открылось в фразеологизм (выражение с устойчивым порядком слов), применявшийся византийскими авторами только в отношении императорского дворца. (См. о КБН 36 также с. 585).

¹ На связь слов *πύλαι* и *θύραι* в смысле «дворец» указывал еще Латышев (IOSPE II 29, соитт.): «Как кажется, слово *πύλη* или *πύλαι* употреблялось жителями Боспора в том же значении, что и *αἱ θύραι* у писателей, называвших так дворец персидского царя, и *ἀριστοπυλαίται* значит не что иное, как *οἱ ἄριστοι οἱ ἐπὶ ταῖς πύλαις*, в числе которых первое место занимали высшие должностные лица».

«О БЕДНОМ УСТАНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...» (новая позднеантичная надпись из Киммерия на азиатском Боспоре)

Данный очерк посвящен интерпретации уникальной надписи, представляющей собой памятный знак стрельбы из лука протокомета Киммериды на Тамани Устана, воздвигнутого в IV в. н. э.¹ Хранится в краеведческом музее г. Темрюка. Паспортных данных нет, но в 1970-х гг. Ю. М. Десятчиков сообщил мне, что камень найден в 1962 г. в Фанагории. Это прямоугольная известняковая плита, обломанная снизу, выс. 65 см, шир. 40 см, толщ. 17,5 см (рис. 24, 24а). Лицевое поле стелы обрамлено по бокам и сверху бордюром. В верхней части плиты, над надписью, двойным контуром вырезан прямоугольник, в который вставлен лежащий набок ромб, также двойного контура. В ромб вставлена десятилепестковая розетка. Верхняя и боковые грани стелы гладкие, на верхней грани над розеткой незначительный выступ (шип). Внизу, у облома, на грани боковой и оборотной сторон, расположен пирон, вероятно, скреплявший расколотую плиту. Сохранилось 8 строк надписи, вырезанных по линейкам; судя по тексту, утрачен ряд последних строк. Выс. букв 5 см. Поскольку в позднеантичное время долгие и краткие гласные смешивались на письме, как в нашей надписи, сначала даем ее в оригинальной огласовке подлинника, затем в нормативной орфографии: *Ἐνθάδῃ | τοξέει | Οὐστάνος | πρωτ(ω)τ(ο)[κ](ω)μ(ή)τ(η)ς | Χιμρίδ(ε) | υἱὸς Ἀγαθοῦ τοῦ | [-] = Ἐνθάδ(ε) τοξέει Οὐστάνος пр(ω)т(о)[κ](ω)μ(ή)т(η)ς Χιμρί(δ)ε, υἱὸς Ἀγαθοῦ τοῦ | [-]* «Здесь стреляет из лука Устан, протокомит Киммериды, сын Агафа...». В таком виде надпись дана нами в тезисной заметке, с кратким комментарием. Наше понимание ее, разумеется, оспорил Ю. Г. Виноградов [1998, с. 245/6], по мнению которого, *ἐνθάδ(ε)* стк. 1 свойственно почти исключительно эпитафиям; в конце стк. 2 читается не *иота*, а *тау*, и, напротив, вторая буква следующей строки *иота*, а не вычитанный мною

¹ Тезисная публикация [Яйленко 1987, с. 167]. Данный очерк представляет собой расширенный вариант статьи [Яйленко, 2002а, с. 288–303], посвященной памяти Юры Десятчикова, товарища по жизни, на редкость увлекательного собеседника и замечательного исследователя Боспора, в круг интересов которого входили рассматриваемые здесь вопросы.

Рис. 24. Памятный монумент Устана
(фото автора)

ΕΝΘΑΔΗ
ΤΟΞΕΥΕΤ
ΟΥΣ ΤΑΝΟΣ
ΤΡΟΤΩ
ΟΜΙΤΕΣ
ΧΙΜΙΡΙΣ
ΥΕΙΟΣ ΑΓΑ
ΘΟΥΤΟΥ

Рис. 24а. Памятный монумент
Устана, прорись

У. Заключив, что это не памятный монумент стрельбы из лука Устана, а эпитафия некоего Химирия, он дал свое чтение надписи: 'Ενθάδ' ἤτοξεύετο ἰστανό(μενο)ς | πρὸς ὠμίτες | Χιμίρις | υεῖος Ἀγαθοῦ τοῦ [-] «Здесь был сражен из лука (т. е. поконился, сраженный из лука) назначенный протокометом Кимирий, сын Агафуса».

Рассмотрим интерпретацию критика. Ключевой пункт его чтения — «вторая буква стк. 3 — *iota*, украшенная сверху небольшим штрихом-апексом, а не *upsilon*, всегда имеющий в сткк. 2, 7 и 8 (bis) широко раздвинутые усики». Отсюда происходит чтение им тут сокращенного причастия ἰστανό(μενο)ς «назначенный», которое он объяснил так: «Не уместившееся в стк. 3, а потому данное в сокращении причастие от глагола ἰστανώ (поздняя параллель к ἰσταν) означает здесь то же, что и обычное (ката)σταθείς, т. е. «поставленный, назначенный» сверху»; к сему добавлено прим. 54: «Залезшая на рамку угловатая *sigma* в отличие от курсивной в сткк. 2, 5 и 6 могла одновременно служить и аббревиатурным знаком». В результате этих построений наш Устан, едва лишь явившись ученому миру, усилиями критика превратился в фантом — то ли был, то ли нет.¹ Отсюда и заголовок нашей публикации, перефразирующий название известного фильма о бедном гусаре.

Между тем все приведенные положения критика, не видевшего камня, не более чем фантазии на тему опубликованного нами фото, на котором при

¹ Н. Н. Болгов [1999а, с. 27] включил нашего Устана в свой список боспорских деятелей IV в., но сослался и на мнение Виноградова. Ранее наше чтение было принято им полностью [Болгов, 1996, с. 86].

съемке плохо высветился *upsilon*, ножка которого принята им за *iota*. Мы фотографировали камень под разными углами освещения и располагаем несколькими снимками, на втором опубликованном [Яйленко, 2002а, с. 288] четко и целиком виден У, так что никакая другая буква не может быть тут вычитана.¹ Но без *iota* рушится всё чтение критика, так как только она позволила ему расчленить на части безусловно читаемое имя Устан — отнести начальный *omicron* имени к предшествующей строке и создать глагол ἤτοξεύετο, а вместо *upsilon* вычитать *iota*, на которой основано его причастие ἰστανό(μενο)ς. Впрочем, и без того чтение критика ничем не оправдано.² Достаточно показателен в этом отношении его перевод — «Здесь был сражен из лука назначенный протокометом Кимирий», порождающий странную ситуацию: если Кимирий назван не протокометом, а назначенным на эту должность, это означает, что он убит до того, как занял должность. Подобного рода эпитафии, в которых обозначалось бы назначение покойного на должность, неизвестны, всегда упоминается реальный пост покойного — к примеру, центурион, дворцовый постельничий, судебный пристав, политарх, лохаг, заведующий канцелярией, и *пр.* (КБН 666, 709, 711, 731, 1000 и *др.*). Вычитанный Ю. Г. Виноградовым имперфект ἤτοξεύετο придает всей и без того странной ситуации сюрреалистический оттенок: поскольку это время выражает незавершенное действие, его Кимирий «был убиваем»; если же он не убит, то и надгробия быть не должно. Во избежание этого критику пришлось перевести имперфект аористом («был сражен») и апеллировать к руководствам по грамматике позднего койне, в которых отмечаются случаи

¹ См. также нашу прорись с камня; на фото, приложенном к нашей статье 2002 г., этот *upsilon* вполне виден; целиком он показан и на воспроизведении надписи О. Н. Усачевой [Усачева, Сорокина, с. 142]. Хорошо виден он и здесь, на рис. 24.

² Против отнесения *omicron* к слову предшествующей строки говорит и то обстоятельство, что нигде более в надписи нет переноса одной буквы — строка заканчивается либо полным словом или именем, либо дается грамотный перенос по слогам. Если говорить только об этой стк. 3, то уместно поинтересоваться также, почему причастие ἰστανό(μενο)ς дано в сокращении? Потому ли, как полагает Виноградов, что оно залезло на бордюр? Но что мешало сделать перенос на следующую строку? Критик мог бы удержаться от чтения экзотической аббревиатуры хотя бы потому, что таковая не засвидетельствована эпиграфикой (читатель не найдет ее в сборнике эпиграфических аббревиатур [Avi-Yonah, 1940]). Залезшая на бордюр конечная угловая по очертаниям *sigma* этого сокращения, считает критик, могла служить одновременно знаком сокращения. Но он сам видит, что в стк. 7 угловая *sigma* не является таким знаком. В стк. 2, 7 и дважды в стк. 8, заявляет он, *upsilon* имеет «всегда... широко раздвинутые усики». И это от лукавого — усики *upsilon* стк. 3 так же раздвинуты и прочерчены, как и в остальных *upsilon* надписи. Все эти несообразности обусловлены лишь желанием критика во чтобы то ни стало иначе прочесть изданную нами надпись, что видно на примере нашей републикации надписи КБН 1099 в той же работе 1987 г., которую Ю. Г. Виноградов [1999, с. 234 сл.] пытался опровергнуть голословно.

смешения грамматических времен. Однако в позднебоспорских надписях подобное смешение не зафиксировано, а в нашей надписи вообще невозможно, так как в ней употреблен только один глагол.¹

Суммируем вышесказанное: в стк. 3 надписи безусловно и без каких-либо иных вариантов читается обычное иранское имя Οὐστάνος, помимо прочих областей [Justi, S. 336] дважды представленное и на Боспоре, в том числе в надписи IV в.² Наличие имени Устан снимает мнение Виноградова о том, что имя сына Агафуса не Устан, а Χιρίρις. Одновременно падает чтение критиком глагола ἤτοξεύετο в стк. 1–3, так как *омикрон* начала стк. 3 не последняя буква вычитанного им глагола, а первая буква имени Οὐστάνος. Наконец, безосновательно и утверждение критика о том, что наречие ἐνθάδε(ε) стк. 1 присуще «чуть ли не стопроцентно исключительно надгробиям», — оно часто встречается и в надписях спортивного характера, к числу которых мы относим данный памятник стрельбы Устана из лука.³ Итак, и критике Виноградовым нашего текста надписи и предложенному им чтению место в архиве ученых фантазий.

Рассмотрим теперь отдельные вопросы интерпретации надписи — датировку, должность Устана протокомет, топоним Χιρίρις, историческую ситуацию времени надписи, наконец, обычай постановки памятных знаков на месте стрельбы. Предложив в тезисной публикации широкую дату надписи, IV–VI вв., мы можем теперь несколько уточнить ее. Палеографии надписи свойственны преобладание лунарных форм букв, но вместе с тем употребление равно лунарных и прямоугольных форм *эпсилона* и *сигмы*, а также псевдоархаическое Α, свободное размещение букв по полю, ровные горизонталы прочерченных по линейкам строк, заполнение строки полным словом, стремление к известной монументальности письма. Эти особенно-

¹ А. И. Доватур [КБН, с. 829] отметил лишь один пример смешения причастия настоящего времени с аористным причастием, но и он крайне сомнителен, так как *part. praes.* βασιλεύοντος относится к датировочной формуле по правящему царю, а *part. aor.* προεβέβηκεν — к другому лицу, Юлию Менестрату, и аористное причастие на самом деле указывает на однократность его участия в посольстве.

² КБН 742 (Пантикапей, IV в.), 1278 (Танаис, 220 в.). Имя известно также в греческих передачах 'Ουσάνης, 'Υστάνης. По В. Ф. Миллеру, это передача исходного иран. *(h)u-štāna «благополучный, имеющий хорошее состояние», по В. И. Абаеву, «хорошо сложенный, стройный» [Абаев, 1979, с. 304; Huyse, S. 169. Anm. 11], согласно М. Фасмеру, восходит к авест. uštāna «жизнь, жизненная сила» [Vasmer, S. 47; Zgusta, 1955, S. 130].

³ Напр. [Ebert, S. 48, 66 (в первой строке эпиграмм), 166; то же с наречием ἐνθά — S. 203 (в стк. 1), 232]. И. Эберт привел и другие примеры из спортивных надписей в сборниках метрических надписей Г. Кайбея и П. Фридендера — S. 67. Что касается усмотренной Ю. Г. Виноградовым в конце стк. 2 *tau* вместо вычитанной нами *iota*, то ввиду всего сказанного о невозможности чтения тут глагола ἤτοξεύετο следует заключить, что штрих слева над *iota* случайного происхождения — как раз отсюда следует до края плиты повреждение лицевого поля, поглотившее правую нижнюю стойку *эта* стк. 1.

сти свойственны датированным боспорским памятникам IV в. — надписи Радамсадия и Рескупорида VI ок. 318 г.,¹ надгробию, поставленному между 343–352 гг. Стораной (КБН-альбом, 744), эпитафии 345 г. (КБН-альбом, 1091). Это стиль, продолжающий палеографию III в. (КБН 709, см. условную прорись: IOSPE II, p. 308 = КБН-альбом, 709). Указанные аналогии дают основание датировать памятник Устана первой пол. или сер. IV в. Вместе с тем надпись близка по письму гермонасской эпитафии КБН 1099, от даты которой сохранилось обозначение сотен, указывающее на весь V в.; по ряду признаков она отнесена нами к первой пол. V в. (ниже, с. 429). Таким образом, палеографические аналогии указывают на принадлежность памятника Устана к IV — началу V вв. Отметим, однако, что надпись Душтуна и эпитафия КБН 1099 содержат христианские кресты, которых нет на памятнике Устана, так что для последнего предпочтителен IV в.

Должность Устана обозначена словом *πρωτοκ(ω)μίτης*, которое безусловно следует транскрибировать в нормативном чтении как *πρωτοκ(ω)μῆτης* «деревенский староста» ввиду очевидного неразличения составителем эпитафии долгих и кратких гласных в надписи в целом и данном слове в частности (*πρωτο* вместо *πρωτο*, *(κ)ομίτης* вместо *κ(ω)μῆτης*). Известен византийский должностной термин *πρωτοκόμης* = лат. *primicomus* «первый среди комитов» и «глава комитов флота» [Du Cange, col. 697; Stephanus, vol. VI, col. 2143]. Это одна из высших должностей Византийской империи (в каталоге должностей Константинопольского двора она следует вслед за должностью доместика — *Cat. Reg. Codic.* 5), поэтому нет оснований усматривать в нашем таманском Устане должностное лицо столь высокого ранга. Кроме того, данная должность не засвидетельствована в форме *πρωτοκομίτης* или *πρωτοκομῆτης* (также ни *κομίτης* или *κομῆτης*), что окончательно решает вопрос в пользу чтения в нашей надписи слова *πρ(ω)τ(ο)κ(ω)μῆτης* (в целиком нормативной форме *πρ(ω)τ(ο)κ(ω)μ(ῆ)τ(η)ς*) «деревенский староста» (основа *κ(ω)μῆ* «селение, поселок, деревня»). *πρωτοκ(ω)μῆτης* — не очень распространенный малый потестарный термин, встречен в ряде эпиграфических и папирусных документов восточных частей римского мира — Малой Азии и Египта, употреблялся также в ранневизантийское время применительно к Сирии.²

Выражение стк. 3–6 Οὐστάνος *πρωτοκ(ω)μῆτης* Χιρίρις построено по формуле, включающей имя и должность протокомита в номинативе плюс название селения в родительном падеже; к примеру, она представлена в посвяtitельной надписи III–IV в. из фригийской Лаодикеи Комбусты: *Λύρ. Φρού(γ)ιος Νεστοριανοῦ πρ(ω)τ(ο)κ(ω)μῆτης Παρεθθων* «Аврелий Фруги, сын Несториана, протокомет Парет» (название деревни — во мн. числе, отсюда окончание *gen. pl.*

¹ См. условную прорись: IOSPE II, p. 309 = КБН-альбом, 66. В 318/9 г. заканчивается монетный выпуск Радамсадия и начинается выпуск Рескупорида VI [Анохин, 1986, с. 173], до этого, вероятно, с 315 г. они были соправителями.

² Поэт V в. Палладий, Леонтий Кипрский, VII в. [Cronin, p. 359; LS], с. в. *πρωτοκ(ω)μῆτης*. *Pallad. Laus.* 1169b; *Leont. Cypr.* 1725d].

Παρθίων, как Ἀθηναίαι, Ἀθηναίων).¹ Таким образом, Устан ведал округом селения по имени Хицрис, которое вполне идентифицируется с κώμη Κιττιερική на азиатском Боспоре (*Strabo*, XI, 2, 4). Соответствие этой κώμη Κιττιερική названию Хицрис подтверждается должностью Устана, содержащей то же слово κώμη. В эллинистическую эпоху это был город (Псевдо-Скимн именуется его Κιττιερὶς πόλις, — v. 896), в римское время — деревня при устье Керченско-го пролива со стороны Меотиды (по словам Страбона, это отправной пункт плавания по ней). Плиний дает ценную для нас форму названия с начальным придыхательным Х, как и в нашей надписи: *Cimmerium*, quod antea *Chimerion* vocabatur (N. h. VI, 18 Mauryhoff): «Киммерий, ранее называвшийся Химерием». В латинизированной форме её приводит и Равеннский географ — *Chimerium* (Rav. Cosmogr. IV, 3, 6; 10, 16), представлена она и на Певтингеровой таблице (segm. IX, 2).³ Таким образом, в первые столетия новой эры этот таманский поселок назывался Χιττιέριον, но, судя по наименованию Хицрис нашей надписи, сохранялась и прежняя форма его названия Κιττιερὶς «Киммериды». Так как в выражении Οὐστάριος πρὸς τὴν κώμην Χιττιερὶς, как сказано, название должно иметь форму род. падежа, Χιττιερὶς следует исправить на Χιττιέρ(δο)ς, т. е. резчик вместо род. падежа ошибочно поставил именительный (Виноградов без каких-либо оснований с нашей стороны приписал нам понимание формы Χιττιερὶς как аббревиатуры Χιττιέρ(δο)ς). Написание *χι* вместо *καππυ* sporadически встречается в позднегреческих надписях, в том

¹ [МАМА, 1928, Vol. I, p. 8]. Правильное понимание формы названия деревни дал У. Колдер [Calder, 1911, p. 196; cf. JHS. 1901, Vol. 21, p. 145; JHS. 1926, Vol. 46, p. 22].

² Судя по окончанию -ον, Плиний взял ее из какого-то греческого источника. Рукописи дают разные варианты последнего названия; если Д. Детлефсен принял вариант *Sebregion*, то К. Майхоф прозорливо предпочел чтение *Chimerion*, подтверждаемое нашей надписью.

³ См. подробнее об этом названии [Тохтасьев, 1984, с. 145, 148; Завойкин, 1999, с. 221 сл.; Зубарев, 1999, с. 124 сл.]. Представленная нашей надписью форма с начальным придыхательным свидетельствует против утверждения С. Р. Тохтасьева [1984, с. 148, прим. 13], что подобные формы указанных источников — это «или ученая реминисценция чтения Протея Зевгматита в Od. XI, 14 — Χειττιερίων (Etym. Magn. 513, 49), или уже собственная аналогичная находка какого-то писателя, которого занимала проблема гомеровского «народа и полиса мужей киммерийских». Заметим со своей стороны, что применительно к раннему времени мысль Тохтасьева об уподоблении названия страны киммерийцев прилагательному χειττιερὶος «ненастный, зимний, холодный» возможна (ср. название мыса в Феспротиде Χειττιέριον), но в отношении названий позднеэллинистического и римского времени она неприемлема, так как имя народа и название страны киммерийцев были хорошо известны Страбону, Плинию, Птолемею и др. Если говорить конкретно о названии *Chimerion* Плиния, Равеннаты, Певтингеровой таблицы, то оно подтверждается формой Χιττιερὶς исследуемой надписи. Высказанное Тохтасьевым мнение о том, что Страбон спутал Киммерий европейского Боспора с Киммерием Таманским, давно высказано (к примеру, [Гайдукевич, 1949, с. 186]), во-вторых, безосновательно [Завойкин, 1997, с. 131 сл.].

числе боспорских (χιθη = κεῖται, эпитафия КБН 1225, IV–VI вв., Таманский п-ов).

Точное местоположение этого поселка по имени Киммериды (Киммерий) еще не установлено, несмотря на многократные попытки локализации. Ясно только то, что он располагался на северном побережье Фонталовского п-ова; по-разному интерпретируя указания Псевдо-Скимна и Страбона, исследователи помещают его здесь у основания косы Чушка, у близлежащей Ильичевской батарейки, при мысах Каменный, Литвинова, в районе поселков Кучугуры и Пересыпь (обсуждение вопроса и лит. [Завойкин, 1999, с. 220 сл., 232 сл.; Зубарев, 1999, с. 124 сл., добавь: Веселов, 2009]). Авторы эти локализаций исходили из разных представлений о длине стадии (к примеру, у В. Г. Зубарева это «примерно 22, 2 км» [Иб., с. 125], у А. А. Завойкина [1999, с. 223] — ок. 29 км), что обусловило разность мнений. Рассмотрим соответствующие указания Псевдо-Скимна и Страбона. Перипл Псевдо-Скимна, составленный между 147–75 гг. до н. э., указывает на расположение Киммерия «у выхода из пролива» (τὸ δὲ ὄριον ἔκπλεοντι, v. 896). Страбон (XI, 2, 4–6) в описании восточного побережья Меотиды использовал ближе неизвестный нам Перипл: от Танаиса до Большого и Малого Ромбита по 800 стадий, от Малого Ромбита до Тирамбы и Антикита 600, далее 120 стадий до κώμη Κιττιερική, от которой 20 стадий до селения Ахиллий.¹ Как видно, этот Перипл дает округленное число стадий, что указывает не на точные промеры расстояний, а на приблизительные подсчеты их по времени плавания. Поскольку нас интересует небольшой отрезок пути в 120 стадий от Антикита и Тирамбы до Киммерийского селения, обусловленная этим обстоятельством погрешность невелика; важнее точно знать, сколько метров в стадии этого Перипла. Соотнеся общее количество стадий плавания от Танаиса до Киммерийского селения с точными промерами по крупномасштабным картам, А. В. Фирсов установил длину этой стадии — 155,5 м [Фирсов, с. 170]. Согласно традиционному отождествлению, Антикит — это Пересыпское гирло Кубани, с Тирамбой идентифицируется поселение VI в. до н. э. — III в. н. э. близ поселка Пересыпь.² Отложив к западу от Пере-

¹ Предполагается, что при описании азиатского Боспора Страбон заимствовал данные Перипла Артемидора [Грацианская, 1988, с. 66, с лит.; Латышева, 1991, с. 48/9]. Действительно, завершив описание Тамани, Страбон перешел к приморскому пути от Корокондамы до Бат, со ссылкой на Артемидора (XI, 2, 14). Последний писал ок. 100 г. до н. э. и использовал в качестве источников материалы путешествий, периегесы и периплы.

² Новые идентификации предложил В. Г. Зубарев [1999], что можно приветствовать в методическом плане, так как опровержение ее потребует мобилизации аргументов в пользу уже устоявшихся атрибуций. Что же касается существа его идентификаций, то лично для нас они неприемлемы. Ограничимся лишь одним контраргументом: индикатором в пользу традиционного отождествления Фавагории с поселком у ст. Сенной (а не с поселением у ст. Гаркуша, по Зубареву) служит самое большое на Тамани количество происходящих отсюда надписей, что соот-

чугуры 2 ненадолго прекратило существование, чтобы вновь возродиться в хазарское время. Столь редкая для Тамани живучесть свидетельствует о значительности его местоположения.

Итак, *Χιμμερίς* исследуемой надписи — это полис Киммериды Пс.-Скимна, он же Киммерийское селение Страбона, локализуемое, видимо, на месте поселения Кучугуры 2.¹ Иначе говоря, название *Χιμμερίς* нашей надписи может быть соотнесено только с названием деревни Киммерий (*Χιμμερίον*), которая вместе с тем сохранила и название полиса предшествующего времени по имени *Κιμμερίς*. Разумеется, название *Χιμμερίς* относилось и к сельской округе поселка. Пониманию названия *Χιμμερίς* нашей надписи в качестве наименования поселка и его сельской округи (*κώμη*) вполне соответствует должность Устана *πρωτο-κωμῆ-της*. Она впервые и единственный раз на Боспоре засвидетельствована нашей надписью, в связи с нею встает вопрос о территориально-административном устройстве Боспорского царства в IV–V вв. н. э.

Должностная номенклатура позднебоспорского царства наиболее подробно засвидетельствована посвятительной надписью царя Тираниса, поставленной в 275 г. придворной знатью — аристопилитами (КБН 36).² Следующий этап развития должностной номенклатуры Боспорского царства представлен надписью царя Душтуна от 402 г. (КБН 67): второе лицо после царя уже не «начальник царства», а эпарх (= лат. *praefectus*), третье лицо — комит (по совместительству он еще начальник налогового ведомства — должность, известная и ранее). Таким образом, в промежутке между 275–402 гг. штатное расписание должностей Боспорского царства претерпело изменения. В указанном промежутке времени есть два знаменательных в этом отношении рубежа: 342 г., когда прекратился выпуск монеты Рескупоридом VI, который завершает правившую с I в. до н. э. аспургианскую династию, и 375 г., когда тут появились гунны и возродили Боспорское царство (ниже, с. 466). Появление новой высшей должностной номенклатуры резонно связывать с новой господствующей силой, гуннами, чему может быть обязательно введение и новой должности в младшем властном звене — протокомета. Однако наш Устан, судя по имени, классический иранец и, хотя на должности комита при гуннском царе Душтуне мы встречаем иранца же Спадина, больше оснований относить введение должности протокомета к догуннско-

¹ Название *Κιμμερίς* употребляется в источниках только по отношению к городу — таманской Киммериде и Антандру в Троаде. Заметим в связи с этим, что ни азиатский, ни европейский Боспор никогда не назывались Киммеридой — в источниках употреблялось наименование Боспора в целом *Κιμμερίη γῆ, χῆρα*. Исходным было название пролива Боспор Киммерийский для отличия от Боспора Фракийского. По проливу названы оба его берега — отсюда совокупное их наименование *Κιμμερίη γῆ, χῆρα* «Киммерийская земля» (например, *Herod.* IV, 11, 12; *Ps. - Apollod.* *Bibl.* II, 1, 6).

² См. об этой надписи [Болгов, 1999, с. 17 сл.], о должностной номенклатуре позднего Боспора [Болгов, 1996, с. 76 сл.] и выше, с. 403.

му времени, на что указывает история административно-территориального устройства азиатского Боспора, к которой мы обратимся. В последние два десятилетия плодотворно изучается районирование Боспора. На азиатской его стороне А. А. Масленников [1990, с. 184 сл., 199 сл.] выделил 3 большие природно-хозяйственные зоны: Таманский п-ов, местность от Горгиппии до Бат, Среднее Прикубанье; другие исследователи выделяют в пределах Таманского полуострова 5 микрзон, так называемых островов — Киммериды (современный Фонталовский п-ов), Фанагория, Синдика, Тирамба, Большой Кандаур [Атавин, с. 30 сл.; Болгов, 1996а, с. 83]. По мнению А. Г. Шепко [1988, с. 53 сл.], азиатский Боспор делился на 4 административных округа (острова), в каждом свой губернатор (*ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*), одним из округов был Фонталовский п-ов. Полагаем, эти представления об административно-территориальном устройстве азиатского Боспора нуждаются в уточнении — административных округов было 3: один составил Таманский п-ов в целом, другой округ составили земли аспургиан (*τὰ Ἀσπουργιανὰ* — наименование, легшее в основу обозначение должности *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν*, КБН 36, 1246, 1248), третий образовала Горгиппия со своей округой. Наличие последнего округа явствует из должности *ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας* (КБН 1115 и др.). Наличие особого Аспургианского округа тоже достаточно аргументировано: это была часть Синдики, или территория около нее, занятая иранским племенем аспургиан, из которого вышла правившая на Боспоре римского времени династия.¹ Как бы ни трактовать вопрос об аспургианах, они, несомненно, обладали своей территорией, так как Страбон определенно указывает, что они занимали часть Синдики (или землю около нее); над этой территорией и начальствовал *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν*.²

Что до первого округа, то на его пределы указывает локализация надписей, упоминающих должность *ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*. Ее упоминают 4 надписи, из которых две найдены в Пантикапее (КБН 40, 697) и две в Фанагории (КБН 982, 1000). Наличие этих надписей в столице царства и «столице» азиатской его части вряд ли оставляет место для сомнения в том, что местом пребывания губернатора «острова» была Фанагория и что под «островом» ввиду этого подразумевается весь Таманский п-ов. Судя по самым ранним упоминаниям должности «начальника острова» (КБН 40, 982), организация «островного» округа восходит ко времени царя Аспурга (14–38 гг. н. э.), тогда же, полагаем мы на основании явной связи имени царя с наименованием аспургиан, был образован аспургианский округ. Должность губернатора Горгиппии упоминают только документы II в. н. э., начиная со 110 г. [Смирнова, 2001, с. 350

¹ См. об этом выше, с. 250 сл., там же об ином понимании аспургианской проблемы С. Ю. Сапрыкиным, который считает аспургиан военными поселенцами, посаженными на землю боспорскими царями, начиная с Митридата Евпатора.

² *Strabo*, XII, 3, 29: «когда Полемон был убит у так называемых аспургиан — варваров, обитающих около (или в пределах) Синдики» (*τελευτήσας ἐν τοῖς Ἀσπουργιανοῖς καλούμενοις τῶν περὶ τὴν Σινδικὴν βαρβάρων*). Практически тот же смысл в переводе Г. А. Стратановского: «после кончины мужа в стране так называемых аспургианов (одного из варварских племен, обитающих около Синдики».

сл.], примерно тогда и был образован горгиппийский округ. Готские войны второй четв. — сер. III в. велись в основном в Восточном Приазовье, поэтому административное деление азиатского Боспора изменилось — последний известный нам губернатор Горгиппии действовал в начале III в. [Иб., с. 359]; в надписи царя Тираниса от 275/8 г., в которой перечислены едва ли не все высокие чины государства, фигурирует только начальник аспургиан (ввиду военного времени по совместительству он еще и тысячник, — КБН 36 А. 16). Таким образом, в результате готских войн из трех административно-территориальных округов азиатского Боспора в третьей четв. III в. сохранился лишь аспургианский округ, таманский и горгиппийский перестали существовать. Это подтверждается разрушением таких тамошних городов, как Горгиппия и Тирамба, также многих сельских поселений, в результате чего азиатская часть царства существенно сократилась. Поскольку по окончании войн ок. 275–280 гг. ряд городов и селений Таманского п-ва все еще функционировал, возникла необходимость их административной организации. Как видно, тогда и сложилась ситуация, требовавшая административной реорганизации территорий. Видимо, в попытке сохранить власть и порядок на разрушенной и весьма сократившейся азиатской части государства, прежде всего податную систему, цари угасавшего в это время Боспора реорганизовали сельские территории в отдельные податные единицы, властные функции в которых осуществляли протокометы — сельские старосты [Hanton, p. 122]. Иначе говоря, по крайней мере на азиатской части царства была образована система сельских податных округов. Учитывая наиболее вероятную палеографическую дату нашей надписи — IV в. — и то, что должность протокомета упоминается лишь в это время и только один раз, можно думать, что тогда и была проведена указанная реорганизация.

Говоря о новом административном устройстве Таманского п-ова, важно выяснить количество сельских округов на нем. Принимая во внимание существование должности протокомета — сельский староста, вряд ли стоит думать, что весь Таманский п-ов составил один сельский округ, так как он слишком велик для того, чтобы быть одной большой деревней. Еще функционировали его города и ряд сельских поселений, каждый из которых мог составить отдельный сельский округ. По сути, из исследуемой надписи нам определено теперь существование сельского округа на основе поселка Киммерида — как сказано, название $\chi\iota\mu\epsilon\rho\iota\varsigma$ относилось и к сельской округе поселка. Границы ее можно очертить примерно, на основании того, что в IV–V вв. на Фонталовском п-ове функционировали два основных центра — Ильичевская крепость и поселение Кучугуры 2, тоже с крепостью. Соотношение их друг с другом неизвестно.

В этот вопрос вклинивается еще одно немаловажное обстоятельство — в 1970-х гг. Ю. М. Десятчиков устно сообщил мне, что камень найден в 1962 г. в Фанагории, и нет оснований сомневаться в этом.¹ Но это парадокс: содер-

¹ Ю. М. Десятчиков знал надписи, хранившиеся тогда в Темрюкском музее, в частности, он долгое время вынашивал мысль опубликовать надгробие Матиа-

жание надписи ведет нас на север Фонталовского п-ова, тогда как сам камень обнаружен в Фанагории или ее ближайшей округе. Поскольку речь идет о стрельбище, на котором был поставлен памятник Устана, то понятно, что оно располагалось не на самом поселении, а в его округе, но не в такой же дали от Киммериды, как окрестности Фанагории. К примеру, надпись о рекордном выстреле Анаксагора найдена на городище Ольвии (лемма к IOSPE I² 195), откуда следует, что стрельбы велись в ее окрестностях (ее перенесли в город для вторичного использования). Конечно, можно предположить, что со временем Устан переместился в Фанагорию и надпись была перенесена в ее окрестности (так, мраморная колонна с надписью в честь рекордного выстрела султана Селима III в 1790 г. из пистоля была поставлена на стрельбище в Левенде и затем перенесена в сад стамбульского дворца турецких султанов Топ-Капы; теперь это музей и надпись доступна для обозрения). Однако, на наш взгляд, органичнее другое объяснение. После готских войн к уцелевшему на опустошенном Таманском п-ове коренному населению добавились новые полукочевые сарматы. Это явление хорошо изучено на материалах Фанагории (напр. [Кобылина, 1956, с. 85 сл.]) и иллюстрируется также появлением в общем чистом до того греческом антропонимиконе города варварских имен (КБН 1003, III в.). Устан мог быть вождем одного из пришлых сарматских племен, которое осело на Фонталовском п-ове, но пасло скот по всему Таманскому архипелагу, ввиду чего стрельбище могло быть устроено и вблизи Фанагории. Вряд ли стоит сомневаться, что и в IV–V вв. Фанагория была местом пребывания центральной власти на азиатском Боспоре (даже в VI в. она столичный город болгарской державы). Поэтому Устан как протокомет должен был посещать Фанагорию. Поясним это функциями протокомета.

Они близки функциям комарха, на что указывает близость содержания обоих терминов ($\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ «начальник», $\alpha\rho\chi\epsilon\iota\nu$ «начинать, служить началом» > «править» — $\pi\rho\omega\tau\omicron\varsigma$ «первый, начальный»). Насколько редка должность протокомета, настолько обычна должность комарха, что указывает на комплиментарность первой относительно второй. Функции комарха хоро-

на, поставленное царицей Динамией (ниже, с. 670). По этой причине, обработав в 1970-х годах коллекцию тамошних надписей, я воздерживался от публикации этих материалов до 1987 г., когда в общем обзоре этих надписей дал, с его разрешения, только текст эпитафии Матиа, с указанием, что над нею работает Десятчиков [МБЭ, с. 19]. Разумеется, ему было известно и то, что в Темрюкском музее хранятся и две другие надписи из Фанагории — стихотворная эпистафия КБН 992 и найденная в 1971 г. строительная надпись Савромата I [Блаватская, 1976] (ниже, с. 577). Все это исключает какие-либо сомнения в точности информации Десятчикова о месте обнаружения надписи Устана. Для полноты картины отметим, что в Темрюкском музее наряду с указанными двумя фанагорийскими надписями, а также КБН 1012, 1021, хранились в конце 1970-х годов еще 7 надписей (см. ниже, с. 667 сл.); по одной из Кеп, окрестностей станиц Старо-Титаровской и Запорожской, с «батарейки» у ст. Вышестеблиевской, еще 4 без паспортных данных (в том числе монумент Устана).

шо известны по материалам из Египта и Малой Азии, тех же регионов, где засвидетельствована должность протокомета. В Египте комархи представляли кому во всех внешних сношениях — защищали ее интересы перед государственной администрацией, заключали разного рода сделки, собирали некоторые налоги и сдавали их центральным властям за кому и *пр.* [Голубцова, 1972, с. 142 сл.; Павловская, с. 181 сл.]. Стало быть, эти функции свойственны и протокометам. Н. Н. Болгов [1996а, с. 86] полагал, что должность протокомета выборная, по мнению Ю. Г. Виноградова [1998, с. 246], протокометы назначались центральной боспорской властью. Безусловно, правильна первая точка зрения, так как комархи избирались на должность всей комой, это была своего рода литургия [Павловская, с. 179 сл.; Голубцова, 1972, с. 142]. В комархи избирались состоятельные люди, комархи ведали имуществом и частью денежных средств комы, что увеличивало их возможности обогащения, в том числе за общественный счет.¹ Судя по самому факту постановки стелы на месте своих стрельбищ, Устан был значительной в своих краях фигурой.

Коснемся вопроса об установке памятных знаков на месте стрельбищ. Ближайшая аналогия памятнику Устана — надпись IIIa из Ольвии, установленная, как явствует из текста, на месте состязания в стрельбе из лука между ольвиополитами Анаксагором и Фильтой, когда первый сделал рекордный выстрел: «Я (стела) свидетельствую, что славный Анаксагор, сын Демагора, пустил стрелу на двести восемьдесят две оргии, а Фильта, сын...» (IOSPE I² 195). Обычно греческие стрелки из лука пускали стрелу более чем на стадий (Strabo, XIV, 1, 23), т. е. примерно до 200 м, но Анаксагор достиг более чем двойного результата (282 оргии = 521 м) с помощью более совершенного так наз. парфянского лука, который употребляли и причерноморские скифы (в средние века у иранцев его позаимствовали и турки).² В Греции есть несколько стел с перечислением победителей спортивных состязаний, включая стрельбу из лука (Syll.³ 1059, I. 16; II. 42 (Ларисса в Фессалии, II-1a), 1060 (Траллы, IIIa), 1061 (Самос, IIa)). В двух декретах об устройстве состязаний предусматривается стрельба из лука.³ Нам достаточно стелы Анаксагора из Ольвии, чтобы иметь представление о том, что в Сев. Причерноморье существовал обычай постановки памятного знака о выдающейся стрельбе из

¹ Так, комарх Теадельфии «не только не беднел, но, наоборот, на фоне постепенно нищавшей комы увеличивал свое благосостояние»; должность комарха подолгу была в одних руках [Павловская, с. 182].

² [Mogesi, 1953, p. 283; Brentjes, S. 179 f.]. О греческом луке см. [Tölle-Karstenbein, 1980]. Коль мы упомянули турок, то добавим, что в саду дворца султанов Топ-Капы в Стамбуле в стену над стоящим в саду каменным тронном Мурада IV вмонтирована надпись на мрам. доске, гласящая, что в 1636 г. он на скаку метнул дубовый дротик на 120 м.

³ Syll.³ 578. 39 (Теос, IIa), 958. 24 сл. (Юлида на Кеосе, IIIa). Многочисленные ссылки на известия авторов о состязаниях в стрельбе из лука у греков [Miltner, Sp. 1847 ff.].

лука. Анаксагор, без сомнения, пользовался парфянным луком и это ведет нас в местный иранский мир, к которому, как мы не раз отмечали, принадлежал наш Устан. Это обязывает нас привести соответствующие данные о лучниках и состязаниях в стрельбе из лука у иранских народов, в том числе у скифов Сев. Причерноморья.

Кочевники по преимуществу, иранцы были отличными стрелками из лука. В греческой легенде о происхождении скифов (Herod. IV, 9–10) лук — символ царской власти, что позволило понять сцены с предложением лука юноше на сосудах из Гаймановой могилы и Частых курганов как изображения инвеституры скифского царя [Алексеев, 1981]. Связанные с луком скифские обычаи — часть общеиранской практики. Так, персидские цари нередко упоминают в своих надписях о том, что они искусные лучники. Надпись на гробнице Дария гласила: «Я был другом моим друзьям; я был самым искусным наездником и стрелком из лука и лучшим охотником; я мог совершить всё» (Strabo, XV, 3, 8, пер. Г. А. Стратановского). Надпись на печати того же Дария Великого: «Я хороший стрелок из лука, как пеший, так и конный» [Sharp, p. 26]. «Хорошим стрелком» (uḫanuvaniya) Дарий аттестует себя и в надписи b (стк. 42/3) из Накш-и-Рустема [Kent, p. 140]. И Ксеркс особо отметил в своей надписи: «Как стрелок из лука я хороший стрелок» [Garib, p. 60]. Есть изображения персидских Ахеменидов с луком, прежде всего на монетах [Calmeyer, 1980, S. 303 f.; Луконин, 1977, с. 86]. Исследовавший их П. Кальмейер отметил, что после Дария Великого на монетах помещаются только изображения лучников — эпических царей, подобных персонажам Шахнаме. Ахеменидский эпос нам неизвестен, поэтому в фигурах лучников на монетах, может быть, следует опознать героизированных предков Ахеменидов V–IV вв. — Кира, Теиспеса, Ахемена.

Это устойчивая иранская традиция, так как и парфянские Сасаниды изображались на памятниках искусства лучниками. На реверсе всех парфянских драхм помещалось изображение героизированного предка династии Ареша Лучника [Луконин, 1977, с. 127]. По Авесте (Яшт VIII, 6), Ареша (авест. Эгəḥša, новоперс. Āriš) — «искуснейший стрелок меж иранцев». Сказание о нем связано с установлением границы Ирана и Турана — цари Манучехр и Афрасиаб условились, что она пройдет там, где падет арийская стрела, пущенная с гор Табаристана. По одной версии, Ареша пустил стрелу «от горы Ариохшута до горы Хванвант», по другой, выстрел Ареша достиг Аму Дарьи и таким образом иранцы восстановили древнюю границу своей страны; по Бируни [1957, с. 231], стрела Ареша достигла из Табаристана Ферганы, пролетев тысячу фарсангов. После этого Ареша погиб, но в честь его подвига в 13 месяце, посвященном богу Тиру, справлялось ежегодное празднество; по Бируни, он отмечался в течение многих столетий. Для нашей темы интересно, что на кушанских монетах Тир, божество мудрости, оракула и письменности (кушан. Teigo, авест. Tištra, новоперс. Tir), изображался с луком и стрелой. Ареша — герой восточноиранских эпических сказаний, стало быть, он был известен и причерноморским скифам как восточным иранцам

[Wörterbuch der Mythologie, 1986, S. 340 (Ареша), 446-447 (Тир-Тиштрия); Darmsteter, p. 220/1; Фирдоуси, 1969, с. 419, комм. В. Г. Луконина].

Устан — современник Сасанидов, цари, принцы и герои этой династии были выдающимися мастерами стрельбы из лука. В эпосе «Шахнаме» Фирдоуси [1989, с. 277, 627] описан мощный выстрел Бахрама Чубина, который насквозь пронзил вражеского царя стрелой. Лук — обычный атрибут парфянских царей на скальных рельефах, на замечательных сасанидских серебряных сосудах IV-VI вв., среди них Шапур II (309-379), Пероз I (459-484), Хосров II (591-628) [Huff, S. 226 f.; Луконин, 1977, с. 164 сл., 185 сл.]. Особенно отличился в интересующем нас плане современник нашего Устана Шапур II — своим эпиграфическим памятником, билингвической надписью из Хаджиабада, сделанной по случаю его мастерской стрельбы из лука в данной местности: «Эту надпись сделал я, почитающий Мазду бог Шапур, царь царей Ирана и не-Ирана, потомок богов, сын почитателя Мазды бога Ардашира, царя царей Ирана, потомок богов, внук бога Папака, царя. Так вот, нами, когда эта стрела была пущена, в присутствии принцев, князей, властителей и знати она была пущена, и нами нога поставлена на этот скалистый обрыв, и нами стрелой по ту сторону мишень вовне поражена. Но в том месте, куда была пущена стрела, там было место не такого свойства, чтобы при поставленной мишени и снаружи она была видна. Тогда мы повели, чтобы мишень была отодвинута далее. Кто считает себя хорошим стрелком, пусть утвердит ногу на скалистом обрыве, и если стрела будет пущена на ту мишень и если стрела поразит ее, это будет хороший выстрел» [Herzfeld, S. 87 f.]

Слова Шапура, что при его стрельбе присутствовали не только члены царского дома, но и поместная знать, показывают, что в деле искусной стрельбы из лука не отставали от царей и вельможи (см. также [Луконин, 1977, с. 170]). За ними тянулась и знать помельче, вроде нашего таманского Устана. Выше мы назвали его классическим иранцем — не только из-за его имени, но также потому, что он по-ирански настолько завзятый лучник, что подобно царю Шапуру поставил себе памятник на стрельбище. Опять-таки, подобно Шапуру, Устан называет не только своего отца, но и деда; это несомненное свидетельство его родовитости. В свете сказанного вряд ли стоит сомневаться в том, что в не сохранившихся конечных строках памятной надписи Устана речь шла о каком-то его выдающемся, по местным меркам, выстреле из лука.¹

¹ Параметры верхней сохранившейся части плиты 65 × 40 см, с её 8 строками, позволяют думать, что утраченная нижняя часть стелы могла содержать еще ряд строк.

ГУННО-БУЛГАРЫ II-V вв. н. э. НА БОСПОРЕ ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ И АНТРОПОНИМИИ

Важнейшая и перспективная задача науки о Сев. Причерноморье — разработка этнической истории региона во II-IV вв. н. э., самым массовым источником для которой служит антропонимия местных надписей, прежде всего Боспора и Херсонеса. Особенно важна в этом плане боспорская антропонимия, ибо в силу географического положения Боспор находился в эпицентре этнических передвижений. Для разработки этой задачи прежде всего следует существенно скорректировать работу в области боспорской антропонимики римского времени, именно преодолеть существующий со второй пол. XIX в. по сю пору ираноцентризм. Преобладающая часть негреческого именника Боспора действительно иранская, что обусловлено ираноязычностью сарматских племен и народов, передвигавшихся из За-волжья на запад со II-I вв. до н. э. Но со II в. н. э. на всем европейском континенте происходит передвижение варварских народов, нашедшее наиболее яркое выражение в римско-германских войнах времени Марка Аврелия, которые по сути дела были войнами не только с германцами, но также с ираноязычными кочевниками юга Вост. Европы — языгами, аланами, роксоланами и прочими сарматскими народами [Антонова, Яйленко, с. 72 сл.]. Самое важное событие в начавшейся по существу во II в. н. э. эпохе Великого передвижения народов — явление германцев и гуннов в Сев. Причерноморье. Иранцы продолжали преобладать тут в количественном отношении, но политическое господство перешло в III в. к германцам, а в IV в. к гуннам, что само по себе предполагает значительное присутствие в регионе германцев, тюрков и ряда других восточных народов, пришедших из глубин Азии в составе гуннской орды — монгол, финно-угров, самодийцев, тунгусо-манчжуров, даже предков нынешних енисейских кетов.¹ По данным Аммиана Марцеллина, Прокопия и других авторов (см. ниже), гунны освоили в числе прочего богатые травмами степи Приазовья, вследствие чего частью инкорпорировались в состав населения Боспорского царства. Яркое

¹ Литература огромна, ограничимся выборочными отсылками [Бенцинг, с. 11 сл.; Пуллитблэнк, с. 29 сл.; Дёрфер, с. 71 сл.; Новосельцев, с. 67 сл.].

свидетельство этого процесса дает анализируемая ниже гермонасская эпитафия с ее гунно-булгарским именником. Отсюда проистекает важнейшая задача современного изучения боспорской антропонимики — выявление тюркских, германских и прочих имен в позднебоспорских надписях. Там, как и ранее, преобладают греческие имена, второй по численности антропонимический пласт иранский, однако в составе антропонимического корпуса значится множество имен с плохими иранскими этимологиями; есть, наконец, существенная по численности группа имен, вообще никак не объясненных, включающая даже имена боспорских царей! Две последние группы имен как раз и представляют собой благодатную почву для разработки вопросов этнической истории Боспора и смежных областей. Вместе с тем это и трудная задача, требующая объединенных усилий историков, лингвистов, эпиграфистов. Предлагаемая работа представляет собой опыт исследования одного из аспектов этой задачи — выявление тюркских и особенно булгарских имен в боспорских надписях II–V вв. н. э.¹

1. Надгробие гуннов, членов парохристианского фиаса (КБН 1099)²

В 1868 г. в станице Тамань на берегу моря найден ствол беломраморной колонны с надписью. Это городище античной Гермонассы-Кесареи, хазарской, русской и византийской Тматорокани-Таматархи. Надпись малоразумительно издал Л. Стефани, чтение которого несколько уточнил по копии В. В. Латышев (IOSPE II, 389). Хотя слово ἀγίων стк. 3 и крест в стк. 6 дают основания считать памятник христианским, отметил Латышев, этому противоречит упоминание в стк. 4–5 македонского месяца Ксантика, принятого в календаре античного Боспора, а также слова συνθιασεῖται, свойственного документам античной же эпохи, из чего заключил, что это памятник античного времени — эпитафия или список членов фиаса. Это оспорила М. А. Тиханова, указав на примеры употребления македонских месяцев в надписях византийского времени (КБН 67), а слова συνθιασεῖται у ранневизантийских авторов, что привело ее к заключению о христианском характере памятника, относящегося к рубежу античной и византийской эпох [Тиханова-

¹ Правильней говорить о прабулгарах, но для удобства назовем их булгарами, отметив, что речь пойдет о древнейших носителях тюркского языка, оказавшихся во II–IV вв. в Сев. Причерноморье в составе разноязычной гуннской орды.

² Тезисная публикация [Яйленко, 1987, с. 163/7] в отношении имен получила дальнейшую разработку [Яйленко, 1991, с. 126 сл.]. За прошедшие годы наше понимание ряда вопросов уточнилось, что элиминирует отдельные элементы этих публикаций. В несколько сокращенном объеме данный очерк опубликован [Яйленко, 2002] с таким количеством опечаток, что необходима републикация. Очерк переработан, особенно в отношении тюркских сопоставлений и этимологий. Пользуясь случаем поблагодарить проф. И. Г. Добродомова за полезные замечания по тюркским материалам.

Клименко, с. 546 сл.; SEG 1929, 609]. По ее мнению, это посвящение, либо, возможно, надпись, начертанная в память какого-либо лица или события. Она предложила также несколько поправок к чтению текста надписи и содержащихся в ней имен, но сверка с камнем показала нам их недостоверность. В 1965 г. текст Латышева повторен с незначительными поправками в КБН 1099: --πολου--ους ἐπτ[ά?] -- αὐτοῦς καὶ μημη--|--ιο μετὰ τῶν ἀγίων υ--|--μ(η)ν<ε>| Ξανθικ[ῶ]--|--οί...λοι συνθιασεῖται|--|--τζάγας Σαυαγάσκο[υ] ?|--|--ορίμαγ(ος ?), Δάππασις, | Τρόφιμος, 'Ομαρ--|-- Μίδαχ(ος), | Οὐάγ[α]σις, "Αττασις | [Μά]λδα[γος ?], .ινδ.τζις, | 'Αλι--ις, Σεύραγ(ος), |--υ. В комментарии наряду с пояснениями к чтению текста отмечено: «Почти все имена в этой надписи негреческие. По характеру письма — скорее всего IV в. н. э.» (текст КБН повторили П. Д. Диатроптов, И. А. Емец [1995, с. 20]).

Вследствие отрывочности изданного текста надпись не давала почти никакой информации. Обследование хранящегося в подвале Керченского музея подлинника показало мне, что в публикации Латышева не передан ряд вполне различных букв, так что в целом можно прочесть связный текст надписи (рис. 25, 25а). Нижняя и верхняя грани ствола колонны сохранены, но верх слегка обколот, в результате чего полностью уничтожена стк. 1; большой скол по фасу снизу повредил последние три строки. Скол сзади, с тыльной стороны, слегка повредил концы первых 6 строк, где следует восстанавливать, судя по концам следующих строк, 1–2 буквы, не более. Высота ствола 78 см, книзу ствол слегка расширяется — диаметр вверху 36, внизу 38 см. Судя по тексту, надпись насчитывала 14 строк, вполне сохранившихся, лишь первая и последняя строки разрушены. Концы строк не смыкаются с началом, т. е. строки не совершают полный круг по колонне. Буквы глубоко врезаны и закрашены краской, которая от пребывания камня в земле стала грязной. Сигма, эпсилон, омега лунарные. Выс. прямых букв 4, округлых 3 см. Судя по хорошо сохранившимся стк. 5–8, в начальной части надписи

Рис. 25. Эпитафия фиаса гуннов КБН 1099 (КБН-альбом)

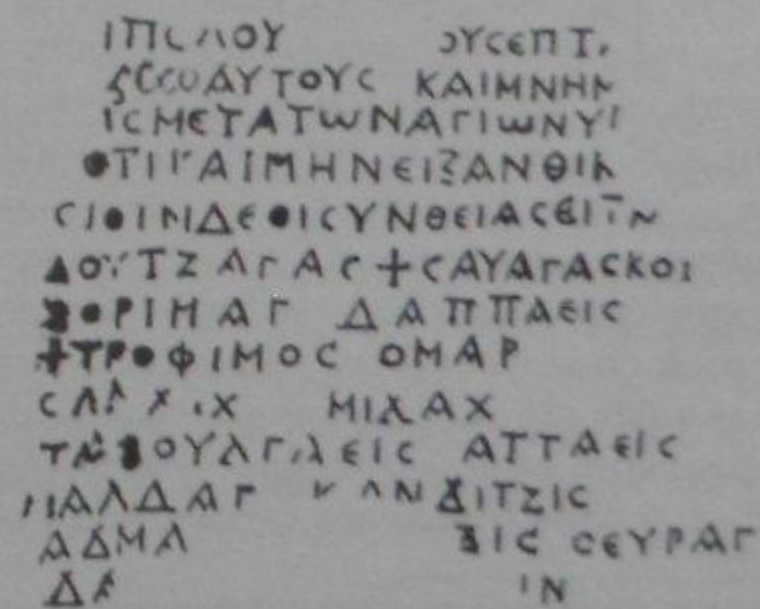

Рис. 25а. Эпитафия фиаса гуннов КБН 1099, пропись

каждая строка насчитывала ок. 20 букв. Весной подвал музея заливают вода и, смоченные ею, буквы надписи видны лучше. Наш текст:

[e. g. κ(ύρι)ε, ἐλέησον δούλους σους πε- ρ]ιπόλου[с ? πιστ]οὺς ἐπτά κ(αί) σοσο(ν) αὐτοὺς καὶ μημη[ου- ε]ῖε μετὰ τῶν ἁγίων. ψ.. ¹	«Господи, помилуй рабов твоих, верных погра- ничных стражей семерых, и спаси и поминай вместе со святыми.
5 ἐτ(ε) καὶ μηρεὶ Ξαιθικ[ῶ.. ¹] εἰς αὐν δὲ οἱ συνθειασεῖτα[ι.] Δουτζάγας ἰ Σαυαγας κό[μ](η)с, Χοριμάγ Даппаеис, ἰ Τρόφιμος Ὀмар,	В году 700... и месяце Ксантике, такого-то дня. Сочлены же фиаса суть: Дуджага Савага комит, Хоримаг Даппаей, Трофим Омар,
10 Καλδῖχ Μιδαχ, Ταβουλγαеис Ἀτταеис, Μαλδαγ Κανδίτζιс, αδμα.....ξис Σευραγ. [A ?]ΔΑ[.....? ἀμή]ν	Салдих Мидах, Табулгай Аттай, Малдаг Кандись, адма.....кси Севраг. —, аминь (?).

Обоснуем наше прочтение. Выражение стк. 3-4 $\mu\eta\mu\epsilon[\omicron\upsilon\epsilon]\u03c4\epsilon\ \mu\epsilon\tau\alpha\ \tau\omega\nu\ \alpha\gamma\iota\omega\nu$ «поминай вместе со святыми» указывает, что это эпитафия. В структурном отношении она трехчастна: стк. 1-6 включают поминальную запись, в следующих 7 строках идет перечисление имен и прозвищ поминаемых лиц, в последней строке — заключительная формула со словом «аминь». Кресты в стк. 7 и 9, а также выражение «поминай со святыми» указывают на христианский характер эпитафии, поэтому в стк. 1, целиком уничтоженной сколом, восстанавливаем e. g. обычную формулу христианских молитвенных, поминальных и прочих надписей $\kappa(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon, \epsilon\lambda\acute{\epsilon}\eta\sigma\omicron\nu\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma\ \sigma\omicron\upsilon\varsigma$ «господи, помилуй твоих рабов». В начале стк. 2, первой строки сохранившегося текста, стоят буквы ΠΣΛΟΥ, затем следует лакуна на 5 букв и окончание *acc. pl. ους*. В конце строки почти целиком читается числительное ἐπτά «семеро» (от алфвы сохранилась нижняя часть левой наклонной ножки). Предположительно усматриваем в указанном контексте соответствующее остаткам ΠΣΛΟΥ слово περίπολος «пограничный страж», а в следующей за ним лакуне — прилагательное πιστός «верный» к нему: $[\pi\epsilon\rho]i\pi\omicron\lambda\omicron\upsilon[s\ ?\ \pi\iota\sigma\tau]o\upsilon\varsigma\ \epsilon\pi\tau\acute{\alpha}$ «верных пограничных стражей семерых». Прилагательное πιστός нередко в христианских надписях [Orlandos, σ. 14, 136, 138, 149, 167]. Чтению *acc. pl.* в этой строке соответствует падеж αὐτοὺς следующей строки.¹ В начале стк. 3 (вторая строка сохранившегося текста) у самого скола стоит знак S — сокращение какого-то слова (о нем [Avi-Yonah, p. 37]); поскольку утрачена только одна буква, это скорее всего обычное в христианских надписях со-

¹ В предварительной публикации мы восстановили тут $[\acute{\alpha}]m\pi\epsilon\lambda\omicron\upsilon[s\ \rho\omicron\upsilon\omicron\varsigma\ ?\ \tau]o\upsilon\varsigma\ \epsilon\pi\tau\acute{\alpha}$ «этих семерых виноградарей», однако смерть сразу семерых мужчин более органична контексту с воинами, нежели мирными виноградарями, тем более, что возглавляет список высокое должностное лицо — комит.

кращение связки $\kappa(ai)$. Далее идут буквы СОСО — императив 2 лица $\varsigma(\delta\acute{o})\varsigma\omicron\upsilon(v)$, т. е. $\varsigma(\omega)\varsigma\omicron\upsilon(v)$, в пандан к императивам ἐλέησον стк. 3 и $[\mu\eta\mu\epsilon[\omicron\upsilon\epsilon]\u03c4\epsilon]$ стк. 1.¹ Такая же пара — знак сокращения καί и императив $\varsigma\omicron\varsigma\omicron\nu$ — есть, к примеру, в числе христианских молитвенных надписей на колоннах афинского Парфенона, ставшего в V в. храмом Богородицы [Orlandos, σ. 165: καὶ σῶσον αὐτόν, ἀμήν]. Далее в стк. 3 и 4 вполне читается αὐτοὺς «их» — дополнение к императивам $\varsigma(\omega)\varsigma\omicron\upsilon(v)$ и καὶ $\mu\eta\mu\epsilon[\omicron\upsilon\epsilon]\u03c4\epsilon\ \mu\epsilon\tau\alpha\ \tau\omega\nu\ \alpha\gamma\iota\omega\nu$ «и поминай вместе со святыми».

В конце стк. 4 — начале стк. 5 дана датировка по году и месяцу. В датировочных формулах боспорских эпитафий упоминался либо только год (КБН 697, 703а, 710 и др.), либо год и месяц (КБН 705, 734 и др.), часто добавлялся и день смерти [КБН 675, 744, 1000; Латышев, 1896, с. 88]; указание на день смерти обязательно в поминальных надписях на колоннах афинского Парфенона [Orlandos, σ. 20, 22, 28 etc.]. Таким образом, гермонасская эпитафия могла содержать лишь обозначение года и месяца, либо дополнительное указание на число месяца (последнее отражено в переводе надписи). В самом конце стк. 4 от датировки по годам боспорской эры сохранилась лишь первая цифра Υ, но в действительности это утратившее средний усик Ψ, так как Υ (= 400) с десятками соответствует 103–202 гг. н. э., что противоречит христианским элементам надписи, ибо христианство оставило здесь памятники лишь с IV в. Следовательно, речь идет о дате между 700 и 799 гг. босп. эры, т. е. между 403–502 гг. Есть и другие боспорские надписи V в., датированные по этой эре (прим. на с. 474).

Фраза стк. 6 εἰς αὐν δὲ οἱ συνθειασεῖτα[ι.] «Сочлены же фиаса суть следующие» с дальнейшим перечислением имен фиасотов построена по формуле позднеантичных фиасных актов: (οἱ λοιποὶ) θιασεῖται с последующим перечнем имен (КБН 1134 и др.). С стк. 7 нашей надписи по стк. 13 следует перечисление имен, по два в каждой строке. Латышев полагал, что это имена двух лиц, Тиханова усматривала даже три имени, но все это ошибочно — хотя суффикс род. падежа в именах правой стороны отсутствует, в стк. 2 говорится о семи покойных и потому следует непреложно заключить, что каждая строка содержит имя и прозвище. Они как раз и расположены в семи строках, что само по себе подтверждает наше понимание вопроса. Поскольку почти все имена необычны для позднеантичного и ранневизантийского Боспора, ясно, что они принадлежат недавно появившемуся новому населению. Из датировки надписи V в. явствует, что появление этого населения связано с приходом в 375 г. в Сев. Причерноморье гуннов. Пропустив стк. 7, требующую особого рассмотрения, поясним текстологию следующих строк. В начале стк. 8 хорошо читаются буквы ΟΡΙΜΑΓ, однако *ομικφону* явно пред-

¹ Императив σῶσον представлен и в боспорских христианских надписях, с той же графикой: σῶσον, также σῶσε, σωτήρ, τὸν δούλον σου Διμίτριον [Латышев, 1896, с. 115, № 106], ср. также начало одной из понтийских надписей: καὶ σῶσον κύριε τὸς δούλους σου τοὺς πιστοὺς [Studia Pontica, p. 160].

шествовала одна утраченная буква, поскольку стартовая вертикаль для стк. 7-11 одинакова, а *омикрон* стоит под второй буквой имени Δουτζάγας стк. 7. От этой утраченной буквы начала стк. 8 слева сохранился уголок >, соответствующий букве X, которую и дополняем, поскольку имени Χοριζαυ соответствует гуннское же имя Нернас (Χηριάχ, см. ниже). От имени в начале стк. 10 сохранились целиком первая и две последние буквы — С и IX, от трех букв между ними остались верхние уголки и части наклонных гаст, вполне укладывающиеся в имя Καλδῖχ (ср. созвучное гуннское имя VI в. Σαυδ(ίλχ)). В начале стк. 11 три первые буквы имени Ταβουλαεῖς повреждены, но определимы — у Т утрачена часть ножки, от А осталась часть наклонной гасты и ломаной перекладки, от В остались оба полукружия. Начиная с стк. 12 стартовая вертикаль слегка перемещается влево. В начале стк. 12 повреждена первая буква имени: сейчас видна лишь часть вертикали, в которой Латышев с основанием усмотрел букву М, читая тут имя [Μα]λδαυ(ος); при сказанном о сохранности первой буквы читаем Μαλδαυ. От длинного имени в начале стк. 13 сохранились начало и конец, посередине утрачено 5-6 букв: [..]αδμα[.....]εῖς, причем первой *альфе*, видимо, предшествовала еще одна буква, кажется, I или P. На наш взгляд, почти все имена гуннские, чему мы уделим далее основное внимание.

Последняя строка надписи утрачена почти целиком. В начале вполне читаются *дельта* с *альфой*, причем остатки буквы перед *дельтой*, кажется, принадлежат начальной *альфе*, т. е. три первые буквы стк. 14 — [? α]δα. В конце строки сохранились *ню* и вертикаль предшествующей буквы, которые укладываются в конечное [-- ἀμή]ν христианских надписей (так как посередине утрачено около 6 букв, вряд ли поместится свойственная позднеантичным эпитафиям формула [μνήμησ χάριν]). Это может указывать, что последняя строка содержала не имя и прозвище, как стк. 7-13, а какую-то заключительную формулу с традиционной концовкой христианских надписей «аминь». К примеру, ею завершается каждая одиннадцатая христианская надпись Парфенона [Ορλανδος, σ. 20].

Обратимся теперь к стк. 7, содержащей важную информацию. Между именем и прозвищем в стк. 7 вырезан крест, другой крест поставлен в начале стк. 9 перед именем Трофим. Обычно в христианских надписях крест стоит в самом начале текста, часто в конце и реже в середине [Кулаковский, 1891, с. 17 сл.]. Если крест стоит в середине, то перед именем или иным обозначением лица, реже после него [Ορλανδος, № 53, 133, 206; Emetz, табл. III, 7]. В херсонской надписи императора Зенона (474–491 г.) кресты поставлены, как обычно, в начале и конце надписи, а также, без какой-либо мотивации, при слове βασιλείας спереди и сзади, между именем и должностью комита Диогена [Латышев, 1896, с. 10]. В нашей надписи кресты поставлены только в списке имен-прозвищ и только при двух покойных лицах из 7. Это означает, что только Дуджага Савага и Трофим Омар христиане, остальные члены фиаса ими не были. Поэтому сей фиас не был вполне христианской общиной, хотя членство двух христиан указывает, что это было объединение по-

читателей культа, близкого христианскому. Отсюда и общий христианский облик надписи. Последний языческий фиас Боспора — община почитателей Бога высочайшего — дожил до начала IV в. (КБН 64), но это не означает, что христианство вытеснило языческие или полужазыческие культы, так как и в Греции они легально отправлялись до 392 г., когда были запрещены императором Феодосием, фанатичным христианином. Боспор V в. не был в составе Византии и хотя верхушка его была христианизирована (КБН 67, см. ниже), христианство не было единственной религией хотя бы по той причине, что тут господствовали гунны со своим культом неба и земли. Полуязыческий-полухристианский характер фиаса поясняется в некоторой мере личностью упоминаемого в стк. 7 Дуджага Савага, между именем-прозвищем которого стоит крест. Ю. А. Кулаковский сопоставил с ним Савага, погребенного в керченском склепе 491 г., на стенах которого написаны дипинти с датой 788 г. босп. э. (= 491), стихи из псалма 90, молитва за погребенных тут Савага и жену Файспарту: † ἅγιος θεός, | ἁγίειος εἰσχυρός, | ἁγίειος ἀθάνατος, ἐλέησον | τὸν δοῦλον σου | Σαυαγαν | καὶ Φαισπάρταν «Святой боже, святой крепкий, святыи бессмертный, помилуй раба твоего Савага и Файспарту».¹ Шкорпил добавил к надписям этой семьи и два изданных им филактерия из-под Керчи, в которых упоминается та же Файспарта и ее болеющая дочь Габрагадза (даем их в своем чтении [Яйленко, 2005, с. 487, 491; 2010, с. 657–665]):

а) 1 † φυλακτήριον πρὸς πᾶν πνεῦμα καὶ νόσους·

	(рыба) ΕΠ (спираль) Ϟ		ξ ξ ξ ξ ξ ξ ν ν ν βη		αα
3	← Χρ(ιστὲ), ὦ υἱέ, ωα		ω α α > > ξυν' η̄ ω		αααα
	(топор) ΑΝΚ (лабрус) ΠΒ		ε ο ζ κ οοοοοοοο		ηηηηηηηη
5			ο ο ο ο Ϝ		οοοοοοοοοο
					ππππ
	σύ, Ὑγία, θεράπευσον Αβ- Χρ(ιστός)				Χρ(ιστὸς) α

7 ρα[γ]άζαν, ἦν ἔτεκεν Φαισфарта

Чтение и перевод. *Основной текст*: «(стк. 1) оберег против всякого духа и болезней; (стк. 2) ξξξξξξξννν, да сойдет (пропадет) болезнь --; (стк. 3) омега, альфа, альфа (= конец, начало, начало) | > > | общий да будет конец;² (стк. 4) ζοέ, κ(ύριε?) «жизнь, господи (?) оοοοοοοοο; (стк. 5) οοοο ankh (= египет. жизнь); (стк. 6-7) ты, Гигнея, излечи Абрагадзу, которую родила Файсфарта». *Левый сегмент*: (стк. 1) изображение рыбы, ἐϜ, спираль, Ϟ (?) = «да предоставляет

¹ [Кулаковский, 1891, с. 22; Emetz, p. 29; Болгов, 1996, с. 53 сл.; Виноградов, 1998, с. 240]. Излишнее εἰ (= ι) в слове ἁγίειος представляет собой эмфатическое удвоение и одновременно растяжение *иоты* слова ἅγιος, поэтому переводим его стилистически «высоким» церковнославянским «святыи».

² Дословно: общий да будет с омегой.

Христос жизненную силу голове и руке (?); (стк. 2, реверсно) альфа и омега, Христе, о сыне! (стк. 3) изображение топора, ἀνκ (= египет. *ankh* «жизнь»), изображение двойного топора, ΠΒ». Правый сегмент: «альфа (= начало, 2 и 4 раза), сказал (ἦ, 7 раз) бог (θ, 8 раз) отец (π, 4 раза), Христос, альфа и омега».

б) τ φιλακτήριον θε(ο)ῦ ζῶντος
πα(ν)τός κ(ε)λεύω, ὡς μένει Χ ζ(ω)ή·
α ἦ, ἦ, ἦ, ζῆ ρΧρι ω ἦ, ω ἦ π(ι)ε ζάω,
ἀαγῆ ἔξεε(ι) μάχ(η) μέ, Αβραγάζαν

«Оберег бога вездесущего: веляю, что Х(ристос)-жизнь остается; начало, сказал, сказал, сказал, жив Хр(истос), Хри(стос) конец, сказал, конец, сказал; пей — живу, борьба с болезнью сохранит крепкой меня, Абрагадзу».¹

Эти памятники вскрывают многоверие сей христианской семьи — наряду с христианским «богом сущим» они чтут языческую Гигию и оперируют гностической каббалой. Это позволяет заключить, что интересующий нас гермонасский фиас был общиной синкретического толка, в которой отправлялся культ равно почитаемых греко-римских, ближневосточных и христианских божеств, причем его культовая практика сопряжена с отправлением магических действий (подробней [Яйленко, 2005, с. 490 сл.]). Этот вывод интересен тем, что вводит нас в реальное положение религиозной жизни на Боспоре в V в. — христианство здесь, как и в остальных периферийных областях античного мира, было весьма далеким от ортодоксального христианского учения, кодифицированного вселенскими соборами IV-V вв. и императорской властью — тут христианское божество надписи б («бог сущий» = «Хри(стос)») был всего лишь составной частью местных культов синкретического толка.²

Важен вопрос о личности Савага склепа 491 г. и его идентичности с Дуджагой Савагой исследуемой гермонасской надписи. К упомянутым памятникам, содержащим имя Саваг (склеп 491 г., гермонасская эпитафия), Ю. Г. Виноградов [1998, с. 233 сл.] добавил надпись царя Дуптуна и изданную им

¹ Предшествующие издания филиактериев [Шкорпил, 1898; Придик, 1899; Emetz, 1995; Болгов, 1996; Виноградов, 1998]. На наш взгляд, Дуджага Саваг гермонасского фиаса не идентичен Савагу склепа 491 г., однако он принадлежит к тому же роду (см. ниже), поэтому характеристика гермонасского фиаса на основании надписей склепа Савага, родственника Дуджаги Саваги, корректна.

² Мое заключение, что фиас гермонасской эпитафии был полужызыческим — полухристианским оспорили П. Д. Диатроптов, И. А. Емец [1995, с. 21]: ни слово *συμβλασείτα*, ни датировка с македонским месяцем Ксандиком не препятствуют христианскому в целом облику надписи. Тут критики правы (это аргументы еще Латышева и Тихановой), но упустили мое основное соображение — наличие креста не в начале, не в конце надписи и не в середине поля плиты, как обычно в христианских надписях, а только в списке имен-прозвищ и лишь при двух покойниках — Трофиме и Саваге, причем христианство Саваги подтверждается другими источниками, но филиактерии жены его Файспарты и дочери Абрагадзы в основном языческие.

надпись с Тамани, датированную 775 г. босп. эры (= 478 г.), в которой упоминаются отчество Савага — он сын Аристона, и должность — комит. Статья Виноградова переполнена не доказанными гипотезами и просто фантазиями (см. ниже; поэтому она вызвала только отрицательные отзывы), так что интересна лишь попыткой объединения лиц по имени Савага в одну группу да публикацией упомянутой таманской надписи. Единственно, что следует принять из его интерпретации гермонасской эпитафии — понимание следующих за именем Савага букв КО в конце стк. 7 в качестве сокращения должности комита — κό[μ](η)ς (после *омикрона* сохранилась часть вертикали третьей буквы). Поскольку известные нам Саваги так или иначе связаны с должностью комита (см. ниже), такое понимание следует предпочесть традиционному чтению здесь отчества *Саваγασκο[v]*. Что до Дуптуновой надписи, то ни датировка ее Виноградовым 779 г. босп. э. (= 483 г.), ни изобретенная им должность Савага «первый среди комитов» не дают оснований для отождествления его с Дуджагом Савагом гермонасской эпитафии. Поскольку мы еще не раз будем пользоваться данными Дуптуновой надписи, обратимся к ее текстологии. Текст и пер. по КБН 67 (рис. 26):

τ' Αγαθ[ῆ] τ'ύχη. | Ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουπτούνο[v] βασιλ(έως) εὐσεβο[ῦ]ς, φιλοκέσαρος καὶ | [φ]ιλορωμέου [ἀν]έστη ὁ πύργος οὗ | [τος] καὶ ἐπὶ ἐπάρχου Εἰσγούδιου | [καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(η)τος Ὀπαδίνου τοῦ ἐ[πὶ τῆς π]νακίδος καὶ ἐπὶ τοῦ προ[ω]τεύοντος ?...]τα Σεαυάγου καὶ ἐπὶ τοῦ | [ἐπιμελητο]ῦ ? τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου | |¹⁰ [-- μηνός Γο]ρπιαίου κον -- | -- αγιετ. θ-- «В добрый час. При царе Тиберии Юлии Дуптуне благочестивом, друге цезаря и друге римлян, воздвигнута эта башня при епархе Исгудии и комите Опедине, заведующем пинакидой, и при первенствующем (?)... сыне Савага, и при попечителе (?) работы... месяца Горпииея --».

Рис. 26. Надпись царя Дуптуна КБН 67 (фото А. И. Болтуновой)

Стк. 6–11 текста КБН нуждается в ряде поправок. В стк. 6 первая буква имени — *сигма*, так что читается имя Σπαδίνης,¹ так звали царя приазовских аорсов (Strabo, XI, 5, 8). Название должности Савага в конце стк. 7 — начале стк. 8 начиналось буквами πρῶ[τ--] (до букв -та стк. 9 утрачено ок. 11 букв). Это начало ряда должностей позднего римского и ранневизантийского времени, но ни одну из них не удастся совместить с -та или -τας обозначения должности в стк. 8 (поэтому приходится изобретать должность). Тут после скола слева Латышев (IOSPE II, с. 292) читал [...]τα Σεαύαου, Виноградов [1998, с. 235] [...]τας Саύαου, что лучше, так как форма Саύαα(ς) представлена в других надписях (см. выше).² В начале стк. 10 стояло имя попечителя строительства; вполне различимы остатки первых трех букв названия месяца Горпиея — полочка Γ, верхняя треть Ο, верхняя половина Ρ. *Каппа* после названия месяца Горпиея может означать 20-е число месяца (чтение Виноградова). В стк. 10–11 он [1998, с. 236/8] восстановил датировочный текст по двойному счислению — по индикту и босп. эре: [μηνός] Γορπιαίου · κ', Οίχ|[τοβρίου ·, ινδ(ικτιώνος) ς', ὡς δὲ Βόσπ](ορος) ἄγι· ἔτ(ους) θρ[ψ'] «месяца Горпиея 20 числа, октября *такого-то* числа, индикта шестого, а как считает Босп(ор) — в году 779».³ Однако дополнение выражения [ὡς δὲ Βόσπ](ορος)

¹ Наблюдение С. Р. Тохтасьева [Виноградов, 1998, с. 234].

² Чтение -та или -τας больше зависит от обозначения должности Савага. Виноградов в соответствии с эпитафией КБН 1099 полагал, что он комит, однако, как мы покажем далее, это разные лица. В стк. 7–8 Дуптуновой надписи он предложил чтение не засвидетельствованной должности ἐπὶ τοῦ πρῶ|[του ἐπὶ κόμ]ητας (?) Σαυαου «при первом среди комитов Саваге», (по своему обыкновению, отсутствующую на камне *ту* он показал как целую букву), но Н. И. Храпунов [2002] с основанием заметил, что в результате «первый над комитами» оказался на иерархической лестнице ниже просто комита Спадина, поэтому такое дополнение неприемлемо. Сам Храпунов (его чтение: ἐπὶ τοῦ πρῶ|[τοκομήτου "Ατ]τας (?) Σαυαου «при протокомите Атте (или Анте, Мате), *сыне* Савага») усмотрел тут должность протокомета, апеллируя к надписи Устана из Киммерика, однако это не подтверждается кругом обязанностей сельского старосты (они разъяснены выше, с. 421/2); эта должность не сопоставима с первыми дворцовыми должностями упомянутых ранее сановников царя Дуптуна; наконец, надпись сообщает о постройке городской стены Пантикапея, к чему сельский староста вряд ли мог иметь отношение. По нашему мнению, неприемлемо и понимание Храпуновым букв -τας в качестве личного имени сына Савага, ибо остальные сановники названы только по именам, без отчеств (или, подобно гермонасской эпитафии, по именам и прозвищам), как принято у гуннов, о чем см. ниже. Предположительно читаем в стк. 7/8 ἐπὶ τοῦ πρῶ|[του ἐπὶ ἄρχων?]τας Σαυαου «при первом среди архонтов Саваге», в обоснование чего сошлемся на наличие в Танаисе коллегии архонтов еще в III в. (КБН 1251), в Кесарее-Гермонассе в начале IV в. (КБН 1051 от 307 г.), *ср.* πρῶτος ἄρχων пруссийцев (КБН 953).

³ Для удобства читателя даем наш перевод, так как Виноградов его не дал. В реконструированном тексте на с. 238 его статьи при индикте набрана *сигма* вместо *стигмы* — это опечатка, так как далее на с. 242 Виноградов говорит о шестом индикте. В стк. 11 Латышев читал ἔτ(ους) θ--. Историография вопроса о дате Дуптуновой

ἄγι «как считает Босп(ор)» невозможно, ибо, во-первых, в таких формулах всегда стоит не название города или области, а этникон жителей,¹ во-вторых, дополнение [Βοσποραίοι] не поместится в лакуне и с ним не согласуется сохранившееся αγι. Невозможно и понимание следующего за *тетой* кружка в качестве *омикрона*, на чем настаивал Виноградов, так как он меньше стандартного *омикрона* надписи и потому может соответствовать только кружку *коппы* (=90).² Его замечание, что *коппа* имела форму ρ верно лишь отчасти, так как в первых веках н. э. и позднее употреблялись и другие ее формы — разомкнутая ς (= *стигма*) и сомкнутая Q [Gardthausen, 1913, S. 367/8].³ В дате Дуптуновой надписи вижу повторение *стигмы* той же формы, что и при сокращении слова ἔτ(ους); полагаю, время Дуптуновой надписи удачно определено А. И. Болтуновой (см. комментарий к КБН): поскольку в дате после *теты* виден кружок, тут читается *коппа* — θρ[χ'] = 699 г. б. э. = 402 г. н. э. Такая датировка вполне поясняет позднеантичный еще, а не византийский, характер строительной надписи царя Дуптуна, ибо, подобно предшественникам на боспорском престоле (последний из них, Рескупорид VI, правил еще в 342 г.), Дуптун демонстрирует свою принадлежность к аспургинской династии Тибериев-Юлиев, а надпись его открывается характерной для античных строительных актов формулой «В добрый час», да и построена по их структуре и формуляру. Достаточно сравнить Дуптунову надпись со строительными же надписями из византийского Херсона, которые датированы временем правления Феодосия, Аркадия (между 383–395) (IOSPE I² 450) и Зинона от 488 г. [Латышев, 1901]. Новое в Дуптуновой надписи — лишь наличие должностей эпарха, т. е. префекта, да комита, что указывает на введение в штатное расписание высших государственных должностей Боспора после потрясений гуннского времени, т. е. 370-х гг., элементов римской провинциальной административной номенклатуры.

Наиболее неясна стк. 11. С. А. Жебелев прочел тут αγιετ(ους) θ-- (комм. КБН), что маловероятно, ибо после αγι стоит двоеточие — знак словораздела или сокращения [Avi-Yonah, p. 33]. За буквой Т слова ἔτ(ους) следует еще один знак сокращения S (см. о нем с. 428).⁴ В целом в конце стк. 10 — стк. 11

надписи [Nadel, 1977, p. 96, 110/1]. Сам Надель осторожно счел, что она не древнее первой половины IV в., из сотен можно дополнять только χ = 600 или ψ = 700.

¹ К примеру, не Ахей, а ахейцы, не Милет, а милетяне и т. д.: ὡς οἱ Ἀχαιοὶ ἄγουσι (Syll.³ 531. 5; 588. 89; 599. 31; 852. 19), то же находим и в Сев. Причерноморье: ὡς δὲ Τυρανοὶ ἄγουσιν (IOSPE I² 2. 20).

² Чтение цифры Ρ = 100, разумеется, исключено, как и Φ = 500 [Nadel, 1977, p. 110].

³ Датировку Болтуновой проигнорировали Диатроптов и Емец [1995, с. 16], их комментарий к надписи малоинформативен, текст Дуптуновой надписи буквально воспроизведен из КБН.

⁴ Другие знаки сокращения: в стк. 3, после βασιλ знак Γ, в стк. 6 после κόμ то же Γ, но с прогнутой вертикалью, это вариант знака сокращения S в ἔτ(ους). В одной надписи могло быть несколько знаков для сокращения слов [Avi-Yonah, p. 40/1]. Так, в

читается: ΟΙ[. | --17/18--]αυι: ἔτ(ους) θϞ[χ']]. Можно бы счесть, что после упоминания месяца Горпиея необходимое указание на год постройки башни стояло в лакуне начала стк. 11, но знак сокращения перед и после букв ΕΤ препятствует этому — в буквах ΕΤ со знаком сокращения определенно следует видеть слово ἔτ(ους), указанием на год постройки обычно завершаются строительные надписи. Полагаем, попытка Жебелева усмотреть в --αυιετ θ-- слово, образованное от ἅγιος «святой» естественна для надписи христианского времени (ср. сокращение ἅγι = ἅγιος в надписи 537 г. [Avi-Yonah, p. 45]), но с оговоркой, что за --αυι следует знак сокращения и далее дата по году. Возникающий разрыв датировки — между месяцем и годом вставлена христианская формула — для византийских надписей обычна, в том числе в строительных надписях.¹ Таким образом, предположительно читаем в конце стк. 10/11: οἰκέ[ε]ταις ? σοῖς βοήθει, κύριε) καὶ ἅγι(οι), ἔτ(ους) θϞ[χ'] «слугам твоим помощи, господи, а также святые, года 699».² С указанными поправками читаем: Ἰ' Ἀγαθ[ῆ] τ'ύχη, Ἰ' ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουππουνο[υ] βασιλ(έως) εὐσεβο[υ]ς, φιλοκέσαρος καὶ [φ]ιλωρωμέου [ἀν]έστη ὁ πύργος οὗ [το]ς καὶ ἐπὶ ἐπάρχου Εἰσγυοδίου [καὶ ἐπὶ τοῦ κόμ(ητος) Спаδίνου τοῦ ἐπὶ τῆς πι]να[κ]ίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρώ[του ἐπὶ ἄρχον?]τας Саваγου καὶ ἐπὶ τοῦ [?] ἐπιμελητοῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου [τοῦ δεῖνος, μηνός] Γορπιαίου κ', οἰκέ[ε]ταις ? σοῖς βοήθει, κύριε) καὶ ἅγι(οι), ἔτ(ους) θϞ[χ'] «В добрый час! При благочестивом царе Тиберии Юлии Дуптуне, друге цезаря и друге римлян, воздвигнута башня сия при эпархе Эсгуди и комите Спадине, заведующем канцелярией, и при первом среди архонтов (?) Саваге, а также при попечителе строительства имярек, 20 числа месяца Горпиея, рабам твоим помощи, господи, а также святые, года 699» (= 402 г.).

Н. Н. Болгов [2005], не зная нашей критики даты Ю. Г. Виноградова [Яйленко, 2002, с. 306], привел свои критические замечания: двойная датировка

строительной надписи 488 г. из Херсона в последней строке с датой употреблены S и двоеточие: как знаки сокращения (см. фото [Якобсон, 1959, с. 69]).

¹ Строительная надпись 1440 г. из Тире [Латышев, 1896, № 3]. В поминальных записях [Ορλανδος, σ. 21, 72, 73, 75 etc.], к примеру, σ. 21: μ(ηνι) Ὀκτωβρίω ιε', ἡμ(έρα) α', ἰνδίκτιωνος ζ' ἔτελειώθη Ἀνδρέας ὁ ἀγιώτατος ἡμ(ῶν) ἐπίσκοπος ἔτους σσβ' «в 15 день месяца октября, в 1 часу, 7 индикта, скончался святейший Андрей, наш епископ, года 620» (= 693).

² В конце стк. 10 хорошо видны буквы ΟΙ, затем, вероятно, Κ, после которой есть место для одной буквы. В лакуне стк. 11 утрачено 17-18 букв; дополняем тут обычную формулу молитвенных надписей. Слово οἰκέτης употребительно в народном языке византийского времени в значении «раб божий» [Ορλανδος, σ. 2, 82, 111, 136]. Возможен вариант: в новозаветном языке прилагательное οἰκέτοι с членом обозначает верующих в Христа (Ер. Gal. 6,10: πρὸς τοὺς οἰκέτους τῆς πίστεως = familia Domini [Stephanus, 1842/6, p. 1768]), что придает тот же оттенок и обычным значениям «свои, родные, домашние, близкие, слуги» *господа*. Ввиду притяжат. местоимения σοῖς артикль опущен. Перед αυι определенно стоит *iota* — из числа букв с прямыми гачами только она писалась с выносом верхушки над строкой. Глагол βοήθew соединяется в византийских надписях с дат., род. и вин. падежами.

маловероятна, в V в. индикт не употреблялся, ведению фортификационных работ в конце V в. мешали бы ближние гунны, название месяца октября не писалось через Οικ-. Он согласен с Виноградовым, что вторая цифра *ομι*-*κρον* или *κοπια*; поскольку цифра сотен в дате не сохранилась, из возможных вариантов чтения (χ', ψ', ω' = 600, 700, 800) Болгов [2005, с. 23] принял среднюю, его дата 502/3 г. Он очевидно забыл свой же аргумент о невозможности ведения фортификационных работ в конце V в., но сей аргумент безусловен, и дело не в этом. Так как теперь мы знаем, что Савага принадлежит к роду, известному в надписях второй пол. V в. (см. ниже), цифра 800 отпадает, остается альтернатива χ' или ψ' = 600 или 700. В работе 2002 г. я принял дату Болтуновой 402 г., полагая, что род Савага Дуптуновой надписи существовал на протяжении всего V в., однако, если принимать во внимание датированные надписи (их две — от 478 г. [Виноградов, 1998, с. 239] и на склепе 491 г.), то дата 502 г. ближе к ним и образует с ними естественный хронологический комплекс. Это сильный аргумент, но ему противостоят не менее существенные обстоятельства. 1. У Дуптуна *praenomen* и *nomen* Τιβέριος Ἰούλιος боспорских царей III в., в последний раз он засвидетельствован у Тираниса (275–278). Этих элементов нет у царей IV в. Хедосбия, Фофорса, Радамсадия, Рескупорида VI, но мы располагаем настолько малым числом упоминающих их надписей (КБН 65, 66, 846, 1112), что сделать определенный вывод нельзя. С одной стороны, логично, что они не Тиберии Юлии, так как имена Хедосбия, Фофорса, Радамсадия совсем чужды не только царскому именинику Боспора римского времени, но и местной антропонимике вообще; они определенно не принадлежали к аспургиданской династии, правившей от Аспурга до Тираниса, судя по династическим именам Рескупорида V (242–276) и Савромата IV (275).¹ С другой стороны, у последнего известного нам царя IV в. Рескупорида VI (318–342) имя династическое, так что вполне естественно ожидать наличие у него элементов Тиберий Юлий. От него до Дуптуна всего пол-столетия при датировке надписи последнего 402 годом и целых полтора столетия при датировке 502 годом, что делает ее невозможной.² 2. У Дуптуна не только именик, но и титулатура боспорских царей I–III вв. — он βασιλεὺς εὐσεβῆς, φιλόκαισαρ καὶ φιλωρωμαῖος. Если датировать его надпись 502 г., то окажется, что титулатура возобновлена через 225 лет после Тираниса (или 150 лет после Рескупорида VI, у которого она могла быть), что трудно обосновать. 3. Как сказано, по характеру надпись Дуптуна воспроизводит структуру и формуляр позднеантичных строительных надписей, а не византийских. Таким образом, во всех своих компонентах надпись Дуптуна принадлежит к позднеантичной

¹ Оговоримся: имя Тиранис не династическое, но вполне распространенное на Боспоре (перечень их см. ниже), поэтому он естественный продолжатель династического имени Тиберий Юлий.

² Поскольку элементы Тиберий Юлий есть в надписи Дуптуна, их можно ожидать у Рескупорида VI, так как сохранение такой династической традиции после более чем векового перерыва маловероятно.

боспорской традиции и потому предпочитаем датировку ее 402 г. Только в случае обнаружения хоть одной надписи IV в., лучше сказать, второй его половины, сохранившей подобные элементы позднеантичной боспорской традиции, появятся основания для датировки памятника Дуптуна 502 г.¹

Теперь сведем воедино всех известных нам Савагов V в.: 1) надпись Дуптуна от 402 г. из Пантикапея, с христианскими крестами; патронимик этого Савага неизвестен, должность также неизвестна, по значимости она следует за должностями эпарха и комита. 2) надпись с Тамани от 775 г. б. эры (= 478р), в которой упоминаются отчество Савага — он сын Аристора, и должность — комит.² 3) надпись на керченском склепе 491 г. с христианским крестом: «Святой боже, святыи крепкий, святыи бессмертный, помилуй раба твоего Савага и Файспарту»; им принадлежат и упомянутые филактерии. 4) надгробие фиасотов из Гермонассы, относящееся ко времени между 403–502 гг.: в списке семерых покойных фиасотов первым значится Δουτζάγας Σαβαγας κόμ(ι)ης, между именем и прозвищем стоит христианский крест. По ряду признаков эти лица явно составляют один род — все они действовали на протяжении одного столетия, все носят одинаковое имя, все связаны с христианством (исключая комита надписи 478 г., начало которой, впрочем, отбито), двое из них комиты (надпись 478 г. и гермонасская эпитафия), а Саваг Дуптуновой надписи занимал следующую (или одну из следующих) по значимости за комитом должность. Ряд подобных знатных родов, представители которых традиционно занимали те или иные высокие должности, известен на Боспоре. К примеру, должность наместников Горгиппии на протяжении II — начала III в. н. э. занимали представители рода с традиционными именами Неокл, Мойродор [Смирнова, 2001, с. 359 сл.]. Вместе

¹ Независимо от датировки 402 или 502 г. устарела статья В. Г. Васильевского (ее суммировал Латышев — IOSPE II, р. 293) об этой надписи, так как он связал ее содержание с событиями времени Юстиниана.

² [Виноградов, 1998, с. 239]. Его чтение по приложенной прориси Б. А. Раева), без пер.: ΠΠΕΙ... [ὁ] τόπος | ἀλιευτικὸς νέος | διαφέρων Σαβαγα Ἀρίστονος κόμ(η)τος | ἐν τῷ εοψ' ἔτ(ει). Это нижний обломок надписи, т. е. предшествующий текст утрачен. Читаем по прориси, в стк. 1 ἵηπει[ος καὶ τ]όπος. В стк. 3 нужно читать причастие διαφέρων вместо neutr. διαφέρων подлинника, не соответствующего муж. роду слова τόπος (в надписи представлен и другой случай неразличения *омикрона* и *омеги* — патронимик Ἀρίστονος вм. Ἀρίστωνος), чего не сделал Виноградов [1998, с. 240], который оставил форму διαφέρων вопреки им же приведенным примерам. По содержанию это учредительная надпись, поэтому в ней был глагол типа καθίστημι «устраивать, учреждать». Наш текст и пер.: [- e. g. καθεσ|τάθη μάνδρα] ἵηπει[α καὶ] τόπος | ἀλιευτικὸς νέος | διαφέρ(ω)ν Σαβαγα Ἀρίστ(ω)νος κόμ(η)τος | ἐν τῷ εοψ' ἔτ(ει) «... e. g. устроен конный загон и новый рыболовецкий участок, которым владеет комит Савага, сын Аристора, в 775 г.» (= 478р). Поскольку «устроены» два объекта — загон и станция, ожидалось бы мн. число глагола — καθεσ|τάθησαν, однако part. sg. διαφέρων вм. pl. διαφέροντες указывает, что глагол стоял в ед. числе — καθεσ|τάθη. Устройство новых рыболовецких станций обусловлено упадком рыбного хозяйства в IV в., о котором см. [Гайдукевич, 1952, с. 33, 58, 60-61; Зинько, 2005].

с тем, вопреки Ю. Г. Виноградову, все упомянутые лица не один и тот же Саваг, а 3–4 соименных члена одного знатного рода, что следует, во-первых, из дат надписей — один Саваг жил в начале V в. (Дуптунова надпись), другой в конце его (склеп 491 г.). С последним можно бы отождествить близкого по времени комита Савага, сына Аристора, надписи 478 г., однако странно, что в надписи в его склепе не указаны ни отчество, ни высокая должность комита, что свидетельствует против такого отождествления — видимо, это член рода, не занимавший высоких постов, ведший жизнь частного лица. Во-вторых, комиты Дуджага Савага и Саваг, сын Аристора, определенно не идентичны ввиду различий в именнике. В-третьих, один Саваг погребен в Пантикапее, эпитафия другого вкуче с шестью другими покойными находилась в Гермонассе. Ниже мы покажем принадлежность гермонасской эпитафии к первой пол. V в., что позволит построить стемму этого рода (с. 474).

2. Булгарский именьник гермонасской эпитафии

В историческом плане наиболее важна интерпретация содержащихся в надписи имен и прозвищ. Все они, за исключением имен Трофим, Саваг и Мидах, впервые появляются на Боспоре и более тут не повторяются. Это обстоятельство само по себе свидетельствует против нашего мнения, высказанного в предварительной публикации 1987 г., о полиэтничном их происхождении (иранском, малоазийском, адыгском и пр.) По своей языковой принадлежности все новые имена-прозвища тюркские, более того, ряд фонетико-морфологических признаков указывает на моноэтничность той среды, к которой принадлежали носители гермонасских имен — им свойственны особенности гунно-булгарского языка. Даже само появление в одной надписи V в. десятка ранее неизвестных имен наводит на мысль о связи их с гуннами, пришедшими и осевшими в Сев. Причерноморье в 370-х годах. Этот предварительный вывод о характере имен подтверждается тем, что в своей совокупности они соответствуют фонетическому и морфологическому строю известных ныне гуннских имен, также тем, что все находят параллели в языческом антропонимиконе потомков этих гуннов чуваш. Последние — потомки волжских булгар, пришедших в конце VII в. в Волго-Камье из Приазовья, в том числе Восточного (часть его составляет и Тамань). В Сев. -Зап. Приазовье, между низовьями Дона и Днепра / Днестра, обитали гунны-котраги (кутригуры), а в Вост. Приазовье меж низовий Дона и Кубани жили гунны-утигуры [Каховский, с. 243 сл.]. Чувашский же характер имеет и принятый в гермонасской надписи способ двойного обозначения лиц — родовым именем (чув. *тавраш*) и прозвищем (*хажамат*) (см. о двойном наименовании лиц у чуваш [Магницкий, с. 8; Данилова, Енжаева, с. 62]). Так как гермонасская надпись V в. содержит гунно-булгарские имена, их фонетическо-морфологические черты соответствуют нормам исторической грамматики чувашского языка. Тем самым гермонасский именьник

является источником по исторической фонетике прачувашского языка, собственно, гунно-булгарского, показывая его состояние на V в. Суммируем эти особенности, проанализировав 13 имен и прозвищ: Δουτζάγα(с), Χοριμάγ, Δαππαει(с), 'Омар, Саλδίχ, Μιδαχ, Ταβουλαει(с), 'Аттаει(с), Μαλδαγ, Κανδίτζι(с), [.]адма.....ξи(с), Σεραγ.¹

1. В чувашском языке (и кыпчакских языках) анлаут слова глухой (обязанное сандхи, это правило абсолютно уже в волжско-булгарских эпитафиях XIII–XIV вв.), соответственно и гермонасский именник проявляет преимущественную глухость начала имен: к, χ, σ, τ. Лишь в двух именах представлено звонкое начало (Δουτζάγас, Δαππαειс) и это обстоятельство может быть объяснено двояко. Во-первых, оно имеет соответствие в волжско-булгарских надписях: при абсолютно глухом их анлауте известен один случай звонкости — в заимствованном арабском слове с начальным *d* [Хакимзянов, с. 34]. Однако у дунайских болгар IX в. хорошо засвидетельствован звонкий анлаут — в именах Δίτζευγος, Δούκουμος и др., в названии их правящего рода Доуло, к которому принадлежали первые ханы V–VI вв. (Именник дунайско-булгарских ханов, см. ниже); этому соответствуют по времени имена князей причерноморских гунно-булгар VI в. — Δρούγυ (Малала, Феофан), Γρώδ (Малала), Горδās (то же имя у Феофана); ср. также у гуннов V–VI вв. имя брата Аггилы Βλήδα, сына Аггилы Δεγγιζίχ (Приск и др.), δόγια (обряд поминовения мертвых у гуннов, по Менандру). Таким образом, в V–IX вв. болгарскому анлауту при безусловном преобладании глухого начала факультативно была свойственна и звонкость — как следствие развития оппозиции по глухости-звонкости, т. е. в результате действия сандхи. Это был общетюркский процесс — глухость анлаута считается нормой пратюркского языка, но с распадом его на отдельные языки примерно с начала н. э. пошел процесс озвончения анлаута ввиду перемещения ударения с первой позиции [СИГ-ТЯ, 1984, с. 177; ср. Серебренников, Гаджиева, с. 27 сл.]. В раннетюркское время изначальная глухость анлаута сильно преобладала, что и представлено в гермонасском именнике.

2. Гермонасский именник обнаруживает свойственную чувашскому (и северо-восточным тюркским языкам) позиционную звонкость согласных инлаута — между гласными, а также между сонантом слева и гласной справа.

¹ Конечная *сигма* — результат грецизации написания имен. Далее мы различаем такие периоды развития тюркского языка: пратюркский — примерно по I в. н. э., ранний тюркский — II/VI вв., древнетюркский — с VII/VIII вв.; таким образом гунно-булгарский язык существовал в раннетюркскую эпоху, волжско-булгарский и дунайско-булгарский в древнетюркскую; заключительная фаза волжско-булгарского языка приходится на XIII–XIV вв., за которыми следует собственно чувашский период. Для сопоставлений привлекаем факты чувашского языка, древнетюркского, чагатайского (язык среднеазиатских письменных памятников XV–XVI вв.), гунно-кыпчакского (язык среднеазиатских письменных памятников XV–XVI вв.), гунно-кыпчакские имена IV–VI вв., Именник дунайско-булгарских ханов с ЛИ II–VIII вв., Половецкие имена XI–XII вв., языческие чувашские имена из сборника В. К. Магницкого [1908].

ва: β, δ, γ в середине имен. Следовательно, это унаследовано чувашским из гунно-булгарского языка. Позиционно звонким был и интервокальный τζ в именах Δουτζάγα(с) и Κανδίτζι(с), которым передавались в греческой графике тюркские аффрикаты *č, ĭ* (*ğ*), (= *ч, дж* в русской графике) [Mogavcsik, S. 35]. Видимо, τζ передает и гунно-булг. *с* (в русской графике *сь, см.* ниже). В чувашском есть звонкая и глухая разновидности аффрикат — *дьжь, тьшь*.

3. В ауслауте имен гермонасской надписи представлены глухой конечный смычный χ (Саλδίχ, Μιδαχ), звонкие γ (Χοριμάγ, Μαλδαγ, Σεραγ) и j (Δαππαει(с), Ταβουλαει(с), 'Аттаει(с)); тюрк. j передается через конечное греч. *ει* (см. ниже). Засвидетельствованные греческими источниками гуннские имена часто оканчиваются глухим χ (Δεγγιζίχ, 'Εσπερίχ, Κουρσίχ, Μουτζαχ, Οβλδαχ и др.), реже звонким γ (Κότραγ(ος), Wīrag и др.). Это указывает, что развитие общетюрк. *q* в χ, γ проходило уже в гунно-булгарском (вплоть до нуля). В волжско-булгарских эпитафиях XIII–XIV вв. переход *q > χ* последователен, а конечное *g* обычно исчезает [Хакимзянов, с. 44]. Исконно чувашский ауслаут глухой, однако звонкость чувашского инлаута, имеющаяся уже в гунно-булгарском (см. выше), порождала факультативную звонкость ауслаута. Присущая чувашскому апокопа конечных χ, g, выявляемая венгерскими, удмуртскими и марийскими заимствованиями из волжско-булгарского (они не позднее IX в., после которого венгры не контактировали с волжскими булгарами) [Федотов, с. 34–35], судя по гермонасским и другим гуннским именам, нехарактерна для гунно-булгарского языка V в. и проходила, следовательно, в VI–VIII вв., не будучи, однако, абсолютной.

4. В чувашском языке долгими согласными могут быть только сонорные и шумные глухие; звонкие в исконных словах не могут удлиняться (в произношении звонкие короче глухих). Долгота согласного определяется исключительно положением между гласными и обозначается его удвоением [Егоров, 1971, с. 184]. В соответствии с этой нормой чувашского языка в гермонасских именах инлаутные глухие согласные встречаются лишь в интервокальной позиции и гемминированы, чем условно обозначена их долгота (Δαππαειс, 'Аттаειс).

5. В трех именах представлен диграф *ει* (это не дифтонг, а диграф, передающий краткий или долгий *i* в греческой письменности I тыс. н. э.). Он занимает только конечную позицию, следуя после гласного *a* — Δαππαει(с), 'Аттаει(с), Ταβουλαει(с). Поскольку в тюркских языках в целом и чувашском стечение гласных недопустимо, это согласный, в котором следует видеть среднеязычный или назальный *j* (см. ниже).

6. По той же причине — отсутствию сочетаний гласных — дифтонги в тюркских именах редки и являются результатом вторичного развития; обычно это дифтонги со вторым компонентом *i*. Представленные в именах Саваγα(с) и Σεραγ сочетания *au* и *eu* не дифтонги, а сочетания гласных *a* и *e* с губным *v*. Такая транскрипция V в. подтверждает полугласную (сонорную) в прошлом природу чуваш. *v* (ср. [Ашмарин, 1902, с. 117]). Это *v* является результатом развития срединного *p* (*b*), что обычно для тюркских языков,

и (или) спиранта γ , в свою очередь развившегося из смычного q , что характерно для чувашского (например, чув. *пёвер* «печень» при др. тюрк. *bayır* [Федотов, с. 36; Хакимзянов, с. 41; Егоров, 1971, с. 196].

7. Значительная часть корней типа СГС в чувашском оканчивается сонантом. Эта особенность представлена в ряде известных ранее гуннских имен, из числа корней гермонасского именника таковых половина. Из 13 гермонасских гуннских имен лишь в шести встречается стечение двух консонантов (без учета двойных согласных *pp* и *ll*, удвоение которых имеет позиционный характер, см. выше, пункт 4). Из этих 6 случаев три представляют сочетание λ со звонким d, g (Cαλδίχ, Μάλδαυ, Ταβουλαει(с)), один — v с тем же звонким d (Κανδίτζι(с)), итого в 4 случаях сонант предшествует согласному; в двух случаях сонант следует за консонантом: *-dm-*, *vr-* ([.]αδμα[.....]ξι(с), Σευραυ).

Таковы особенности строя имен гермонасской надписи, имеющие соответствия в фонетике и морфологии чувашского языка. Они со всей очевидностью свидетельствуют о принадлежности этих имен к языку приазовских гуннов-булгар, предков волжских булгар, язык которых и этнос продолжен в чувашах и их языке. Интересны данные гермонасского именника также в плане ранней истории тюркских языков в целом. Например, в отношении вокализма можно отметить поразительную частотность *a* среди гласных гермонасского именника — все 13 имен содержат 32 гласные, из которых 21 *a*, шесть *i*, по два *o, u*, одно *e*. В раннем тюркском *a* наиболее часто — к примеру, из 118 праформ односложных слов с начальным гласным 27 имеют начальное *a*, 24 — $\bar{a}, \bar{ä}$, $\bar{e}$, 17 — *o, o:*, 17 — $\bar{o}, \bar{ö}$, 14 — *y, y:*, *i, i:*, 10 — *u, u:*, 9 — $\bar{u}, \bar{ü}$: [СИГТЯ, 1984, с. 85]. При соотношении этих 118 слов с 13 именами нашей надписи как 10:1 получаем примерно одинаковую статистику — так, в приведенных данных СИГТЯ почти половина слов приходится на коррелирующую пару заднего *a* и переднего $\bar{a}$ ($27+24=51$), и это позволяет заключить, что через *альфу* в гермонасских именах переданы заднее *a* и переднее $\bar{a}$, краткие и долгие их разновидности.

Из 13 имен 3 оканчиваются аффиксом *-ay*, еще 2 аффиксами *-ax, -ix*. Поскольку тут χ определенно отражает глухой заднеязычный, а первоначально в общетюркском q, γ сочетались с гласными заднего ряда, k, g с гласными переднего ряда [Рясянен, с. 129, 131], в гермонасских именах гласные *a, i* в сочетании с χ заднерядные. В случае с аффиксом *-ay* такой определенности нет, так как через *гамму* могут быть переданы три тюркские фонемы — звонкий заднеязычный смычный g , звонкий заднеязычный спирант γ и переднеязычный спирант γ' . В одном из трех гермонасских имен, однако, можно установить наличие переднеязычного смычного g или спиранта γ' — корневое переднее e имени *Сеурау* в соответствии с принципом гармонии гласных в раннем тюркском указывает на переднерядность гласного также в аффиксе *-ay*, и так как переднерядный гласный сочетается с переднерядными же g, γ' , один из них и представлен в этом аффиксе. Предполагается, что в пратюркском γ', γ, g редки и встречались главным образом в аффиксах [СИГТЯ,

1984, с. 199–200; Серебренников, Гаджиева, с. 35/6, 41 сл.]. В гермонасском именнике V в. *гамма*, т. е. γ', γ, g , достаточно репрезентативна — она содержится в 6 именах из 13, но как раз в неначальных позициях: 3 раза в середине (в том числе 2 интервокальные позиции в сочетании *-aya*: Δουτζάγα(с), Cαγαυα(с)) и одна между согласным и гласным — Ταβουλαει(с)), также 3 раза в абсолютном конце — Σευραυ, Μάλδαυ, Χοριμάυ. Отсюда можно заключить, что между пратюркским и древнетюркским состоянием, т. е. в раннетюркскую эпоху (приблизительно II–VI вв. н. э.), проходило продуктивное становление указанных фонем (как считается, в результате озвончения q).

Через *iota* в греческой графике могут передаваться тюрк. *i, y (= ы), u* в своих кратких и долгих разновидностях [Moravcsik, S. 33]. В гермонасских именах *iota* наиболее представительна после *альфы* и фиксируется 6 раз в пяти именах: в 4 случаях между согласными, в 2 на конечной позиции (Κανδίτζι(с), [.]αδμα[.....]ξι(с)). В двух случаях *iota* представлена в соседстве с сонантом слева (Χοριμάυ, Μίδαχ), в трех случаях в соседстве с переднеязычными d, s слева (Κανδίτζι(с), [.]αδμα[.....]ξι(с), Cαλδίχ). По качеству *iota* в этих позициях может передавать передне- и заднерядные тюркские $i, i':$, y, y' . В гермонасском именнике гласный e представлен лишь 1 раз (Сеураυ), в других гуннских именах он тоже редок. Вокализм аффиксов пратюркского языка ограничивался четырьмя фонемами $a, \bar{a}, y, u$ [Серебренников, Гаджиева, с. 8], в полном соответствии с чем гермонасские имена показывают в числе аффиксов исключительно a, i , которые отражают указанные четыре фонемы.

В 4 случаях удалось установить место ударения по параллельным формам тех же имен, зафиксированным греческими авторами, 3 из них имеют ударение на последнем слоге (Cαλδίχ, Χοριμάυ, Κανδίτζι) (в последнем имени конечное i , видимо, обозначает мягкость предшествующего согласного), одно на предпоследнем (Δουτζάγα). Это означает, что к V в. в гунно-булгарском языке ударение уже передвинулось с первого слога в пратюркском состоянии ближе к концу.

Рассмотрим теперь имена-прозвища, для чего сгруппируем их по аффиксам.

1. Имена на *-ay*: Σευραυ, Μάλδαυ, Χοριμάυ. Аффикс *-ay* — результат развития тюркского аффикса диминутивов и прилагательных *-aq* (чув. *-ax, -ax, -ex*). Имени Σευραυ соответствует чувашское имя Севрак, ср. также Севрей, Севруй, Севри и др. [Магницкий, с. 74], в том числе женское ЛИ Северук [Ашмарин, 1936, с. 294]. Корневое e ЛИ Σευραυ в соответствии с гармонией гласных в раннем тюркском указывает на переднерядность гласного в аффиксе *-ay*. Конечное k формы Севрак — результат развития в новое время старого чувашского z в k (ср. чувашский гидроним *Кăпăк* при записи 1669 г. «... от реки Камыгли»; *пике* «девушка» при записи 1622 г. «девка *Сарпига*» [Дмитриев, с. 135, 137]). Основа имени *Сеур-* находит соответствие в имени дунайско-булгарского хана VIII в. *Севарь*, которое сопоставляется с чув. *săvăr* «сурок, байбак» [Moravcsik, S. 353; Баскаков, с. 46]. В надписи царя Тираниса (275/8 гг.) из Пантикапея (КБН 36 Б, стк. 33) содержится патронимик, на наш

взгляд, вычитываемый как Σιδυαρ.¹ Таким образом, тюркское имя Σιδυαρ этой надписи 277 г. соответствует дунайско-булгарскому имени VIII в. Севарь и основе Σευρ имени Σευραυ гермонасской эпитафии V в. Вставное *i* в форме Σιδυαρ при *e* форм Севарь, Σευραυ ввиду того, что тюркский избегает стечения гласных, может обозначать мягкость предшествующего *s'* (как в нижеследующих именах на Θι-, в имени Σιδυακ и в аффиксе имени Καιδιτςι), но также может представлять собой попытку передачи болгаро-чувашиского *ä* (как в ЛИ Θιαβωυ, см. ниже). Аналогичным образом *iota* в греческой передаче тюркского имени Čauš — Σαύς [Mogavcsik, S. 274] выражает мягкость произношения тюрк. č. В одной из новых надписей Горгииппии Πρ в списке членов фиаса читается имя [Σε]υαραυ[ος] (см. с. 643). Без грецизированного окончания [ος] это имя Σευαραυ, которое очевидным образом включает ту же основу Σευαρ с тем же аффиксом -αυ. Эта основа дает то же полногласие, что и дунайскобулгарское имя Севарь и Σιδυαρ КБН 36, тогда как в форме Σευραυ гермонасского именника *a* второго слога синкопировано подобно чувашским именам Севрак *etc.* (сохранено в женской форме имени — Северук). Синкопированная форма Σευραυ гермонасского именника указывает место ударения на первом или последнем слоге (в пратюркском языке ударение падало на первый слог). Отметим и такое немаловажное обстоятельство, что рассмотренное болгарское имя зафиксировано, во-первых, в надписи II в. н. э., происходящей с азиатской части Боспора (в форме [Σε]υαραυ), во-вторых, в пантикапейской надписи 275/8 г., содержащей список первых придворных лиц Боспора (в форме Σιδυαρ).

Имени Малдау соответствуют чувашские имена Малтих, Молтей и подобные [Магницкий, с. 55, 59]. Конечные *x*, *ü* этих форм — закономерный результат развития в чувашском тюрк. *q*; под влиянием губного *m* корневое *a* лабиализовалось в *o* (Молтей). Вероятна связь имени Малдау с тюрк. *mal* «скот».² Вторая часть имени содержит аффикс -δαχ, -дау, представленный в гуннских именах V-VI вв. Κουρίδαχ(ος), Ούλδαχ и Μίδαχ III в. из Танаиса (см. ниже), звонкая разновидность — в имени хана VI в. Умора, которое в болгарских надписях IX в. дается в виде Ομοурτάυ. Видимо, это древний вариант

¹ Фото камня в КБН-альбоме не дает адекватного воспроизведения остатков букв середины имени. Осмотрев камень при любезном содействии зав. античным отделом Эрмитажа Ю. П. Калашника, я увидел в третьей букве имени альфу. В копии Латышева ΣΙΛΥΑΡ (IOSPE II, p. 26) на ее месте также показана нижняя левая часть альфы — часть прямой галсы и ломаной перекладки. При ΣΙΛΥΑΡ копии в минускулярной передаче патронимика стоит Σι.αλ(...) (IOSPE II, p. 29), что очевидная опечатка, так как при подготовке нового издания этого тома Латышев читал в соответствии со своей копией Σι.αρ, что и воспроизвели издатели КБН 36 (см. лемму — КБН, с. 42). После Ρ — *vacat* на одну букву, т. е. промежуток между Ρ и следующим далее именем на ΒΑΡ ничем не заполнен, так что Σιδυαρ — полный патронимик.

² Это не арабское заимствование, а исконно тюркское и шире — алтайское — слово [Мусаев, с. 73, 77]. Предложенное К. М. Мусаевым первичное его значение «лошадь» проблематично [Новикова, с. 76].

-*lak* распространенного аффикса -*lyq*, -*lak*, -*lik* со значением собирательности, множественности, обладания, изобилия и *np.*, возникший рано ввиду общей неустойчивости -*l*- в инлауте [СИГТЯ, 1984, с. 353].¹ Отсюда возможное значение имени Малдау «Богатый скотом», *cf.* киргиз. *малдуу* «обладающий скотом, богатый скотом». Место ударения неясно, так как в именах на -αυ есть примеры ударения на первый слог (Κότραυ(ος), сын булгарского хана VII в. Кубрата [Mogavcsik, S. 165]) и на последний — Χοριμάυ.

Имени Χοριμάυ соответствует имя сына Агтилы, известное в разных передачах: *Негнас* (Iord. 266), *Ηρνάχ* (Priscus, fr. 36, *codd.* ἠρνᾶς), Ирник (Именник дунайско-булгарских ханов) [Mogavcsik, S. 132]. Начальное *h* у Иордана показывает, что форму Приска следует восстанавливать как *Ηρνάχ* или *Χηρνάχ* (возможен и вариант *Χρνάχ*).² Сопоставление имен Χοριμάυ и *Ηρνάχ* / *Χηρνάχ*, во-первых, показывает место ударения в гермонасском имени, во-вторых, мену *n-m*, присущую чувашскому, тогда как в других тюркских языках она редка и позиционно обусловлена [СИГТЯ, 1984, с. 331; Левитская, с. 183]. Поскольку в этой мене исходно *n*, первоначальная форма имени — *Χορνάχ, буква *xi* которой отражает тюрк. *q*. Этой реконструированной форме имени вполне соответствует чувашский антропоним Хорынай [Магницкий, с. 91], конечный *ü* которого на месте конечных -*y*, -*x* греческих фиксаций гуннского имени V-VI вв. объясняется тем, что одним из рефлексов тюрк. *q* был в чувашском *ü*. Заднерядное *o* в исконно чувашских словах литературного языка не встречается, но представлено в верховом диалекте и только в начальном слоге [Егоров, 1971, с. 135]. Именно такую позицию оно занимает в гермонасских гуннских именах (Χοριμάυ, *Όμαρ*). Упомянутые иные передачи имени сына Агтилы *Негнас* Иордана, *Ηρνάχ* Приска, Ирникъ Именника ханов обнаруживают тот же исход -*νάχ*, что и наша реконструкция *Χορνάχ, в них та же синкопа срединного *i*, что и в форме *Χρνάχ*, а в форме Ирникъ — примечательное отличие начала: первый слог *Χο* замещен одной гласной *i*. Это явление представлено и в чувашской форме рассматриваемого имени — Эрнука, Эрнук [Каховский, с. 240], что указывает на sporadически проходившее в болгарском языке V в. ослабление начального *x* (из пратюрк. *q*) до *j* и нуля, а также сужение гласного *o* в *i* или *e*. Об этимологии имени см. [Баскаков, с. 45].

¹ Вообще-то развитие *l-d* свойственно современным тюркским языкам. Происхождение финалей -*δαχ*, -*дау*, -*δix* (в *Ούλδix*, *Σαλδix* и других гуннских ЛИ, приведенных ниже) неясно. Однако очевидно, что они составляют параллель к древнему аффиксу собирательности -*lak*, -*lyq*, -*lik* и по звуковому составу и по альтернации гласной *a-i* (происхождение и этого аффикса определенно неизвестно). Это дает основание видеть в -*δαχ*, -*дау*, -*δix* гуннских имен древний вариант аффикса -*lyq*, -*lak*, -*lik*, возникший рано ввиду общей неустойчивости тюрк. -*l*- в инлауте.

² Аналогичным образом исходное тюркское *Huni* передавалось в греческом через *Χοῖνοι* (Птолемей и др.), в латинском *Hunni* (Аммиан Марцеллин и др.), ступени ослабленного *χ* отражают формы *Οἰννοι*, *Οἰννοι*, см. их подборку [Mogavcsik, S. 236].

2. К именам на -ау примыкают имена на -αχ, -ιχ: Μίδαχ, Σαλδίχ (по существу, это одна группа: выше мы отмечали, что гуннские имена на -у и -х восходят к тюрк. *q, давшему чуваш. x, й). Есть и другие гуннские имена с исходом на -αχ: Μουτζαχ, Ούλδαχ, Χηριάχ. Гермонасскому Μίδαχ соответствуют чувашские антропонимы Мидек, Мидук, Мидяк, Мидекей, Мидюха, Мидюкка [Магницкий, с. 57]. Имя Μίδαχ(ος) засвидетельствовано также в трех танаисских надписях первой четв. III в. (КБН 1277. 12, 1278. 21, 1279. 15). Оно не имеет хорошей иранской этимологии [Zgusta, 1955, § 311], поэтому не могло попасть в гуннский и чувашский из иранской среды (легендарное имя Μίδας фригийского происхождения). Аффикс -δαχ, представленный в гуннских ЛИ V-VI вв. Κουρίδαχ(ος), Ούλδαχ и пр., определенно выдает гуннский характер ЛИ Мидах, это может подтверждаться и тем, что у отца Мидаха КБН 1278 тоже гуннское имя Θιαυαρ(ος).¹ Другая транскрипция аффикса -δαχ, как сказано, -δαу в имени Малдаг, оба, на наш взгляд, древний вариант -dak, -dyk распространенного в современных тюркских языках аффикса -lak, -lyq, -lik со значением собирательности, множественности, обладания, изобилия и пр. Этот же аффикс представлен и в имени Σαλδίχ, которому соответствуют другие гуннские имена с ним — Καυδίχ и др., также имя кагана VI в. Τουλδίχ = Tuldyq. Значение имени Σαλδίχ может быть понято на материале кыпчакских языков — это либо saltaq, saltyq «хромой, прихрамывающий», либо saltyq, saldyk «блюдуший обычаи, порядки» (salt- «обычай, порядок» + -lyk, -tyk, -dyq). Отсюда имя Σάλτουχος (князь Эрзерума в XII в.), Сары-Салтук (князь в Румелии, XVII в.) [Mogavcsik, S. 265], известная с XVI в. на Руси фамилия Салтыков.

3. Имена на -αυα: Σαυαυα, Δουτζάυα. Группа близка именам на -υα, это тот же аффикс с наращением -α, т. е. аффиксация -αυα (общность их видна в передачах имени сына дунайско-булгарского хана Кубрата Κότραυ(ος) и Κότραυα). Имя Σαυαυα(ς) этимологизировалось из иранского — В. Ф. Миллер произвел его от осет. цāуагā «ходок» (цāун «идти» + суффикс имен деятеля -agā) [Кулаковский, 1891, с. 22], М. Фасмер основательней сопоставил с осет. sau, авест. syāva- «черный» (приняли Л. Згуста [Zgusta, 1955 § 205] и В. И. Абаев [1979, с. 305]). В. В. Латышев справедливо счел разновидностью имени Саваг упоминаемое в Танаисе имя Σαυακος (КБН 1242. 18 от 188р; 1279. 18 от 225р), которое Миллер также сравнил с авест. syāva- [IOSPE II, 427, 447; Vasmer, S. 51/2; Zgusta, 1955 § 210/3].² При бесспорно иранском характере

¹ См. ниже. Но патронимик у Θιαυαρ'а греческий, он сын Антисфена (стк. 6); впрочем, это может быть другой Θιαυαρ. Имя отца Мидаха КБН 1279 Ардар иранское по узусу. Не видно оснований сближать ЛИ Μίδαχος с фригийским именем Μίδας, это случайное созвучие коротких основ, такое же, что и с ЛИ, образованными от мидийского этнонима мидянин.

² К именам позднеантичного времени наряду с осетинским добавляются и среднеиранские формы типа парф. syāv- (sy'w) «черный». Имя Σαυα[-] читается и на обломке надписи II в. н. э. из Тиритаки [Емец, Чевелев, с. 17]. Беспочвенно чтение тут Ю. Г. Виноградовым [SEG 45, 1027] [βασιλέ]ως Σαυ<ρ>[ο-].

имен Σαυαυα(ς) и Σαυακ(ος) отметим, что Савага гермонасской надписи — прозвище лица с иранским именем Дуджага. Это можно счесть очередным свидетельством приятия гуннами иранских ЛИ в результате контактов с иранцами в Центральной Азии и Сев. Причерноморье.¹ Однако *vice versa* иранское имя Дуджага может указывать, что при полном преобладании гуннских имен в гермонасской эпитафии Σαυαυα(ς) / Σαυακ(ος) тоже иранские ЛИ. Так же обстоит дело и с именами отца Сиавака Γραμβουστ(ος) и брата Γρβιδ(ος) в танаисской надписи КБН 1242. Рассмотрение этой группы имен в контексте гунно-булгарского характера всего гермонасского именника правомерно.

Имена Γραμβουστ(ος) и Γρβιδ(ος) этой надписи от 188 г. более не встречаются. В. Ф. Миллер [1913, с. 91] и М. Фасмер [Vasmer, 1923, S. 41] ограничились сравнением Γρ(α)- с сарматской формой (осет. иг «иронец, осетин») авест. айуана- «арийский», но теперь выяснилось, что осет. иг, игон «осетин» этимологически не связаны с айуана-, они входят в группу производных от иран. *uig вместе с авест. uiga «муж, воин», скиф. oior «мужчина, муж», среннеперс. uig «муж, герой», согд. wug «супруг, муж».² Л. Згуста предложил экзотическую иранскую этимологию имени Ирамбуст из авест. айуана- «арийский» (подразумевая осет. иг) и buoša- «призыв, спасение», получив таким образом значение имени «что-то вроде «призыва арийцев»» (etwa «der Arier Lösung») [Zgusta, 1955, § 117]. К тому же значение авест. buoša- предположительно, так что вероятность такого объяснения минимальна. Вслед за Миллером все считали имена Γραμβουστ(ος) КБН 1242 и Αμβουστ(ος) танаисской надписи КБН 1278 (стк. 25, тоже не встречается более) параллельными формами. В. И. Абаев [1979, с. 278] под вопросом объяснил имя Αμβουστ(ος) как *ambust- «возве-

¹ Об иранских именах у высшей гуннской знати [Maenchen-Helfen, p. 281 f.; Дёрфер, с. 96, 100, 106, 108; Schmitt, 1985, 1991; Huyse, S. 176 f.]. Об ассимиляции гуннами восточных иранцев-скифов в Центральной Азии свидетельствует длительное сохранение их имени: Ибн Хордадбех [1986, с. 66] упоминает *азкиш* в числе тюркских народов Южной Сибири и Казахстана. Что до Сев. Причерноморья, то в римско-гуннском договоре 433 г. гунны Аттилы именуются «царскими скифами» (*apud Prisc. Pan. 1 = SC, 1, p. 811*), при том, что Приск обычно именуется эту алтайскую орду гуннами (о судьбе «царских» скифов в IV в. н. э. [Яйленко, 2007, с. 108]). Поскольку гунны пребывали в Сев. Причерноморье со II в. н. э., можно предположить, что господствующий слой гуннов включил в свой состав царских скифов и воспринял их наименование, а в IV в. эти причерноморские гунны вошли в состав пришедших из Монголии гуннов Руи и Аттилы. Подобные случаи известны центральноазиатскому кочевому миру. Так, в III-II вв. до н. э. древние тюрки включили в свою орду иранцев-асов, которые в дальнейшем составили правящий у тюрков род Ашина [Яйленко, 1995а, с. 59 сл.]. Помимо прочего и этим обстоятельством мы склонны объяснить наличие иранских имен у высшей гуннской знати.

² Эти данные привел Р. Бильмайер [Bielmeier, S. 103], со ссылкой на недоступную нам статью Л. Згусты 1959 г. «Skythisch oiorpata «диэроктора»». О фонетической проблемности возведения этнонимов иг-iron, alan- к самоназванию иранцев *ariyānā- см., к примеру, [Оранский, с. 128, cf. Zgusta, 1955, S. 264].

Саука»), возможно, в чувашских именах Савга, Савгай, Савги и др. [Магницкий, с. 71]. Половецкое имя Саук, сопоставляемое с каракалп. sawuq «будь здоров», полонецк. sawuq, suwuq «холодный» [Баскаков, с. 88]) звучало как *Савук, но по уподоблении губных стало Саук. В чувашском второе *a* формы Сауауа лабиализовано губным *v* и синкопировалось в слабом положении, дав формы Савга *etc.* Какие именно аффиксы содержится в исходе -ауа, определяется производством имени от упомянутых sawuq, suwuq. Вставное *i* формы Σαυακ, при том, что тюркский избегает стечения гласных, может обозначать мягкость предшествующего *s'* (как в нижеследующих именах на *Ө-*, в аффиксе имени Қавдітци(с) и др., см. выше), либо обязано свойственной в особенности чувашскому языку йотации — в греческой графике иноязычный йотированный гласный предваряется *иотой* (к примеру, славянский *ять*, фонетически означающий *ja, je* (этимологически *jā, jē*) передается в греческом через *ια* [Яйленко, 1995а, с. 68]).

У ЛИ Δουτζάυα, как отмечено, неординарный для гунно-булгарского языка звонкий анлаут. Ему близко имя другого сына Атилы Dintzic (Iord. 272): одинаковая основа обоих ЛИ оформлена разными аффиксами. В «Пасхальной хронике» имя этого сына Атилы Διτζιχ, у Приска (fr. 36) Δευυτζιχ, у хрониста VI в. комита Марцеллина Denzicig [Moravcsik, S. 117], так что мы располагаем разными вариантами передачи гуннского имени средствами греческой и латинской графики (фиксация Прииска дает место ударения в гермонасском имени — Δουτζάυα). Все эти передачи отражают исходную тюркскую форму Δευυτζιχ. При этом две передачи показывают в основе гласную *e*, две другие *i*, — свидетельство того, что уже в V-VI вв. в гуннском языке эти гласные чередовались (в тюркском это повсеместное явление [СИГТЯ, 1984, с. 128 сл.]). Графема *γγ*, представленная в передаче Приска, в греческом выражает фонему *ŋ*, также и в транскрипциях тюркских имен; в последнем случае она отражает кроме того тюрк. *g, γ, ğ, j̄* [Moravcsik, S. 32]. Поскольку в анлауте имени у Марцеллина, Иордана и в «Пасхальной хронике» практически одинаковая передача *en, in*, транскрипция Приска *ευυ* показывает скорее это же простое *n*, а не заднеязычный плавный *ŋ* (в тюркском последний обычно происходит из *n* под ассимилирующим воздействием последующих среднеязычных *k, g* и заднеязычных *q, γ* [СИГТЯ, 1984, с. 330]). В гермонасском имени Δουτζάυα это *n* опущено, но гласная расширена до графемы *ου*, которая позволяет догадаться о причине отличия ее от транскрипций *in, en* остальных фиксаций имени. Тюркским языкам свойственны процессы разного рода, вызывающие переход срединного *n* в иное состояние, в том числе выпадение с последующим удлинением предшествующего гласного; срединное *ŋ* также может выпадать, придавая назальный оттенок предшествующей гласной [СИГТЯ, 1984, с. 327 сл., 331, 334]. В форме Δουτζάυα носовой опущен, что и вызвало удлинение тюркского гласного *i* или *ü*, в *i:* или *ü:*, которое передано графемой *ου*, и в самом греческом обозначающей долгое *u* (в греческих передачах это *ου* отражает тюрк. *u:*, *ü*, *o*, *ö*, *i*, *y* [Moravcsik, S. 34/5]). Имя сына Атилы оформлено аффиксом -ιχ, гермо-

насское имя — аффиксом -άυα. Ю. Немет, Л. Лигети, Н. А. Баскаков дали разные тюркские этимологии имени Денгизих [Ib. S. 117; Баскаков, с. 45], которые, ввиду вышеизложенного, относятся и к гермонасской форме этого имени Δουτζάυα. В зависимости от этимологии находится определение значения того аффикса -α, коим дополнительно оформлено гермонасское имя.

4. Имя на -τζι: Қавдітци(с). Ему соответствуют чувашские ЛИ Кондеш, Кандуш, Кондай, Кондей [Магницкий, с. 50, 52], имя аварского посла ок. 558 г. у Менандра Κανδίχ (оно показывает место ударения), а также имя аланского вождя сер. V в. Candac (Iord. 265/6). Что до последнего, то наличие имени у авар, гермонасских болгар, чувашей свидетельствует о его тюркском характере, т. е. у алан это болгарское заимствование, понятное в свете известия Аммиана Марцеллина (XXXI, 3, 1; Iord. 126) о разгроме ок. 375 г. гуннами алан-танаитов и включении их в свою федерацию. Исход имен Κανδίχ и Candac практически одинаков — греч. *χ* и лат. *c* передают ослабленное тюрк. *q* (чув. *x, k*); предшествующая гласная аффикса, судя по гермонасскому и аварскому именам, -*i*. В греческих фиксациях через τζ передаются тюрк. *c, č, ğ, j̄* [Moravcsik, S. 35]; сравнение форм Κανδίχ и Қавдітци(с) показывает, что исходу -διτζι гунно-булгарского имени соответствует исход аварского имени -διχ. Следовательно, графема τζ тут передает такую болгарскую фонему, которая была наряду с *χ* развитием пратюрк. *q*. Упомянутая пара *Χορίνάχ (гуннское имя) — Хорынай (чувашское имя) показывает, что аварскому имени Κανδίχ соответствуют чувашские ЛИ Кондей, Кондай. Другим рефлексом пратюрк. *q* в чувашском было мягкое *c* (=сь), артикуляцию этого фрикативного и отражает греческая транскрипция τζι, в которой *иотой*, вероятно, как и в нескольких других случаях (см. выше и ниже), обозначена мягкость, ибо в чувашском *ы* на конце слова отсутствует. Транскрипции τζι как *c* соответствуют чувашские разновидности рассматриваемого имени Кондеш, Кандуш. Таким образом, можно констатировать, что в болгарском языке V-VI вв. конечное тюрк. *q* трактовалось по-разному: как *χ* (в форме Κανδίχ), *k* (Candac) и, видимо, *c* (Қавдітци). Аварское имя Κανδίχ производят от тюркского названия растения кандык — qandiq [Moravcsik, S. 149; Шатинова, с. 66/7] (есть и современное имя Кандыкчи «собиратель кандыка»; др. тюрк. *q* отражается в чувашском также и как палатальный *k* во всех позициях уже в волжско-булгарских эпитафиях XIII-XIV вв. [Хакимзянов, с. 42]). На наш взгляд, следует обратить внимание и на тюркский властный титул у царя мадьяр, упоминаемый Ибн Русте (писал между 903-913 гг.) и позднейшими арабскими и персидскими писателями — k.n.de(h) (кендеh в передаче Д. А. Хвольсона, кенде в огласовке В. В. Бартольда и др. [Заходер, с. 48 сл.; Новосельцев, с. 143]). Титул k.n.de(h) вполне соответствует формам Κανδίχ, Қавдітци, так что нам необходимо лишь обосновать связь болгар и венгров.

Писавшие о волжских булгарах арабские авторы, начиная с X в., считали мадьяр подразделением тюрков, что обусловлено длительным взаимодействием болгар и тюрков в Среднем Поволжье и на Нижнем Дону, которое яр-

ко выразилось в двух с половиной сотнях болгарских слов, заимствованных в венгерский язык [Gombocz, 1912; Palló, 1982, p. 105 f., лит.]. Это имело место в VIII в. в Среднем Поволжье и в начале IX в., когда мадьяры перешли на Нижний Дон и далее в Сев. Причерноморье (напр. [Fodor, p. 46 f., 60 f.]). Вместе с тем, в числе тюркских заимствований в венгерском выделяется небольшой слой более древних слов, заимствованных, как считается, еще в период пребывания венгров в Зауралье [Palló, p. 106/10; Fodor, p. 46]. На наш взгляд, это могло происходить и в Нижнем Подонье, так как уже у Птолемея мы находим указание на обитание здесь финно-угров: «вдоль северного поворота реки Танаис живет многочисленный народ перьервидов» (Geogr. V, 8, 16). Здесь «северный поворот реки Танаис» — начало большой излучины (относительно более или менее прямого до нее течения Дона) у г. Россошь (точнее, Новой Калитвы, Верхнего Мамона), где река поворачивает на восток и даже делает петлю на север. В имени народа Περιέρβιδοι содержится прозрачный финно-угорский топоним типа прибалтийско-финского *perä järvä*, т. е. это обитатели «Заднего озера» (обычная для финно-угорский топонимии модель с *perä*). Кроме того, на наш взгляд, есть указания на связь обских угров, *tesp.* венгров, с предками дунайских болгар, т. е. гунно-болгарами Приазовья.¹ Мы подразумеваем обско-угорские соответствия ряду наименований из Именника дунайско-болгарских ханов. К названию болгарского рода Вокиль *ср.* самоназвание западных манси *выкли*, хант. *wöyal'*, *wäyel'* «вогул». К имени Винехъ *ср.* обско-угорское имя в древнерусской записи XVI в. *Ванхо* (при соответствии *ъ-о*, отметим присущее обско-угорскому чередование *и-а*, выпадение редуцированного *е* непервого слога между согласными) [Яйленко, 1988, с. 71]. В связи с Подоньем или Северным Кавказом угры впервые после упомянутого известия Птолемея о перьервидах под 626 г. упоминаются Георгием Амартолом, однако на более раннее взаимодействие их еще с гуннами может указывать связь этнонимов гуннов и угров.

Последний, как указал Б. А. Серебренников [1973, с. 39 сл.], связан с марийским *jeŋ* < *jōŋg- «человек», с обозначением обских угров зырянами *ёгра* < *jōng-ga. На наш взгляд, сюда следует добвить перешедший на сымских кетов этноним субстратного населения Ангары и Сыма *јог, југ* и, вероятно, соответственное обозначению гуннов в китайских источниках *šjuŋ-nu*, которое реконструируется как *xiw^oŋ-nuo [Karlgren, № 1183d, 941] или *hw^ong-pá [Пуллиблэнк, с. 67; Менгес, с. 71 сл.]. Возведение прозвания угров к форме без йотации *hw^ong-pá, которая могла иметь в венгерском языке I тыс. производные с утраченным *х* и *ш*, лабиализовавшим соседний гласный, объясняет особенности его фиксаций X–XII вв. — *Hungāri, Weğri, Угри, Оууури* (форма *югра* и др. восходят к йотированному имени гуннов). Предложенная этимология (обычно имя венгров возводят к прозванию тюркского племени *Олоуит* [Motavcsik, S. 226]) позволяет думать, что обские угры входили в

¹ О финно-уграх в гуннской и аварской ордах [Добродомов, с. 269].

гуннскую федерацию и вместе с ними, а стало быть и болгарами, появились в Сев. Причерноморье не позднее 375 г. (идеи исторического плана о связи угров с болгарами см. [Бернштам, с. 148; Новосельцев, с. 73]). Тут эти обские угры, древнейший слой мадьяр, и могли заимствовать титул *k.n.de(h)* для обозначения своего царя, а указание на присутствие его в болгарской среде находим в соответствующем ему имени *Καυδίτζι* гермоначской надписи. В ней *Καυδίτζι* — прозвище Малдага (иначе говоря, его звали Малдаг Кендеh) и это соответствует широко распространенной конструкции тюркских имен, включающей личное имя и властный титул (типа Алптархан).

5. Имена на *-j*: *Ατταει(с), Δαπταει(с), Ταβουλαει(с)* (напомним, *ει* не дифтонг, а диграф, обозначавший краткое или долгое греч *i*, тюрк. *i, j etc.* негреческих форм [Motavcsik, S. 32/3]). К первому имени *ср.* чув. *ати* «отец» и *аттай* «мой отец» (общетюрк. *ataj), антропонимы Ати, Атей, Атай [Магницкий, с. 30] (об истории чув. *ати* см. [Егоров, 1981, с. 3 сл.]). Второму имени соответствуют чувашские ЛИ Дубай, Тубай, Табай [Магницкий, с. 37, 79, 87]. Выше отмечалось, что в гермоначском именнике господствует чувашский глухой анлаут. Звонкое вследствие сандхи начало имени *Δαπταει(с)*, как и имени *Δουτζαυα(с)*, как сказано, также встречалось в языке приазовских и дунайских болгар, однако спорадически. Видимо, отсюда маргинальная форма этого имени Дубай в чувашском антропонимиконе, тогда как формы Тубай, Табай соответствуют норме глухого анлаута. На болгарскую трактовку имени *Δαπταει* указывает такая характерно чувашская черта, как удвоение глухого в интервокальной (звонкой) позиции, т. е. *-пт-*, произносимого, однако, звонко, — отсюда интервокальное *б* чувашских форм имени (например, чув. *упа* «медведь» произносится *уба*). Возможна этимологическая связь имени с др. тюрк. *тар-* «служить».

Имя *Ταβουλαει(с)* соответствует древнетюркскому (орхонскому) *tabuŋan* «заяц». Древнеболгарская форма этого слова ввиду отражения нлаутного др. тюрк. *š* в чувашском через *с, l (сь, л)* должна быть *tabuŋan (монг. *tablgai). Отражение пратюркского краткого **у (=ы)* в чувашском нерегулярно — в виде редуцированного гласного *ь* или редуцированного открытого *i* [Серебренников, Гаджиева, с. 21/2]. В гунно-болгарской форме *Ταβουλαει(с)* представлено *и*, что обязано соседству *у (=ы)* в слове *tabuŋan с губным *б*; это спорадически проявлялось в отдельных языках (например, азерб. дманис. *буу* «усы» вместо *буу* [СИГТЯ, 1984, с. 68]). В абсолютном исходе имени *Ταβουλαει* представлен древнетюркский назализованный *̄j*, который проявлялся в разных тюркских языках как *л* или *ј*. Конечный *ει (=j)* имени *Ταβουλαει*, следовательно, указывает, что в гунно-болгарском языке этот тюркский назальный *̄j* проявлялся уже как простой *ј*, утративший назальность.

6. Имя и прозвище *Τρόφιμος* 'Онар. Первое имя — греческое, значения его «кормилец, хозяин» и «вскормленник», оно еще трижды представлено в боспорских эпитафиях V–VI вв. [Диатроптов, Емец, с. 15, № 33/5], один из них определенно христианин (№ 33), как и гермоначский Трофим. Посколь-

ку оно единственно греческое в гермонасском именнике и поскольку прозвище у этого «Трофима» гунно-булгарское, можно полагать, что это греческая калька соответствующего по значению гунно-булгарского имени.¹ Прозвище «Трофима» Омар находит соответствие в именах дунайско-булгарских ханов Оумор (т. е. Умор), Оумар(ос) (правил ок. 765–767 гг. [Москов, с. 331]), Оумортату (то же имя с аффиксом -тау, правил в 814–831 гг.). Эти имена этимологизировались из тюркского по-разному [Mogavcsik, S. 217/8, 230, 253; Баскаков, с. 46]. С этими булгарскими именами следует связывать и чувашское имя Умер [Магницкий, с. 88] (не исключена, впрочем, связь последнего и с арабским именем Умар [Данилова, с. 140/1]). Фиксации V–IX вв. одного и того же булгарского имени — Омар, Умор, Оумар, Оумортату — дают варианты начальной гласной *o*, *u*, гласной аффикса *a*, *o*, *u*. Фиксация V в. в гермонасском именнике дает исходную булгарскую форму имени Омар, так как общетюрк. *o- отражается в чувашском через *o*, *u*, общетюрк. *a — через *a*, *o*, *u*.²

3. Тюркская антропонимия боспорских надписей II–V вв.

Переведем теперь полученные данные в исторический контекст проблемы «Боспор и тюрки», одним из разделов которого является вопрос о булгарах на Боспоре. Основную информацию по проблеме предоставляет антропонимия позднеантичных боспорских надписей, кое-что добавляют греческие и латинские авторы, писавшие о гуннах в Сев. Причерноморье. Целесообразно расположить соответствующие сведения письменных источников по хронологическим периодам и с географической привязкой.

¹ *Период: 153/165–210 гг. н. э. Сев. Причерноморье, Горгиппия, Танаис.* В «Географии» Птолемея (III, 5, 10) гунны впервые упоминаются в числе народов

¹ Для образования ЛИ от понятия «кормить(ся)» в тюркской антропонимике ср. чувашское ЛИ Апат при *apat* «кормежка» (заимствование из русск. *обѣдь* «обед»).

² В английском варианте статьи «Позднеантичный Боспор и ранняя Византия» Ю. Г. Виноградов предложил понимание букв ОМАР в качестве сокращения δ μαρ(τυς), т. е. Трофим был мучеником, на что может указывать стоящий перед именем крест [Vinoogradov, 1999, p. 260, n. 36]. В пользу такого варианта можно сослаться на то, что в греческих надписях *μαρ* было сокращением слова *μαρ(τυς)* [Avi-Yonah, p. 83]. Однако, то, что имя Омар нашей надписи имеет точное булгарское соответствие Умор, Оумар, и что в ней абсолютно преобладают гунно-булгарские имена и прозвища, скорее свидетельствует в пользу чтения букв ОМАР в качестве прозвища Трофима. Решающую роль в пользу такого заключения играют грамматические обстоятельства: во-первых, при сокращениях артикль не ставится, во-вторых, артикль выполняет указательную функцию (δ μαρ(τυς) = «этот мученик»), поэтому присутствие его при личном имени Трофим излишне, поскольку эту конкретизирующую функцию выполняет имя — было бы «Трофим мученик», а не «Трофим, этот мученик». (Сочетание личного имени с обозначением должности δ ἐπί к нашему случаю не относится, поскольку это формульное обозначение должности).

Сев. Причерноморья — они обитают между бастернами и роксоланами. Последних Птолемей тут же локализовал «за осилами и танаитами», следовательно, к западу от Дона; бастерны — насельники Нижнего Подунавья и Южного Прикарпатья. Таким образом, в Птолемеевой этнической картине Сев. Причерноморья гунны обитают между Нижним Подоньем и Нижним Поднестровьем.¹ Данные Именника дунайско-булгарских ханов позволяют уточнить время их появления тут. Согласно Именнику, до перехода булгар под началом Аспаруха в Задунавье 5 князей правили булгарами в Сев. Причерноморье («сии є князь държаше княжение об ону страну Дуная лет 500 и 15 стриженами главами, и по томъ приде на страну Дуная Исперих князь тожде и доселе» [Mogavcsik, S. 353; Москов, с. 20]). Период в 515 лет получен путем сложения годов правления пяти ханов: Авитохол правил 300 лет, Ирник 150, Гостун 2 года, Курт 60 лет, Безмер 3 года. Уже первые исследователи Именника установили, что Авитохол и Ирник — это Атила, начавший править ок. 434 и умерший в 453 или 454 гг., и его сын и наследник Эрпах. Высказывание автора Именника о 300 и 150-летнем их княжении — перифрастическое обозначение эпохи (как «вечи Трояни» в «Слове о полку Игореве»), высчитанной по 12-летнему циклу тюркского календаря. Опорная дата для хронологических расчетов — год смерти Аттилы: вычтя из 453/454 лет 300 лет его эпохи, получаем 153–154 г. как дату появления гунно-булгар в Сев. Причерноморье.² Отсюда можно заключить, что *Χοῖροι* «Географии» Птолемея как раз и были булгарами. Хотя археологических следов они не оставили [Засецкая, 1994, с. 137], материально их присутствие подтверждается рядом тюркских имен, которые вскоре появляются в Танаисе и Горгиппии. В горгиппийской надписи времени Савромата II (173–210, датировка надписи бесспорна [Болтунова, 1971, с. 10]) появляется булгарское имя [Σε]υαραу (см. ниже, с. 643), а танаисская надпись 188 г. КБН 1242 содержит группу ЛИ возможно булгарского происхождения — Σιαυακ, Ἰρβιδ,

¹ Я. Харматта пересмотрел локализацию гуннов по Птолемею [Harmatta, 1976, p. 280]: отметив, что у Плиния имеются двойные локализации скифских народов в Европе и Центральной Азии вследствие смешения в античной географии Танаиса-Сыра с Танаисом-Доном, он заключил, что это же относится и к гуннам: в сер. II в. они находились в Центральной Азии. Харматта великий ученый, но тут не обратил внимания на этническое окружение гуннов у Птолемея — бастерны и роксоланы не обитали в Азии.

² Все подробности исследования Именника по затронутым вопросам, в том числе о дате 153–154 г. как начале булгарской истории в Причерноморье, об Авитохоле и Ирнике как эпонимах 300- и 150-летнего периодов, их соответствии Аттиле и Эрпаху см. [Москов, с. 144 сл.]. Дата 153–154 г. не противоречит и времени деятельности Птолемея, который жил, согласно Свиде, при Марке Аврелии (161–180). Мы располагаем только датой Феофана о времени разделения приазовских булгар и переходе Аспаруха в Задунавье — 679/680 г. (он заимствовал ее из какого-то иного источника [Чичуров, 1976, с. 80; 1980, с. 107], патриарх Никифор повторил рассказ Феофана). По расчету лет княжений, указанных в Именнике (453 или 454 г. плюс 215 лет княжения Ирника, Гостуна, Курта, Безмера), это произошло в 668 г.

'Γραμμοῦστ (см. выше). Сюда можно добавить также имя Ζαβαρυῶς, упоминаемое в танаисских надписях II–III вв. (КБН 1260. 17, 155 г.; 1268. 9, IIр; 1278. 12, 230 г.; 101, Пантикапей, IIIр). Имеющаяся его иранская этимология — к авест. *zavah-* «сила, мощь» и *gav-* «бык» [Vasmer, S. 39; Zgusta, 1955, S. 96], не объясняет срединное *γ*. Имени Ζαβαρυῶς соответствует имя вождя гуннов-кутригуров, обитавших как раз в Восточном Приазовье, Ζαβεργάν (*Agathias*, V, 11 f., 559 г.). Согласно В. Томашеку, К. Чегледи и др., имя Ζαβεργάν тюркское по происхождению; О. Мэнчен-Хельфен счел его иранским, т. к. Прокопий упоминает персидского посла VI в. с таким именем (лит. [Moravcsik, S. 128]), что в условиях гунно-иранских антропонимических связей может быть таким же результатом заимствования иранцами гуннских личных имен, как заимствование гуннами иранских имен (см. выше).¹ В именах Ζαβαρυῶς и Ζαβεργάν основа едина, требует разъяснения лишь разница в исходе. Завершение тюркского имени или слова с исходом *-n* в греческой передаче *сигмой* вместо *ню* обычно: к примеру, имя вождя гуннов-кидаритов V в. Qūnqan его современник Приск транскрибирует как Κοῦνχας (*De leg.* 154), имя тюркского вождя VI в. Arslan передано его современником Менандром (*De leg.* 204, 23) как Ἀρσίλας. Причина такого переоформления проста: иноязычное имя или слово на *-n* греки воспринимали как аккузатив, номинатив к которому строили с обычным для своего языка окончанием *-ς*.

Еще одно имя возможного тюркского происхождения дает надпись КБН 1135 времени Савромата II (173–210) из Горгиппии — Σεασας (стк. 10). Выше упоминалась греческая передача тюркского имени Čauš — Σιαύς [Moravcsik, S. 274], Σεασας может быть другим вариантом передачи имени Čauš. Патронимик лица по имени Σεασας — Σεαβά[γου (?)], как и Σιαβά[γου (?)] той же надписи КБН 1135 представляют собой разновидность рассмотренного выше (с. 449) имени Савауа. Упомянутые в этом разделе тюркские имена не составляют хронологически изолированную группу — в следующем периоде они находят широкое продолжение в антропонимике Танаиса.

2 период: 220–244 гг. Танаис. Д. Б. Шелов отметил, что в танаисских надписях конца II — первой пол. III в. появляется большая группа новых имен, ранее неизвестных на Боспоре. Он составил список из 131 такого имени и, в соответствии с работами Миллера, Фасмера, Абаева, Згусты, счел их иранскими, преимущественно аланскими, откуда справедливо заключил, что все это свидетельствует о переселении в район Танаиса аланского племени; родители носителей этих имен должны были обосноваться в городе между 150–180-ми гг. [1974, с. 85 сл.]. Действительно, список из 131 имени включает в основном антропонимии иранского происхождения, однако многие

¹ Несколько лиц с таким именем средневекового времени фигурируют у Ф. Юсти, но этимологии он не дал [Justi, S. 377]. Возможно, с именем вождя приазовских кутригуров Ζαβεργάν связано название островка на Тамани Τζαρβαγάνι (*Const. Porph. De adm.* 42). Трубачев [1981, с. 115] не без оснований предположил в нем источник сказочного города Зурбаган у А. Грина. Имя Δουστ[–] из Горгиппии может быть вариантом имени Δουτζάγα (с. 643).

имена списка лишь предположительно иранские, поскольку имеющиеся их этимологии сомнительны, а то и просто ошибочны, что справедливо констатировал Л. Згуста, тем не менее предлагавший и свои иранские же сближения. Наконец, в этом списке ряд ЛИ определенно неиранский. Поскольку разработка всего этого материала составляет задачу специальной работы, мы ограничимся тут только теми именами, которые могут быть определены как тюркские по происхождению — Ἀμβοῦστ, Ἰραμβοῦστ, Ἰρβιδ (о них сказано выше), Σορχак, Θιαβῶυ, Θιαγар, Θιαрмак, Θυλογав, Ἰργав, Χανσαβογач, Χαρακστ, Χοροαθ, Χωδovac.

Рассмотрим группу имен с начальным *θ(ι)-* и *θ(υ)-*: Θιαγар, Θιαβῶυ, Θιαрмак, Θυλογав. В корпусе греческих передач тюркских имен и слов Д. Моравчика есть лишь один образец с начальной *тетой* — Θεχοεί, и это лишь вариант имени турецкого князя XIV в., обычно передаваемого как Текієς [Moravcsik, S. 134, 303]. Однако в корпусе абсолютно преобладают данные первой пол. II тыс., раннего материала существенно меньше и он начинается с V в. Мы анализируем имена II–III в., поэтому надо ожидать нетрадиционную для корпуса *Byzantinoturcica* транскрипцию. Нижеследующие имена позволяют думать, что через начальное *θ(ι)-* переданы тюрк. *č, j, s'*.¹ Имя Θιαγар(ος) танаисской надписи 220 г. (КБН 1278. 6, 21), имеет более или менее вероятную осетинскую этимологию [Zgusta, 1955, S. 193]. Но оно объясняется и на тюркской почве — как эквивалент имени Чаг(ы)р (Чагры; он отец черноклобуцкого князя XII в., именуемого Ипатьевской летописью Моначук Чагрович), которое соответствует слову čaγug, čaγug «сокол» из «Дивана» лексикографа XI в. Махмуда Кашгари [Баскаков, с. 69]. Альфа греческой фиксации отражает то обстоятельство, что «пратюрк. *y (=ы)* по своему характеру из всех гласных заднего ряда ближе всего стояла к исконной *a* в данной нами реконструкции. Об этом говорят многочисленные необратимые случаи перехода корневой *a* в *y*, особенно в якутском, чувашском и тувинском» [СИГТЯ, 1984, с. 151]. Исчезновение *ee* в древнерусской фиксации Чагрович обязано редукции *y* в ряде языков, особенно в чувашском (см. об этой редукции [Серебряников, Гаджиева, с. 21 сл.]). В надписи 220 г. имя Θιαγар фигурирует дважды: гимнасиарх Чагыр — сын Антисфена (*y* танаитов, полуварваров-полугреков по происхождению, сочетание греческого и негреческого имени-отчества обычно), другой — отец Мидаха (стк. 21), имя которого, как предложено выше, болгарское ввиду чувашских его соответствий.

Иранская этимология имени Θιαβῶυ(ος) посвящения 244 г. (КБН 1287. 21) сомнительна, что признали В. Ф. Миллер [1913, с. 92] и Л. Згуста [1955 § 292]. На тюркской почве возможны разные объяснения имени: 1) через чагат. čarik «имеющий знак удара, шрам», также «скорый» [Радлов, 1905, стб. 1921], с той разницей, что в танаисском имени дан звонкий ряд согласных; 2) при чувашских ЛИ Чапка (возможно, к болгарскому *чааб «известность, слава») или Чебак, Чебок, Чобак и пр. (чабак «рыба» [Корнилов, 1973,

¹ В византийском греческом тюрк. *č* передается через *κ, τ, τς* [Moravcsik, S. 33, 35].

с. 161/2]); 3) из праторк. *jabaуу «годовалый жеребенок» (у тюрков «лошадные» имена употребительны [Севортян, 1989, с. 159; СИГТЯ, 2001, с. 322; 2006, с. 722]).¹ В надписи 225р жрец «бога высочайшего» Кааллисфен, сын Папа, для отличия от прочих соименных лиц упомянут с прозвищем Θυλογαυ(ος) (КБН 1280. 5). Хотя оно имеет неплохую иранскую этимологию [Zgusta, 1955 § 112], обратим внимание на его полное соответствие имени хазарского Чуло-кагана, правившего в начале VII в. [Бартольд, 1963, с. 482; Баскаков, с. 48]: это ЛИ, производное от тюркского титула čig + хан (возможное «титупное» происхождение показано выше и для прозвища Καυδίτςι). Его может иметь также имя Ιρυαυ(ος) из посвящения 244 г. (КБН 1287. 25): подобно именам Ιρβιδ и Ιραυβουστ это тюрк. *är (ir, er) «муж, герой, богатырь», сложенное с қап «хан». Вопреки имеющейся иранской этимологии [Zgusta, 1955 § 120]) отметим, что имя Ιρυαυ вполне соответствует гуннскому ЛИ Erekap (которое имеет и другие тюркские этимологии — от древнетюркского титула igkin, либо производно из др.тюрк. egk «сила, воля, власть» + аη «разум» [Баскаков, с. 48]).²

Тему присутствия в тюркских именах властных титулов продолжает, вероятно, имя Χαυσαβουαζ(ος), представленное в танаисских надписях 225 и 230 гг. (КБН 1280. 15, 1284. 12) и принадлежащее одному и тому же лицу — это сын Ходонака (Латышев отождествил с ним имя Χαρζαβουαδος надписи КБН 1287. 18 = IOSPE II, 454), что поддержали Фасмер, Тохтасьев [Vasmer, S. 56]), однако это может быть доказано лишь на этимологическом уровне. Згуста включил имя Χαυσαβουαζ в разряд не объясненных [Zgusta, 1955 § 722]. Полагаем, в нем вычленяется тюркский властный титул қап «хан», обычно постпозитивный, как и прочие титулы, в том числе в ЛИ [СИГТЯ, 2001, с. 666/7], но иногда начинающий личные имена в греческой передаче (Καυπαυανος = Қап Вауан, болгарский вождь VIII в., позднейшие владельцы Καυτζους, Καυτζης). Вторая основа имени Χαυ/σαβουαζ/δ, возможно,

¹ Не исключено также, что это вариант греческой передачи рассмотренного выше ЛИ Снаваг, но с характерным для болгарского (чувашского) развитием второго *a* в *o*. Ранний тюркский язык избегал стечения гласных, поэтому в начальном *θi-*, как и в случае с *σi* формы Σλαвак (выше), можно усмотреть передачу и мягкого *s'* (= *cy*), так как в византийских транскрипциях тюркское *s* передавалось и через *тету*: Οιβραυ = тюрк. Ostan, но исходное арабское Usmān пишется через *cā* *ϰ*, которая соответствует гр. *θ*. Ср. выше и другой возможный случай передачи мягкости *согласного* через *iota* — в конце имени Καυδίτςι. В *омега* имени Θαυβου нельзя видеть только *θ*, так как в позднеантичной греческой эпиграфике долгие и краткие гласные практически обозначались одинаково ввиду неразличения их в речи.

² Вероятно, через начальное *θi-* мог передаваться также тюрк. *j* (о начальном *j* в пра- и древнетюркском см. [СИГТЯ, 1984, с. 256 сл.; Серебренников, Гаджиева, с. 51]). Хотя имя Θαρμακ(ος) посвящения 244 г. (КБН 1287. 10) объяснялось Миллером [1913, с. 92] на иранской почве, по заключению Згусты, оно «неясно» [Zgusta, 1955, S. 193]. Видимо, его можно сопоставить с чагат. *jaṣmak* «монета, деньги» [Радлов, 1905, стб. 150] или *jaṣmak* «жернов ручной мельницы» [Менгес, с. 187] (не исключено, что это один из источников ЛИ Ермак, известного с XVI в.).

передает тюрк. *saṣuṣ* «соболь» (ср. Самогур — половецкое имя в Ипатьевской летописи под 1202 г. [Баскаков, с. 74, 88]). Сравнение основ *saṣuṣ* и *σαβουαζ* может верифицировать свойственная тюркским языкам мена *m-b*, *z-r* (о ней [СИГТЯ, 1984, с. 318 сл., 375 сл.]). В таком случае Χαρζαβουαζ — это *qaṣa saṣuṣ* «Черный соболь». Более всего удостоверяет тюркскую принадлежность вариантов ЛИ Χαρζαβουαδ — Χαυσαβουαζ присущая тюркским языкам альтернатива *g* — *n* [СИГТЯ, 1984, с. 365]. Отчество «Хана-Соболя» Хωδοваκ(ης) Миллер сблизил с осетинским глаголом *hodun* «смеяться», в чем усомнился Фасмер, но поддержал Згуста [Vasmer, S. 57; Zgusta, 1955 § 262]. При неясности иранской этимологии имени можно сопоставить его с тюрк. *qutaṣ* «благословение», которое зафиксировано в словаре Махмуда Кашгари и, вероятно, представлено в половецком имени Котян [Баскаков, с. 85], ср. однокоренное древнетюркское ЛИ Qutluṣ «Благословенный». Если сравнение правильно, с аффиксом прилагательных *-aq* значение имени Хωδοваκ = тюрк. *qutaṣaq «Благословенный». Передача всего звукового ряда соответствует норме. К структуре *qutaṣaq ср. имя половецкого хана Боняк, ЛИ уйгурских документов Bönjak и др. < *bönäq, *bönäk [Менгес, с. 116]).¹

В двух танаисских посвящениях 220 и 225 гг. (КБН 1278. 13, 1280. 8) содержится имя Χαροκτος, Χαρακτος, сопоставление которого Згустой [1955, S. 417] с греческим именем Χαράξηριος излишне, поскольку никак не объясняет исход *-от*.² На наш взгляд, возможно сопоставление его с тюрк. *qaṣa* «черный» + *qosta* «богатырская стрела, сама отыскивающая врага» (как в имени печенежского вождя Κώστας [Mogavcsik, S. 176; Баскаков, с. 56]) — «Черная богатырская стрела». В имени Κώστας корневой гласный ударный, а в форме Χαροκτος он элидирован, что указывает на его слабое положение, т. е. ударение приходилось на второе *a* или конечный гласный: тюрк. *xaṣaqosta = Χαράκτο(ς) или Χαροκτό(ς). Окончание *-ος* обязано грецизации иноязычных имен и слов, но порой его гласный соответствует их конечному гласному и тогда грецизацией является только конечная *сигма*. Передача тюрк. *a* через греч. *o* нормальна.

Имя Σορхаκ (патроним Σορχακου танаисской надписи КБН 1282. 20 от 228р) — это широко распространенное в тюркской ономастике прилагательное *saṣuṣ* «желтый, белый» [ДТС, 249, 488] + вышеупомянутый аффикс гуннских имен *-aṣ*, *-aḥ*, т. е. *saṣuṣaq (ср. узбекский топоним Сурхак «красноватый», с аффиксом качества *-ak* [Нафасов, с. 169]). Прилагательное представлено в древнетюркском имени *Saṣuṣ-čig*, имени половецкого хана Ша-

¹ По Н. А. Баскакову [1985, с. 74], имя Боняк из *bojny aq* «его шея белая», по распространенной у тюрков кличке собак *Белошейка*, однако К. Г. Менгес [1979, с. 115] указал на ошибочность этого. Не исключено сопоставление имени Хωδοваκ и с тюрк. *kottaṣ «лебедь» с тем же аффиксом прилагательных *-aq*.

² Объяснение В. Ф. Миллера [1913, с. 93] из иранского местоимения *hva-* + дигорское *raḥast* = «сам (собою) принесенный» (сын?) и В. И. Абаева [1979, с. 309] из сармат. *xaṣa* «осел» + *ašta* «восемь» = «имеющий восемь ослов» семантически малоубедительны.

рокая, в этнониме болгар-сарагуров [Баскаков, с. 38; Менгес, с. 75, 171/2; Mogačsik, S. 269]. В греческой передаче имени турецкого князя XIV в. Σαρχάν(ης) = sargu-xân < sargu-xân, в венг. šárkány «дракон», заимствованном из этого болгарского слова и употреблявшемся также в качестве ЛИ [Менгес, с. 172], представлена та же утрата у, что и в Σορχακ. Иначе говоря, инлаутиное у (=ы) формы *sarguаq элидировалось в слабой позиции и *sarguаq > Σορχακ. Следовательно, имя можно акцентировать — Σορχάκ. Как составная часть ЛИ sargu- может означать через понятие «белый, седой» также «старый, умудренный жизнью» (в антропонимике распространена модель *sargu + ЛИ) [Гафуров, 1987, с. 23; СИГТЯ, 2001, с. 681/2]. Понимая имя в таком плане, можно усмотреть во второй части не аффикс, а слово аqа «отец, родитель» [СИГТЯ, 2001, с. 291], т. е. *sarguаqа = Σορχακος «старый / умудренный жизнью родитель».

Наконец, обратимся к имени Хороαθος, Хороαθος танаисских надписей, одна из которых датирована 220 г., другая относится к первым десятилетиям III в. (КБН 1245. 8; 1277. 5, 20). Это имя трех людей, причем Хороαθος первой надписи был архонтом Танаиса, Хороαθος второй надписи занимал должность «отца синода». Имя имеет более или менее приемлемые иранские этимологии [Zgusta, 1955, § 256; Трубачев, 1967, с. 32], В. Бешевлиев [1967, с. 243] добавил сюда также имя хана приазовских болгар первой пол. VII в. Куврата. Последнее, однако, обычно объясняется из тюркского [Баскаков, с. 46], в связи с чем обратим внимание на совпадение имени Хороαθος с фиксацией имени Куврата в рукописях Феофилакта кроβάτου и в монограммах на трех кольцах из Перещепинского клада на Полтавщине, который, по И. Вернеру, является погребальным комплексом Куврата (по А. К. Амброзу, это мемориальный комплекс предков). Монограммы на кольцах № 1-2 идентичны, на кольце 3 в общих чертах подобна им (хранятся в Эрмитаже). Они раскрывались по-разному, наиболее точным нам представляется чтение В. Зайбта, поддержанное И. Вернером [Werner, 1984, S. 44; 1992, S. 430], который раскрыл монограмму на кольце 1 в имя Хоβράτου или Хροβράτου, монограммы на кольцах 2, 3 Хоβράτου или Хроβратου πατρίκίου «патрикия (т. е. хана) Коврата» (обычное написание имени Куврата Коврат-, Кουβрат-).¹ Форме Хροβратος вполне соответствует танаисское имя Хоро/ουαθ(ος) и в их общности убеждает передача имени Коврат в рукописях Феофилакта кроβάτου с той же метатезой -ovr- / -ovv-.² Существуют две этимологии имени Коврат (Куврат) [Mogačsik, S. 161/2] — из болгаро-тюркского Qırt, не все объясняющая, и из

¹ В. Финк раскрыл монограмму на кольце 1 в имя Βατράχου, сославшись на то, что так звали двух епископов IV и V вв. [Werner, 1984, S. 32, Anm. 120]; на наш взгляд, чтение греческого имени (забавного по значению — «Лягушка») противоречит общему характеру вещей «клада», кочевнического по набору. В. Н. Залеская раскрыла монограмму на 3 кольце как имя Органа, дяди Куврата — Βατορχαίου = Vat Organou [Сокровище на хан Кубрат, 1989, с. 43/4].

² Theoph. Synop. 357. 12; лишь cod g дает форму Ковράτου. В греческих источниках кроме Феофилакта только следующий ему патриарх Никифор упоминает Коврата.

тюрко-монг. *Qoto-batu, исходящая из первичности формы кроβάτ(ου), вполне соответственной танаисскому ЛИ Хороαθ(ος), Хороαθ(ος). Из двух последних первична форма Хороαθ(ος), поскольку соответствие β (фонетически = v) — ου обычно (к примеру, Ουαλέριος = Valerius), тогда как *омикрон* на месте ου представляет собой упрощение ου. В Именнике дунайско-булгарских ханов (это славянский перевод фрагмента какой-то греческой хроники VII в.) имя Коврата присутствует в форме Коурть, которая, стало быть, отражает форму *Коῦρτ(ος) греческого источника, показывающую то же сокращение οβ (фонетически ου) в ου. Патронимик Хровата КБН 1245 Σαυδαρζιος Λ. Згуста вслед за К. Мюлленхофом счел иранским [Zgusta, 1955 § 326], однако В. И. Абаев [1979] и М. Фасмер [Vasmer, 1923] воздержались от такой этимологизации.

Таким образом, танаисские надписи первой пол. III в. содержат ряд имен более или менее вероятного тюркского происхождения. Все они представлены в надписях, относящихся ко времени между 220 и 244 гг. Поскольку часть их — патронимы, их носители появились в Танаисе не позднее первой четверти столетия. Отметим рост численности тюркских имен во второй четв. III в. сравнительно со второй пол. II в.

3 период: 265–278 гг. Пантикапей. Выше мы отметили присутствие в надписи царя Тираниса (265/6, 276/7–278/9 гг.) КБН 36 (Б. 33) патронимика Σιγαρ и что это тюркское имя Σιγαρ соответствует дунайско-булгарскому имени VIII в. Севарь, имени Σευραу гермонасской эпитафии V в. с синкопированным *a* основы, а также ряду чувашских имен. Надпись КБН 36 вырезана на большом постаменте с победным трофеем и посвящением «небосклонным богам Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице за победу и вечное пребывание (на троне) царя Тираниса». Поставлен монумент многочисленным синклитом боспорских придворных, аристократов, имена которых и составляют основное содержание надписи.¹ Большинство имен — греческие, далее по численности следуют иранские, греческих и иранских имен абсолютное большинство, что указывает на этнический состав боспорской верхушки — на две трети она греческая по именам и на треть иранская. Тем интересней отметить, что в первых рядах этой греко-иранской знати находится аристократ с греческим именем Феодосий, но с болгарским патронимиком Σιγαρ. Он вероятный выходец из той немногочисленной группы тюркских насельников Танаиса, которых мы выявили, говоря о предыдущем периоде первой пол. III в. Однако еще более интересно имя самого царя — Τειραης.

¹ По мнению Фроловой [1991, с. 103], победная надпись в честь царя Тирана поставлена в 277-278 гг. См. об исторических обстоятельствах постановки этого посвящения [Болгов, 1999]. Ввиду отсутствия упоминания должностей у абсолютного большинства посвященных Н. Н. Болгов вывел заключение об активном участии простых боспорцев в одержанной царем победе. Он не учел, что поименованные в надписи лица четко обозначили свой статус: они аристократы (стк. 10/3), т. е. придворная аристократия, на что указывает сам термин, включающий греч. τὸλη со значением «дворец» (выше, с. 406).

Оно находит соответствие в имени гуннского вождя, упоминаемого хронистом VI в. Малалой в описании событий 527 г. — $\text{T}\acute{\upsilon}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$.¹ Имя сопоставляется с чув. $\text{t}\acute{\alpha}\rho\epsilon\text{n}$ «опираться», $\text{t}\acute{\imath}\grave{\alpha}\text{n}$ «опираться, противиться» + es , чувашский аффикс имени деятеля = «опирающийся, противящийся» [Баскаков, с. 47]. Сопоставление форм $\text{T}\epsilon\iota\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ и $\text{T}\acute{\upsilon}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ (конечное s в них — грецизация) показывает, что форма $\text{T}\acute{\upsilon}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ оформлена k -аффиксом, видимо, отлагольным аффиксом $-\acute{\alpha}k$ ($-\acute{\epsilon}k$) со значением результата действия — «противящийся, противостоящий», т. е. это две формы одного имени, различающиеся аффиксацией. Графема $\epsilon\iota$ первой формы и υ второй одинаково отражают исходное i . Опускание гласного аффикса $\acute{\alpha}/\acute{\epsilon}$ обязано слабой неударной позиции (в форме $\text{T}\epsilon\iota\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ ударение должно быть приведено в соответствие с ударением формы $\text{T}\acute{\upsilon}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$, т. е. $\text{T}\epsilon\iota\rho\alpha\upsilon$). Полученное значение имени хорошо соответствует победному духу надписи («при Тейране была одержана какая-то крупная победа, расценивавшаяся господствующим классом Боспора как событие, равносильное спасению государства» [Гайдукевич, 1949, с. 453]). Прежде, чем заключить, что боспорский царь носил гунно-булгарское имя, следует выяснить узус LI $\text{T}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ на Боспоре.

Наряду с указанным пантикапейским посвящением имя Тиран упоминается еще в 5 надгробных надписях I-II вв., также происходящих из Пантикапея, в окружении греческих и римских имен, в одном случае с иранскими LI , в другом с малоазийским.² Но имя $\text{T}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ не греческое, не римское, нет и хорошей иранской этимологии (думают о его заимствовании из западноиранской среды или из неизвестного источника в иранский).³ Поскольку

¹ У Феофана и вторящего ему Кедрена дана форма $\Sigma\tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\chi\acute{\epsilon}$ [Moravcsik, S. 292; Чичуров, 1980, с. 26, 27, 78]. Поскольку Феофан использовал «Хронику» Малалы, приведенная последним форма $\text{T}\acute{\upsilon}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ (codex Vaticanus $\Sigma\tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\chi\acute{\epsilon}$) первична; соответственно, справедливо и замечание О. Менчен-Хельфена, что Феофан слегка «подогнал» гуннское имя под греческое LI $\Sigma\tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\chi\acute{\epsilon}$ [Maenchen-Helfen, p. 282]. А. А. Белецкий с основанием заметил, что В. И. Абаев напрасно соблазнился иранской этимологией имени $\Sigma\tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\chi\acute{\epsilon}$, оно греческое, к $\sigma\tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\chi\acute{\epsilon}$ «древко, копье» [Белецкий, с. 79]. Добавим, что теоретически оно может быть и германским, но для этого требуется соответствующий контекст.

² В эпитафии КБН 638 второй пол. I — первой пол. II вв. имя употреблено в звательном падеже к pot . $\text{T}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ и в окружении иранских имен Ариарат и Бостагон. Тиран, сын Тавриска, погребен в $\text{I}\rho$ [Болтунова, 1969, с. 53] (о таком чтении патронимика см. ниже, с. 562). Надгробие КБН 85 поставлено во II в. сыну Тирана, носившему греческое имя Демофон. Эпитафия КБН 781, составленная не ранее II в. (альфа с ломаной перекладной), упоминает носителей малоазийского имени Аноптена и греческого Эрот, сына и внука Тирана. Тирану, сыну Диофанта, поставлено надгробие $\text{I}\rho$ [Матковская, Тохтасьев, с. 199]. Наконец, царь Тиранис посвящения КБН 36 имеет традиционный для боспорских царей римский praenomen и nomen Тиберий Юлий, жена его тоже с римским именем Элия. См. об имени $\text{T}\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ также [Матковская, Тохтасьев, с. 199; Тохтасьев, 2007, с. 195], о надписи IV в. КБН 226 см. с. 154/5.

³ [Zgusta, 1955, S. 153; Матковская, Тохтасьев, с. 199; Тохтасьев, 2007, с. 195].

имя $\text{T}\epsilon\iota\rho\alpha\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ имеет реальные параллели в антропонимике гуннов и сабиров [Артамонов, 1962, с. 71], оно гунно-булгарское (в таком случае его следует передавать по-русски как Тиранис). В пользу такого заключения укажем на соответствие значения имени Тираниса «опирающийся, противящийся» победному духу его правления. Небезынтересно и присутствие в числе первых лиц государства, поставивших посвященный монумент Тиранису, сына носителя еще одного гунно-булгарского имени $\Sigma\lambda\upsilon\alpha\rho$ (см. о нем выше).

Конечно, нет оснований заключить отсюда, что власть на Боспоре оказалась в руках болгар — как сказано, абсолютное большинство придворной знати при Тиране составляли греки и иранцы. Вместе с тем, нет оснований не видеть в этом носителе булгарского имени булгарского вождя, поскольку история Боспора третьей четв. III в. отмечена тем, что наряду с Рескупоридом IV (242/3-276/7) монеты выпускали еще три царя: Фарсанз (в 253/4-254/5), Тиранис (в 266/7 г.); в 275/6 г. монету чеканили цари Рескупорид IV, Савромат IV и Тиранис, в 276/7 г. Рескупорид IV и Тиранис (далее два года чеканил монету один Тиранис — в 277/8 и 278/9 гг.). Одни ученые объясняют это совместным правлением Рескупорида IV с поименованными лицами, другие считают последних узурпаторами (лит. [Анохин, 1986, с. 122 сл.; 1999, с. 164 сл.]).¹ Здесь не место обстоятельному разбору проблемы, поэтому отметим лишь, что одновременный выпуск монеты разными правителями или перерывы в чеканке долгожителя на боспорском престоле Рескупорида IV мы склонны объяснять расчленением некогда единого царства на 2-3 улуса, каждого со своим царем. Это характерная для кочевого мира практика и мы констатировали ее наличие на Боспоре еще у Спартокидов IV-III вв. до н. э. [Яйленко, 1990, с. 286 сл.]. Тиранис мог принадлежать к небольшой булгарской прослойке Танаиса или Горгиппии, выдвинуться на первые роли в аланской среде азиатской части Боспора (отметим в связи с этим находку монеты Тираниса от 266/7 г. в Батарейском кладе 1958 г. на Тамани) и в конечном счете добиться верховной власти сначала в одном из улусов страны, а с 276/7 г. подчинить себе весь Боспор.² В рассказе о событиях 250-260-х гг. Зосим (Hist. I, 31, 3) сообщает о Боспоре: «когда царский род оборвался, престол заняли какие-то недостойные власти презренные люди». Тут подразумеваются Фарсанз (253-254) и правивший до него Иннифимей (234-238). Таковы были также Тиранис, и правившие после него Фифорс (285-309), Радамсад (309-318). В. Ф. Гайдукевич [1949, с. 451] заключил на основании свидетельства Зосима, что произошло не полное устранение династии Тибериев — Юлиев, а временный захват власти претендентами, которые были через некоторое время вытеснены и старая династия восста-

¹ О кризисе этого времени на Боспоре см. [Куликов, Чевелев, Иванова, Куликова, с. 224; Зубарев, 2005а, с. 126; Масленников, Милаева, 2005, с. 195, 198 сл.; Крайнева, 2005, с. 144/5].

² О взаимовлиянии болгар и иранцев в Сев. Причерноморье, в том числе в антропонимике [Трубачев, 1967, с. 36/7], лит. по проблеме в целом [Яйленко, 2007, с. 108].

новлена. Действительно, после Хедосбия, Фофорса и Радамсадия престол занял царь с традиционным именем Рескупорид VI (318–342).

В качестве аналогии карьере Тираниса можно привести биографию другого гунна, действовавшего на дальневосточной арене истории гуннов — Лю Юань-хая. Отец его княжил в одном из аймаков южных гуннов, подвластных Цзиньскому Китаю, а сын, вероятно, в качестве заложника пребывал при чаньаньском дворе, где сделал хорошую карьеру. Отличаясь недюжинными талантами, Лю Юань в 290 г. получил должность командующего всеми южногуннскими войсками, будучи в то же время, хоть и номинально, верховным правителем гуннов. В 304 г., воспользовавшись слабостью императора и раздорами в царствующей династии, он принял титул вана, в следующем году — императора, лишив цзиньских правителей престола. Умер в 310 г., оставив империю сыновьям [Бичурин, с. 139].

Как и у Лю Юаня, царская карьера Тираниса была недолгой. Появление его на троне в 266 и 275–278 гг. скоротечностью правления напоминает набег. После 278/9 г., когда Тиранис выпустил в последний раз монету, имя его исчезает из источников по боспорской истории и с легкой руки В. В. Шкорпила ученые с полным основанием помещают на местном престоле царя Хедосбия, известного лишь по отрывочной надписи КБН 846 (по сверке с камнем подтверждаем правильность вычитанного Шкорпилом имени $\chi\eta\delta\omicron\sigma\beta\iota\omicron\upsilon$). Имя $\chi\eta\delta\omicron\sigma\beta\iota$ (ос) негреческое (негреческая основа не позволяет выделить греческий компонент $-\beta\iota\omicron\varsigma$), полагаем, оно иранское и, вероятно, сопоставимо со среднеиран. *xwaday-* «царский» + *aspa-* «конь». В таком происхождении его имени, видимо, можно усматривать сосредоточение верховной власти на Боспоре в руках алан. С 285/6 по 309/10 гг. правил Фофорс, известный только по своим монетным выпускам. Имя его $\theta\omicron\theta\omega\rho$ (с) структурно представляет собой удвоенную основу $\theta\omega$ + ρ , что свойственно разным языкам; основа же слишком мала для более или менее определенной этимологизации. Тем не менее суждения Я. Харматты [1967, с. 207] об аланском характере имени в какой-то мере находят подтверждение в надписи Нарсе. Во второй половине правления Рескупорида VI (318–342), т. е. во второй четверти века, на Боспоре вновь случился длительный кризис [Зубарев, 2005а, с. 126/7]. Видимо, в результате царская власть и само государство были полностью разрушены и не функционировали примерно 4 десятилетия (340–380-е годы), так как нет известий о каких-либо следующих царях Боспора вплоть до Дуптуна. Вероятно, к этому периоду относится известие Константина Багрянородного о прозябании Боспора после двух поражений от Херсонеса (лит. о характере источника и датировках войн [Конст. Багр. 1989, с. 450/4; Петрова, 2000, с. 130]). Первую вел боспорский царь Савромат, внук соименного царя времен Диоклетиана (De adm. 53, 162–178), что по счету поколений может приходиться на вторую четв. IV в. (ср. [Зубарев, 2005а, с. 127]). В результате поражения боспорян граница с Херсонесом прошла по Феодосии (Кафе). Вторую войну вел «через какое-то время» другой Савромат, тоже проиграл и граница прошла по Кивернии-

ку (= Киммерику), так что к востоку боспорская земля простиралась на 40 миль (~60 км); согласно периплу V в. (Ps.-Агг. 76) от Керченского пролива до Киммерика 40 миль. «С того времени, — заключил Порфиригенит, царская власть савроматов ($\eta\ \tau\omega\upsilon\ \Sigma\alpha\upsilon\rho\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\alpha$) на Боспоре была ниспровержена», что вполне согласуется с завершением выпуска монеты Рескупоридом VI в 342 г. и отсутствием известий о боспорских царях вплоть до Дуптуна.

4 период: середина IV в. Сев. Причерноморье (?). В письменных источниках впервые появляется этноним булгар — в латинском Хронографе 354 г.: *Ziezi ex quo Vulgares «Ziezi, от которого произошли булгары»* [Mommsen, 1892, p. 105] (без каких-либо оснований отрицают историчность этого известия В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков [1964, с. 105]). По А. П. Новосельцеву [1990, с. 73], локализация этих булгар в самой общей форме может быть приурочена к Западному Предкавказью. Однако это не так — контекст записи Хронографа 354 г. не дает вообще никаких оснований для локализации булгар — до упоминания их первопредка *Ziezi* указываются основатели самых разных народов: «Сабеб, от которого произошли арабы, Мамсуир, от которого произошли армяне, Эйулат, от которого произошли гимнософисты (т. е. индийцы)». Таким образом, для локализации булгар требуются внешние данные и они есть: выше, говоря об Именнике дунайско-булгарских ханов, мы отметили, что предки дунайских булгар со 153–154 г. обитали в Сев. Причерноморье (I период). Поскольку их правящий род Дуло, к которому принадлежал уже первый хан Авитохол (Аттила), главенствовал в объединении пяти западно-тюркских племен Семиречья и Вост. Казахстана (см. применительно к раннему VII в. [Бичурин, с. 286]), можно думать об их приходе в Сев. Причерноморье оттуда. Дионисий Периегет, составивший в 124 г. «Землеописание», указывает промежуточную область их обитания на пути из Семиречья и Вост. Казахстана в Сев. Причерноморье — он упоминает гуннов у Сев.-Зап. Каспия.¹ Таким образом, к 124 г. гунны (или часть их) перешла из Семиречья и Зап. Казахстана к Сев.-Зап. Каспию, а к 153 г. — в Сев. Причерноморье. Поскольку северочерноморские гунны были булгарами, их же следует видеть в насельниках Сев.-Зап. Каспия, Семиречья и Вост. Казахстана, на что указывает и упоминание рода Дуло. По-видимому, предки гунно-булгар были в числе тех северных гуннов, которые поселились к северу от Джунгарии в 93 г., уйдя из монгольских степей ввиду ряда поражений от китайцев [Иностранцев, с. 98 сл.]. Имя первопредка булгар *Ziezi* находит параллель в первой части имени западнотюркского кагана Сильзибула, правившего ок. 568–576 гг. Оно известно в разных греческих передачах Менаандра и Свида $\Delta\iota\zeta\acute{\iota}\beta\omicron\upsilon\lambda(\omicron\varsigma)$, $\Sigma\iota\zeta\acute{\iota}\beta\omicron\upsilon\lambda(\omicron\varsigma)$ и с опущенным *l* в формах $\Sigma\iota\zeta\acute{\alpha}\beta\omicron\upsilon\lambda(\omicron\varsigma)$ и $\Delta\iota\zeta\acute{\alpha}\beta\omicron\upsilon\lambda(\omicron\varsigma)$. Х. Хауссиг видел в них передачу тюрк. *Sijabul* или *Sily-jibu

¹ *Dion. Per. 726–711*: «Все вот поведаю, какие народы вокруг Каспия обитают, начав с северо-западной стороны: первые — скифы, которые близ Кронийского моря (т. е. у Мирового океана) населяют побережья по устью Каспийской соленой воды, рядом же гунны, за ними мужи каспии, воинственные албаны за теми...»

[Moravcsik, S. 118]. Таким образом, возможное имя первопрародка болгар Sily.

5 период: 375-402 гг. Сев. Причерноморье, Боспор. В литературных источниках появляются сведения о гуннах в Сев. Причерноморье в связи с их приходом сюда в 375 г. и разгромом алан в Нижнем Подонье и восточных готов в Нижнем Поднепровье. Появляются также известия о гуннах на Боспоре. По литературным источникам можно реконструировать в общих чертах начальную историю гуннов здесь так. На пути с востока гунны подошли к Вост. Приазовью в 375 г. — дату дает Орозий (VII, 33, 10): «в 13 год правления Валента» (правил с 364 г.). Все источники подчеркивают внезапность нападения гуннов на приазовских алан и готов,¹ но в литературе бытует представление о постепенном проникновении гуннов на Боспор [Гадло, с. 12 сл.; Болгов, 1996, с. 44]. У Вост. Приазовья гунны разделились надвое. Одна группа разгромила нижнедонских алан-танаитов, затем напала на остготов Эрманариха, до того времени властвовавших в Сев. Причерноморье, чему соответствует то обстоятельство, что Танаис, из которого происходит большинство выявленных выше гуннских имен, подвергся основательному разрушению к концу 370–380-х гг., окончательно погиб в сер. V в. [Арсеньева, Науменко, с. 45]. Южная группировка гуннов вышла в тыл нижнеднепровским готам Эрманариха, переправившись на Тамани через Керченский пролив и разгромив крымских готов.² По письму Иоанна Хрисостома к друзьям от 397 г. [Айбабин, 2007, с. 5] с известием о смерти готского епископа Унилы и упоминанием Боспора в связи с назначением нового епископа заключали, что в сер. — второй пол. IV в. Боспором владели готы [Кулаковский, 1914, с. 52; Анохин, 1999, с. 177/8]. Это требует уточнения — готы владели Боспором до разгрома 375 г., связь готского епископа с Боспором объясняется тем, что в территориально-церковном отношении готы-христиане принадлежали к боспорской епархии.

Гунны дошли до балканских границ Римской империи и обосновались на Венгерской равнине, господствуя вместе с тем и в Сев. Причерноморье. Здесь кочевали болгары-кутригуры (*Proc. V. Goth. IV, 5, 15*), тогда как другая их часть, утигуры, вернулась в Приазовье: по словам Прокопия, «Утигуры вместе со своим вождем уходят домой (ἐπὶ οἴκου), чтобы впредь одним жить там»; «поскольку кутригуры остались жить в земле по другую сторону Болота (к западу от Азовского моря), утигуры одни (т. е. без кутригуров) заняли эту землю (Вост. Приазовье), не доставляя римлянам затруднений, поскольку обитали достаточно далеко от них, будучи к тому же отделенными от них

¹ *Amm. Marc. XXXI, 3, 1*: «внезапный натиск», *Orosii VII, 33, 10*: «внезапное неистовство», *Iord. 126*: «подобно урагану», *Proc. Bell. Goth. IV, 5, 10*: гунны «без промедления перешли Болото» и др.

² Память об этой переправе сохранилась в изложенной Аммианом Марцелином и позднейшими историками легенде о лани (быке), указавшей гуннам брод [Гортика, 2002]; см. о южной группе гуннов [Блаватский, 1985, с. 252, ср. Болгов, 1996, с. 45 сл.].

многими народами, в отношении которых оставались в вынужденном бездействии (*Ib. IV, 5, 17; 22*, курсив наш). Чуть ранее Прокопий уточнил место обитания утигуров — в стране по имени Евлисия (может быть, точнее следует читать Евдосия), находящейся к северу от сагинов (кавказский народ у Понта), у Меотиды до реки Танаис (*IV, 4, 7 sq.*). Никифор (*Hist. 33, 13 sq.*) указал местоположение этих болгарских племен там же: «Должно теперь поведать о начале так называемых гуннов и болгар. При Меотийском озере, по реке Кофин (*Кубани*) располагается Булгария, называемая в прошлом Великой, и так называемые котраги, соплеменники их, притом там же находящиеся» (мнения о границах Великой Болгарии см. [Чичуров, 1976, с. 67 сл.; 1980, с. 112 сл.]). Приведенные данные определенно свидетельствуют, что Вост. Приазовье было старым доменом утигуров и их переход был возвратом «домой», т. е. они и ранее обитали тут. Прокопий не дал определенной даты возвращения утигуров, обычно это увязывают с гибелью империи Аттилы, т. е. относят ко времени после 453 г. [Каховский, с. 243 сл.; Болгов, 1996, с. 47 сл.]. На наш взгляд, однако, можно полагать, что кутригуры и утигуры обитали в Приазовье со времени его захвата в 375 г. Некоторые данные на этот счет, полагаем, предоставляют имена уже упоминавшейся надписи боспорского царя Дуптуна от 402 г. КБН 67 (текст и вопрос о дате изложены выше).

Имя самого царя — Δουπτοῦν и его верховных сановников Εἰστροῦδι(ος) и Σπαδίν(ης) — доселе не встречались в местном антропонимиконе, что само по себе свидетельствует об этнической смене правящей верхушки государства. Имя третьего сановника Саваγ представлено и в гунно-булгарском именнике гермонасской эпитафии и в танаисской надписи 188 г. КБН 1242 в форме Σαβακ, опять-таки вкупе с двумя именами возможного болгарского происхождения (см. выше). Поскольку с 375 г. на Боспоре появилась новая господствующая сила — гунны, с ними следует связывать и восстановление Боспорского царства и обновление его правящей верхушки. Отсюда Дуптун, Исгуди, Саваγ — гуннские имена и, на наш взгляд, они разъясняются на тюркском материале (о последнем имени речь уже шла; имя Σπαδίνης иранское — так звали и царя аорсов (*Strabo, XI, 5, 8*), наиболее вероятно сопоставление со среднеиран. *spāda* «войско», хотя есть и другие объяснения [Zgusta, 1955 § 218, 407; 1964, S. 147 f., 475]). Исходное доказательство состоит в соответствии звукового состава имени Саваγ глухости анлаута в чувашском (и кыпчакских языках), т. е. присутствие σ в начале имен, а также в соответствии имен Εἰστροῦδι и Саваγα свойственной чувашскому (и северо-восточным тюркским языкам в целом) позиционной звонкости согласных инлаута в интервокальной позиции: γ, δ, υ (=v) в середине имен. Имя Δουπτοῦν выпадает из указанных правил подобно именам Δουτζάγυа и Δαππαεῖ гермонасской эпитафии, но обнаруживает при этом ту же особенность звукового состава, что и в Δαππαεῖ — при звонком анлауте глухой инлаут.

Приступая к объяснению имени Δουπτοου, отметим, что мимо него прошли работавшие над антропонимикой Сев. Причерноморья Миллер, Фасмер, Абаев, Згуста, Харматта (есть фрако-дакийская его этимология И. Руссу [Studii i cerc etăgi de istorie veche. 1958. Т. IX, р. 322] и индоарийская О.Н. Трубочева [1999. с. 236]). На наш взгляд, имя Δουπτοου находит разъяснение на тюркской почве. Сначала обратим внимание на идентичность его исхода -тоу исходу имени дунайско-булгарского хана Гостунь¹ и названия дунайско-булгарского рода Вихтунь. Близки они и по двухчастной структуре; в этом отношении имени Δουπτοου близко также имя дунайско-булгарского полководца начала IX в. Δούκου(ος) (о нем [Mogavcsik, S. 120]); не исключено, что оно показывает и место ударения в имени Дуптун. Эти соответствия указывают на структурное и во второй части материальное единство всех четырех имен Гостунь, Вихтунь, Дукум, Дуптун. Последнее может быть объяснено из тюркского 2-3 способами, но мы ограничимся сопоставлением его с древнетюркским именем Jaratu, Jabdu (в уйгурских документах XII-XIV вв. [ДТС, с. 222, 235]) + аффикс ласкательной формы -(a)n / -(e)n, при том, что через дельту в греческих источниках передавалось наряду с тюрк. d, t также j, j̄ [Mogavcsik, S. 32]. Отсюда возможное содержание имени Δουπτοου = Jaba attun «имеющий (дикую) лошадку», ср. подобное же производство первой части названия печенежского рода Jabdi-ertim из jaba attu (<atly) «имеющий иноходца (дикую лошадь)» [Баскаков, с. 55/6]; обозначения «лошади» at, jylqu употребительны в антропономинии [Севортян, 1989, с. 281/2; СИГТЯ, 2006, с. 722]. Поясним соотношение форм Jaba attun и Δουπτοου. Первое a слова jaba лабиализуется под воздействием соседнего b, что нормально передано через ou [Mogavcsik, S. 34] греческой записи Δουπτοου. Пример передачи тюрк. a через ou дает разобранное выше тюркское имя 'Омар, в болгародунайских надписях IX в. 'Oμourτάу. Альтернатива тюрк. a-у представлена также в передаче гуннского по происхождению имени византийского полководца сер. VI в. Οὐλδάχ — Οὐλδοῦχ в рукописях Агафия [Ib. S. 230].² Слившиеся в сложном имени два следующих a элидируются в неударной позиции (как в упомянутом печенежском этнониме Jabdi), a b, оказавшееся рядом с глухим t, перешло в глухой p. Тюрк. y (=u) конца имени нормально передается в греческом через ou [Ib.].

Имя эпарха (эквивалент лат. *praefectus*) Ισγουδι Згуста счел иранским, сблизив с авест. īš- «ищущий, собирающий» и gaoiδiа- «ухаживающий, оберегающий крупный рогатый скот», в целом значение имени «что-то вроде «ищущий скот»» («etwa, «nach den Rindern strebend»» [1955, S. 94]). Такое сближение малоудачно, поскольку исходит из комбинации двух глагольных

¹ Сопоставление Гостунь с иранским ΛΙ Γαστεῖς [Бешевлиев, 1967, с. 242] неудачно, так как не разъясняет финаль -унь, кроме того Γαστεῖς — типично горгишский имя скорее всего адыгского происхождения, см. с. 178.

² В новое время развитие a > u (= русское y) прошло в чувашском — в первом слове и через ступень o [Серебренников, Гаджиева, с. 10].

основ — у каждой свое значение и потому имя может означать либо «ищущий, собирающий», либо «ухаживающий, заботящийся, оберегающий скот», но не то и другое вместе; однако без одной из этих основ часть имени остается необъясненной. По словам Ю. А. Кулаковского [1891, с. 25], проф. Кнауэр в письме к нему указал, что имя Исгуди иранское и может означать «чистый, нескрываемый, таинственный», однако иранского соответствия не привел. На наш взгляд, имя Ισγουδι может быть объяснено на тюркской почве, оно двухчастное. В начале — др.тюрк. eš, es/ iš, is «друг, сподвижник» [ДТС, с. 184, 213] (представлено, к примеру, в имени булгарского хана Исбула [Баскаков, с. 45] или имени вельможи булгарского царя Бориса Есхана; еще примеры [СИГТЯ, 2006, с. 749]). Вторая часть имени: др.тюрк. qut- «счастье» (в орхонских текстах VIII в.), quta- «становиться счастливым» (в уйгурских текстах XII-XIV вв. [ДТС, с. 472]) — основа, давшая ряд имен (Котан у печенегов, Qotan в «Словаре» Махмуда Кашгари [Баскаков, с. 45], см. выше). Оформлено имя может быть, например, аффиксом настоящего-будущего времени -y, -i (= u, u), что в целом дает значение «он (будет) счастлив другом» (ср. упомянутое имя Isbul < is «друг» + bul «будь»: «Будь другом» [Ib., с. 45]). Соответствие греческой транскрипции звуковому составу тюркского имени закономерно во всех компонентах.

Таким образом, имена трех высших лиц Боспора, включая царя, тюркские по происхождению, что имеет существенное значение для понимания исторической обстановки в регионе ок. 402 г., когда была создана строительная надпись, донесшая до нас рассмотренные имена. Из совокупности полученных данных можно заключить, что со времени прихода в Сев. Причерноморье в 375 г. часть гуннов, именно булгары, обосновались на Боспоре, главным образом, на азиатской его стороне. Выше отмечено, что гунны дошли до балканских границ Римской империи и остались на Венгерской равнине, господствуя вместе с тем и в Сев. Причерноморье, где кочевали булгары-кутригуры, тогда как другая их часть, утигуры, вернулась в Вост. Приазовье (Proc. В. Goth. IV, 5, 15; 17; 22). Гуннский, и отчасти булгарский, облик имен надписи 402 г. предполагает, что возвращение утигуров произошло до этого времени, в последней четв. IV в. Утвердившись в Приазовье — на севере кутригуры, на востоке утигуры — булгары переняли местный государственный организм у своих союзников алан: они воссоздали Боспорское царство, образовав его верхушку. Мы также отметили, что в III-IV вв. на Боспоре господствовали аланы, вожди которых занимали боспорский трон — Фарсанз, Хедосбий, Радамсад; с другой стороны, гунны заключили мирный договор с аланами-танаитами (Amm. Marc. XXXI, 3, 1: «многих уничтожили и разорили, остальных присоединили к себе, заключив мирный договор»), который сам по себе предполагал сохранение в какой-то форме боспорской государственности. Таким образом, гунны не уничтожили на Боспоре местное государство, но приспособили его к своим нуждам [Болгов, 19996, с. 253]. По этой причине и по отсутствию известий о принадлежности Боспора Византии в

это время должна быть снята догадка Ю. А. Кулаковского, что должностные лица Дуптуновой надписи были местными кадрами византийского чиновничьего аппарата [1891, с. 25; 1914, с. 59; Блаватский, 1985, с. 254] — это два гунна и один алан, высшие сановники гуннского Боспорского царства.¹

Подобным образом поступили и дальневосточные сродственники европейских гуннов — южные гунны в Китае, где они переняли в 304 г. государство у истощенной междоусобицами Цзиньской династии. Вышеупомянутый Лю Юань был провозглашен на верховном совете южных гуннов Великим шаньюем гуннов, тогда же он принял титул вана — царя китайцев и объявил войну Цзиньской династии, т. е. правящей клике, а не китайскому государству. Вытеснив ее с престола, Ли Юань принял в 308 г. титул императора и основал не новую державу, а новую династию в прежнем государстве, которую назвал по имени великой предшественницы в Китае Хань; при его наследниках государство именовалось Старшим, затем Младшим царством Чжао. Гунны в основном сохранили китайские государственные институты, многое китайское и гуннское перемешалось в Хань и Чжао, гунны и китайцы оказывались на самых разных должностях; так, в гуннской Хань первым министром стал китаец Цзинь Чжун [Бичурин, с. 24, 139 сл.; Гумилев, с. 46, 66]. Судя по всему, столь же рациональной политики гунны придерживались и на Боспоре: они не уничтожили местное царство, а составили в нем главенствующее ядро — по надписи Дуптуна можно заключить, что на верховные должности поставлены гунны. Вместе с тем, подобно китайцу Цзинь Чжуну в гуннской Хань, в числе высших сановников при Дуптуне мы видим на должности комита алана Спадина, т. е. боспорские гунны включили в правящее сословие и алан. В последний раз традиционные на Боспоре высшие должности упомянуты в посвящении Тиранаиса КБН 36 от 275/8 г. — начальник дворца, начальник аспургиан, хилярх, губернатор Феодосии и др. Судя по надписи Дуптуна от 402 г., в Боспорском царстве произведена реорганизация государственного управления, причем по римскому образцу — введены должности префекта (в греческой терминологии эпарх) как высшего сановника царства, и комитов, ведавших сбором налогов, гвардией, флотом, дворцом и др.); должности эти неизвестны во времена Тиранаиса. Может быть, они были введены в IV в., еще до прихода гуннов в 375 г., но при нынешнем состоянии источников остается констатировать, что появление новых должностей связано с возобновлением Боспорского царства гуннами. Это возобновление не было тотальной перестройкой, на что указывает, пожалуй, самый поразительный факт — наличие у гуннского царя всех титулов прежних боспорских владык: Дуптун «царь благочестивый, друг

¹ Византийский административный аппарат сложился на Боспоре в VI в. [Храпунов, 2004]. Вполне обоснована фронтальная критика Н. Н. Болговым [1998а] мнения Ю. Г. Виноградова о Боспоре IV–VI вв. как сильном государстве, копировавшем институты Византийской империи.

цезаря и друг римлян». Более того, к его имени прибавлены традиционные личное и родовое имена боспорских царей — он Тиберий Юлий Дуптун. Если Дуптун был первым гуннским царем Боспора, он сам прибавил традиционные *praenomen* и *nomen* к своему имени, если не первым — унаследовал его от предшествующего гунна на боспорском троне. Гуннские цари либо просто присвоили тронное имя своих аланских предшественников, либо один из них мог посредством брака породниться с аланским царским домом Боспора и приобрести тем самым легитимные права на престол, а вместе с ними почетную и небесполезную в сношениях с Римом прибавку Тиберий Юлий к своему природному имени. Тот же Лю Юань, к примеру, был внуком последнего Великого шаньюя южных гуннов и вместе с тем правнуком китайской царевны, так что состоял по женской линии в родстве с китайской династией Цзинь.

В историческом плане самые существенные элементы титулатуры Дуптуна — «друг цезаря и друг римлян», свидетельствующие о взаимно традиционной важности друг для друга Рима и Боспорского царства [Блаватский, 1985, с. 254], хотя оно оказалось в новых руках. Единственное литературное известие о боспорско-римских отношениях приведено выше: «утигуры одни (т. е. без кутригуров) заняли эту землю (Вост. Приазовье), не доставляя римлянам затруднений, поскольку обитали достаточно далеко от них, будучи к тому же отделенными от них многими народами, в отношении которых оставались в вынужденном бездействии» (Proc. V. Goth. IV, 5, 22). Эти слова не означают, что вообще никаких отношений не было — говоря о том, что утигуры не доставляли римлянам затруднений (*praejudicata*), Прокопий подразумевал отсутствие их нападений на римские границы, что как раз и могло быть результатом не только большой отдаленности Приазовья, но и мирных сношений. На последнее указывает принадлежность Дуптуна к христианской вере: и античная еще вводная формулировка строительных надписей ἀγαθῆ(ι) τύχη(ι) первой строки и античная же эпонимная датировка «при благочестивом царе Тиберии Юлии Дуптуне» во второй строке предварены крестами. Боспорские булгары могли получить христианство только от римлян и это обстоятельство само по себе свидетельствует о дружеском характере их взаимоотношений. К примеру, когда в 369 г. с помощью римлян король вестготов Фритигерн победил своего противника Атанариха, он, «желая воздать благодарность Валенту и быть во всем верным другом, принял его веру и убедил в том же образе мыслей своих подданных варваров» (Sozom. Hist. eccl. VI, 37). Принадлежность Дуптуна к христианству угадывается и в его титуле βασιλεὺς εὐσεβῆς «благочестивый царь» [Кулаковский, 1914, с. 59] — несогласно с обычной последовательностью титулов у боспорских царей титул «благочестивый царь» вынесен на первое место. Первое появление на Боспоре в надписи Дуптуна римских должностей эпарх и комит связано с христианской верой Дуптуна в том плане, что они были вос-

приняты из Восточной римской империи (Византии), они свидетельствуют о провизантийской ориентации боспорского гуннского государства.¹

В связи с вопросом о характере отношений Рима и гуннского Боспорского царства напомним и то, что около 552 г., когда византийская дипломатия науськивала утигуров на соплеменных кутригуров, Юстиниан через послов упрекал правителей утигуров за то, что кутригуры своими набегами наносят ущерб римлянам, а они, утигуры, бездействуют, хотя «исстари являються в высшей степени друзьями римлян» (*Proc. V. Goth. IV, 18, 20*). Упреки Юстиниана в бездейственности возможны только в том случае, если утигуры заключили договор о дружбе и взаимопомощи с Византией, причем апелляция императора к утигурам как «ближайшим друзьям исстари» (*αὐτοῖς φίλοι ἐκ παλαιῶν ἐς τὰ νῦν*) означает, что договор был очень давним. Уходит ли он вглубь времен до Душтуна, неизвестно, но, принимая во внимание проримскую титулатуру Душтуна и его христианскую веру, можно утверждать, что истоки этого союза восходили к его правлению. Юстиниан указал и предмет заинтересованности вождей утигуров в союзных отношениях с ним — они «и раньше часто получали от него много даров» [*Ib. IV, 18, 21*]; отсюда не будет вовсе безосновательным предположение, что и современник Душтуна, император Аркадий и его преемники на византийском троне аналогичным образом удерживали утигуров от нападений, что и дало основание Прокопию назвать их политику «вынужденным бездействием» [*Ib. IV, 5, 22*]. Ряд авторов упоминает разрушительный поход гуннов от Танаиса на Великую Армению, Киликию и Келесирию (*Philostorg. XI, 8* и др.) в 398 г. [Засецкая, 1994, с. 143 сл.], который мог заставить Константинополь платить дань боспорским булгарам.

6 период: V в. Боспор. Этот период представлен археологическим материалом и небольшим количеством христианских эпиграфических памятников, к сожалению, малоинформативных в историческом плане (сводка материала [Болгов, 1996, с. 48 сл.]). Исследованные выше, гермонасская эпитафия и надпись царя Душтуна стали важным источником по истории Боспора V в.

¹ По Ю. Г. Виноградову [1998, с. 242], должность комита заимствована из Византии, Н. Н. Болгов [2003, с. 169/70] отметил распространенность этой должности (видимо, полагая, что она была заимствована ранее из римского административно-го аппарата). В соответствии со своей идеей о континуитете позднего Боспора он отстаивает преемственность в развитии государственного аппарата, хотя признает, что нельзя уравнивать двор I–III вв. и V в. Должность эпарха могла быть введена по римскому образцу уже на рубеже III–IV вв. — по мысли И. Т. Кругликовой [1966, с. 19], *ἐπαρχεῖον* надписи Аврелия Сога КБН 64 относится к Боспору; на наш взгляд, следующее сразу за упоминанием эпархии указание на долгое отсутствие Сога означает, что он пребывал в какой-то римской провинции. Кругликова справедливо отметила [с. 20], что надписи КБН 64 от 306 г. и 1051 от 307 г. «свидетельствуют о сохранении на Боспоре в начале IV в. прежней структуры государственного управления», так как в них упоминаются традиционные должности губернатора Феодосия, начальник базилики, архонты.

Если надпись Душтуна имеет достаточно точную дату, то гермонасский памятник, как сказано, датируется широко — от 403 до 502 гг. Между тем в истории гуннов Боспора и Сев. Причерноморья V в. в целом есть важный рубеж — 451 г., начиная с которого гунны потерпели ряд крупных поражений в Средней Европе и, особенно после гибели Аттилы в 453 г., в массовом порядке откатывались в южнорусские степи. В негативном плане это затронуло и Боспор, судя по разрушениям сер. V в., связанным с военными действиями, на Ильичевском городище [Николаева, 1979, с. 376]. На сер. V в. приходится рубеж материала из керченских склепов, относящихся к концу IV — первой пол. V вв. [Засецкая, 1979, с. 14; 1990, с. 99]. Возможно, откат гуннов вызвал и какую-то перегруппировку населения Боспора — в частности, исчезают антропонимические следы иранцев (алан) и это отнюдь не результат употребления крестильных имен, так как даже в христианских надписях X–XIV вв. встречаются негреческие имена [Латышев, 1896, с. 25, 65, 83, 84]. Часть готов Керченского полуострова ушла с гуннами в Западное Приазовье (*Proc. V. Goth. IV, 4, 17 sq.* [Ермолин, 2005]). Свидетельством пребывания тюрков в боспорских городах является имя из пантикапейской христианской эпитафии IV–VI в. *Τυμχαγας* [Шкорпил, 1901, с. 70; Диатроптов, Емец, № 31] = тюрк. *Tegin-aga*, *ср.* имя самаркандского наместника X в. Тегин-хан [Бартольд, 1963а, с. 330]. Имя включает тюркский титул *tegin* «принц», прилагаемый к младшим членам правящей династии, в том числе в составе личных имен [ДТС, 547; СИГТЯ, 2001, с. 322, 663; Могавчик, S. 97, 148, 355], и другой титул *aga* «господин», частый в личных именах [Могавчик, S. 55, 87]. В тюркской антропонимике распространены имена, состоящие из 2–3 титулов — Ага-хан, Ябгу-хан, Шах-амир-бек и др.¹ К тюркским именам могут относиться также засвидетельствованные боспорской эпиграфикой этого времени *ΛΙ Αγουλας, Τουδρουγος*.²

Эволюция материальной культуры Боспора V в. состоит во все возрастающей ее варваризации, уменьшении античного компонента. Ориентируясь на этот критерий, гермонасскую надпись следует отнести к первой половине столетия, нежели ко второй ввиду хорошо выраженных в ней элементов

¹ На Певтингеровой таблице в ряду городов европейского Боспора показана *Teagina (Tegine)* [Подосинов, 2002, с. 193, 256], О. Н. Трубочев [1999, с. 46, 283/4] справедливо отождествил его с Эль-тигеном (Героевка), но его древнеиндийская этимология названия напрасна — оно крымско-татарское по облику, вероятно, *el-tegin* «община принца», т. е. поселок, принадлежащий сыну крымского хана. Другие средневековые названия городов на этой карте XIII в., упомянутые рядом с Тегинной — генуэзские *Sabalo (= Cavalla)* и *Malorossa*, название области *Doğ* и пр.

² Издания надписей [Латышев, 1895, № 64; Шкорпил, 1912, с. 20/1; Диатроптов, Емец, с. 10, 15]. Имя *Αγουλας*, возможно, сопоставимо с названием половецкого клана *Анджоглы* — из воинского термина *onđzaqlu* «находящийся по правую руку» [Баскаков, с. 77, 129], имя *Τουδρουγος* — с тюрк. *tatutu* «опытный, достойный» (дословно «вкусивший»), от которого производят печенежское *ΛΙ Τατρυς* [Менгер, с. 137].

позднеантичной культуры. В стк. 4-6 дана дата по вифино-босп. эре, употребляется македонский календарь (месяц Горпией), более же всего выражена связь документа с актами позднеантичных боспорских фиасов. Она и построена по типу их актов, включая наряду с датой предваренный формулой ($\alpha\iota\ \lambda\omicron\gamma\tau\omicron\iota$) $\theta\iota\alpha\sigma\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ список имен (в гермонасской эпитафии $\epsilon\iota\varsigma\iota\ \delta\epsilon\ \alpha\iota\ \sigma\mu\beta\epsilon\iota\alpha\sigma\epsilon\iota\tau\alpha\iota$). По сути, это обычный акт фиаса, лишь предваренный христианской формулировкой в стк. 1-4. Таким образом, гермонасская надпись следует структуре документации фиасов римского времени. Преимущество эпиграфической традиции предполагает непрерывность и самого института фиасов на Боспоре. Иначе говоря, гермонасский фиас, поставивший памятник своим погибшим сочленам, по характеру был продолжением боспорских фиасов I-IV вв. Выше мы отметили, что христианские черты сочетаются в нем с элементами синкретических культов римского времени, в которых почитались не олимпийские боги классического и эллинистического времени, а божества ближневосточных народных религий позднеримского времени. Это позволяет думать, что христианство было не только внедрено на Боспоре IV-V вв. приезжими церковными иерархами (как это было, к примеру, в Херсоне), но, будучи усвоенным низами от заезжих проповедников, наложилось на идейно близкую почву местных позднеантичных культов, отправлявшихся в фиасах Боспора.

Напротив, во второй пол. V в. античные реминисценции практически исчезают из эпиграфики, сведясь лишь к спорадической датировке по босп. эре.¹ Поэтому гермонасскую эпитафию как документ фиаса следует отнести в пределах первой половины века ближе к столь же насыщенной античными элементами надписи Дуптуна. Отсюда выстраивается последовательность Савагов обоих документов и даже стемма рода. Саваг Дуптуновой надписи, занимавший в Пантикапее пост какого-то официала («перво-») — наиболее ранняя по времени персона в группе соименных лиц, возможно, основатель рода, так как его карьера началась в предпоследнем или последнем десятилетии IV в. и закончилась в первом-втором десятилетиях V в. Второй по времени Дуджага Савага гермонасской эпитафии достиг следующей по значимости должности комита. Комитом был и Саваг, сын Аристана, таманской надписи 478 г. Промежуточное звено между Дуджагой Савагой и Савагом 478 г. — отец последнего Аристон. Для Боспора как раз характерно, что натурализовавшиеся здесь варвары во втором-третьем поколениях принимают греческие имена. Последний известный нам представитель рода — Саваг, погребенный в склепе 491 г. в Пантикапее.²

¹ Надпись Савага, сына Аристана, с Тамани от 478 г. (см. прим. на с. 438), склепы 491 и 496 г., обломок христианской надписи неизвестного характера от 497 г. [Латышев, 1905, с. 90].

² Н. Н. Болгов (2003), еще не ознакомившийся с нашей работой 2002 г., воспринял ошибочное мнение Ю. Г. Виноградова, что все эпиграфические упоминания имени Саваг в V в. относятся к одному лицу. В отличие от Виноградова, счелшего

Важно отметить, что появившиеся на Боспоре в 375 г. и прочно осевшие здесь на несколько веков гунно-булгары органично вошли в уже существующую политическую систему, культуру и образ жизни. Исключительно отрицательная характеристика гуннского нашествия, выраженная в ряде работ прошлого [Гайдукевич, 1949, с. 479 сл.; Якобсон, 1958, с. 459; Соколовский, 1968, с. 251 сл.; Кобылина, 1978а, с. 30/5], в результате изучения археологического материала в последней четв. XX в. подверглась переосмыслению. Материал с различных поселений показал, что в целом можно связать с приходом гуннов немногие разрушения (напр. [Амброз, с. 85; Сазанов, 1991, с. 16 сл.; Болгов, 1996, с. 46]). Так, Фанагория утратила юго-вост. часть городища, но оставалась крупным центром и в гуннское время [Кобылина, 1956, с. 101; 1979] (лишь в VI-VII вв. Фанагория вступила в фазу такого кризиса, что хорошо выраженного слоя этого времени нет [Плетнева, с. 16]). На городище Китея пожаров IV в. нет, так что гибель его связана не с гуннским нашествием IV в., как полагали ранее, а с событиями VI в. [Молев, Сазанов, с. 63 сл.]. Даже на части сельских поселений крымского Приазовья, погибших в сер. III в., во второй пол. IV в. жизнь возобновлена [Мокроусов, с. 100]. Разгромленный еще до гуннов, Танаис возрождается при них в последней четв. IV в. и выполняет функции торжища для степняков. Гуннский царь Дуптун в 402 г. строит в Пантикапее башню, возобновляя оборонительную систему города. В связи с передатировкой части керамического материала, проведенной А. В. Сазановым [1991, с. 16 сл.], выяснилось, что разрушения на городищах, которые ранее относили к IV в., случились в VI в. и связаны с историей Горды (однако, *ср.* [Камелина, с. 209]).

Гермонасская эпитафия и Дуптунова надпись свидетельствуют, что часть гунно-булгар осела в городских центрах Боспора и включилась в местную жизнь. Судя по Дуптуновой надписи, гунны сохранили боспорскую государственность, составив тут политическую верхушку, в которую включили также местных алан. Как сказано, гуннский царь стал восприемником всех титулов прежних боспорских владык, к его имени прибавлены традиционные личное и родовое имена боспорских царей Тиберий Юлий. Надо полагать, проживавшие в городах гунны восприняли греческий язык, без которого их деятельность тут немыслима. Отсюда и восприятие ими греческих имен (примеры приведены выше). Гуннская знать настолько вросла в позднеантичную цивилизацию, что испытывала потребность даже в таком инструменте политической организации классового общества, как христианство. Если Дуптунова надпись свидетельствует об этом, так сказать, на государ-

родиною своего «единого» Савага Киммериду, Болгов настаивает на районе Китея и Аккры, относя к его роду китейский склеп некоего Забага, сына Тасия (КБН 944). Мы видели, что несколько представителей одного рода носили в V в. одно имя и во всех случаях оно передается одинаково — Саваг, поэтому следует воздержаться от причисления к ним Забага Тасиева.

ственном уровне, то гермонасская эпитафия показывает их проникновение на бытовом уровне в такую интимную сферу жизни, как культ. Можно думать, что столь органичное вращение гуннов в политическую систему и культуру Боспора было подготовлено давним, еще с сер. II в., пребыванием тут их сродственников-булгар (см. выше о 1–4 периодах).¹

¹ О дальнейшей истории Боспора и приазовских булгар см. [Болгов, 1998; Чхаидзе, 2005; Сазанов, Могаричев, с. 253/64; Зубарь, Зинько, с. 228/44], с обширной лит. Рассмотренная нами тема — гунны II–V вв. на Боспоре — может и должна иметь и свой археологический аспект. Исходя из посылки, что должна иметь, А. А. Строков [2009, с. 425] заключил, что типичных гуннских погребений с конем или его частями на некрополях азиатского Боспора IV–VI вв. нет и, следовательно, «данные археологии опровергают точку зрения В. П. Яйленко о гуннах на Боспоре во II–V вв.». Заявление тезисное, в 12 строк, аргумент один — о коне или его частях, потому, полагаю, поспешное. В части этнической истории Боспора археология эпохи Великого переселения народов может отрицать данные эпиграфики и антропониимики о гуннах лишь в том случае, если располагает доскональной картиной смены культур или их чересполосного сосуществования и этнической атрибуцией большинства культур. Личные имена, определенные мною в качестве тюркско-гуннских, происходят из Танаиса и Гермонассы, начиная со II в. Допустим, моя атрибуция ошибочна, однако в любом случае эти имена новые (они не греческие, не иранские, не туземные боспорские), их носители пришлые, так что, следуя логике Строкова, в Гермонассе или на Тамани в целом в V в. обязательно должны быть новые погребальные элементы. Однако таковых нет (или еще не выявлены), поэтому объяснение одно — новые этнические слои восприняли местный погребальный обряд. Еще раз подчеркну — «мои» гунны не степняки, они жители Гермонассы и Танаиса, причем не в первом поколении, так как они глубоко восприняли местную культуру — вплоть до верований.

*Mon berceau s'adossoient à la bibliothèque,
Babel sombre, où roman, science, fabliau,
Tout, la cendre latine et la poussière grecque,
Se mêlaient. J'étais haut comme un in-folio.
Ch. Baudelaire. Les épaves. XVII. La Voix.¹*

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ VADEMESUM ПО «КОРПУСУ БОСПОРСКИХ НАДПИСЕЙ»

НАДПИСИ V В. ДО Н. Э.

1. Посвятительная надпись из Прикубанья КБН 1234.

Рельеф с изображением Афродиты Апатуры, Посейдона с трезубцем, Эрота, вероятно, Ареса и Гефеста, известен по описанию видевшего плиту в 1712 г. Де ла Мотрэ [Motraye, p. 73/4, tab. IV. 11–12]. По мнению Дюбуа, который проследил маршрут Мотрэ из Темрюка на 480 верст вверх по течению Кубани, плита находилась на городище Маджары при реке Большой Зеленчук. Под рельефом срисованная Мотрэ надпись (рис. 27), которую Х. Рель интерпретировал как посвящение Афродите Апатуре: θε[ᾱ] Απατο(ῶ)ρω[ι...]μαχ[ος Κ]αρν[ε]ιάδ[εω] (?) «богине Апатуре (посвятил) ...мах Карниадов (?)» (пер. Латышева, IOSPE II, 469). Два первых слова читаются определенно, нужно лишь точно определить их грамматические формы. Давно отмечено, что Рель произвольно переименовал показанные на рисунке *омикроны* слова АПАТОРО на *омеги*. На наш взгляд, И. И. Толстой (комм. в КБН) правильно усмотрел в АПАТОРО не эпikleзу богини, а название ее святилища Апатур, не дат. падеж, а *gen.*, и дал следующий ее текст: θε[ᾱ] Απατόρο μ[ε]δεοίστη ὀ

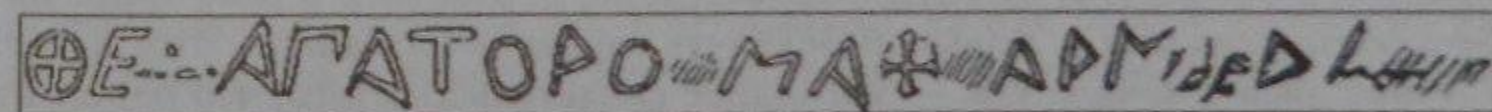

Рис. 27. Вотив из Прикубанья КБН 1234 (рис. Мотрэ, IOSPE II, 469)

¹ «Моя колыбель прислонилась к библиотеке — Темному вавилонскому столпотворению, в котором роман, наука, небылицы, Все вперемежку — римский пепел и греческий прах. И я возвысился до масштаба фоллианта». Ш. Бодлер. Обломки, XVII. Голос.

θεῖνα] «богине, владычице Апатуре, такой-то (посвятил)» (пер. наш). Чтение Толстого основано на посвящениях Апатуре IV в. КБН 971, 1111, но для дополнения μ[εθεοῦσσι] «владычице» рисунок Мотрэ оснований не дает, напротив, формуляр боспорских посвящений Апатуре, что свойственно посвящениям в целом, предполагает наличие тут имени посвяtitеля. Эта часть надписи в том виде, в каком показал ее Мотрэ, вразумительно не читается, поэтому уже Бёк заключил, что промежутки между прочитанными Мотрэ буквами не вполне точны. Полагаем все же, поскольку промежуток между двумя первыми словами Мотрэ показал правильно, погрешности в длине не разобранного им текста минимальны, в 1–2 буквы. Исходя из этой посылки, читаем надпись так: θε[αῖ] Απατῶρο Μάχ[ος (?)] Ἄρμ[α]δε[ω] «богине Апатуре Махос (?), сын Армада, (посвятил)». Поясним чтение. После Απατῶρο на рисунке небольшой промежуток на 1 букву вроде *iota*, так что буквы здесь могло и не быть; далее следует ΜΑΘ или ΜΑΧ и через лауну на 1 букву ΑΡ. Читаем тут имя Μάχ[ος], но под вопросом, так как дополняем 2 буквы. Добавление третьей буквы для получения предлагавшегося патронимика [Κ]αρμ[ε]άδε[ω] — насиле над рисунком, поэтому полагаем, что за ΑΡ следует не Ν, а Μ — показана даже нижняя половина ее правой мачты, что дает известное в Пантикапее и Нимфее V–IV в. имя Ἀρμάδης (КБН 168, 911, см. с. 144). Письму документа свойственны позднеархаичные особенности (буквы написаны с наклоном, в том числе трехчастные угольчатые *альфа*, *rho*, а *chi* в виде равноконечного креста, как в Ионии [Jeffery, p. 325]) и черты V в. (регулярность размеров букв, равные промежутки, форма Μ с параллельными мачтами), что позволяет отнести надпись к началу V в., как полагали А. Бёк и А. Кирхгоф, лучше сказать, к первой половине столетия. Этому времени вполне соответствует изображение обнаженных фигур Посейдона и Ареса, ср. бронзовые статуи Посейдона строгого стиля [Kaltsas, p. 86, 93]. Что до Афродиты, то это редкое для V в. изображение обнаженной женской фигуры (как на т. н. *Троне Людовизи* [Колпинский, с. 94/5, рис. 183], либо скорее богиня в хитоне, который настолько обрисовывает тело, что она кажется обнаженной фигурой (как мраморная копия ок. 410а бронзовой статуи Афродиты работы Каллимаха того же времени [Kaltsas, p. 123]).¹ Посвящение Афродите Апатуре имеет конкретный адрес — это святилище находилось на Таманском п-ове близ Фанагории или Гермонассы [Тохтасьев, 1986]. Посвятительный рельеф не мог быть поставлен в глубине Прикубанья, в 480 верстах отсюда, следовательно, перемещен в результате набега обитавших при р. Большой Зеленчук варваров на Тамань. Этот набег, случившийся в начале V в. — наглядное свидетельство того, что одной из причин объединения боспорских полисов в единый военно-политический организм была нужда в отражении набегов не только царских скифов, как

¹ Рисунки Мотрэ не различают скульптуру, скажем, классического и эллинистического времени — это академические штудии, ориентированные на греко-римские копии I–II в. н. э. (ср. [Левинская, Тохтасьев, 2005, с. 187]).

сочли некоторые [Vinogradov, 1997, S. 114; Толстикова, 1984], но в целом варваров глубокого Прикубанья (подробней о комплексе причин объединения см. [Завойкин, 2006]).

2. Эпитафия Дию КБН 911

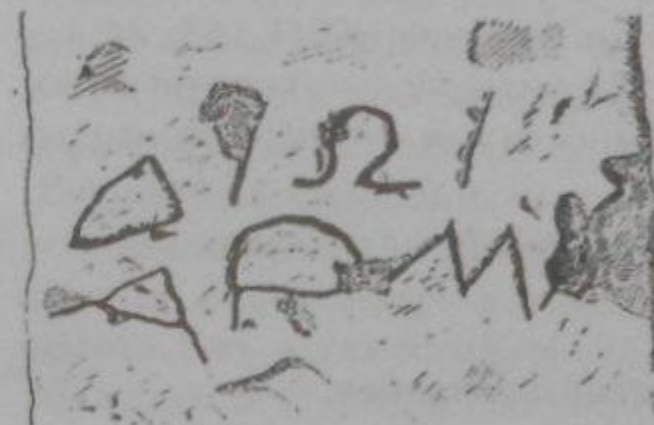

Рис. 28. Эпитафия Дию КБН 911 (КБН-альбом)

Известняковая плита из Нимфея, обломана сверху и снизу, текст: ΔΙΩ | ΑΡΜΑ (рис. 28). Поскольку имена покойных в боспорских эпитафиях редко ставятся в дат. падеже (КБН 183, 262), Латышев переставил строки местами и прочел вотив: Ἀρμ[ο]δε[ω] «Гармодию», что остроумно, но не более, так как странно выделением одного из двух тираноборцев при том, что в Афинах был культ обоих — Гармодия и Аристоклитона. Если же счесть этого Гармодия нимфейцем, эпитафия ему со-

ставлена в дат. падеже, что делает напрасной перестановку строк. Однако, все это излишне, так как в конце стк. 2 *омикрона* нет — видны нижние части наклонных гас *альфы*. Эти обстоятельства вполне разъяснил И. Б. Брашинский [1961, с. 103] и издатели КБН напрасно отнесли надпись к числу посвящений. По Брашинскому, это эпитафия: Δίω | Ἄρμα | — «Дию, сыну Арма...» Он прав в определении надписи как эпитафии, но Ἄρμα | — не может быть патронимиком, так как надгробиям раннего времени формула τῶν θεῶν τοῦ θεῖνος не свойственна, при дат. падеже имени покойного ставится *лот.* имени лица, поставившего надгробие (к примеру, КБН 183: «Зонл Спинтону поставил»; Πραξιτέλει τὸδε μνάμα φίλον ποίησε θανόντι κτλ. «умершему Праксителю этот равный памятник поставил Висон» [Jeffery, p. 406, pl. 32, 3]). Таким образом, формуляр ранних эпитафий указывает, что надгробие Дию поставило лицо по имени Арма (имя Δίος популярно, встречается уже у Гомера — II. XXIV, 251). Чтение имени зависит от решения вопроса о третьей строке надписи — если она была, как счел Брашинский, можно было бы читать имя Ἀρμάδης (КБН 168) или какое-либо подходящее греческое имя [РВ, 139] (выше, с. 143). Однако эстампаж В. В. Шкорпила, которым воспользовался Латышев (см. КБН-альбом), ничего определенного на это не указывает, да и Шкорпил (он единственный видел подлинник) усмотрел только 2 строки. Отсюда заключаем, что эпитафию Дию поставила женщина по имени Ἄρμα (прозвище Афродиты у дельфийцев: *Plut. Amat.* 23), теоним вполне становится антропонимом; немало греческих имен на Ἄρμo- и -αρμoς образовано от ἀρμός «связь» [Bechtel, 1917, S. 75].¹ Пример постановки ран-

¹ Ю. В. Откупщиков [1988, с. 29] не исключил связь этого прозвища с малоазийским божеством Αρμα — Месяц, Луна.

него надгробия с указанной формулой от имени женщины: Δαμοτίμοι τόδε σάμα φίλα Φερύσσας μάτηρ Ἀμφιδάμα κτλ. «этот памятник Дамотиму любезная соорудила мать, Амфидама» [Jeffery, p. 406, pl. 32. 2]. Обращает на себя внимание, что приведенные примеры с формулой *dat.* — *nom.* текстурально пространны (как и прочие образцы в сборнике Л. Джеффри), тогда как нимфейская эпитафия минимально краткая. Это особенность ранних прозаических боспорских эпитафий в целом — они лишены текста и обычно включают лишь имена, иногда с терминами родства (КБН 183: Ζώιλος [Σ]πίθωι, IVa). Эпитафии, построенные по формуле *dat.* — *nom.* нечасты, но употреблялись и в римское время, в особенности *nom.* — *dat.* (к примеру, комм. к КБН 183, [Samsaris, 1989, p. 228]).

Итак, наш текст: Δίωι | *Αρμα «Дию поставила надгробие Арма».

3. Эпитафии и монетные легенды Нимфея.

Недавно опубликованы две эпитафии первой пол. V в. [Соколова, Павличенко, Каспаров, с. 326/39]: 1) Ποσειδέ | ωνίῳ τῷ Θ | εομνήστῳ «стела Посидония, сына Теомнеста». 2) Μολπο | θέμιος τῷ Ἀλεξ | άνδρῷ «стела Мольпотемия, сына Александра». Эпитафии интересны своим ярким ионийским колоритом — неслитное *εω* в имени Посидония, сам подбор имен, в особенности Мольпотемий, Теомнест (но аттич. ὀ). Эти же черты свойственны и вотиву Теопротида, сына Мегакла [Соколова, Павличенко, с. 101]. Все это свидетельства основания Нимфея колонистами из Ионии, возможно, с Самоса.¹ Уже М. М. Худяк [1962, с. 17] считал его метрополией Нимфея, хоть без аргументации, но идея прижилась [Нимфей, 1999, с. 5]. «Самосский вопрос» получил в последнее время новый импульс благодаря публикации серебряных монет Нимфея второй четверти, последней трети или конца V в. [Мельников, 2009, лит.] с легендами ΣΑΜΜΑ, ΣΑΜ, ΣΑ. Сначала в них видели имя тирана, скифского вождя или основателя города, новое название города (обзор лит. [Столба, 2002, с. 13 сл.; Русяева, 2002, с. 206/7; Терещенко, 2004; Суриков, 2004; Мельников, 2007, с. 331 сл.; Строкин, 2009]). Однако трактовка легенды в качестве личного имени проблематична, так как на боспорских монетах V–IV вв. безраздельно господствуют этникины (ΠΑΝΤΙ, ΠΑΝ, ΠΑ, ΝΥΝ, ΝΥ, ΘΕΟΔΟΣ, ΘΕΟΔΟ, ΘΕΥΔΟ, ΘΕ, ΦΑΝΑ, ΦΑ), может быть, представлен один этноним (ΣΙΝΔΩΝ) и теоним (параллельный чекан в Пантикапее, вероятно, храмом Аполлона Иетра, монет с легендой ΑΠΟΛ).² Антропонимов нет, они появляются только в III в. в виде царского титула и имени пра-

¹ Из перечисленных имен на Самосе представлены Мегакл, Посейдеон, Теомнест, Александр (LGPN I, 25, 216, 300, 383), нет имен Теопротид (Ib. 217: оно есть лишь на Евбее) и Мольпотемид (Ib. 320: на Самосе есть только Μολπός).

² Мы разделяем мнение о полисной чеканке монет ΣΙΝΔΩΝ, т. е. это этникон (см. с. 37). Легенда ΑΠΟΛ раскрывалась в числе прочего и как политоним (этникон) — «апол(лониатов)» (лит. [Фролова, 1995; Анохин, 1999, с. 16/9]).

вящего Спартокида (типа βασιλέως Σπартόκου). Правда, род. падеж легенд ΘΕΟΔΕΩ, ΘΕΟΔΕΟΣ на феодосийских монетах рубежа V–IV вв. хорошо введен В. Ф. Столбой [1989, с. 148] к *nom.* имени тирана или ктиста Θεόδης (по С. Р. Тохтасеву [2004, с. 154], Θεοδῆς), но и это вызывает сомнения [Анохин, 1999, с. 50]. На наш взгляд, это диалектная проблема, рассмотрим ее.

Легенды на феодосийских монетах конца V — начала IV в. ΘΕΟΔΕΟ и ΘΕΟΔΕΩ [Анохин, 1986, с. 138/9] составляют бесспорную пару, не подлежит сомнению и то, что ΘΕΟΔΕΟ означает то же самое, что ΘΕΟΔΟ [Ib., с. 139, № 73], и поскольку последняя легенда безусловно раскрывается как Θεοδο(σίων), то ΘΕΟΔΕΟ раскрывается так же — как Θεοδεο(σίων). Это *εο* вместо обычного *ο* не что иное, как гиперинизм, ошибочное построение характерной для ионийского диалекта неслитной формы. В паре ΘΕΟΔΕΟ и ΘΕΟΔΕΩ *omega* на месте *omicron* тоже гиперинизм. Примеры гиперинизмов у Геродота: Κροίσεω вместо Κροίσου, *gen. pl. neutr. αὐτέων* вместо αὐτῶν, с *εω* на месте должного *ω* [Thumb, Scherer, S. 236], что близко нашей паре Θεοδεω(σίων) вм. Θεοδο(σίων), включающей *εω* на месте *ο* (другие примеры гиперинизмов или псевдодиалектных форм [Ib. S. 241, 244]). Итак, если придерживаться имеющейся типологии боспорских легенд, нимфейская легенда ΣΑΜΜΑ *etc.* со стопроцентной вероятностью этникон, поэтому идея В. А. Анохина [1999, с. 23 сл.] о заключенном в легенде ΣΑΜΜΑ *etc.* этниконе самосцев Σαμμαῖοι «самосцы меотские», вопреки возражениям [Суриков, 2001, с. 92; Русяева, 2002, с. 210/11], заслуживает внимания, с той оговоркой, что Нимфей не расположен на Меотиде, поэтому сокращение ΜΑ означает нечто иное. Справедливо отрицая гипотезы о легенде как личном имени, И. Е. Суриков [2001, с. 95] раскрыл ее в качестве этникона *Σαμμα(ίων). Однако среди топонимов и этниконов на Σαμ- нет гемминированных форм, по причине чего В. Ф. Столба [2002, с. 14 сл.] с основанием отверг такое понимание легенды; невозможно оно и по другим причинам.¹

¹ Возражая Столбе и продолжая отстаивать свое раскрытие в ΣΑΜΜΑ этникона самосцев Σαμμα(ίων) вместо должного Σαμ(ίων) [PB, 1336], Суриков [2004, с. 320/2] привел примеры эмфатического удвоения в топонимах, наивно полагая, что ответил критику; его девственность в области ономастики проявилась и в таком переломе: «в корневой *альфе* нам продолжает слышаться какой-то странный дорицизм; в ионийском мире значительно уместнее было бы начало имени на Σημ-» [с. 320]. Во-первых, автору цитаты неизвестно, что корневая гласная в топониме Σάμος краткая [PB, 1337; LS], *s. n.*, так что слышащиеся ему «странный дорицизм» и «начало имени на Σημ-» вообще не имеют отношения к названию Σάμος — они были бы уместны при *ā* (по этой причине топонимов на Σημ- нет; название островка Σημός близ Делоса [PB, 339] иной природы, на что указывает и ударение). Во-вторых, этникон жителей острова Самос Σάμοι [PB, 1336; LS], *s. n.* Σάμος], а не Σαμαῖοι, как показалось Сурикову с его чтением монетной легенды Σαμμα(ίων); из справочника В. Папе — Г. Бензелера он мог бы узнать, что Σαμαῖοι — этникон жителей острова Кефалления, называвшегося также Σάμη [PB, 1334/5]. В-третьих, на русском языке имеется доступное разъяснение происхождения названия острова Самос, знакомство с которым позволило бы Сурикову воздержаться от самодельной лабуды: оно образовано

На наш взгляд, вопрос о легенде ΣΑΜΜΑ можно объяснить следующим образом. Многочисленные находки самосской керамики, изделий из бронзы, отдельных монет в боспорских центрах указывают на их торговые связи с Самосом [Завойкин, 1992; Монахов, с. 26 сл.; Лаптева, 2009, с. 267; Абрамов, 2009, лит.]. Самосский импорт в Нимфее послужил основанием для предположений о его более тесных связях с Самосом [Жебелев, с. 62; Худяк, 1962, с. 39–40; Кучеревская, Федосеев, с. 161; Столба, 2002, с. 22] (но ср. скепсис Тохтасьева [2004, с. 154]). Альтернатива легенд ΣΑΜΜΑ и ΣΑΜ может указывать (но не обязательно), что буквы МА составляют самостоятельный элемент, ибо нет формы ΣΑΜΜ.¹ Это, полагаем, может подводить нас к Самосу с его основным культом Геры, которая была местным вариантом популярнейшего в эгейско-малоазийско-балканском регионе божества плодородия и животного мира Великой Матери, оца же Фригийская Мать, Кибела, Атаргатис, Рея *etc.*, прозвищем Реи было также Μᾶ.² Культ Великой Матери распространен на Боспоре с V в. до н. э.³ В Нимфее с V в. ее культ осуществлялся в святилище связанных с нею кабиров [Марти, 1935, с. 65; Худяк, 1962, с. 22]. В ипостаси Ма культ Великой Матери известен во II в. н. э. в Пантикапее (КБН 74). Если признавать пантикапейские монеты с легендой ΑΠΟΛ чеканом храма Аполлона Иетра и усматривать в ней имя божества Απολλ(λων-) [Анохин, 1999, с. 16/9, лит.], то и в нимфейской легенде можно видеть этникон нимфейцев-самосцев и теоним Мать: Σαμ(λων) Μᾶ(τηρ) «Мать самосцев». В таком случае *Σάμος — первоначальное название Нимфея (догадка Сурикова [2001, с. 95]), занесенное колонистами из Эгеиды, где этот топоним распространен. Его значение «холм» вполне соответствует положению Нимфея на высоком мысу. Монеты с легендой ΣΑΜΜΑ *etc.* несут профильные изображения львиной и женской голов, лука со стрелой, горита.⁴ Скифские по духу изображения горита и лука (см. о

от догреческого слова *samo- «возвышенность» (Strabo, VIII, 3, 19; X, 2, 17), широко распространенного в балканско-эгейском регионе [Гиндин, 1967, с. 90–91; Откупщиков, 1988, с. 90, 94, 167/8]. Все это выказывает недостаточное знакомство Сурикова с греческим языком, чем и объясняется отсутствие в его монографии об Аттике переводов на русский греческих текстов, вызвавшее недоумение рецензента [ВДИ. 2007, 4, с. 191]; вдохновение он черпает лишь из англоязычной литературы.

¹ Суриков [2004, с. 323] догадался об этом по разрыву букв ΣΑΜ и ΜΑ на поле монеты, но в данном случае это слабый аргумент — к примеру, легенда ΠΑΝΤΙ делится на ΠΑΝ и ΤΙ, которые не означают двух слов.

² [Strabo, X, 3, 12; St. Byz., s. n. Μᾶσταυρα; Ростовцев, 1918, с. 124 сл.; Schwenn, Sp. 2250 f.; Nagtmann, Sp. 77 f.; Лурье, 1948, с. 205/6; Кучеревская, Федосеев, с. 162]. Μᾶ почиталась всюду в Малой Азии (Μᾶ Γαυή = «Мать-Земля») [Гиндин, 1967, с. 123 сл.]; Фракии (ΛΙ Μαβα-γαια = «Мать-Земля») [Detschew, S. 279; Гиндин, 1974, с. 151].

³ [Кобылина, 1978, с. 10 сл.; Горончаровский, 1998; Иллариошкина, 2001; 2006, с. 174/5; AC, с. 64/8, лит.; Молева, 2008; 2009а; Кузина, 2009]. КБН 21, 23 — посвящения Фригийской Матери, IIIa, Пантикапей.

⁴ Хорошее фото [Анохин, 1999, с. 24]. Здесь же [с. 57], говоря о пантикапейских монетах Левкона I, Анохин увидел в изображении льва «говорящий» тип, ошибочно

полиэтничном населении в раннем Нимфее и его округе [Грач, 1981, 1999; Зинько, 2003, 2004]) могут свидетельствовать в пользу атрибуции женской головы О. Н. Мельниковым [1992] скифской Артимпасе (лит. о ней [Народы нашей страны, с. 297]). Последняя близка Кибеле и Ехидне — змееной богине круга Великой Матери (Великой Богини) [Артамонов, 1961, с. 72 сл.; Высотская, 1979, с. 162/3; Синенко, Иллариошкина, 1994; Вахтина, 1998, с. 69–70; Шауб, 1998]. Гесихий знает Великую Мать под именем Киммерийской богини, под которой следует подразумевать Артимпасу и Ехидну.¹ В свите Кибелы непременно представлены львы (пантеры), поэтому на бляшке из Куль-обы из плеч змееной богини произрастают львиные протомы, в комплексе IIIa из станицы Лабинской бляшку со змееной богиней сопровождают три львиноголовых грифона [Шелов, 1950, с. 64/6, 68].

В таком случае все изображения на обсуждаемых нимфейских монетах имеют скифский контекст. Скифской змееной богине (она и рыбохвоста [Шауб, 2009, с. 278]) близка сирийская ипостась Великой Матери Атаргатис-Деркетто, она же Афродита Урания (Ктесий у Страбона, XVI, 4, 27), причем Деркетто, согласно Цеце, полуженщина-полурыба [РВ, 283; Симоп, Sp. 2236/40; Ростовцев, 1918, с. 124 сл.; Кондорский, с. 73, 75/6; Fontenrose, 1951, p. 125 f.; Шауб, 1998, с. 55/7]. Все эти сближения дают основания для вычленения в монетной легенде теонима Μᾶ(τηρ) как божества того же круга (повторим, легенда ΣΑΜΜΑ представлена на монетах с изображением женской и львиной голов). Изображения местных божеств на монетах идут с раннего времени, они часто сопровождаются пояснительной легендой-теонимом (например, имя Σεγύστα при изображении женской головы на монетах Сегесты, на другой стороне этникон Σεγύστα(ων)).² В святилище Кибелы соседнего города Китея с середины IVa встречены терракотовые фигурки богини и граффити МА [Молев, Молева, с. 223], т. е. теоним Μᾶ(τηρ), либо даже Μᾶ. Последнее — короткая «детская» форма; в эолийском и до-

полагая, что форма Λεόκων КБН 180 (IV в.) указывает «на самого Левкона», т. е. подразумевая, что имя Λεόκων связано со словом λέων «лев». Однако форма Λεόκων всего лишь диалектный вариант обычной формы Λεύκων (от λευκός «светлый»), обязанный мене дифтонга ευ на εο в ионийском диалекте — особенно в IV в., но встречающийся и в койне [Thumb, Scherer, S. 253; Buck, 1968, p. 33] см. выше с. 143.

¹ Hesych., s. n. Κιμμερίς θεά· ἡ μήτηρ τῶν θεῶν. По мнению М. Ю. Вахтиной [1998], иконография изображенного на келермесском зеркале скифского женского божества восходит к крито-микенским памятникам. Последние, заметим, заключают в себе и эгейскую и ближневосточную традиции, как изображение (Великой) богини с геральдически предстоящими животными на крышке круглой шкатулки из слоновой кости XIII в. из сирийской Минет-эль-Бейды [Frankfort, 1996, p. 265/6].

² [Зограф, с. 82/3; Guarducci, 1970, p. 620]. Длинный список подобного рода легенд при изображениях божеств, в том числе голов или фигур богинь [Guarducci, 1970, p. 656–672]. В интересующем нас плане это легенда ΔΑΜΑΤΗΡ при женской голове на монетах Метапонта Va; на монетах о. Сироса ок. 200a ΘΕΩΝ ΚΑΒΕΙΡΩΝ ΣΥΡΙΩΝ, на монетах сирийского Гиераполя имя Атаргатис — ΘΕΛΣ ΣΥΡΙΑΣ [p. 660, 664, 669].

рийском слово μά «мать» известно рано, оттуда у Эсхила (Suppl. 890, 899); параллельная форма Μάτηρ, в том числе аттическая (Soph. Oed. Col. 1481 [Thumb, Scherer, S. 329]).¹ Лигла Ма известно в Причерноморье с Ia и только в Пантикапее (примеров несколько [КБН, с. 881 = LGPN IV, 217]). Поскольку форма Ма стала употребительной в римское время, буквы МА легенды на нимфейском серебре — сокращение полной формы теонима: Σαμ(ίων), Μα(τρός) «монета самосцев, храма (?) Матери». Язык легенды в таком случае аттический.

Когда имеешь дело с уникальным явлением, лучше наметить не одно, а два и более вариантов объяснения, поэтому предложим и другое понимание легенды ΣΑΜΜΑ etc. В греческом группа λμ ассимилировалась в μ, например, название горы на Крите Σαλμώιον писалось также Σαμμώιον > Σαμμίον, лигла Σαλμίας — Σαμμίας [РВ, 1332, 1336]. Топоснова Σαλμ- «соль, соленый» распространена в эгейско-балканском регионе: Σάλμος — город в Беотии, Σαλμακίς — источник и город в Карии, Σαλμυδησσός — город в Западной Причерноморье и др. [РВ, 1332; Георгиев, 1958, с. 133; Дуриданов, с. 101; Откупщиков, 1988, с. 166]. Нимфей расположен при устье соленого Чурубашского залива (озера), что и могло обусловить название местности типа *Σαλμακίς > *Σαμμακίς и под. Если это действительно было древним названием Нимфея, легенда ΣΑΜΜΑ может быть раскрыта как этникон жителей города — Σαμμα(κέων), Σαμμα(ταίων) и под.

НАДПИСИ IV–I вв. до н. э.

1. Посвятительная надпись КБН 26

Фр. мрам. плиты, обколот со всех сторон, кроме верхней: [βασιλεύοντος Σ]πартόκου [τοῦ | Παιρισάδο?]υ καὶ ἱερωμέν[ου τοῦ | δεῖνος τοῦ Μ]αιανδρίου [ὁ δεῖνα | -- Φαι]νίππου I(?)--||[ἀνέθηκε διὰ Σ]ωτήρι (КБН). По существу текст КБН воспроизводит реконструкцию В. В. Латышева (IOSPE II, 308),¹ который предположил, что текст немного продолжался и справа — в стк. 2 он читал ἱερωμέν[ου]|, в стк. 3/4 дал перенос [ὁ δεῖ|να]. Полагаем, однако, что справа текста не было, так как стк. 1 оканчивается полным именем, а в стк. 3 справа от [Μ]αιανδρίου чистое место, что при уплотненности букв указывает — текста тут не было. Поэтому слегка изменяем аранжировку текста по строкам. Латышев датировал надпись III в. (поддержали Н. С. Белова [1984, с. 84], со ссылкой на нее В. П. Толстикова, Ю. Г. Виноградова [1999, с. 292]) и связал со Спартоком IV, издатели КБН отнесли ее ко времени не ранее конца III, скорее к первой пол. II в., связав со Спартоком V. Отметим, что письмо боспорских надписей III–II вв. нуждается в специальном исследовании, чтобы уверенней расположить их в относительной последовательности, до этого датировки и атрибуции поздним Спартокидам условны, как в случае с данной надписью.² Свойственное им декоративное письмо, навеянное папирусными образцами, было в употреблении и в III и во II вв. до н. э. Если говорить о посвящении КБН 26, то по неглубокой резьбе и изысканно тонким формам букв надпись близка посвящениям КБН 21, 23, 1036, датированным временем Перисада Спартокова, под которым обычно подразумевают Перисада II (ок. 280 — после 250), следовательно, наш Спарток — сын этого

¹ Издатели КБН в абсолютном большинстве надписей воспроизвели тексты и комментарии из рукописи IOSPE II² В. В. Латышева (условное обозначение «Архив»), что и послужило справедливым основанием для мнения всех рецензентов: КБН следовало издать под его именем. Для экономии места мы далее приводим тексты и комментарии к надписям по КБН, не вдаваясь в детальное изложение предшествующей этому изданию истории текста и интерпретации надписи, поскольку издатели КБН обычно указывают, какому издателю или комментатору принадлежит чтение всей надписи или отдельных ее элементов (как правило, это В. В. Латышев).

² Н. С. Белова [1984] рассмотрела этот вопрос применительно к III в.

¹ Ма не сокращение от Μάτηρ, а «детское» слово [Hartmann, Sp. 82].

Перисада, т. е. он Спарток IV, правивший в третьей четв. IIIa [Белова, 1984, с. 84]. Таким образом, подтверждается дополнение в левой лакуне патронимика [Παιρισάδο(?)], что указывает на утрату слева ок. 9 букв. Поскольку у этого патронимика находится под сигмой имени Спартока, а дополнение [Βασιλεύοντος] в левой лакуне стк. 1 прочно, недостающие 3 буквы можно заполнить членом τοῦ, как в Σπα(ρ)τόκου τοῦ Εὐμ(ήλ)ου или Παιρισάδου τοῦ Σπартόκου посвящений КБН 19, 25. В конце стк. 4 В. В. Латышев по эстампажу усмотрел связку κ[αί], издатели КБН показали только вертикаль I, что видел и я. В любом случае дополнение слова [ἀνέθηκε] в стк. 5 при установленном размере лакуны невозможно. Предположительно дополняем [? "Hραί | καὶ Διὶ Σω]τήρ[ι], ср. в посвящении 82p КБН 76 θεο[ῖς Διὶ καὶ] Hρα Σωτήρ[σ]ιν, также в манускрипте 105p КБН 1021 отпущенник посвящен Δίει καὶ "Hρα. В целом читаем: [Βασιλεύοντος Σ]πартόκου [[τοῦ Παιρισάδο]υ καὶ ἱερωμέν[ου | τοῦ δεῖνος Μ]αιανδρίου | [ὁ δεῖνα Φαι]νίππου [? "Hραί || καὶ Διὶ Σω]τήρ[ι] «при царе Спартоке, сыне Перисада и жреце имярек, сыне Меандрия, такой-то, сын Фениппа, Гере (?) и Зевсу Спасителю (посвятил)».

2. Посвятительная надпись КБН 240

Фр. плиты с остатками трех строк надписи: --ΑΠΑ--|--Ι--|--Λ/Δ-- (в стк. 3 читается лямбда или дельта). «Латышев полагал, что обломок относится к надгробной надписи» (КБН). Надпись выполнена монументальным письмом IV или IIIa. Ключ к ее пониманию дает то обстоятельство, что она найдена неподалеку от посвящения за Перисада, Камасарию и Аргота Афродите: Ἀφροδείτη Οὐρανία Ἀπατούρου μεδευούση (КБН 75). Это позволяет читать в стк. 1 КБН 240 Ἀπα[τούρου], понимая надпись посвятителем:

[ὁ δεῖνα τοῦ δεῖ-
νος ἀνέθηκεν Ἀφρο-
δείτη Οὐρανία] Ἀπα-
τούρου μεδευούση] uac.
[ἀρχοντος Παιρισά]δ[ου]

«такой-то
посвятил Афродите
Урании, владычице
Апатура,
при архонте Перисаде».

Мы восстановили текст по простейшей конструкции посвящений III в. КБН 18, так как сохранившийся текст слишком мал. Длину строки ок. 16 букв дает стк. 4. Мрам. доска с надписью тонкая (2 см), поэтому она не была широкой и текста в строке было немного.

3. Посвящение Гераклида (?) КБН 889

Фр. мрам. плиты с мыса Змеиный, обломан со всех сторон. Текст КБН: --|--ρτο--|--ρακλε--|--ηρα--|--. Хорошее письмо этого документа IIIa свиде-

тельствует в пользу восстановления его А. И. Болтуновой в качестве посвящения: [Βασιλεύοντος Σπα]ρτό[κου τοῦ Παιρισάδου Ἴ]Hρακλε[ίδης ἱερωμένος ?] ἼHρα[κλεῖ] «при царствующем Спартоке, сыне Перисада, Гераклид, отбыв жрецество (?), посвятил Гераклу». В пользу такого понимания надписи может указывать и возможное наличие имени Гераклид в кругу поздних Спартокидов (вотив дочери Скилура, выше, с. 197).

4. Посвящение Дионису КБН 826

«Обломок левого края мрам. плиты», текст КБН: Ω | ΤΟΝ | ΔΙΙ | ΕΥΧ. По письму надпись относится ко II — первой пол. I в. до н. э. Латышев справедливо усматривал в стк. 3-4: Διὶ Σ[ω]τήρι--|| εὐχ[αριστήριον]. Отметим, что εὐχ[αριστήριον] в обетной практике Боспора эпиграфически не засвидетельствован, в обетных посвящениях употребительно εὐχή (КБН 1116, 1260 и др., Пp). Обратим внимание на значительную толщину камня — 0,5 м, так что это не просто обломок мраморной плиты, а фрагмент постамента или алтаря, в связи с чем отметим, что в стк. 2 после омикрона читается не τόυ, а τόυ (вполне видны диагонали перемычки Μ); так как это вин. падеж артикля, он относился к слову, начинавшемуся с губной согласной. Этому условию вполне отвечает слово βωμός, которое соответствует дат. падежу теонима Διὶ «Зевсу». Таким образом, алтарь поставлен по обету Зевсу. Латышев не объяснил причину дополнения им эпиклезы Сотер, но мы обратим внимание, что в стк. 1 перед омегой просматриваются очертания сигмы, и понятно, что в обетной надписи это не столько имя на Σω- (хотя и это не исключено), сколько какое-либо производное от σώζειν «спасать» или σωτηρία «спасение» (как, к примеру, в посвящении Зевсу Сотеру за «спасение города» IOSPE I² 162; Syll.³ 402, 408 etc.). Поскольку неясно, за личное спасение поставлен этот алтарь или коллективное, в дополнении опускаем детали и читаем надпись так:

[ὁ δεῖνα ὑπὲρ || σω]τηρίας|| τὸμ [βωμόν]|| Διὶ [Σω]τήρι|| εὐχ[ῆς χάριν]
«такой-то за спасение посвятил этот алтарь Зевсу Спасителю по обету».

5. Каталог граждан Нимфея КБН 912

На уцелевшей части плиты имена и патронимики горожан написаны в 3 столбца. Справа и сверху плита отбита, но небольшая часть верхней грани сохранилась, так что стк. 1 среднего столбца 2 — первая строка надписи в целом. Это позволяет заключить, что в каждом столбце было по 20 строк с именем-отчеством (в столбце 2 на 1 строку меньше). При толщине плиты 11 см ее ширина не могла быть более 2 м (ширина сохранившейся части 1,05 м), следовательно, справа утрачены 1-2 столбца. Всего было 4-5 столбцов, которые вмещали 160-200 строк, столько лиц и упоминалось в списке (по 20 человек в каждом столбце). Сохранившаяся часть плиты имеет вид треугольника

(Δ), так что левый и правый сохранившиеся столбцы короче среднего — слева 11 строк, справа 15. В левом столбце уцелело 17 имен-патронимиков, в среднем столбце, целиком сохранимом, 38 имен-патронимиков, в правом 15 имен. Таким образом, сохранилось 70 имен-патронимиков из 300-400. Список 160-200 человек соответствует спискам граждан небольшого полиса эллинистического времени. К примеру, ок. 300 лиц упоминалось в каталоге граждан Ольвии IOSPE I² 201 того же III в., что и нимфейский список [Яйленко, 1990, с. 281].¹ Поскольку это было кризисное время после распада империи Сцифики, и в греческих городах Сев. Причерноморья социальное напряжение усугублялось (лучше всего это освещено ольвийскими источниками [Яйленко, 1987, с. 10-11; 1990, с. 283; 1998, с. 127/9]), возникала необходимость точно фиксировать круг полноправных граждан полиса. Таков, на наш взгляд, характер и нимфейского списка имен. Поскольку облом имеет вид треугольника, строке 10 столбца 2 соответствует сохранившаяся стк. 1 столбца 1; стк. 1 столбца 3 соответствует строке 3 столбца 2. Видимо, по наборной ошибке строки столбцов 1 и 2 в тексте КБН сдвинуты, так что строка 1 столбца 1 соответствует не строке 10 столбца 2, а строке 9. Сравнение с маюскулярным текстом Латышева (IOSPE IV, 205) показывает, что поныне камень имеет почти ту же меру сохранности. В нескольких случаях издатель КБН показали те буквы, которых на камне не было и, напротив, не дали тех букв, которые видны на эстампаже К. Думберга (Латышев дал маюскулярный и минускулярный тексты надписи с него, камня он не видел; *vidi*). Стлб. 1, стк. 2: Ἀυτηριίδου (КБН), у Латышева и на камне двух первых букв нет, читай с Латышевым [Ἀυ]τηριίδου. Стлб. 1, стк. 5: --υς Ἀντιφάνου (КБН), камень: -υς, однако у Латышева показано --υις Ἀντιφάνου, следовательно, скол здесь с тех пор увеличился; правильно исходное чтение Латышева. Стлб. 2, стк. 2: Πολυκρίτου (КБН), на камне целиком виден *ипсилон*, так что читай Πολυκρίτου. Стлб. 2, стк. 3: --εας Μοσχίωνος (Латышев, КБН), причем в маюскулах Латышев показал следы букв ΕΛΣ; хотя сейчас на камне различаются только *эпсилон* и *сигма*, приемлемо чтение Латышева. Стлб. 2, стк. 4: --υος Καλλιμάχου (Латышев, КБН), камень: -υος. Стлб. 3, стк. 1: Απ- (Латышев, КБН); на камне после *альфы* буква неразборчива (может быть, Ρ или Β), так что лучше ограничиться чтением одной *альфы*. Стлб. 3, стк. 10: Ἀκουσί[εως] (КБН), Ἀκουσί[λεως] — Латышев, тем не менее показавший на маюскулах вместо *лямбды* *дельту*; камень: ΑΚΟΥΣΙΔ, так что читай: Ἀκουσί(λ)[εως].

6. Почетная статуя в честь Евмела (?) КБН 802

Двухстрочная надпись на фр. известняковой плиты, известная только по архивному рапорту А. Е. Люценко: ΙΑΚΑ | ΑΤΟΡΑ, помещена в КБН в раз-

¹ Формальный признак каталога граждан, отличающий его от других списков имен — повторяющиеся имена сыновей и отцов. В нимфейском списке по 2 патронимика Апатурий, Поликрит, Проматион, Антифан (причем у двоих имя Антифан), Мосхион и сын Мосхиона, Акусилаи и Акусилаевич.

деле надгробий. Рисунка надписи Люценко не дал, поэтому дата неизвестна. Однако примерное ее время устанавливается по связи с Золотым курганом — она найдена в каменной кладке под его насыпью, сложенной в основном из рваного известняка с включением нескольких тесаных известняковых плит. Курган полностью ограблен, так что материала для его датировки нет, но архитектура склепа в целом характерна для IV-III в. Преобладает мнение о сооружении Золотого кургана в конце IV — начале III в. и эта дата — наиболее вероятный *terminus ante quem* для надписи.¹ Ее тип устанавливается методом исключения. Боспорская эпиграфика IV-III в. представлена эпитафиями, посвящениями, почетными надписями (проксенией эта надпись быть не может). Двухстрочные надписи характерны для эпитафий — из 87 пантикапейских надгробий IV в. (КБН 152-239) 51 двухстрочная (21 в 3 строки, 6 в 1 строку, 9 в 4 и более строк). Для пантикапейских посвящений (КБН 6-26), напротив, характерны тексты в 3 и более строки: из 22 посвящений таковых 13, 7 вотивов в 2 строки, однострочных 2. Ни комментаторам КБН, ни нам не удалось прочесть надпись как эпитафию. С другой стороны, буквы ΑΤΟΡΑ естественно воспринимаются в качестве вин. падежа слова или имени к *nom.* на -ατωρ. Вин. падеж свойствен почетным надписям, которые появляются в Греции и на Боспоре в IV в. (первый пример у нас — декрет аркадян КБН 37: Λεύκωνα [τὸν Σατύρῳ]). Может быть, КБН 802 — часть почетной надписи в честь боспорского царя конца IV в. — начала III в. с эллинистическим титулом [Νικ]άτορα. Первый обладатель этого титула Селевк I (312-281, OGIS 233, 245), на Боспоре единственный возможный кандидат в «Победители» из царей конца IV в. — начала III в. Евмел (309-304), его преемники, судя по их титулатуре, слабы. Обратим внимание, что своего сына и преемника на престоле Евмел назвал как раз Селевком (выше, с. 76). И. Тулумаκος справедливо объяснил появление на Боспоре имен приближенных Александра Македонского Селевк, Пердикка, Филота, Роксана, ранее тут неизвестных, подражанием Спартокидов основателям эллинистических государств [Touloumakos, S. 258]. Поскольку эллинистические традиции разного рода, в том числе обожествление царя, проявились на Боспоре рано [Яйленко, 1990, с. 308/9; Анохин, 1999, с. 67, 73, *ср.* 68] и поскольку Евмел был воинственным правителем (по Диодору, он очистил Понт от пиратов и присоединил к своему царству множество окрестных народов), принятие Евмелом титула Νικάτωρ возможно, что позволяет нам дать предположительное чтение рассмотренной надписи:

[e. g. Εὐμηλον ἄρχον]τα καὶ βασιλέα | Βοσπόρου, νικ]άτορα [ὁ δεῖνα]
«(?) Евмела, архонта и царя Боспора, Победителя (его статую), поставил такой-то».

¹ Одни считают его самым ранним из боспорских курганов времени Спартокидов, другие обходятся суммарной датировкой; изучавший склепы В. Д. Блаватский [1985, с. 148] отнес Золотой курган к последним десятилетиям IV в. или немного позднему времени, что подтвердил Ю. А. Виноградов [2009, с. 81/2]: конец IV — начало III в.

Восстановление сделано по конструкции почетно-посвятительной надписи КБН 20; возможно, как и она, реконструированный документ завершался именем бога, которому посвящался памятник. В основном пантикапейские надписи Спартокидского времени не мемориального характера, т. е. посвящения, почетные надписи и проксении, писались на мраморе, но некоторые сделаны на известняке (КБН 8, 12, 15, 16, 24), как и КБН 802. Конечно, предложенное понимание надписи предположительно, так как слов на «стар» предостаточно [Locker, S. 210/11]. Однако, если придерживаться за свидетельствованной на Боспоре лексики и ономастики эллинистического времени, то вариант один — опять таки царский эпитет, *acc.* Εὐπάτορα в нимфейской почетной надписи в честь Митридата Евпатора (см. с. 199).

7. Заметки к КБН.

75. Посвящение фиаса за Перисада, Камасарию, Аргота получило дополнительное освещение в новонайденной эпитафии Аргота из Неаполя Скифского, в которой он именуется «прославленным и могучим повелителем Скифии» [Зайцев, с. 52/4; Виноградов, Зайцев, 2003; Сидоренко, 2005].

977. Это посвящение «отеческим богам», по устному сообщению В. Д. Блаватского, раскопками которого она найдена, датируется эллинистическим временем.

1036. Об этом посвящении Гераклу статуи частного лица [Белова, 1984, с. 80].

НАДПИСИ ВРЕМЕНИ АСПУРГА, КОТИСА I И РЕСКУПОРИДА II

К правлению Аспурга (11–38р) относятся 2 его рескрипта (с. 296), посвячительно-строительная надпись КБН 39 от 23р и почетная надпись КБН 40.

1. Посвящение за Аспурга и почетная надпись в его честь — КБН 39, 40

Посвящение КБН 39 сделано на обломанном справа фр. мрам. архитрава какого-то сооружения; текст и пер. КБН:

Βασιλεῖ μεγάλῳ Ἀσπούργῳ φιλορωμαίῳ, τῶ[ι --]
 βασιλεύοντι παντὸς Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας κα[ὶ Σίνδων καὶ Μαίτων καὶ
 Ταρπείων καὶ Τορετῶν]

Ψησῶν τε καὶ Ταναϊτῶν, ὑποτάξαντι Σκύθας κα[ὶ Ταύρους --]
 τῶι ἑαυτοῦ σωτῆρι καὶ εὐεργέτῃ καθιέρωσε --
 ἐν τῶι κτ' ἔτε[ρ]ι καὶ μηνί --]

«Великому царю Аспургу, другу римлян..., царствующему над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетами, псесами и танайтами, подчинившему скифов и тавров..., своему спасителю и благодетелю посвятил ... в 320 году и месяце...» Целиком сохранившаяся почетная надпись КБН 40 сделана на мрам. постаменте. Текст и пер. КБН:

Βασιλέα μέγαν Ἀσπούργον φιλωρῳμαίον, τὸν ἐκ βασιλείως Ἀσανδρόχου,
 φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρῳμαίον, βασιλεύοντα παντὸς Βοσπόρου, Θεοδοσίας
 καὶ Σίνδων καὶ Μαίτων καὶ Ταρπείων καὶ Τορετῶν, Ψησῶν

τε καὶ Ταναειτῶν,
 ὑποτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους, Μενέστρατος β' ὁ ἐπὶ τῆς νῆσ<σ>ου
 τὸν ἑαυτοῦ σω-

τῆρα καὶ εὐεργέτην

«Великого царя Аспурга (его статуя), друга римлян, происходящего от царя Асандроха, друга цезаря и друга римлян, царствующего над всем Боспором, Феодосией, синдами, мантами, тарпитами, торетами, псесами и та-

начальник острова, подчинившего скифов и тавров, Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, (поставил) своего спасителя и благодетеля». Рассмотрим текстологию первой надписи. Издавший ее В. Д. Блаватский дополнил утраченные части по надписи 40, близкой по содержанию. Комментаторы КБН приняли его дополнение в стк. 2 — перечисление союзных народов, но опустили дополненное в стк. 1 указание на происхождение Аспурга от «царя Асандроха», так как реконструированного Блаватским титула Асандроха $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\varsigma$ καὶ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\upsilon$, по их справедливому мнению, у Асандроха не было (также в надписи из так наз. «дома Хрисалиска» [Сокольский, 1976, с. 40] и вотиве Аспурга из Фанагории [Кузнецов, 2006, с. 157] Асандрох назван просто царем).¹ Они сочли, что естественней отнести этот титул к Аспургу и «в этом случае пришлось бы допустить двукратное упоминание в тексте надписи одного и того же титула Аспурга $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, как это имеет место в надписи 40». На наш взгляд, все проблемы с дополнением текста надписи 39 решает то обстоятельство, что надписи 39 и 40 не только почти одинаковы по тексту, но и сделаны одним резчиком, на что указывает идентичный характер их исполнения (см. КБН-Альбом). Обе они пятистрочные, в обеих последняя строка короче предыдущих и размещена посередине поля. Идентичен по исполнению старт обоих документов — первая буква стк. 1 вынесена левее старта стк. 2-4 и в обоих случаях это *бета*, — уникальный прием. Близок шрифт обоих памятников, к примеру, характерная *омега* с округлыми «лапками», нижняя петля *беты* больше верхней настолько, что по очертаниям буква пузата, окружность Φ уплощена и т. д. Имеющиеся же различия (*альфа* в одном случае с ломаной перекладной, в другом горизонтальной и *нр.*) относятся к набору декоративных деталей. Это означает, что почетная надпись 40 поставлена около того же 23 г. н. э., когда сделано посвящение 39. Близость документов по времени, очевидная идентичность их композиционной структуры и почти полная одинаковость текста дают все основания читать единую титулатуру царя и усматривать в Менестрате заказчика обоих памятников.

В надписи 39 титул Аспурга краток: $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ μέγας, $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\omicron\nu$ (+ топонимы и этнонимы). Рескрипты царя от 15 г. н. э. и манумиссия КБН 985 от 16р дают тот же титул $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ μέγας, $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, каким он был у Асандра и Динамии. Следовательно, Асандр воспринял титулатуру этой царской четы. В почетной надписи КБН 40 титул тот же, но расширен новым звеном $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ — Аспург теперь $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ καὶ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$. В стк. 3 после титула царя упоминается лицо, поставившее надпись; в почетной надписи 40 это Менестрат, сын Менестрата, начальник острова. В надписи 39 имя и должность заказчика не сохранились, но уникальная близость обо-

¹ По этой причине ошибочно предположение В. И. Горемыкиной [1956, с. 136/8], что титул стк. 2 $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ καὶ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\nu$, стоящий после имени Ἀσανδρόχου, относится к Асандроху, а резчик допустил ошибку в согласовании падежей, повторив *acc.* вместо *gen.*

их памятников по всем параметрам — и материальным и содержательным, дает основание видеть в ней того же Менестрата. Стк. 3: $\tau\alpha\nu\alpha[\epsilon]\iota\tau\omicron\nu$ (КБН), на камне *эпсилон* вполне виден; в стк. 4 не отмеченная в КБН лигатура NE слов $\tau\omicron\nu$ $\epsilon\alpha\nu\tau\omicron\upsilon$. В целом читаем надпись КБН 39 так:

$\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota$ μέγλωι Ἀσπούργωι $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\omega\iota$, τῶι [ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου,]
 $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\omicron\nu\tau\iota$ παντὸς Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ Σίνδων καὶ Μαίτων,]
 $\Psi\eta\sigma\omega\nu$ τε καὶ $\tau\alpha\nu\alpha\iota\tau\omicron\nu$, ὑποτάξαντι Σκύθας καὶ Ταύρους *e. g.* τὸν ναὸν τοῦτου]
 $\tau\omicron\omega\iota$ $\epsilon\alpha\nu\tau\omicron\upsilon$ σωτήρι καὶ εὐεργέτη καθιέρωσε [ν Менέστρατος β' ὁ ἐπὶ τῆς νήσου]
vas. ἐν τῶι κτ' ἔτε[ι καὶ μηνί--] vas.

«Великому царю Аспургу, другу римлян, сыну царя Асандроха, царствующему над всем Боспором и Феодосией, синдами и меотами, псесами и танаитами, подчинившему скифов и тавров, (e. g.) этот храм своему спасителю и благодетелю посвятил Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, в 320 году и месяце...» При таком чтении надписи стк. 1 содержала 57 букв, стк. 2 55 букв, стк. 3 57 букв, стк. 4 61 букву. Иначе говоря, резчик распределил текст стк. 1-4 так, чтобы справа они завершались примерно на одной вертикали. Такую картину дает близкая почти по всем параметрам и надпись 40, имеющая в стк. 1 55 букв, в стк. 2-3 по 60, в стк. 4 62 буквы; концы строк заканчивались у одной вертикали, последняя строка короткая, размещена посередине поля. Для того, чтобы выдержать такое распределение букв в строке КБН 39, удаляем этнонимы тарпетов и торетов — они часть упомянутых уже меотов. Текстурально надписи разнятся и тем, что 39 датирована, а 40 нет, и это обусловлено их типологией — в почетных надписях точная дата не обязательна, поэтому в надписи 40 ее нет, в строительных надписях дата обязательна, поэтому в посвячительно-строительной надписи 39 она представлена. Надпись 39 сделана на архитраве посвященного Аспургу здания — портика, храма или *нр.*, почетная надпись 40 на постаменте статуи царя. Сооружение обоих памятников примерно в одно и то же время и удивительное повторение в 40 вслед за $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ стк. 1 полной пары $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ καὶ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ позволяет предположить, что сооружены они как раз по поводу обретения царем титула $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$. Аспургу пришлось добиваться в Риме признания своих прав на боспорский престол [Блаватская, 1965а]. Согласно надписи 40, Аспург происходит «от царя Асандроха», в титулатуре которого значится только титул «царь»; отсутствие титула $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, имевшегося у Асандра и Динамии, указывает, что Асандрох не был легитимным наследником этой бездетной царской четы. Аспург добился у Тиберия и титула $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$, так что, вероятно, титулы $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\nu$ стк. 1 КБН 40 и $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ καὶ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\nu$ стк. 2 представляют собой механическое повторение старого и нового титулов Аспурга. Само это повторение воспринимается как свидетельство только что свершившегося события — к устоявшейся титулатуре царя добавлен только что обретенный титул $\phi\iota\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$. Дата КБН 39 320 г. б. э. = 22 г. н. э. указывает время этого события. Тиберий признал Аспурга царем лишь в 15р (выше, с. 257), так что, по нашей интерпретации, дополнительный титул был получен позднее. См. также с. 647.

2. Почетная надпись в честь Котиса I КБН 42

В КБН принято восстановление фрагмента почетной надписи, предложенное А. И. Болтуновой, текст и пер. КБН:

[Τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλέα Τιβέριον
 Ἰούλιον Ρησκούποριν υἱὸν βασιλέως Βοσπό-
 ρου Κότυος τοῦ Ἀσπούργου εὐσεβοῦς φιλοκαίσαρα
 [καὶ φιλορώμαιον, εὐσεβῆ, ἀρχιερέα] τῶν Σεβαστῶν
 5 [διὰ βίου καὶ εὐεργέτην τῆς πατρίδος Τι(βέριος) Ἰούλιος
 [Σαυρομάτης Ρησουπόριδος υἱὸς] τὸν ἴδιον πα-
 τέρα καὶ εὐεργέτην ἀνέστησα ἐν τῷ] πτ' ἔτει

«Происходящего от предков-царей, сына царя Боспора Котиса, сына Аспурга, благочестивого, царя Тиберия Юлия Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, пожизненного первосвященника августов и благодетеля отечества, я, Тиберий Юлий Савромат, сын Рескупорида, собственного своего отца и благодетеля (его статуя) поставил в 390 (?) году». И так, Болтунова усмотрела в конце дату ϕΤ = 390 г. б. э. = 93 г. н. э. и заключила, что памятник поставлен Савроматом I в честь Рескупорида II. По мнению комментаторов КБН, цифра Т видна хорошо, а коппа не вполне правильно вырезана или плохо сохранилась, поэтому они сопроводили усмотренную Болтуновой дату вопросом. И на наш взгляд, перед хорошо читаемым Т даты нельзя усмотреть коппу (она обычно имеет форму σ в этой надписи с прямыми углами) — вертикальная гаста с верхней горизонталью есть, а нижней горизонтали и характерного для этой буквы свисающего с нее крючка нет. Принять эту букву за иоту тоже нельзя, потому что есть крышечка (отпадают также М, Ν), кроме того она дает дату 310-319 гг. б. э. = 13-22 г. н. э. (без цифры первого десятка), а надпись не может быть древнее времени Котиса I (45-67), в титулатуре которого впервые появляется элемент ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν. Поскольку над этой гастой лежит горизонталь, усматриваем цифру Π. По обеим сторонам ножки Т и слева от Π проставлены точки, отделяющие цифры одна от другой; что они не случайны, указывает расположение их на одном уровне. Цифра первого десятка или отколота или ее вовсе не было. Дата 380 г. б. э. = 83 г. н. э. приходится на правление Рескупорида II (68-92), который, следовательно, поставил надпись в честь своего отца Котиса I (если была цифра первого десятка, предельная дата 389 г. б. э. = 92 г. н. э.). В соответствии с полученной датой читаем:

[βασιλέα Βοσπόρου μέγαν Τι: Ἰούλιον
 [Κότυν εὐσεβῆ, υἱὸν βασιλέως Βοσπό-
 ρου Ἀσπούργου εὐσεβοῦς, φιλοκαίσαρα
 [καὶ φιλορώμαιον, ἀρχιερέα] τῶν Σεβαστῶν
 5 [διὰ βίου, βασιλεὺς μέγας] Τι: Ἰούλιος
 [Ρησκούπορις εὐσεβῆς] τὸν ἴδιον πα-
 τέρα καὶ εὐεργέτην ἐν τῷ] (?) πτ' ἔτει

«Великого царя Боспора Ту(берия) Юлия Котиса благочестивого, сына царя Боспора Аспурга благочестивого, друга цезаря и друга римлян, пожизненного первосвященника августов, великий царь Ти(берий) Юлий Рескупорид благочестивый, своего отца и благодетеля (его статуя) поставил в 380 (?) году».

Вся стк. I повреждена сколами и насечками, идущими в разных направлениях, так что вычитывать остатки отдельных букв можно, но аутентичного текста это не даст. Усмотренная Болтуновой буква Ρ — обманка: головка ее квадратная, тогда как у Ρ стк. 4 круглая. В последней букве стк. I, может быть, усматривается верхняя половина Ν. Почетные надписи начинаются с указания имени и титула чествуемого лица. Титулатура Котиса I засвидетельствована всего 4 надписями; как и у отца его Аспурга, она со временем усложнялась: «благочестивый Котис, сын Аспурга» (КБН 958, метрическая строительная надпись, поэтому титул неполон), «царь Тиберий Юлий Котис, друг цезаря и друг римлян, благочестивый» (69, 1124), «Котис, сын Аспурга, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник августов» (41). Окончательный вариант титулатуры Котиса целиком укладывается в дополнение и сохранившийся текст исследуемой надписи. Отметим вынос титула «благочестивый» в начало титулатуры (обычно он располагается после титула «друг цезаря и друг римлян»), что поддерживается титулатурой КБН 958 — «сын Аспурга, Κότυς εὐσεβῆς», но еще лучше тем, что в титулатуре Рескупорида II почетной надписи КБН 1047 титул εὐσεβῆς точно так же вынесен вперед: βασιλεὺς εὐσεβῆς κτλ., причем еще раз он проставлен и на своем обычном месте после титула «друг цезаря и друг римлян». Титула ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων, который Болтунова дополнила в исследуемой надписи для Рескупорида, у Котиса не было, дополняем титул μέγας, которым он обладал несомненно, ибо тот был у отца его Аспурга (39, 40, рескрипты) и сына Рескупорида (980); этот титул — неперенный элемент титулатуры аспургианской династии, хотя писался не всегда. Дополненный нами элемент Βοσπόρου есть у Аспурга (39, 40), так что лишь скудостью надписей с титулатурой царей I в. н. э. объясняется то, что затем он фигурирует помимо исследуемой надписи лишь у Савромата I (1048). Для соблюдения количества букв в строке дополняем имя Тиберий в сокращенном виде, как он дан в стк. 5 (то же в КБН 733), где, заметим, проставлен знак сокращения в виде двоеточия. Одинарные отточия проставлены в дате, они разделяют цифры. Титулатура Рескупорида II претерпела 3-4 стадии развития: «царь Ρ., друг цезаря и друг римлян, благочестивый» (70, 76, 986, 1126), затем добавились титулы «пожизненный первосвященник августов» и «благодетель отечества» вкуче с пышной преамбулой ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων (1047, 1118), наконец, добавилось указание на божественность происхождения (980); в 980 фигурирует также титул μέγας, а в почетной надписи 1047 комплиментарное εὐσεβῆς. В рассматриваемой надписи, относящейся к середине царствования Рескупорида, дополняем титулатуру среднего уровня — βασιλεὺς μέγας, εὐσεβῆς (в принципе можно дополнить и большее число букв, нежели мы приняли, так как левый край постамента и низ обломаны, но предпочитаем экономный вариант). Перед сокращением Τι: А. И. Болтунова усмотрела буквы ςος, в связи с чем дополнила титул Савромата I [εὐεργέτην τῆς πατρίδος (как в 41). На наш взгляд, по двум горизонталям тут определенно читается сигма, но предшествующие буквы неопределимы ввиду повреждения поверхности

камня сколами; принятый за дельту уголок не раз представлен в стк. 1, испещренной насечками. В последней строке вместо καὶ εὐεργέτην можно дополнить ἀνέστησεν, хотя почетные надписи чаще обходятся без глагола.

3. Заметки к КБН

КБН 985. Первая надпись, датированная по вифинско-понт. эре на Боспоре — фанагорийский декрет о ветеранах [Виноградов, 1991]; впрочем, О. А. Габелко [2005а] не исключает датировки ее по эре Кимиатены. Далее по времени следуют рескрипты Аспурга, посвящение ему КБН 39 и манускрипт КБН 985, тоже его времени. Столь большой перерыв в датированной документации указывает на слабое функционирование государственного аппарата до Аспурга, при котором началось его формирование, судя по указанным памятникам.

КБН 1004. Обломок мраморной плиты с остатками 5 строк надписи I в. н. э., текст КБН: --αϰ--|--σω--|--υπ--|--ωτη--||--ουν--. В стк. 4 А. И. Болтунова усмотрела перед *омегой* кончик нижнего усика *сигмы* и читала φωτῆ[ρα] (КБН). Считаем это чтение очень вероятным, в связи с чем надпись следует понимать в качестве почетного декрета (в стк. 2 *омеги* мы не увидели):

[Βασιλέ]α μ[έγαν] ε. γ. Ρησκοῦποριν, υἱὸν βασιλέω]ς [Κότυος φιλορωμαίου, τὸν εὐεργέτη]ν πατρίδος καὶ τὸν ἑαυτοῦ σ]ωτῆ[ρα] ὁ δεῖνα τοῦ ...]ου--

«великого царя е. г. Рескупорида, сына царя Котуса, друга римлян, благодетеля отечества и своего спасителя (поставил) имярек, сын такогото, (должность)».

Надпись реконструируем лишь для демонстрации возможного содержания, по элементам почетных надписей в честь боспорских царей I–II в. н. э., поставленных сановниками (КБН 39, 40, 43, 44 и др.), вследствие чего не вдаемся в детали восстановления.

НАДПИСИ ВРЕМЕНИ САВРОМАТА I

1. Посвящение за Савромата I КБН 45

Два фр. профилированного карниза выс. 0,5 м, общей шир. ок. 2 м, толщ. 0,15 м. Найдены у подошвы Митридата. Текст и пер. КБН:

[Βασι]λεῖ βασιλέων Τιβερίω[ι] 'Ιουλίω[ι] Σαυρομάτη βα[σιλέω]ς Ρησκοῦπόριδος υἱῶ[ι]
[κα] τὸν ἐν αὐτῶι πίνα[κα] τεκ[μήριον] τῆς ἐναρέ[του (?) αὐτοῦ εὐφυχίας ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλομάτων]

[Τιβ]έριος 'Ιούλιος Θαυμ[αστὸς ὁ] περὶ αὐτὴν γα[ζοφύλαξ] ἀνέθηκεν ἐν τῶ ... ἔτει ?]

«Царю царей Тиберию Юлию Савромату, сыну царя Рескупорида (?) ... (какое-то сооружение) и находящуюся в нем картину в свидетельство его доблестной отваги на собственные средства Тиберий Юлий Фавмаст, хранитель дворцовой казны..., посвятил ... в ... году (?)» Комментаторы КБН справедливо отметили, что в стк. 1 должно стоять «название того сооружения, внутри которого помещалась картина». Можно добавить, что название это было мужского или среднего рода, судя по соответствующему ему местоимению αὐτῶι стк. 2 (это снимает название женского рода — пинакотека, данное зданию И. Р. Пичикияном [1976, с. 93]). В. В. Латышев (IOSPE IV, 202) читал в конце стк. 1 βα[σιλέω]ς -- υἱῶ --]; конечно, буквы ΒΑ у правого скола можно понимать в качестве указания на происхождение упоминаемого Савромата от царя имярек, но скорее оно относится к названию сооружения, которое, как сказано, должно находиться в стк. 1. Подходящие слова — βα[λανεῖον] «баня», βα[σίλειον] или βα[σίλικόν] sc. ταμείον] «царская сокровищница, казнохранилище». Они вполне соответствуют архитектурному облику сооружения, от которого сохранился эпистиль высотой 0,48 м с надписью (см. фото: IOSPE IV, 202). Исполненная буквами высотой 4–5 см, эта надпись не могла размещаться на высоте более 3–4 м, так как ее нельзя было бы прочесть. Указанные параметры в соотношении с пропорциями античных сооружений (высота антаблемента, колонны и ее пьедестала соотносятся как 3/12 : 12/12 : 4/12 [Михаловский, с. 10]) предполагают, что при высоте антаблемента в 48 см (модуль 16 см) здание было высотой 3 м. В действительности высота антаблемента была несколько большей: архитрав на сохранившемся фрагменте, судя по фото, имеет высоту 28–30 см. Поскольку это эпистиль коринфского ордера, архитрав должен составлять 1,5 модуля [Ib., с. 28], что дает при вы-

соте архитрава в 28–30 см модуль в 19–20 см. При таких модулях высота здания составляет 3,6 или 3,8 м — это предельная высота размещения надписи с буквами в 4–5 см высоты (Пичикян [1976, с. 93] предполагал, что сохранившийся архитрав с фризом завершался карнизом с сухариками).

Если это здание коринфского ордера было царской сокровищницей, оно могло быть украшено картиной, прославлявшей Савромата (ср. *Paus.* VI, 19, 1–15; X, 11, 1–5 *etc.* : в сокровищницах Олимпии и Дельф хранятся многочисленные произведения искусства), однако более подходящим для этого местом представляются бани, в которых, как известно, в императорское время были предназначавшиеся для отдыха помещения и портики, украшенные архитектурным декором, статуями и живописью [Сергеенко, с. 244 *с.*]. Бани могли посвящаться монарху; к примеру, в Ольвии выстроенная местными магистратами баня посвящена «отеческим богам и за вечное правление» Септимия Севера и Каракаллы (IOSPE I² 174). В соответствии с лексикой ольвийской надписи (τὸ βαλανεῖον ἐποίησεν — [καὶ καθ]έρωσεν «баню выстроил и посвятил») в исследуемой надписи можно читать βα[σίλειον] в стк. 1 и γὰρ ζοφύλαξ καθιέρωσεν ?] в стк. 3.

Согласно стк. 2, упомянутая «картина служила свидетельством» τῆς ἐναρέ[-]. В. В. Латышев предположительно читал тут прилагательное: τῆς ἐναρέ[του?]. Кроме этого в КБН принято сделанное И. И. Толстым добавление [αὐτοῦ εὐψυχίας ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλομάτων]. Хотя оно ничем не аргументировано, смысл его — прославление мужества Савромата — представляется уловленным правильно. Что касается лексики, в которую облечена эта мысль, то она может быть и иной. Например, имея в виду воинственность Савромата I, можно читать здесь [ὡς τε]κμήριον τῆς ἐν Ἄρε[ως αἰχμαῖς ἀρετῆς ?] «как свидетельство его доблести в делах Аресовых», ср. к τῆς ΕΝΑΡΕ данной надписи [τοῦ Ἄρεως надписи Савромата II (КБН 63), также Ἄρεος... αἰχμήν *Eurip.* *Neocl.* 275/6. Слово αἰχμή в связи с царем фигурирует в горгишской надписи КБН 1204, которая, видимо, представляет собой почетный декрет в честь боспорского царя второй пол. II в. н. э. (см. с. 621). В лакуне середины стк. 2 для связи πίνακ[α] и [τε]κμήριον необходим союз ὡς, на что указывает также дополнение 6 букв в аналогичной по размерам лакуне середины стк. 1. Сказанное позволяет предложить следующее чтение надписи (с показом букв по автописи):

[βασιλεῖ βασιλέων Τιβερίω Ἰουλίῳ Σαυρομάτῃ βαλανεῖον (vel βα[σίλειον) τοῦτο] [κα] τὸν ἐν αὐτῷ πίνακ[α ὡς τε]κμήριον τῆς ἐν Ἄρε[ως αἰχμαῖς ἀρετῆς αὐτοῦ ?] [Τιβέριος Ἰούλιος Θαυμαστός ὁ] περὶ αὐτὴν γὰρ ζοφύλαξ καθιέρωσεν ἐν τῷ ..υ' ἔτει]

«Царю царей Тиберию Юлию Савромату сию баню (вариант: эту царскую сокровищницу) и находящуюся в ней картину как свидетельство его доблести в делах Аресовых, Тиберий Юлий Таумаст, попечитель дворцовой сокровищницы, посвятил в году четверста--».

В надписи несомненно подразумевается Савромат I, ибо он единственный из соименных боспорских правителей обладал титулом «царь царей»

(КБН 1048). Это позволяет дополнить в конце надписи дату с указанием сотен по босп. эре: .. υ' ἔτει «в году четверста--», так как Савромат правил в 93–123 гг. н. э. = ςτ'–ιυ' босп. эры, причем титул «царь царей» он приобрел отнюдь не в первое же десятилетие своего правления (из полутора десятков упоминающих его титулатуру надписей лишь две показывают этот титул). Эта надпись и аналогичные ей по конструкции КБН 39, 1240 и др. зачислялись в разряд почетных, хотя на наш взгляд, конструкция с *dat.* [βασιλεῖ κτλ. указывает на посвятительный характер этих памятников римского времени, когда правители Боспора обожествлялись при жизни, поэтому, подобно теонимам, имена их ставились в дат. падеже. В этих надписях речь идет о сооружении постройки, поэтому в них присутствуют также формульные элементы строительных надписей, в частности, точная датировка по босп. эре, не свойственная почетным надписям. Принятое в КБН дополнение стк. 2 [-- ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλομάτων] — также элемент строительных надписей, но факультативный (к примеру, его нет в КБН 61, 64, 65, 897, 970 и др.). Надпись КБН 39 на архитраве какого-то здания, посвященного Аспургу, содержит в конце, перед датировкой, глагол καθιέρωσεν, что удостоверяет его присутствие также в исследуемом посвящении Савромату и на том же месте (поскольку надпись посвятительная, возможно дополнение и ἀνέθηκε). Как сказано, наиболее вероятно сооружение бань или царского казнохранилища; поскольку строителем-посвятителем выступает попечитель дворцовой царской казны, вариант с дополнением в стк. 1 слова βα[σίλειον] или βα[σιλικόν] *sc.* ταμείον] «царская сокровищница, казнохранилище» весьма соблазнителен.

2. Трофей пантикапейцев в честь Савромата I (?) КБН 829

Фр. мрам. плиты с 3 строками надписи (рис. 29). Текст КБН (А. И. Болтунова), без комм. : [τὸν υ]αὸν βασιλ-- | --υς καὶ τροπο-- | --παυ. На наш взгляд, это чтение не вполне точно. Слово [υ]αὸν не может быть, поскольку первая

Рис. 29. Трофей пантикапейцев в честь Савромата I (?) КБН 829 (фото А. И. Болтуновой)

буква строки — М (она и показана в маюскулах Латышева: IOSPE IV, 411). В стк. 2 нет тропа — на камне присутствуют только буквы ТРОП. Зато в стк. 3, где Латышев показал обрывки букв, Болтунова точно передала буквы ταν (хорошо видны их верхние половинки). В стк. 1 после показанного Болтуновой βασιλ на нижней линейке есть остатки еще двух букв — полностью сохранившаяся нижняя горизонталь Ε и еще одна горизонталь, тоже целиком сохранившаяся, но в два раза короче предыдущей. Эта короткая горизонталь может принадлежать только *omega*, и в результате мы получаем твердое чтение — βασιλ[έως]. Второе ключевое слово для понимания надписи — троп стк. 2, которое может быть прочтено только как τρόπ[αιον] «трофей». Если речь идет о трофее царя, то вполне естественно чтение в стк. 1-2 [τὸν βω]μόν βασιλ[έως] — καὶ τρόπ[αιον] «алтарь царя... и трофей». Это редкий тип надписей, известный в Греции, но в Сев. Причерноморье не представленный.¹ В случае, если надпись или литературный текст сообщает о постановке алтаря и трофея царя, то должен быть назван постановщик, даны мотивировка и глагол (множество цитат [Gansiniec, 1955; Janssen, 1957]). К примеру, полководец Митридата Диофант, победив скифов, поставил трофей царя (IOSPE I² 352. 9: βασιλέα Μιθραδάταν Εὐπάτορα τρόπαιον ἀναστᾶσαι). Кто поставил исследуемую надпись о трофее, показывает стк. 3, буквы ταν которой вряд ли стоит понимать как-либо иначе, нежели Παν[τικαπαεῖς]. Поскольку трофеи ставились за победу, указывалась мотивировка — τῆς νίκης, (ἀπὸ τῶν πολεμίων *etc.*), наиболее употребительный глагол ἰσθάναι ([Michel, 1281b]: στήσε τροπαῖα), также ἰδρῦσθαι, τίθεναι [Janssen, S. 10 f.]. Эти же глаголы употребляются при постановке алтаря, к примеру: ἰδρῦσασθαι βωμόν βασιλέως Λυσιάχου (Syll.³ 372). Последний пример напоминает, что при постановке алтаря и (или) трофея в честь царя за титулом βασιλεύς следует его имя (также [Janssen, S. 125]), а Μιθραδάτας Εὐπάτωρ в цитате из Диофантова декрета показывает, что вслед за именем может следовать краткий элемент титула. В исследуемой надписи имя царя, стоящее, как показывает титул βασιλ[έως], в род. падеже, приходится на лакуну конца стк. 1, а сохранившиеся после лакуны начала стк. 2 буквы υς не соответствуют окончанию *gen.* имен боспорских царей римского времени, но вполне укладываются в *gen.* титула [εὐσεβο]ῦς при βασιλ[έως]. Дата надписи («вторая пол. I — начало II в. н. э.», КБН) указывает, что речь идет о Котисе I, Рескупориде II или Савромате I. Кто из них герой нашей надписи, показывает расчет длины строк. Количество утраченных в лакунах справа букв показывает стк. 3, в которой начальное Παν этника Παν[τικαπαεῖς] находится под буквами λ[εω] стк. 1 и опа стк. 2; дополняемое [τικαπαεῖς] дает 10 букв в лакунах стк. 1-2 справа. Таким образом, искомое имя царя в лакуне стк. 1 насчитывало ок. 9 букв (с вычетом из 10 конечной *sigmy* слова βασιλ[έως]). Из трех имен — [Κότυος]

¹ Попытка Ю. Г. Виноградова усмотреть трофей в обломке неряшливой надписи из Кара-тобе в Зап. Крыму [Vinogradov, 1998, S. 498 = SEG 47, 1997, 1177] безосновательна — это тривиальное надгробие [Яйленко, 1999, с. 124].

(6 букв), [Σαυρομάτου] (10 букв) и [Ρησκούπόριδος] (13) цифре 10 в точности отвечает имя Σαυρομάτης. Из возможных дополнений в лакуне стк. 2 справа мотивировки — τῶν πολεμίων и τῆς νίκης — предпочтительна последняя как дающая с 4 утраченными буквами слова τρόπ[αιον] 12 букв, что ближе к 10 буквам лакуны стк. 3. Длину лакуны слева дает уверенное восстановление в начале стк. 1 [τὸν βω]μόν (на геммах, монетах при трофее нередко изображен алтарь [Janssen, S. 128, 135/6, 152, 155 *etc.*]), т. е. тут утрачено ок. 5 букв, и в целом слева от букв λ[εω] стк. 1 насчитывается 13 букв. В стк. 2 слева от букв опа должно быть примерно столько же; к 5 буквам καὶ τρ, таким образом, полностью дополняется титул [εὐσεβο]ῦς (в целом тоже 13). В стк. 3 слева от Παν лакуну на 13 букв заполняем глаголом ἔστησαν и поясняющим αὐτοῦ κ τῆς νίκης. В результате читаем надпись так:

[τὸν βω]μόν βασιλ[έως] Σαυρομάτου ?	«этот алтарь царя Савромата (?)
εὐσεβο]ῦς καὶ τρόπ[αιον τῆς νίκης	и трофей за его победу
αὐτοῦ ἔστησαν] Παν[τικαπαεῖς]	поставили пантикапейцы».

Из упомянутых царей Савромат I, несомненно, самый воинственный (с. 322), так что свидетельство данной надписи о победном трофее органично сочетается с его именем.

3. Почетная надпись в честь Савромата I КБН Addenda 1

Левая часть мрам. постамента, справа обломана и служила порогом / жертвенником (сверху имеется покатая выемка), снизу и сверху над надписью филенки (рис. 30). Камень обработан со всех сторон, в том числе подтесан облом при вторичном использовании. От левой грани текст начинается во всех строках с отступом на 2 буквы. Текст и пер. КБН: τὸν ἐκ

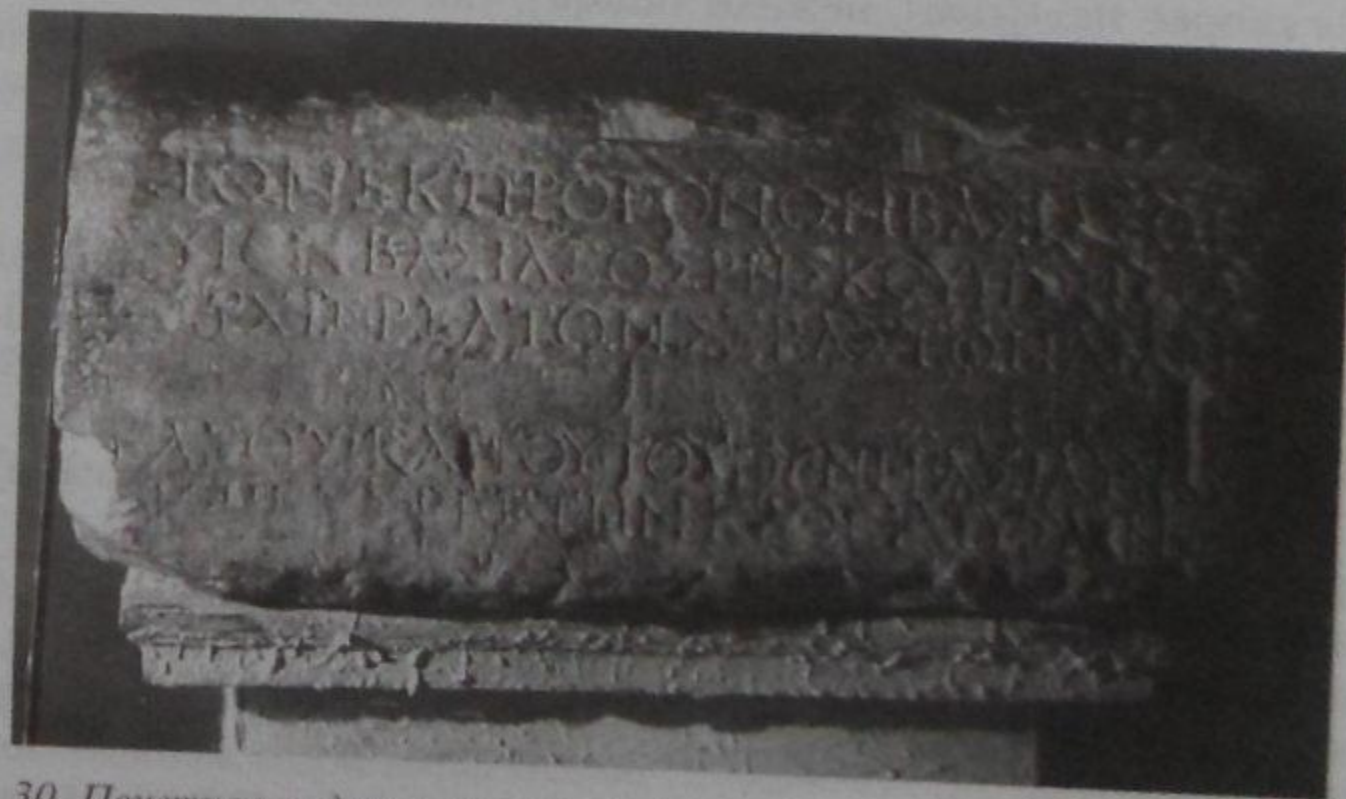

Рис. 30. Почетная надпись в честь Савромата I КБН Addenda 1 (фото автора)

προγόνων βασιλέων [βασιλέα μέγαν Τιβέριον Ἰούλιον Σαυρομάτην] | υἱὸν βασιλέως
 Ρησκοπούριδος [φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρώμαιον, εὐσεβῆ,] | ἀρχιερέα τῶν Σεβαστῶν
 διὰ βίον καὶ εὐεργέτην τῆς πατρίδος -- | --ν-σπαντων-- | λέως καὶ τούτου γυνῆ
 Ἄξια Παυλ[εῖνα] | καὶ εὐεργέτην καθεῖ[δρ]υσαν -- «происходящего от предков ца-
 рей царя великого Тиберия Юлия Савромата, сына царя Рескупорида, дру-
 га цезаря и друга римлян, благочестивого, пожизненного первосвященника
 августов и благодетеля отечества (его изображение) поставили... сын... лея и
 его жена Аксия, дочь Павл...» Надпись построена по обычной формулярной
 схеме почетных надписей и хорошо прочтена В. Ф. Гайдукевичем. По осмо-
 тре камня полагаем излишним сделать некоторые уточнения. Точно восста-
 новленные издателем стк. 1-2 показывают длину строки в 54-55 букв, в стк.
 3 им показаны 49 букв. В соответствии с формулярной последовательностью
 почетных надписей в честь боспорских владык вслед за титулом царя сле-
 дуют имя, отчество и должность поставившего монумент официала (КБН
 40 сл.), причем элемент εὐεργέτης τῆς πατρίδος завершает титулатуру — 33,
 1047, 1118, в том числе Савромата I — 1122 (дополнительное καὶ κτίστην
 в надписи никейцев 44 обусловлено конкретным обстоятельством — царь
 основал эту крепость, см. с. 330). Поэтому остающееся в конце стк. 3 место
 для 5-6 букв следует заполнить именем постановщика надписи, в начале стк.
 4 стоит его патронимик, а сохранившийся текст --ς πάντων-- (под словом
 Σεβαστῶν стк. 2) представляет собой начальную часть его должности: [ε. г.
 ὁ ἐπὶ τῆς πάντων [--τοῦ βασι]λέως «управляющий gen. fem. всех -- царя» (?)
 Бюрократический аппарат Боспорского царства I-III вв. н. э. насчитывал
 много должностей (КБН, с. 843 сл.), ряд их засвидетельствован лишь по
 разу (аристопилит, главный секретарь, главный переводчик алан, главный
 постельничий и др.), потому не удивительно, что должность постановщи-
 ка рассматриваемой надписи доныне не встречалась в документах. Женское
 имя Ἄξια есть и чтение его издателем вполне вероятно; имя жены нашего
 официала скорее Παυλ[εῖνα], нежели Παῦλ[α], так как мужское имя Павлин
 известно на Боспоре (КБН 99). Выражение καὶ εὐεργέτην в последней строке
 представляет собой часть титула τὸν ἴδιον (ἑαυτοῦ) σωτήρα καὶ εὐεργέτην, ко-
 торым официалы обозначают царя относительно себя — «своего спасителя и
 благодетеля» (КБН 38-41, 982, 1046). В целом читаем надпись так:
 τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων [βασιλέα μέγαν Τιβέριον Ἰούλιον Σαυρομάτην],
 υἱὸν βασιλέως Ρησκοπούριδος, [φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρώμαιον, εὐσεβῆ],
 ἀρχιερέα τῶν Σεβαστῶν διὰ βίον καὶ εὐεργέτην τῆς πατρίδος ὁ δεῖνα
 τοῦ δεῖνος ε. г. ὁ ἐπὶ τῆς πάντων [--τοῦ βασι]-
 λέως καὶ τούτου γυνῆ Ἄξια Παυλ[εῖνα τοῦ δεῖνος τὸν ἴδιον σωτήρα]
 καὶ εὐεργέτην καθεῖδρυσαν
 «происходящего от предков царей великого царя Тиберия Юлия Савромата,
 сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, пожиз-
 ненного первосвященника августов и благодетеля отечества (его изображение)
 имрек, сын такого-то, управляющий... всех... царя, и его жена Аксия Павли-
 на, дочь такого-то, своего спасителя и благодетеля поставили». Часть почет-

ных надписей завершается точной датировкой по босп. эре (КБН 39, 42, 44
 и др.), но это факультативный элемент.¹ В нашей надписи после конечного
 ню глагола καθεῖδρυσαν следует до правого облома камня *vacat* на 2 буквы, так
 что даты, видимо, не было.

¹ Обратим внимание коллег, пользующихся датировками КБН, на важное заме-
 чание польских рецензентов: издатели КБН не учитывали, что начало вифинской
 эры приходится на 15 окт. юлианского календаря или 28 окт. грегорианского, так
 что, к примеру, почетная надпись в честь Савромата I, датированная 27 днем ме-
 сяца Деция 420 г. б. э., соответствует не 123 г., как указано в КБН 33, а 124 [Nadel,
 Oświęcimski, s. 244]. Рецензенты дали полный список уточненных дат КБН.

4675

Валерий Петрович Яйленко

**ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ
БОСПОРСКИЙ РЕЙХ**
ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА БОСПОРА
VI в. до н. э. — V в. н. э.

Подписано в печать 08.12.2010 г.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,25. Заказ № 355. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>